АРХИВ ТРОЦКОГО

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР

1923-1927

ТОМ 4

«ТЕРРА» - «TERRA»
1990

АРХИВ ТРОЦКОГО

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СССР

1923-1927

ТОМ 4

Редактор-составитель
Ю. Фельштинский

«ТЕРРА» - «TERRA»
1990

ББК 66. 61(2)27
К 63

АРХИВ ТРОЦКОГО

ТОМ 4

Ответственный за выпуск *С. А. Кондратов*
Редактор *В.Н. Пекшев*
Художник *И. Е. Сайко*

Репринтное воспроизведение

Подписано в печать 16.04.90. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,5. Усл. кр.-отт. 17,75. Уч. изд. л. 20,93.
Заказ 988. Тираж 100 000 экз. Цена 6 руб. 90 коп.

Ассоциация совместных предприятий международных объединений и организаций.
Издательский центр «ТЕРРА». Москва, 2-ой Новоподмосковный переулок, 4.
Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате.

Ассоциация совместных предприятий международных объединений и организаций.
Издательский центр «ТЕРРА».
Copyright 1988 by Chalidze Publications

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ОТНЕСЕННЫХ К ТЕМЕ "КОМИНТЕРН" И НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

1926 год

Г. Зиновьев, Л. Троцкий, Л. Каменев, Ю. Пятаков, Н. Крупская. Резолюция, предложенная июльскому пленуму оппозицией о генеральной стачке в Англии. Июль. [881, 3 л.].

Заявление к стенограмме Объединенного пленума ЦК и ЦКК. 19 июля. [886, 3 л.].

Л. Троцкий. Схема будущей схемы. 26 января. [3023, 3 л.].

1927 год

Л. Троцкий. Вопросы Коминтерна. Что дальше? Январь. [3021, 13 л.].

Л. Троцкий. Классовое отношение к китайской революции. 3 апреля. [3038, 15 л.].

Л. Троцкий. [Проблемы китайской революции.] 12–15 апреля. [3039–3041, 14л.].

Л. Троцкий. О лозунге Советов в Китае. 16 апреля. [3047, 8 л.].

Л. Троцкий. Положение в Китае после переворота Чан Кайши и перспективы. 19–20 апреля. [3049–3050, 12 л.].

Л. Троцкий. Китайская революция и тезисы тов. Сталина. 7 мая. [3053. 18 л.].

Л. Троцкий. Речь тов. Чен Дусю о задачах китайской компартии. (Послесловие к статье "Китайская революция и тезисы тов. Сталина".) Май. [3053, 6 л.].

Л. Троцкий. Верный путь. Ненаписанная статья для "Правды". 11 мая. [3056, 7 л.].

Л. Троцкий. Необходимый заключительный аккорд. 17 мая. [3053, 2 л.].

Л. Троцкий. Речь о китайской революции на исполкоме Коминтерна. Вечернее заседание. 24 мая. [3061, 10 л.].

Л. Троцкий. Вторая речь по китайскому вопросу. 24 мая. [3061, 4 л.].

Л. Троцкий. Неужели же не пора понять? 26 мая. [3062, 3 л.].

Л. Троцкий. Ханькоу и Москва. 28 мая. [3066, 1 л.].

Л. Троцкий. Компартия и Гоминдан. 9 июня. [3055, 4 л.].

В ЦКК ВКП (б). В Политбюро ЦК ВКП (б). 4 июля. [972, 3 л.].

В Политбюро ЦК. В президиум ЦКК. 7 июля. [973, 3 л.].

В президиум ИККИ. Июль. [969, 1 л.].

Перечень важнейших событий в Китае и их отражение в нашей прессе, докладах и пр. Конец июля. [990, 7 л.].

Г. Зиновьев. К резолюции о международном положении. Август. [988, 9 л.].

Выписки из книги "Партия и оппозиция по документам". Август. [1004, 1 л.].

Г. Зиновьев, Л. Троцкий. В Политбюро ЦК ВКП (б). 30 августа. [1000, 10 л.].

Черновой набросок тезисов по китайскому вопросу. Лето. [1002, 7 л.].

Лифшиц. Письмо Троцкому. 9 сентября. [1011, 4 л.].

Л. Троцкий. Письмо Лифшиц. 13 сентября. [1014, 1 л.].

Гринберг. В секретариат ЦК ВКП (б). 14 сентября. [1015, 1 л.].

Г. Зиновьев, Л. Троцкий. В Политбюро ЦК. В президиум ЦКК. В ИККИ. 12 сентября. [1015, 16 л.].

Л. Троцкий. Старые ошибки на новом этапе. 20 сентября. [3091, 10 л.].

Л. Троцкий. Новые возможности китайской революции, новые задачи и новые ошибки. Сентябрь. [3089, 13 л.].

Л. Троцкий. Чего ждали и что получили? (Баланс Англо-Русского комитета.) 26 сентября. [3093, 20 л.].

Л. Троцкий. Речь на президиуме ИККИ. 27–28 сентября. [3094, 3095, 17 л.].

Г. Зиновьев. К вопросу о нынешнем положении в Китае. 6 окт. [1024, 8 л.].

Переговоры с Францией и вопрос о признании долгов. 12 окт. [1028, 6 л.].

Л. Троцкий. Заметки. 18 ноября. [3107].

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Заключительный том четырехтомного издания "Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927" охватывает документы июля–декабря 1927 года. Принципы публикации, изложенные в предисловии к первому тому, сохранены и для этой книги. Как и в предыдущих томах, документы расположены в хронологическом порядке и печатаются по копиям, хранящимся в Архиве Троцкого в фонде bMs Russ. 13 T. Значительная часть материалов публикуется впервые и почти все – впервые на русском языке. В оглавлении в квадратных скобках указаны архивные номера документов. Определенные составителем даты и авторы документов также даны в квадратных скобках. Примечания, сделанные составителем, обозначены как "Прим. сост.".

Документы публикуются с любезного разрешения администрации Хогтонской библиотеки Гарвардского университета (Бостон), где хранится архив Троцкого.

Ю. Фельштинский

1927 год

ПИСЬМО ГОЛЬМАНУ

Уважаемый товарищ,

С интересом прочитал Ваше письмо. Вы называете себя буфером. Так оно, по-видимому, и есть, судя по Вашему письму. Вы ставите ряд вопросов, на которые вкратце попытаюсь ответить.

1. Вы предлагаете теоретически поспорить по поводу возможности построения социализма в одной стране. Но тут же выражаете авансом сожаление по поводу того, что статьи наши наверное не будут напечатаны, и прибавляете: "Нетерпимость к добросовестной самокритике... успела приобрести прочность закоренелого предрассудка почти у всех партийных редакций наших журналов". Разве наши редакции сами делают политику? Дело глубже. "Нетерпимость" берется Вами как будто немножко в психологическом, а не в политическом разрезе. Когда линия неправильна, когда ход событий, развитие классовых отношений ведут глубокую "полемику" против неправильной линии, тогда формой самообороны является "нетерпимость" в смысле механической ликвидации какого бы то ни было обмена мнений по основным вопросам революции. Дело стало быть не в редакциях, и не в нетерпимости, а в основной политической линии.

2. Вы высказываетесь против расщепленного руководства (Сталин, Бухарин, Рыков или же Зиновьев, Троцкий, Каменев, – как Вы пишете). Вы полагаете, что объединенное руководство давало бы больше гарантий против ошибок. Я меньше всего склонен возражать против этой мысли, которая, насколько могу судить, вполне совпадает с ленинской оценкой будущих судеб нашего партийного руководства. Несмотря на всю глубину и остроту разногласий, я полностью и целиком готов поддержать всякий шаг, который мог бы содействовать восстановлению основной группы ленинского руководящего центра. Но вопрос этим не исчерпывается. Вопрос о личном составе в революционной партии решается вопросом о линии руководства. У нас сейчас развиваются оголтелые настроения, для которых критика ЦК примерно то же, что

для монархиста оскорбление величества. Такие настроения не имеют ничего общего с большевизмом. ЦК не есть ни наследственное, ни даже партийное пожизненное учреждение. ЦК есть властный орган, но орган партии. Партия может сменить ЦК. А для этого партия должна иметь возможность судить ЦК. Критика ЦК, особенно принципиальных вопросов, особенно в предсъездовский период есть законнейшее право каждого партийца. Покушаться на это право значит превращать партию в бессильный и в безвольный хор при аппарате. Какие это открывает перспективы, понятно каждому, кому хоть сколько-нибудь знакома механика классовых отношений.

3. Вы признаете, что "линия ЦК в китайском вопросе, начиная с марта, грубо ошибочна и привела к поражению китайской революции". Здесь-то, мне кажется, и надо искать ключ к слабым пунктам Вашей буферной позиции. Революция есть концентрированная политика и концентрированная история. Революционная проверка есть концентрированная проверка. Вот почему нельзя рассматривать линию в "китайском вопросе", как пустой эпизод, хотя бы и крупный. В Китае, именно благодаря тому, что там революция, и все отношения сразу принимают уплотненный массовидный характер, легче всего было не ошибиться при сколько-нибудь правильной, исходной, принципиальной позиции. Если не существует социализма для одной страны, то не существует и революционной пролетарской политики для одной страны. Политика в Китае есть продолжение политики внутри СССР. Только продолжение получилось более яркое, ввиду бурного развития событий.

4. Вы говорите – по отношению к прошлому – о необходимости "открытой критики соглашательской политики Гоминдана". Эта формулировка недостаточна. Дело идет о революционной борьбе с правительством Гоминдана, которое есть правительство буржуазии: открыто капиталистическое (Нанкин) или подмазанное соглашательством (Ханькоу).

5. Признаем ли мы наличие феодальных отношений в китайской экономике? Феодализм есть общественно-государственная система, опирающаяся на крепостнические отношения в сельском хозяйстве. В этом смысле нельзя говорить о китайском феодализме. Крепостнические отношения и полукрепостнические в хозяйстве и общественной жизни очень сильны. Отчасти они ведут свое происхождение еще со времен феодализма. Отчасти – это новообразование, т. е. возрождение старого на почве задержки развития производительных сил, избыточного аграрного населения, действия торгово-ростовщического капитала и пр. Но решается вопрос о том, какие отношения в Китае являются господствующими: "феодальные" (вернее, крепостнические и вообще докапиталистические) или капиталистические? Безусловно, эти последние. Только благодаря безусловно господствующей роли капиталистических отношений во всей экономике Китая и можно говорить о перспективе пролетарской гегемонии в национальной революции.

В "Большевике" была хорошая статья тов. Рубинштейна об эконо-

мике Китая. Попытка (редакции?) выделить на передний план пережитки крепостничества отнюдь не меняет основной мысли статьи: капитализм господствует в Китае, промышленность господствует над сельским хозяйством, город над деревней. Производственная роль китайского пролетариата уже сейчас очень велика. В ближайшие годы она будет только возрастать. Его политическая роль, как показали события, могла бы быть грандиозной. Линия руководства была целиком направлена против фактического завоевания пролетариатом роли руководителя.

6. Вы спрашиваете, допустимы ли такие выражения, как "предательская политика ЦК", "измена" и др.? Вы ссылаетесь при этом на то, что я будто бы допускал такого рода оценку. Какие у Вас для этого основания?

7. Вы выражаете опасения насчет возможности того, что обострение разногласий приведет к расколу. Совершенно согласен с Вами, что раскол был бы величайшим несчастьем. Обострение разногласий выросли не из злой воли оппозиции, а из размаха событий. Партийный режим не дает возможности разрешать разногласия нормальными партийными путями. В свою очередь, ненормальный характер партийного режима есть неизбежный продукт неправильной политической линии. Здесь основной очаг опасности. Только открытая и смелая постановка всех вопросов может побудить партию подойти к ним не по казенным шпаргалкам, а по существу. Это есть единственный путь борьбы за единство на революционной основе большевизма. Ни жалобными буферными причитаниями, ни аппаратным застращиванием единство сохранить нельзя.

8. "В чем целесообразность идейно организационного блока с Рут Фишер и Масловым?" – спрашиваете Вы. Об организационном блоке говорить совершенно неправильно. Всякие на этот счет утверждения являются измышлением. Но идейно-политическая близость несомненно существует, насколько я могу судить по ряду изданий названной группы. Я думаю, что эта группа от многого отказалась и многому научилась. Обвинение ее в контрреволюционности, ренегатстве и пр. совершенно неправильно и ничем не отличается от обвинений оппозиции в "поддержке" Чемберлена.

В заключение позвольте поблагодарить Вас за присланную Вами книгу Вашу. До Пленума мне, во всяком случае, не удастся ознакомиться с ней. Надеюсь, что удастся почитать после Пленума, по крайней мере, указанную Вами главу.

13 июля 1927 г. *Л. Троцкий*

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б)

Копия: в редакцию "Правды"

Уважаемые товарищи,

9 и 12 июля в "Правде" появилась статья Слепкова, направленная против документа 15-ти и обвиняющая подписавших его товарищей в ревизионизме, ликвидаторстве, меньшевизме и чуть ли не в контррево-

люции. Все эти обвинения обосновываются по преимуществу жульническим выдергиванием отдельных фраз из нашего документа, обрываемых часто чуть ли не на полуслове, и явно фальсифицированным их толкованием.

Вот примеры: приводя из документа 15-ти слова о том, что "переход к действительно социалистической организации производства без помощи передовых стран, без мировой социалистической революции для нас невозможен", Слепков толкует их в том смысле, что авторы документа будто бы считают для нас "социалистическое развитие невозможным". На этом строятся дальнейшие обвинения — в том, что мы, по мнению Слепкова, считаем Октябрьскую революцию буржуазной революцией и признаем невозможным блок с крестьянством.

Вздорность и явная недобросовестность такого толкования очевидна для всякого читавшего документ, ибо в нем несколькими строками ниже совершенно ясно сказано, что "и при нашей технической отсталости и в рамках нэпа мы можем, опираясь на национальную промышленность, развивать свое хозяйство **в направлении к социализму**". Более того, наша критика политики ЦК сводится к тому, что ЦК не использует всех возможностей социалистического строительства. Цитированное Слепковым положение означает только **то**, что **перейти** к социалистической организации производства, **установить** социалистические отношения между людьми без мировой социалистической революции мы не можем. Обвинение же нас в том, что мы считаем невозможным строительство социализма нельзя назвать иначе, как мошенничеством.

Слепков лжет далее без всякого стеснения, будто бы "авторы документа считают нужным исключить из своего плана строительства социализма в деревне" кооперацию, хотя в нашем документе немало места посвящено вопросу о том, как сделать кооперацию формой социалистического строительства в деревне, и какие изменения в нашей политике для этого нужно произвести.

Приведя слова документа о том, что "должен быть выдвинут лозунг восстановления Советов", Слепков не считает нужным продолжить цитату, хотя бы до точки, и пропускает фразу, которая определяет содержание этого лозунга ("восстановлением Советов, как подлинных органов пролетарской диктатуры, где рабочим и деревенской бедноте должно быть обеспечено безусловное преобладание"). На подобной лжи и фальсификации построена вся статья.

Дело, конечно, не в Слепкове. Недобросовестность полемических приемов его и его соратников достаточна известна, и его мелкие жульничества показывают только жалкое бессилие его критики. На них можно было бы не обращать никакого внимания, если бы читатели "Правды" имели возможность проверить по подлиннику "добросовестность" его полемики. Но в том то и дело, что они этой возможности лишены и могут судить о нашем документе только по приводимым Слепковым цитатам.

Мы не можем не выразить своего удивления по поводу того, что ЦО партии помещает критику неопубликованного партийного документа

и тем фактически помогает Слепкову обманывать партию. Мы думаем, вместе с тем, что ЦК и Политбюро не могут взять на себя роли укрывателя литературных мошенников.

Для этого есть только один способ. В своем заявлении мы требовали отпечатания нашего документа и рассылки его партийным организациям. Теперь, когда отдельные кусочки этого документа появились в печати, мы имеем неотъемлемое право требовать опубликования в печати же (в "Большевике" или в особом издании) всего нашего документа: если перед лицом партии и рабочих нам брошено обвинение в меньшевизме и ликвидаторстве, то партия и рабочий класс имеют право проверить эти обвинения не по тем цитатам, которые Слепкову благоугодно было довести до их сведения, а по подлинному документу. Мы не мыслим себе, чтобы ЦК не выполнил этого нашего требования.

С товарищеским приветом

Емельянов (Калин) В.
Миньков М.
Смирнов В.
Хоречко Т.

Судя по приводимым в статье Слепкова цитатам, в наш документ при его размножении, по-видимому, вкрались некоторые опечатки: так, например, в одном месте, вместо слова "пролог", стоит "предлог", в другом, вместо "линии на мелкого производителя", сказано "линия на нашего производителя". Мы очень просили бы прислать нам несколько экземпляров перепечатанного документа для исправления этих опечаток.

[13 июля] 1927 г.

ПИСЬМО КАНЕВСКОМУ

Уважаемый товарищ,

Вы пишете, что в организации города Лубны мою "речь" на Ярославском вокзале изображали так: "У нас не диктатура пролетариата, а диктатура узурпаторов"... и т. д. Вы выражаете сомнение, правда ли это? Я со своей стороны должен высказать ту мысль, что авторы такого рода сплетен слишком сильно рассчитывают на человеческую глупость. На самом деле никакой "речи" на Ярославском вокзале я не произносил, а на требование собравшихся там товарищей сказать несколько слов, я ответил следующей фразой: "Опасности для нашей страны сейчас велики, времена трудные, и каждый из нас должен быть вдвойне верным сыном революционной ленинской партии!" Ничего другого я не сказал. Текст моей "речи" удостоверен свидетельскими показаниями – не оппозиционеров, а противников оппозиции. Эти показания имеются у ЦКК. Тем не менее, не только на собраниях, но и в партийной печати мне приписывается совершенно фантастическая речь на Ярославском вокзале. Все это ложь с начала и до конца.

Почему я счел нужным сказать о том, что каждый из нас должен быть вдвойне верным сыном ленинской партии? Потому что есть негодяи, которые говорят, что оппозиция в одном фронте с Чемберленом и что неизвестно, как оппозиция будет себя держать в случае войны. Негодяи, которые это говорят, сами этому не верят. Но они рассчитывают на глупость одних и на заинтересованность других. Наши враги могут поверить подлой клевете о том, что Троцкий, Зиновьев и другие не считают будто бы обязанностью каждого революционера защищать советскую республику до последней капли крови. Клевета негодяев ослабляет нас, таким образом, пред лицом внешних и внутренних классовых врагов. Смысл моей фразы на Ярославском вокзале был тот, что у нас, в ВКП, нет и не может быть разногласий насчет защиты пролетарской диктатуры и советского государства.

Вы пишете, что письмо мое Правлению рабочих клуба, было, так сказать, запрещено цензурой. Письмо это Вы и другие товарищи читали. Моя "речь" на Ярославском вокзале была проникнута тем же духом, что и это запрещенное письмо. Считаю, что сокрытие моего письма, как и распространение ложных слухов о моей речи, представляют собою действия глубоко антипартийные, вносящие смуту и деморализацию в ряды членов партии. Нам нужны не слухи, не сплетни, не сокрытие писем, а честное и добросовестное обсуждение спорных вопросов партией, которая одна только и способна охранить свое единство и свою боеспособность на революционных основах ленинизма.

С коммунистическим приветом

Л. Троцкий

16 июля 1927 г.

ТЕРМИДОР

Может ли у нас иметь место Термидор? В "Правде", при помощи цитат, доказывают, что не может. Сталин говорил что-то о невежестве тех, которые вспоминают о Термидоре. Но это все неправильно, бьет мимо цели.

Обвинять оппозицию, как мелкобуржуазный уклон, как отражение растущей мелкобуржуазной стихии и в то же время отрицать самую возможность "термидорианского" возвращения буржуазного режима, — значит не связывать концов с концами, значит делать две ошибки: и в оценке оппозиции, и в оценке опасностей нашего развития.

Перед введением нэпа и в первый период его у многих из нас было немало разговоров с Лениным о Термидоре. Самое слово это было у нас в большом ходу. Никому и в голову не приходило нелепое педантское или шарлатанское рассуждение о "невозможности" Термидора вообще — ввиду социалистического характера революции и пр. и пр.

"Что оно означает? — говорил Ленин про Кронштадтское восстание. Переход политической власти от большевиков к какому-то неопреде-

ленному конгломерату или союзу разношерстных элементов, как будто бы даже немножко только правее большевиков, а, может быть, и левее большевиков".

"Беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы. Это неизбежно политически".

(Ленин, речь на X съезде РКП 8 марта 1921 г., стенограф. отчет, стр. 19).

Дело шло в Кронштадте, как известно, не только о беспартийных: в восстании принимало участие много партийных матросов. Вместе с беспартийными они сдвинули власть с классовой зарубки.

Кронштадтская форма "Термидора" – военное восстание. Но при известных условиях можно более мирно сползти к Термидору. Если кронштадтцы, партийные и беспартийные, под лозунгом Советов и во имя Советов спускались к буржуазному режиму, то можно сползти на термидорианские позиции даже со знаменем коммунизма в руках. В этом и состоит дьявольская хитрость истории.

Что же такое Термидор? Спуск революции на одну ступеньку – сдвижок власти вправо – в результате какого-то надлома или надрыва революции. Наверху, у руля, как будто те же самые люди, те же самые речи и те же самые знамена. На другой день после 9 Термидора, победоносные участники его были глубочайшим образом уверены, что ничего катастрофического не произошло: просто расправились с группой "бывших вождей", ставших смутьянами, дезорганизаторами и "объективно" помощниками Питта, тогдашнего Чемберлена. А внизу произошли глубокие перемещения классовых сил.

Собственнические элементы успели к этому времени оправиться, окрепнуть, набраться духу. Восстановился гражданский порядок. Новые собственники хотели больше всего, чтобы им не мешали наслаждаться собственностью. Они нажимали на государственный аппарат, на клубы якобинцев, из которых многие сами чувствовали себя собственниками, людьми порядка, – и якобинской партии понадобилось перегруппироваться: выдвинуть вперед одни элементы, более способные и склонные плыть по новому течению, присоединить к ним новые элементы, не якобинского происхождения, – и оттеснить назад, отбросить, обессилить и обезглавить те элементы, которые отражали интересы и страсти городских низов, санкюлотов. В свою очередь, эти низы уже не чувствовали прежней уверенности в своих силах – под давлением новых собственников и прикрывавшего их государственного аппарата. Первый сдвиг власти и выразился в передвижке внутри той же правящей партии: одни якобинцы оттеснили других якобинцев. Но это-то и явилось – говоря ленинскими словами – подножкой, ступенькой, мостиком, по которому позже пришла к власти крупная буржуазия, возглавляемая Бонапартом.

Есть ли у нас опасность Термидора? Этот вопрос означает: а) есть ли у нас опасность буржуазной реставрации вообще; б) есть ли основания думать, что эта реставрация совершится не сразу, одним ударом, а

рядом последовательных сдвигов, причем первый сдвиг произойдет сверху, в значительной мере внутри одной и той же партии – от элементов, представлявших подъем революции, к элементам, приспособляющимся к ее спуску.

Отрицать опасность буржуазной реставрации для диктатуры пролетариата в отсталой стране, в капиталистическом окружении – немыслимо. Говорить о **неизбежности** Термидора может только меньшевик или действительный капитулянт, не понимающий ни международных, ни внутренних ресурсов нашей революции. Но отрицать **возможность** Термидора может только чиновник, болтун или хвастун. У нас речь идет, разумеется, только о возможности, только об опасности – в том самом смысле, в каком Ленин говорил: "Аграрной революции не отнимет никакая сила в мире, а социалистическую – враги еще могут отнять".

Но буржуазная реставрация, вообще говоря, мыслима либо в виде решительного и крутого переворота (с интервенцией и без интервенции), либо в виде нескольких последовательных сдвигов. Это Устрялов и называет спуском на тормозах, и при спуске на тормозах, дело вовсе не проходит безболезненно, как показала та же французская революция. 9 Термидора было дополнено 18 Брюмера.

Таким образом, доколе не победила европейская революция, возможности буржуазной реставрации у нас отрицать нельзя. Какой же из двух возможных путей более вероятен в наших условиях: путь крутого контрреволюционного переворота или путь последовательных сдвигов, со встряской на каждом этапе, и с термидорианским сдвигом, как ближайшим этапом? На этот вопрос, думаю, можно дать только archусловный ответ. Поскольку вообще нельзя отрицать возможности буржуазной реставрации, постольку приходится иметь перед глазами оба ее варианта, – и с тормозами и без тормозов – взвешивать их шансы, подмечать элементы их подготовки. В политике, как и в экономике, остается все тот же вопрос: **кто кого?**

На XI съезде Ленин очень ярко нарисовал возможный термидорианский сдвиг власти. Он брал вопрос в разрезе культуры, которая, конечно, теснейшим образом связана и с экономикой и с политикой:

"История знает превращения всяких сортов, полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества – это вещь в политике совсем несерьезная".

"Нас учили: бывает, что один народ завоюет другой народ, и тогда тот народ, который завоевал, бывает завоевателем, а тот, который завоеван, бывает побежденным. Это очень просто и всем понятно. Но что бывает с культурой этих народов? Тут не так просто. Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю".

Считал ли Ленин, что такого рода перерождение управляющих неизбежно? Нет. Считал ли он его **возможным?** Безусловно. Считал ли он его **вероятным?** При известных исторических условиях – да. Означало

ли это пессимизм? Нет, самый вопрос звучит глупостью. (Должен тут же в скобках сказать, что над одним из столпов партии приятель его проделал злую шутку, показав ему, под видом собственной статьи, цитированные мною выдержки из речи Ленина на XI съезде. "Столп" не узнал действительного автора и оценил речь Ленина так: "Старческое брюзжание, пахнет оппозицией".) Таким образом, Ленин считал не исключенным, что экономические и культурные сдвиги в сторону буржуазного перерождения могут в течение долгого периода происходить при сохранении власти большевиков, путем незаметной культурно-политической ассимиляции известного слоя большевистской партии, новой поднимающейся мелкобуржуазной стихией. Этим самым Ленин признавал возможность термидорианского надлома и сдвига власти, хотя это вовсе не значит, что он считал партию термидорианской или попросту ругал нас термидорианцами. Надо же понимать язык марксизма. Происходят ли в стране процессы, которые могут сделать вполне реальной опасность Термидора – при бюрократически слепой политике с нашей стороны? Происходят. Не буду останавливаться ни на кулаке, частнике, ни на давлении империализма извне. Это общеизвестно. Но вот возьмем такой пример: на таком-то заводе старый кадр революционных рабочих отодвигается в сторону, а то и просто загоняется в оппозицию новыми элементами, иногда даже не проделавшими гражданской войны, причем среди этих новых элементов немало таких, которые до революции были покорные хозяевам, а в первый период революции были враждебны большевизму, и которые теперь, в качестве партийцев, всегда покорных начальству, кроют оппозиционеров теми самыми словами, какими крыли в свое время большевиков. Такие "сдвиги" даже на заводах не составляют редкого исключения. Что они означают? Это не контрреволюция, не переворот, а перегруппировка элементов внутри одного и того же класса, одной и той же партии, – такая перегруппировка, которая поднимает кверху наиболее легко приспособляющиеся элементы и тем самым понижает революционную сопротивляемость класса. Идет ли у нас сейчас перегруппировка элементов по этой линии в более широком масштабе? Я утверждаю, что идет. Бешеная борьба с оппозицией и есть тот метод, который облегчает указанную перегруппировку сил внутри партии – под давлением непролетарских классов. В этом и состоит тот наиболее опасный процесс, который может чрезвычайно облегчить термидорианским элементам в стране удар по партии.

Против указаний на опасность Термидора возражают, что у нас де другое соотношение классов, чем во Франции и пр. и пр. Но и мы догадываемся, что базой большевиков является не предпролетариат XVIII века, а индустриальный рабочий класс XX века. И мы слыхали, что у Французской революции не было выхода наружу, ибо Францию окружали более отсталые феодальные страны. У нашей же революции есть выход наружу, ибо нас окружают более передовые капиталистические страны. Контрреволюция во Франции была абсолютной исторической неизбежностью. У нас же она представляется только возможностью – в случае исключительно неблагоприятного дальнейшего сочетания меж-

дународных условий и исключительно неправильной политики внутри. Один из нынешних теоретических разоружителей партии цитировал Маркса насчет того, что пролетарской революции незачем де рядиться в костюмы прошлого и делал отсюда глупенький и сладенький вывод: незачем, стало быть, говорить о Термидоре. Рядиться в тогу прошлого можно для того, чтобы скрыть от себя и других скудность своей исторической роли. Это негоже. Но можно и должно искать аналогий с прошлым, учиться на примерах прошлого. В 1902 году Ленин писал, что социал-демократ это якобинец, связавший себя с революционным движением рабочего класса. Тогда, 25 лет тому назад, именно мне довелось возражать Ленину в том смысле, что Французская революция была мелкобуржуазной революцией, а наша – пролетарская, что незачем оборачиваться назад, на якобинцев и пр., – словом, я развивал ту самую премудрость, которую теперь повторяют, разбавляя водою, критики оппозиции. Незачем говорить, что Ленин не хуже нас знал разницу между XVIII столетием и XX, между санкюлотами и индустриальными рабочими, – и, тем не менее, он был совершенно прав, проводя нить исторической преемственности от якобинца к большевику. Однородный смысл имеет и аналогия с Термидором. Она многому учит. Термидор есть особая форма контрреволюции, совершаемой в рассрочку, в несколько приемов, и использующей для первого этапа элементы той же правящей партии – путем их перегруппировки и противопоставления.

Ссылка некоторых мудрецов на то, что группа Робеспьера еще в день 9 Термидора была у власти, а не в оппозиции совершенно смехотворна. Никто же не говорит о тождестве процессов. Если бы термидорианцы не сразу гильотинировали группу Робеспьера, а только лишили бы ее постепенно власти, скажем, для начала только "проработали" бы ее, то группа эта попала бы в оппозицию. Как и с другой стороны, у нас нет недостатка в таких, вполне уже доспевших термидорианцах, которые требуют ускоренной физической расправы с оппозицией. Тут уж дело идет о технике, а не о политическом существе процесса.

Не сомневаюсь нисколько, что из этих моих слов будет кое-кем сделан и опубликован тот вывод, что наша революция обречена, что перед нею только путь Термидора, что наша партия является термидорианской, что социалистическое развитие невозможно и т. д. и т. п. Я считаю такой метод "проработки" одним из наиболее злокачественных признаков влияния термидорианских тенденций на аппарат нашей собственной партии: это есть духовное разоружение пролетариата, усыпление партии, уничтожение идейно-политических граней между правым и левым, революционным и оппортунистическим, между социал-демократией и большевизмом. Теоретическое разоружение и политическое усыпление партии облегчает работу термидорианских тенденций. Против такого разоружения оппозиция ведет и будет вести непримиримую борьбу, – именно потому, что она ни в каком случае не считает Термидор неизбежным.

Л. Троцкий

[июль 1927 г.]

НАШЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОПАСНОСТЬ ВОЙНЫ

СССР стоит перед угрозой нападения на него со стороны империалистов. Война не только вероятна, но и неизбежна. Отсрочить ее, выиграть как можно больше времени для укрепления СССР и революционного сплочения международного пролетариата – должно составлять одну из наших важнейших практических задач. Предотвратить ее могла бы только победоносная пролетарская революция в решающих странах.

Самая возможность мировой войны надвигается потому, что 1) несколько лет борьбы капитализма за свое укрепление и частичные успехи этой борьбы сделали самым жгучим вопросом для решающих капиталистических государств вопрос о рынках; 2) империалистская буржуазия убедилась в несомненном росте хозяйственной мощи СССР, увидела, что диктатура пролетариата, огражденная монополией внешней торговли, не даст капиталистам "свободного" рынка в России; 3) империалистская буржуазия спекулирует на внутренних трудностях СССР; 4) поражение революции в Китае, как и предшествовавшие поражения английских забастовок, внушают империалистам надежду, что им удастся сокрушить СССР.

Разрыв дипломатических отношений Англии с СССР подготовлялся давно, но именно поражение китайской революции ускорило его. В этом смысле разрыв есть расплата за отказ от большевистской политики в Китае. Было бы совершенно ошибочным предполагать, что дело сведется только к изменению формы торговли между Англией и нами ("торговать, как торгуем с Америкой"). Теперь уже совершенно ясно, что империалистская Англия имеет определенный план действий. Она готовит войну против СССР, имея "моральный мандат" буржуазии нескольких стран, рассчитывая так или иначе вовлечь в войну против нас Польшу, Румынию, Прибалтийские страны, быть может, и Югославию, Италию, Венгрию и т. д.

Польша, по всей видимости, предпочла бы получить еще некоторый срок на подготовку войны против нас. Но не исключено, что Англия заставит ее воевать и раньше.

Во Франции английское давление в сторону единого фронта против СССР встречает поддержку со стороны влиятельной части буржуазии, которая становится все непримиримее в своих требованиях, и, конечно, в удобный для нее момент не остановится перед разрывом.

Чем больше "юлит" германская дипломатия в последнее время, тем яснее становится, что на деле "ориентация" Германии устремляется на Запад. Германские буржуа уже открыто говорят, что в войне против СССР Германия, быть может, вначале останется "нейтральной" (наподобие Америки в 1914 г.) – с тем, чтобы побольше нажиться на войне, а затем за дорогую цену открыто продать свой нейтралитет западным империалистам. Ничего не может быть вредней для коренных интересов СССР, как замазывание перехода германской буржуазии к западной "ориентации", ибо неожиданный для нас удар буржуазией Германии

может получить решающее значенне. Только открытое "высказывание того, что сеть", только пробуждение бдительности рабочих СССР и рабочих Германии может оградить нас от этого удара, или, по крайней мере, затруднить его для германской буржуазии.

Японская буржуазия маневрирует в отношении СССР не менее искусно, нежели германская. Она ловко заметает следы, прикидываясь "другом". Она даже задержала – на время – захват КВЖД Чжан Цзолинем. Но она исподволь натягивает вожжи в Китае и может скоро скинуть маску по отношению к нам. Если правительство Танаки и не станет правительством войны против СССР, то оно, во всяком случае, может вступить на путь вымогательства и частичных захватов.

На Ближнем Востоке (Турция, Персия) мы, во всяком случае, не завоевали такого положения, которое обеспечило бы СССР хотя бы твердый нейтралитет в случае нападения на нас империалистов. Скорее следует ожидать в таком случае, что правительства этих государств, под давлением империалистов, склонны будут оказывать им необходимые услуги против СССР.

При нападении на нас, Америка, сохраняющая полностью свое непримиримое отношение к СССР, представит империалистский "тыл", значение которого будет тем больше, что именно она может обеспечить финансирование войны против СССР. Подготовка общего фронта против СССР начата и католической церковью, располагающей совершенно реальным влиянием в правительствах ряда стран (между прочим, в важнейшей составной части германской правительственной машины: в партии центра).

Итог: если годы 1923–25 были годами признаний нас рядом буржуазных государств, то теперь надвигается период разрывов. Признания периода 1923–1925 гг. сами по себе не означали, что мир обеспечен, что передышка прочна. Разрывы нынешнего периода сами по себе еще не обозначают, что война неизбежна в самом ближайшем времени. Но что мы вошли в новую полосу крайнего обострения международной обстановки, чреватой нападением на СССР – это несомненно.

Противоречия внутри капиталистического мира велики. Удача единого фронта мировой буржуазии против нас на длительный срок трудна. Но частичное объединение нескольких буржуазных государств против нас на некоторый срок, вполне возможно.

Все это, вместе взятое, должно побудить нашу партию: 1) признать международное положение опасным; 2) снова выдвинуть на передний план вопросы международной политики и 3) вести самым напряженным образом всестороннюю подготовку обороны СССР, – на случай войны.

Буржуазия и вожди социал-демократии будут всячески стараться обмануть народ насчет истинного характера той войны, которую империализм готовит против СССР. Наша задача заключается в том, чтобы уже сейчас разъяснять широчайшим массам народов всего мира, что это будет война империалистов и рабовладельцев против первого государства пролетарской диктатуры, война капитализма против социализма. В этой войне империалистская буржуазия будет – по существу дела –

бороться за интерсы сохранения всей системы капиталистического наемного рабства, СССР – за интересы международного пролетариата всех колониальных, полуколониальных и порабощенных стран, за дело международной революции и социализма.

Уже сейчас вся наша работа должна вестись под лозунгами: 1) Долой войну империалистов против государства пролетарской диктатуры. 2) Превращение империалистской войны в гражданскую во всех государствах, воюющих против СССР. 3) Поражение всех буржуазных государств, воюющих против СССР – каждый честный пролетарий капиталистической страны должен активно работать для поражения "своего" правительства. 4) Переход на сторону Красной армии каждого иностранного солдата, который не хочет помогать рабовладельцам "своей" страны – СССР есть отечество всех трудящихся. 5) Лозунг "защиты отечества" будет фальшивым прикрытием интересов империализма во всех буржуазных странах, кроме колониальных и полуколониальных стран, ведущих национально-революционную войну против империалистов. В СССР лозунг защиты отечества будет правдой, ибо мы защищаем социалистическое отечество и базу мирового рабочего движения. 6) Мы – оборонцы с 25 октября 1917 г. Наша "отечественная" (Ленин) война будет войной "за советскую республику, как отряд всемирной армии социализма", наша "отечественная" война "не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции" (Ленин). Наша защита отечества есть защита диктатуры пролетариата. Нашу войну поведет рабочий и батрак с опорой – бедняком, с союзником – середняком и против "своего" кулака, "нового" буржуа, бюрократа, устряловского спеца, белого эмигранта. Наша война действительно справедливая война. Кто не оборонец по отношению к СССР, тот безусловный изменник международному пролетариату.

* * *

Поражение китайской революции изменяет – конечно, лишь временно – реальное соотношение сил в пользу империализма. Переход уханского правительства на открыто контрреволюционные рельсы, соглашения китайских генералов между собой и мировым империализмом есть шаг к созданию "прочного" буржуазно-кулацкого режима внутри – под опекой мирового империализма вовне. По всему сочетанию обстоятельств это означало бы на деле соглашение против СССР. Однако, установление подобного режима в Китае на сколько-нибудь длительный срок, по соотношению классов и по всему международному положению, невозможно. Новые революционные бои, новая революция в Китае неизбежны.

Все условия для победы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в Китае были налицо. Молодой и сильный пролетариат, полный самоотвержения. Огромные многомиллионные массы крестьянства, подымающегося на прямое восстание. Отсутствие социал-демократической партии и социал-демократических традиций,

всюду и везде мешающих революции. Неограниченный авторитет в трудящихся массах Китая большевизма. И все-таки, в результате – тяжкое поражение рабочего класса. А киткомпартию, – которая должна была в великих революционных битвах получить настоящий большевистский закал, – "Правда" вынуждена объявить меньшевистской.

Чем объяснить весь этот неслыханный итог? Неправильным меньшевистским "руководством" Сталина-Бухарина, навязавшим китайской компартии (через ИККИ) тактику, прямо противоположную большевизму. Сваливать теперь вину на китайских коммунистов – и поверхностно, и недостойно.

Все решения II и IV всемирных конгрессов Коминтерна – о Советах на Востоке, о полной самостоятельности рабочих коммунистических партий в странах национально-революционного движения, о союзе рабочего класса с крестьянством против "своей" буржуазии и чужого империализма – все это было забыто.

Поддержка "блока четырех классов" – под фактическим руководством буржуазно-помещичьих генералов, подчинение компартии Чан Кайши, а затем Фын Юйсяну, Тан Шенчи и Ван Тинвею – все это было несовместимо с задачей добиться руководящей роли рабочего класса и развязывания крестьянской революции. Ленинская "революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства" была подменена мартыновской "общенациональной оппозицией", блоком "всех" или "четырех" классов, который на деле оказался блоком против рабочих и крестьян. Вместо союза пролетариата с крестьянством, под руководством первого, на деле осуществился "союз" с буржуазией, под руководством последней. Не мы использовали буржуазию, а буржуазия использовала нас. Китайский рабочий класс под неправильным руководством таскал каштаны из огня для буржуазии. В результате, он до сих пор сыграл ту же роль, какую рабочий класс играл в буржуазных революциях 1848 г. Тактика Сталина-Бухарина-Мартынова привела к тому, что киткомпартия, пропитавшись меньшевистскими уклонами, в решающие моменты революции фактически играла роль придатка к буржуазному Гоминдану. При таком руководстве неизбежно было не только поражение революции, но и идейно-политический крах руководящих кругов киткомпартии. Дальнейшее пребывание в Гоминданe обрекло бы компартию Китая на полное разложение. Однако, китайская буржуазия на свой лад дает уроки коммунистам. Неумолимый ход классовой борьбы учит и научит китайских коммунистов не повторять тех губительных ошибок, которые навязало им "руководство" Сталина-Бухарина.

В стране с развитыми классовыми противоречиями (как современный Китай), империализм не только не смягчает классовые противоречия, не только на сколько-нибудь длительный срок не может объединить "всю нацию", но наоборот. При первых же широких народных движениях, затрагивающих сколько-нибудь значительные интересы командующих классов, китайская буржуазия неминуемо выступает против "своих" рабочих и крестьян в союзе с империалистами, толкающими ее на особенно беспощадные расправы.

Своеобразие китайской революции в нынешней международной обстановке заключается отнюдь не в наличии в Китае якобы "революционной" либеральной буржуазии, а в следующем:

1) Китайская революция в нынешнюю эпоху империалистских войн и пролетарских революций могла и должна была пройти ближе к типу советской революции.

2) Китайское крестьянство, более задавленное, чем русское при царизме, стонущее под игом не только своих, но и чужеземных угнетателей, могло подняться и поднялось сильнее, чем русское крестьянство перед 1905 г.

3) Лозунг Советов (выдвинутый Лениным для Китая еще в 1920 г.) имел безусловную почву в китайских условиях 1926–1927 гг. Советы в Китае в 1927 г. могли стать формой сплочения сил крестьянства под руководством пролетариата, действительным центром революции, организацией отпора буржуазному Гоминдану и вышедшим из его недр китайским Кавеньякам и действительными органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Учение Ленина о том, что буржуазно-демократическая революция может быть доведена до конца лишь союзом рабочего класса и крестьянства (под руководством первого) против буржуазии – не только применимо для Китая и аналогичных колониальных стран, но именно и представляет единственный путь к победе в этих странах.

Вне этого пути остается лишь меньшевистский путь союза с либеральной буржуазией (более умеренных и более радикальных оттенков), неминуемо ведущий к поражению рабочего класса – что и произошло в 1927 г. в Китае.

* * *

Одно из основных положений большевизма гласит, что начатая мировой войной и нашей революцией эпоха есть эпоха социалистической революции. Коммунистический интернационал был создан, как "партия мировой революции". Признание этого входило в состав "21 условия" и прежде всего по этой линии размежевывались коммунисты с социал-демократами, "независимыми", меньшевиками всех сортов и видов.

Признание того, что война и Октябрь открыли собою эпоху мировой революции, разумеется, вовсе не означает, что в каждый данный момент имеется налицо непосредственно революционная ситуация. В известные периоды, в отдельных странах и в отдельных отраслях производства "умирающий капитализм" (Ленин) способен частично восстанавливать хозяйство и даже развивать производительные силы. Эпоха мировой революции знает свои периоды подъема и упадка. Громадную роль в этом отношении играет боеспособность рабочего класса и его партии, степень влияния контрреволюционной социал-демократии, правильное руководство Коминтерна. Но приливы и отливы не меняют основной ленинской оценки нынешней исторической эпохи, взятой в целом. Только эта оценка может лежать в основе революционной стратегии Коминтерна.

Между тем, в результате ряда поражений международного революционного движения и выросших отсюда упадочных настроений, группировка Сталина, незаметно для самой себя, пришла к совершенно новой по существу оценке нынешней эпохи. Вся "теория" социализма в одной стране исходит в основе своей из допущения того, что "стабилизация" капитализма может длиться ряд десятилетий.

В резолюции XIV съезда, принятой по докладу тов. Сталина, неправильно говорится: "В области международных отношений налицо закрепление и расширение "передышки", превратившейся в целый период" (протоколы XIV съезда, стр. 967).

На VII расширенном пленуме ИККИ Сталин (в докладе 7 декабря 1926 г.) построил всю политику Коминтерна на той же оценке мирового положения (стеногр. отчет, II, стр. 12). Эта оценка (в основном совпадающая с оценками Отто Бауэра, Рудольфа Гильфердинга и других вождей с.-д.) уже оказалась явно неправильной.

Со времени XIV съезда прошло полтора года с небольшим. За это время произошли – если брать только важнейшие события – всеобщая стачка в Англии, гигантские события китайской революции, рабочее восстание в Вене. Все эти события с неотвратимой силой заложены в условиях нынешней "стабилизации". Все они бьют в лоб "теорию" социализма в одной стране.

Оборотной стороной стабилизации являются 20 мил. безработного населения, колоссальная недогрузка производственного аппарата, бешеный рост вооружений, крайняя неустойчивость мировых хозяйственных связей. Ничто в такой мере не обнажает шаткость надежд на длительный мирный период и беспочвенность "теории" социализма в одной стране, как нависшая над Европой новая опасность войны. О стабилизации "на десятилетия" фантазирует мелкий буржуа, ослепленный "победами" капитализма над рабочими, ослепленный техническими, экономическими и политическими успехами капитализма. Между тем, действительность развивается в сторону войны, т. е. взрыва всякой "стабилизации". А рабочий класс и угнетенные народные массы Востока раз за разом пытаются силой взорвать эту "стабилизацию" – то в Англии, то в Китае, то в Вене. Всеобщая стачка в Англии – и всего пять тысяч членов в английской компартии! Восстание рабочих в Вене с таким количеством жертв, которых хватило бы на целую революцию, – и всего шесть тысяч членов австрийской компартии! Великий подъем рабоче-крестьянских масс в Китае, – а ЦК компартии оказывается придатком к буржуазной верхушке Гоминдана. Вот самое кричащее противоречие нынешней мировой обстановки. Вот что поддерживает и затягивает "стабилизацию" капитализма.

Величайшая задача состоит в том, чтобы помочь коммунистическим партиям подняться до уровня тех гигантских требований, котор ые предъявляет к ним нынешняя эпоха. Это предполагает правильное понимание характера мировой обстановки со стороны самого Коминтерна.

Наша международная коммунистическая партия (Коминтерн) должна поставить себе задачей сплотить весь международный рабочий класс

для борьбы за предотвращение войны, для защиты СССР, для превращения империалистской войны в войну за социализм. С этой целью рабочий коммунист прежде всего должен завоевывать революционно-настроенного рабочего некоммуниста – беспартийного, социал-демократа, синдикалиста, анархиста, тред-юниониста или рабочего, входящего в буржуазную организацию. "Под единым рабочим фронтом следует разуметь единство всех рабочих, желающих бороться против капитализма – стало быть, и рабочих, идущих еще за анархистами, синдикалистами и т. п. В романских странах число таких рабочих еще значительно". Так постановил IV конгресс Коминтерна при Ленине. Это постановление сохраняет все свое значение и сейчас.

Руководящие круги Второго Интернационала и Амстердама уже сейчас ведут себя столь же подло и предательски, как в 1914–1918 гг. Поль Бонкур (Франция) проводит закон, авансом выдающий рабочих с головой шайке буржуазных диктаторов на время войны. Генсовет (Англия) защищает убийц Войкова и благословляет посылку войск в Китай. Каутский (Германия) зовет к вооруженному восстанию против советской власти в России, а ЦК германской социал-демократии организует "гранатную кампанию". Социал-демократические министры Финляндии, Латвии, руководители ППС в Польше "всегда готовы" поддержать войну против СССР. Вожди американских официальных профсоюзов выступают открыто цепными псами буржуазии, борясь даже против признания СССР. Балканские "социалисты" поддерживают вешателей "своих" рабочих и всегда поддержат поход против "чужого" СССР. Австрийские социал-демократические вожди на словах "за СССР", но люди, которые помогли "своим" фашистам утопить в крови рабочих восстание в Вене, конечно, в решающий момент будут за капиталистов. Русские меньшевики и эсеры (правые и "левые") не поддерживают интервенцию против СССР только до тех пор, пока нет сильных интервентов. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что руководящие круги социал-демократов в момент войны сыграют еще более реакционную роль, нежели в 1914–1918 гг. Вожди т. н. "левых" социал-демократов, прикрывающие контрреволюционную сущность социал-демократии, представляют собою главную опасность – ибо больше всех мешают рабочим, идущим еще за социал-демократами, решительно порвать с агентами буржуазии в рабочем движении. Заигрывание с этой насквозь антиреволюционной (во всех ее оттенках – от откровенно правых до якобы "левых") верхушкой становится особенно опасным по мере приближения войны. Тактика единого фонта никоим образом не должна толковаться, как блок с предательским Генсоветом, сближение с Амстердамом – ибо такое толкование дезориентирует рабочий класс, поднимает авторитет несомненных предателей и мешает максимальному сплочению наших собственных сил.

Неправильный сталинский курс "огня налево" привел к отстранению от работы и к прямому исключению из Коминтерна ряда левых групп. Этот же фальшивый курс привел за последние 1–2 года к тому, что в руководстве важнейшими секциями Коминтерна преобладающая роль

перешла – вопреки воле рабочих-коммунистов – в руки правого крыла (Германия, Польша, Чехословакия, Франция, Англия).

В связи со всей нынешней полосой трудностей, в частности, в связи с кризисом в ВКП (б), происходит проверка лиц и групп в руководящих секциях Коминтерна.

Часть бывших членов Коминтерна (Кац, Розенберг, Корш) окончательно порвала с коммунизмом.

Политика руководящих правых групп, направленная на отсечение всего левого крыла Коминтерна, ослабляет силы Коминтерна и готовит величайшие опасности.

Выталкиваемые из Коминтерна революционные элементы рабочих, преследуемые отравленной клеветой правых, не всегда удерживались на грани допустимой критики, как группа 4, которая защищает и в случае реальной опасности будет до конца защищать интересы СССР, которые признают – что, несомненно, не имело бы места, если бы существующие разногласия могли изживаться нормально в рамках единой партии, на основе свободного обсуждения – как при Ленине.

Надвигающаяся война требует величайшего сплочения под знаменем Коминтерна всех сил, способных до конца бороться, под руководством Коминтерна, за дело СССР, за дело международного рабочего класса. Необходимо сейчас же принять решительные и искренние меры к возвращению в Коминтерн тех исключенных товарищей, которые признают решения всех пяти конгрессов Коминтерна, и к проведению в жизнь подлинной линии Ленина, заключающейся в том, чтобы исправлять ошибки правых и ультралевых, сохраняя организационное единство Коминтерна.

* * *

1. Необходимо прежде всего целиком и полностью подтвердить и укрепить **курс на международную революцию** и дать решительный отпор всем "стабилизационным" мнимо "государственным" настроениям, сводящимся к тому, что вообще не надо де было "лезть в Китай", что надо "поскорей уйти из Китая", что если мы будем вести себя "разумно", то "нас оставят в покое" и т. д. "Теория" социализма в одной стране теперь играет уже прямо разлагающую роль и явно мешает сплочению сил международного пролетариата вокруг СССР – ибо убаюкивает рабочих других стран, притупляя у них сознание опасности.

Некоторые товарищи, мнящие себя "реальными политиками" и мудрыми "государственными деятелями", напуганные англо-русским разрывом и внутренними трудностями, вынашивают такой "план": 1) признать долги; 2) более или менее ликвидировать монополию внешней торговли; 3) "уйти из Китая", т. е. отказаться от поддержки китайской революции и вообще национально-революционных движений; 4) внутри страны – **правый** "маневр", т. е. еще некоторое расширение нэпа. Этой ценой надеются уничтожить опасность войны, улучшить международное положение СССР и устранить (или ослабить) внутренние трудности. Все

это строится на той же оценке, будто стабилизация капитализма обеспечена на десятки лет.

На деле это означало бы не "маневр", а, при нынешней обстановке, полную капитуляцию советской власти, возврат, через "политический нэп", "неонэп", к капитализму.

Империалисты приняли бы все уступки и тем скорее перешли бы к новому натиску, вплоть до войны. Кулак, нэпман и бюрократ, приняв к сведению сделанные уступки, тем настойчивее стали бы организовывать все антисоветские силы против нашей партии. Такая "тактика" с нашей стороны дала бы теснейшую смычку нашей новой буржуазии с буржуазией иностранной. Экономическое развитие СССР попало бы под полный контроль международного капитала: займов на грош, а кабалы на целковый. А рабочий класс и основная масса крестьянства стали бы утрачивать веру в мощь советской власти, веру в то, что совласть знает, куда она ведет народ.

Попытаться "откупиться" от войны, если это будет возможно, мы обязаны. Но именно для этого мы должны быть сильны, едины, незыблемо отстаивать тактику моровой революции, укреплять Коминтерн. Только тогда есть серьезные шансы добиться возможно длительной отсрочки войны такой ценой, которая не губит советской власти, а, в случае неизбежности войны, получить поддержку международного пролетариата и победить.

Ленин допускал известные экономические уступки империалистам, в целях откупиться от войны, или привлечь на приемлемых условиях иностранный капитал. Но ни при каких условиях, ни даже в самые тяжелые моменты Ленин не допускал и мысли об отмене монополии внешней торговли, о предоставлении политических прав буржуазии, об ослаблении поддержки мировой революции, об ослаблении тактики мировой революции вообще.

2. Столь же важное значение имеет задача – сплотить ряды нашей партии, положить конец прямой спекуляции империалистской буржуазии и вождей социал-демократов на раскол, откол, "отсечение" и т. п. Это имеет самое прямое отношение к вопросу о войне, ибо теперь "прощупывание" нас империалистами идет более всего по этой морально-политической линии. Все органы международной буржуазии и социал-демократии проявляют ныне необыкновенный интерес к нашим внутрипартийным спорам и открыто толкают и поощряют нынешнее большинство ЦК на исключение оппозиции из руководящих органов партии, а, если можно, то и из партии, а, если можно, то и на прямую расправу. Начиная с богатейшей буржуазной газеты "Нью Йорк таймс" и кончая наиболее изворотливой газетой Второго Интернационала "Венской рабочей газетой" (Отто Бауэр) – все органы буржуазии и социал-демократов приветствуют "правительство Сталина" за борьбу против оппозиции и призывают еще раз доказать свой "государственный разум" решительным отсечением оппозиционных "пропагандистов международной революции". При прочих равных условиях, война наступит тем позднее, чем меньше мы оправдаем надежды врага на откол, отсечение

и т. п. И "откупиться" от войны (если возможно) и победить в войне (если воевать придется) можно только, если мы сохраним полное единство, если, прежде всего, обманем надежды империалистов на раскол, откол, отсечение. Этот последний путь нужен только капиталистам.

3. Необходимо выправить нашу классовую линию в международном рабочем движении, прекратить борьбу против левого крыла Коминтерна, вернуть в Коминтерн тех исключенных, которые признают решения пяти конгрессов Коминтерна (напр., группа Урбанса) — и раз навсегда положить конец политике "сердечных отношений" с предательскими вождями английского Генсовета. Разрыв блока с Генсоветом в нынешней обстановке имеет такое же значение, как в 1914 г. разрыв с Международным Социалистическим Бюро. Этого разрыва Ленин требовал тогда ультимативно от каждого революционера. Не разорвав с предателями, нельзя по-настоящему организоваться для революционной борьбы. Генсовет предал английскую всеобщую забастовку, затем стачку горняков; Генсовет предал СССР в феврале 1927 г. (первая нота Чемберлена); Генсовет предал китайскую революцию, когда английские империалисты начали против нее прямую войну; Генсовет предал английских рабочих, когда английское правительство проводило реакционный закон против профсоюзов; Генсовет предал СССР, когда Чемберлен порвал дипломатические отношения с нами; и Генсовет увенчал свою деятельность тем, что вынес протест против расстрела нами 20 белогвардейцев и английских шпионов в ответ на убийство тов. Войкова; Генсовет выступает, таким образом, вернейшим агентом английских империалистов, прямым пособником убийц Войкова. Оставаться в блоке с таким Генсоветом означает помогать контрреволюционным вождям Второго Интернационала.

4. Необходимо решительно выправить нашу линию в национально-революционном движении — прежде всего в Китае, но также и в ряде других стран, ликвидировать линию Мартынова-Сталина-Бухарина — вернуться к линии Ленина, к постановлениям II и IV конгрессов Коминтерна. Иначе мы из двигателя станем тормозом национально-революционных движений и неизбежно потеряем симпатии рабочих и крестьян на Востоке.

5. Необходимо последовательно, систематически, упорно вести борьбу за мир. Предотвратить войну, отсрочить войну, "откупиться" от войны — все, что возможно и допустимо (см. п. 1), необходимо сделать для этого. В то же время — готовиться, не покладая рук, к войне, уже сейчас и первым делом положить конец идейно-политическому разнобою и разброду в вопросе о том, существует ли близкая опасность войны.

6. Решительно выправить классовую линию нашей внутренней политики. Если война неизбежна, то победить может только строго большевистская линия: рабочий и батрак с опорой — бедняком, в союзе с маломощным середняком — против кулака, нэпмана, бюрократа.

7. Всемерная подготовка всего хозяйства, бюджета и пр. на случай войны.

* * *

Капитализм входит в новую полосу потрясений. Война с СССР, как и война с Китаем, несут для мирового капитализма ряд катастроф. Уже война 1914–1918 гг. была великим "ускорителем" (Ленин) социалистической революции. Новые войны, в особенности война против СССР, – к которому при правильной политике с нашей стороны потянутся симпатии трудящихся всей земли – могут стать еще большими "ускорителями" гибели мирового капитализма. Социалистические революции будут расти и без новых войн. Но новые войны неизбежно поведут к социалистическим революциям.

[Г. Зиновьев]

[июль 1927 г.]

ТОВ. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Препровождаю при сем переписку, имеющую некоторый общий интерес для характеристики того, что делается в партии. Думаю, что Вы сами примете меры к расследованию этого дела.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Письмо Каневского от 23 июля.

Письма тов. Троцкого от 25 и 16 июля.

26 июля 1927 г. *Л. Троцкий*

ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Копия

Уваж. Лев Давыдович!

Приходится еще раз Вам писать, не дожидаясь ответа. Ваш ответ мне от 16 июля 1927 г. – через беспартийных почтальонов – был известен Окрпарткому. Вчера вечером ко мне в Дом отдыха пришли мои знакомые (там был член бюро ОПК) и заявили: что ОПК знает, что я получил от Вас письмо, приписывает мне активную оппозиционную работу и под угрозой исключения из комсомола предлагает мне сдать Ваше письмо Окрпарткому. Вызывает меня на послезавтра в КК для соответственного допроса. Ув. Лев Давыдович! Прежде чем идти в КК, я хочу решить вопрос о письме с Вами! Без согласования вопроса с Вами, я считал бы нечестным свой поступок возвращения Вашего письма ОПК. Поэтому убедительно прошу Вас: ответьте – давать ли письмо? Конспирировать вообще всю постановку этого вопроса со стороны ОПК считаю лишним. Эта угроза о прекращении переписки, об исключении из комсомола прибавила еще один факт неправильной, гибельной для партии линии ко всем тем многочисленным безобразиям, творящимся по этой линии в ВКП.

Я же заявил представителям ОПК, что из-за угрозы я переписку не прекращу (если Вы, конечно, ее будете поддерживать, о чем очень Вас прошу), а насчет письма от прямого ответа воздержался до получения

от Вас ответа. Прошу очень не задерживать ответ. Буду Вам очень благодарен, если получу ответ на все заданные мною вопросы.

Уваж. Вас *А. Каневский*

Лубны, Окрисполком, Местный Комитет, А. Каневскому

23 июля 1927 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦКК ТОВ. ОРДЖОНИКИДЗЕ

В воскресном номере "Правды" напечатана статья Марецкого, полемизирующая против данных нами объяснений перед Президиумом ЦКК. Таким образом, сделан новый шаг по тому пути, который все более и более дезорганизует партию: полемика ведется против документов и речей, по самому существу своему исключающих проверку. Ленин говорил по поводу партийных споров: "Кто верит на слово, тот идиот". Как смотрит на этот вопрос ЦКК? Как она оценивает систему, которая разрешает Марецкому, не являющемуся ни членом ЦК, ни членом ЦКК, пользоваться по произволу нашими объяснениями на секретном заседании Президиума ЦКК, – для продолжения и обострения той безобразной кампании, которая против нас ведется?

"Кто верит на слово, тот идиот". Чтобы дать возможность членам партии проверить фальсификацию Марецких и иных, мы не видим другого выхода, как просить разрешить нам издать наши показания перед комиссией ЦКК и перед Президиумом в виде отдельной брошюры.

Незачем говорить, что мы сохраняем за собой право разъяснять с документами в руках каждому члену партии лживость писаний Марецкого и других.

Л. Троцкий

25 июля 1927 г.

В СЕКРЕТАРИАТ ЦКК

Уважаемые товарищи,

В ответ на ваш запрос за № 65/К–12, могу сообщить следующее:

Очевидно, речь идет о тов. Воронине, сильно хромающем на одну ногу? Если это тот, то я его помню достаточно хорошо. К военной работе по части трибуналов тов. Воронина привлек тов. Розенгольц, который должен лучше знать тот период его деятельности. Тов. Воронин в тот период отличался чрезвычайной исполнительностью, скорее, однако, в чиновничьем, чем в партийном смысле. Это было на Южном фронте. Ко времени своего перевода в Ленинградский Военный Округ тов. Воронин успел уже достаточно освоиться во внутрипартийных отношениях и стал проявлять в вопросах этого рода большую инициативу, которая вызывала нередко удивление со стороны всех, знавших его осторожно чиновничье поведение эпохи Южного фронта. На меня тов. Воронин всем

своим поведением производил всегда глубоко отталкивающее впечатление. Приписка им себе фальшивого партстажа вполне укладывается в тот образ, который я себе о нем составил. Я совершенно не помню каких бы то ни было своих разговоров с тов. Ворониным на тему о его партстаже. Не решаюсь заявить категорически, что такого разговора не было, – всего не упомнишь, особенно, если предположить, что тов. Воронин представил вопрос о подделке им стажа в виде какого-либо недоразумения и пр. Но все же по всему характеру моих отношений с тов. Ворониным, не думаю, чтобы он "советовался" со мною по этому поводу. Более того: думаю, что такого рода признание со стороны тов. Воронина окончательно убедило бы меня в свое время в том, что этот человек чужой партии, которому нельзя доверять.

16 июля 1927 г. *Л. Троцкий*

ПЛЕНУМУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

27 июня мы подали в ЦК заявление, представляющее собой платформенный материал к предстоящему партийному съезду.

В этом заявлении мы выразили уверенность в том, что наш документ будет доведен до сведения партийной массы и что нам будет дана возможность отстаивать на пленуме изложенные нами взгляды.

Между тем, Политбюро сочло возможным без опубликования нашего документа допустить в партийной прессе уже до десятка статей, направленных против нас, возводящих на нас перед лицом всего рабочего класса неслыханные обвинения, пользующихся политической клеветой, как основным своим орудием против нас, приписывающих нам взгляды, ничего общего не имеющие с нашими подлинными взглядами. Наши ответные статьи в партийной печати не помещаются.

На наше требование о допущении нас на пленум ЦК мы до сих пор никакого ответа не имеем.

Мы принуждены поэтому апеллировать к вам, к пленуму ЦК.

В порядке дня вашей работы стоят вопросы о съезде партии и о выступлениях оппозиции.

В этих условиях мы не можем расценивать факт ненапечатания нашего документа и наших статей иначе, как акт самого грубого насилия над группой членов партии.

Таким же актом насилия было бы и недопущение нас на пленум ЦК. Оно означало бы, вместе с тем, и явный разрыв с ленинскими традициями руководства партией, благодаря которым партии неоднократно удавалось преодолевать возникавшие в ней разногласия. Достаточно вспомнить, например, что когда в 1920 г. в московской организации возникли ряд оппозиционных групп, представители последних по инициативе Ленина были приглашены на заседание Политбюро, которое заслушало этих товарищей и только после этого сочло возможным принять решение. Та же практика имела место и в 1923 г., когда делегация от "46" была приглашена на объединенный пленум ЦК и ЦКК. В момент, когда

разногласия между большинством ЦК и оппозицией достигли крайней степени остроты, разрыв с этой ленинской партийной традицией не мог быть ничем оправдан.

Он был бы, вместе с тем, и прямым нарушением устава партии и решений партийных съездов, обеспечивающих каждому члену партии "возможность влиять на направление партийной политики".

Поведение Политбюро в течение последних месяцев объективно означает линию на раскол партии. Вместо того, чтобы использовать всякую возможность преодоления разногласий, вместо того, чтобы обеспечить всем членам партии возможность ознакомиться с подлинными документами сторон, вместо того, чтобы признать в партийной массе единственного судью, который вправе решать спорные вопросы, вместо всего этого Политбюро, под клеветнический шум, поднятый Слепковым, ведет за спиной партии и втайне от нее линию на отсечение оппозиционной части партии.

Мы считаем, что пленум ЦК должен дать отпор этой раскольнической линии Политбюро. Мы обращаем к пленуму ЦК наше требование об опубликовании нашего документа и о печатании наших статей в партийной прессе. Мы считаем нашим элементарным правом допущение нас на пленум Центрального Комитета.

Мы полагаем, что ЦК не имеет оснований отказать нам в этих наших требованиях.

Смирнов
Заварьян
Мино
Оборин
Слидовкер
Емельянов (Калин)
Миньков
Дунэ
Хоречко

29 июля 1927 г.

ТОВ. ОРДЖОНИКИДЗЕ

Не послано

Уважаемый товарищ!

На Президиуме ЦКК Вы по поводу слов тов. Ярославского о расстрелах коммунистов сказали приблизительно следующее: "Это не годится. Тов. Троцкий по поручению партии выполнял то, что требовалось интересами революции. Расстреливали дезертиров. Я поступил бы точно так же". Таков приблизительный смысл Ваших слов. Сегодня, во время заседания, в ответ на мою реплику по поводу того же вопроса о расстреле коммунистов, Вы сказали: "Я уже высказался на Президиуме ЦКК, и того, что я сказал, я не беру обратно". Между тем, в стенограмме заседания Президиума от 24 июня, на стр. 33, осталась только та часть Вашего замечания, которая относилась к вопросу о Мясникове, но выпала другая, более важная часть, где Вы говорили о расстреле дезертиров, заявив при этом, что поступили бы точно так же. Чем объясняется это обстоя-

тельство? Я не сомневаюсь, что Вы не склонны брать обратно сказанные Вами на Президиуме слова. Но кто и почему удалил их из стенограммы? Прошу, если возможно, ответить еще сегодня, в течение вечернего заседания. Вы, надеюсь, поймете всю остроту и ответственность вопроса.

1 августа 1927 г.

С ком. приветом

Л. Троцкий

О ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ И ПОЛИТИКЕ ОБОРОНЫ

Речь на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1 августа 1927 г.

Троцкий: Товарищи, прежде всего позвольте мне отвести совершенно вздорное утверждение...

Рыков: Сколько времени вам потребуется?

Голоса: 15 минут (смех).

Троцкий: Ну, три четверти часа.

Рыков: Троцкий просит 45 минут.

Голоса: Полчаса.

Рыков: Возражений нет. 45 минут.

Троцкий: Я буду говорить строго конспективно, ввиду обширности той области, которую мы сейчас рассматриваем. Я принужден начать с момента, касающегося меня лично: я вынужден отвести вздорное утверждение, будто бы я отрицаю политику пораженчества для буржуазных стран, в особенности, в условиях их борьбы против СССР. Тезисы Политбюро пытаются оживить, раздувши, преувеличив, исказивши до карикатурных форм, давно ликвидированные разногласия, которые отделяли меня от Владимира Ильича по некоторым вопросам во время империалистской войны, и где неправота была на моей стороне. Мои отклонения от Ленина (повторяю тут то, что я говорил на Исполкоме Коминтерна) в этих вопросах не были тогда и на одну десятую так велики, как нынешние отклонения Сталина, Ворошилова и других!

Зиновьев: Совершенно верно. (Смех.)

Троцкий: Тезисы утверждают, будто у оппозиции существует какая-то троцкистская установка в вопросах войны и "пораженчества". Новое измышление! Этому вздору посвящен целиком параграф 13 ваших тезисов. Что касается оппозиции в целом, то она за былые мои расхождения с Лениным, совершенно второстепенные в этом вопросе, ни в какой мере не отвечает. Что касается лично меня, то я могу ответить здесь на нелепую инсинуацию кратко. Еще во время империалистической войны мною писались по поводу войны и борьбы с ней обращения к международному пролетариату от имени первого Совнаркома и от имени ЦК партии. Мною написана военная часть программы нашей партии, основная военная резолюция VIII съезда партии и резолюции ряда советских съездов. Манифест Первого конгресса Коминтерна, посвященный в значительной своей части войне, программный манифест Второго конгресса

Коминтерна, где оценке войны, ее последствий и дальнейших военных перспектив отведено много места. Мною написаны тезисы Третьего конгресса Коминтерна, по вопросу о международном положении и перспективах революции и войны. На Четвертом конгрессе мною, по поручению ЦК партии, читался доклад о перспективах международной революции и войны. На Пятом конгрессе Коминтерна (1924 г.) мною был написан манифест по поводу десятилетия империалистической войны. Никаких разногласий по поводу всех этих документов в Центральном Комитете не было, и документы принимались не только без спора, но и почти без поправок. Я спрашиваю, как же это мой "уклон" ни разу не сказался на всей моей довольно интенсивной работе в Коминтерне! Но вот оказывается, что когда я отверг в 1926 г. "экономическое пораженчество", – нелепый и безграмотный лозунг Молотова для английских рабочих, – то я разошелся будто бы с ленинизмом. Почему же Молотов спрятал после моей критики свой нелепый лозунг в карман?

Молотов: Не было никакого лозунга.

Троцкий: Я и говорю, что была чепуха, а не лозунг. Это самое я и говорю (смех).

Голос с места: А стоит ли о чепухе говорить?

Троцкий: Для чего же понадобилось грубо преувеличивать старые разногласия, которые к тому же давно ликвидированы? Для чего? Для того, чтобы прикрыть и замаскировать реальные, действительные, сегодняшние разногласия. Можно ли поставить серьезно вопрос о революционной борьбе против войны и о подлинной защите СССР, держа в то же самое время курс на Англо-Русский комитет? Может ли быть одновременно курс рабочих масс на всеобщую стачку и вооруженное восстание в процессе войны, и курс на блок с Перселем, Хиксом и другими изменниками? Я спрашиваю: будет ли наше оборончество большевистским или тред-юнионистским? Вот в чем состоит вопрос!

Напомню прежде всего, чему нынешние вожди обучали на этот счет московский пролетариат в течение всего последнего года. Это есть центр всего. Я читаю дословно директиву Московского Комитета: **"Англо-Русский комитет может и должен и несомненно сыграет громадную роль в борьбе со всякими интервенциями, направленными против СССР. Он станет (Англо-Русский комитет!) организующим центром международных сил пролетариата в борьбе со всякими попытками международной буржуазии затеять новую войну".** Я читаю дословно по материалам к проработке итогов июльского пленума ЦК ВКП (б). Это направлено против Зиновьева и против Троцкого, которые обвиняются в социал-демократическом уклоне, именно за то, что они не понимали, что Англо-Русский комитет сыграет огромную роль в борьбе с интервенцией... Молотов говорил здесь: "Через Англо-Русский комитет мы разлагали Амстердам". Значит он и сейчас ничего не понял. Вы разлагали московских рабочих, как и рабочих всего мира, обманывая их насчет того, где друг, а где враг.

Скрыпник: Тон!

Троцкий: Тон отвечает серьезности вопроса. Амстердам вы сплотили,

ослабив себя. Генеральный Совет сейчас единодушнее, чем когда-либо – против нас!

Нужно, однако, признать, что прочтенная мною скандальная директива МК, гораздо полнее, яснее, честнее, чем схоластические фокусы Бухарина, выражает действительную точку зрения тех, которые стояли за сохранение Англо-Русского комитета. МК учил московских рабочих, а Политбюро учило рабочих всего Советского Союза, что в случае военной опасности наш рабочий класс сможет ухватиться за веревку Англо-Русского комитета. Так стоял вопрос политически. Но эта веревка оказалась гнилой. Субботний номер "Правды" в передовой статье говорит об "едином фронте предателей" из Генсовета. Даже Артур Кук, возлюбленный Вениамин Томского, молчит. "Совершенно непонятное молчание!" – восклицает "Правда". Это ваш вечный припев: "Совершенно непонятно!". Сперва ставили ставку на группу Чан Кайши, то бишь Перселя и Хикса, а затем перенесли надежды на "верного" Ван Тинвея, т. е. Артура Кука. Но предал Кук, как предал Ван Тинвей через два дня после того, как Бухарин зачислил его в число верных. Мы выдали господам из Генсовета с головой движение меньшинства, в котором мы также не умеем и не хотим противопоставлять истинных революционеров – примазывавшимся реформистам. Мы оттолкнули небольшую, но более прочную веревку, ради большой, но насквозь гнилой. Когда проходишь по узкому ненадежному мосту, то маленькая, но надежная опора может оказаться спасительной. Но горе, если схватишься за гнилую опору, которая валится под рукой, – тогда неизбежно полетишь вниз. Наша нынешняя политика есть политика гнилых опор в международном масштабе. Мы хватались последовательно за Чан Кайши, Фын Юйсяна, Тан Шэнчжи, Ван Тинвея, Перселя , Хикса, Кука. Каждая из этих веревок обрывалась в тот момент, когда была нужнее всего. А мы сперва говорили: "Совершенно непонятно", как говорит передовица "Правды" по поводу Кука, чтобы на другой день добавить: "Мы это предвидели всегда".

Как обстояло дело с Китаем?

Возьмем всю тактическую или, вернее, стратегическую линию в Китае в целом. Гоминдан есть партия либеральной буржуазии во время революции, – либеральной буржуазии, ведущей за собою, обманывающей и предающей рабочих и крестьян.

Коммунистическая партия, по вашим директивам, остается при всех изменах внутри Гоминдана и подчиняется его буржуазной дисциплине.

Гоминдан в целом входит в Коминтерн и не подчиняется его дисциплине, но лишь пользуется его именем и авторитетом для обмана китайских рабочих и крестьян.

Гоминдан покрывает помещиков-генералов, которые держат в своих руках солдат-крестьян.

Москва – в конце октября прошлого года! – требует не развивать аграрной революции, чтобы не отпугивать помещиков, командующих

армией. Армия становится обществом взаимного страхования помещиков, крупных и мелких.

Помещики не возражают против того, чтобы их военный поход называли национально-революционным походом, раз власть и земля остаются у них в руках. Пролетариат, составляющий мощиую молодую революциоиную силу, отнюдь не меньшую, чем пролетариат в 1905 г. у нас, загоняется под команду Гоминдана.

Москва дает совет китайским либералам: "Издайте закон об организации миимума рабочих дружин". Это в марте 1927 г.! Почему совет верхам – минимально вооружайте! – а не лозунг низам – максимально вооружайтесь? Почему минимум, а ие максимум? Чтобы "не отпугивать" буржуазию, чтобы не вызвать гражданской войны. Но гражданская война пришла неизбежно, оказалась еще более жестокой, застала рабочих безоружными и утопила их в крови.

Москва выступала против постройки Советов "в тылу армии", – как будто революция есть тыл армии, – чтобы не дезорганизовать тыл тех самых генералов, которые через два дня громили у себя в тылу рабочих и крестьян.

Усиливали ли мы буржуазию и помещиков, заставляя коммуиистов подчиняться Гоминдану и прикрывая Гоминдан авторитетом Коминтсрна? Да, усиливали.

Ослабляли мы крестьян, задерживая развитие аграрной революции и Советов? Да, ослабляли.

Ослабляли ли мы рабочих лозунгом "минимум вооружения", нет, ие лозунгом, а почтительным советом буржуазным верхам – "минимум вооружсния", и – "не надо Советов!" Да, ослабляли. Мудрено ли, что мы потерпели поражение, сделав все, что может затруднить победу?

Ворошилов дал наиболее правильное, добросовестное и откровениос объяснение всей этой политики: "Крестьянская революция, – говорит он, – могла помешать походу геиералов на Север". Поэтому вы тормозили революцию в интересах военного похода. Точно также смотрел на дело Чан Кайши. Развсртывание революции может, видитс ли, затруднить поход "национальному" генералу. Но ведь революция сама есть действительный, настоящий поход угнетеиных против угнетателей. Чтобы помочь генеральной зкспедиции, вы тормозили и расстранвали революцию. Этим самым генеральский поход обсрнулся острым коицом не только против рабочих и крестьян, ио и (поэтому самому) против национальной революции.

Если бы мы обеспечили своевременно полиую самостоятельность коммунистической партии, помогли ей вооружиться своей печатью и верпой тактикой, если бы мы дали ей лозунги: "максимум вооружсния рабочих", "развертывание крестьянской войны в деревие", – компартия росла бы не по дням, а по часам, и кадры ее закалились бы в огне революционной борьбы. Лозунг Советов надо было дать с первых дией массового движения. Надо было везде, гдс к этому открывалась малсйшая возможность, приступать к фактическому осуществлению Советов. Надо было вовлекать в Советы солдат. Аграрная революция расстроила

бы лжереволюционные армии, но она виесла бы заразу и в контрреволюционные армии врага. Только на этой основе – аграрной революции и Советов – можно было выковывать постепенно настоящую революционную, т. е. рабоче-крестьянскую армию.

Путь Ворошилова – есть путь аппаратного генеральского авантюризма. Товарищи! Мы слышали здесь речь не наркомвоенмора Ворошилова, а члена Политбюро Ворошилова. Я говорю: эта речь есть сама по себе катастрофа. Она стоит потерянного сражения.

Возгласы с мест оппозиции: Правильно.

Голос: У вас все правильно.

Троцкий: Во время последнего майского пленума Исполкома Коминтерна, когда, отчислив наконец Чан Кайши в лагерь реакции, вы ставили ставку на Ван Тинвея, а потом – на Тан Шенчи, я писал в письме к Исполкому Коминтерна. Это было 28 мая: "Крушение этой политики абсолютно неизбежно". Что я предлагал? Читаю дословно. 28 мая я писал: "Пленум поступил бы правильно, поставив крест на резолюции Бухарина и заменив ее резолюцией в несколько строк. Во-первых, крестьянам и рабочим не верить вождям левого Гоминдана, а строить свои Советы, объединяясь с солдатами; во-вторых, Советам вооружать рабочих и передовых крестьян; в-третьих, коммунистической партии обеспечить свою полную самостоятельность, создать ежедневную печать, руководить созданием Советов; в-четвертых, земли у помещиков отбирать немедленно; в-пятых, реакционную бюрократию упразднять немедленно; в-шестых, с изменяющими генералами и вообще с контрреволюционерами расправляться на месте; в-седьмых, общий курс держать на установление революционной диктатуры через Советы рабочих и крестьянских депутатов". Теперь сравните: "Не надо гражданской войны в деревне, – не пугайте попутчиков", "не раздражайте генералов", "минимум вооружения рабочих" и т. д. Это есть большевизм! А наша позиция называется в тезисах Политбюро... меньшевистской. Вывернувшись наизнанку, вы твердо решили белое называть черным. Одна беда: международный меньшевизм – от Берлина до Нью-Йорка – одобряет китайскую политику Сталина-Бухарина и с полным знанием дела солидаризируется с вашей политической линией в китайском вопросе. Таковы чудеса: Зиновьев, Каменев, Радек, Троцкий перешли на меньшевистскую позицию, а Дан с Абрамовичем – на большевистскую, то бишь, на сталинскую.

Молотов: Все, что говорится здесь, вранье.

Троцкий: Здесь некоторые товарищи легко обращаются со словами.

Скрыпник: Вроде вас.

Троцкий: Я представляю совершенно точную цитату из "Социалистического вестника".

Петровский: Да, мы ее читали.

Троцкий: Читали? Значит она есть? Услужливый тов. Петровский поправил неловкого тов. Молотова. Мы заставляли киткомпартию подчиняться сперва Чан Кайши, затем Тан Шенчи и Ван Тинвею. Мы заставляли движение тред-юнионистского меньшинства подчиняться Генеральному Совету. Мы требовали от британской компартии приспособления к

политике Англо-Русского комитета. Затем, когда руководство китайской компартии, выполняя наши директивы, доводя их на практике неизбежно до конца, – ибо революция все доводит до конца, – когда это руководство киткомпартии сползало неотвратимо к меньшевизму, "Правда" писала передовицу на тему: "Совершенно непонятно!" Эти слова могут стать эпиграфом для всей руководящей ныне линии политики, которая дает результаты прямо противоположные тем, каких ожидались.

Поймите: дело идет совсем не об индивидуальных изменах китайских гоминдановцев, правых и левых китайских полководцев, английских профессионалистов, китайских или английских коммунистов. Когда едешь в поезде, кажется, что бежит земля. Вся беда в том, что вы надеялись не на тех, на кого полагалось, что вы недооценивали революционное воспитание масс, основным требованием которого является прививка недоверия к реформистам, к неопределенным "левым" центристам, ко всякой половинчатости вообще. Высшая ступень этого недоверия есть важнейшая добродетель большевизма. Молодым партиям это качество нужно еще только усваивать и впитывать в себя. Между тем, вы действовали и действуете в прямо противоположном направлении. Вы прививаете молодым партиям надежды на полевение либеральной буржуазии и либеральных рабочих политиков из тред-юнионов. Вы мешаете воспитанию английских и китайских большевиков. Вот откуда эти "измены", каждый раз застигающие вас врасплох.

О "центризме" и о политике гнилых веревок

Оппозиция предупреждала, что киткомпартия, под вашим руководством, неизбежно придет к меньшевистской политике, за что оппозицию в свое время беспощадно обличали. Так мы теперь с уверенностью предупреждаем, что британская компартия, под влиянием той политики, которую вы ей навязываете, неизбежно отравляется центризмом и соглашательством. Если вы резко не измените курса, последствия в отношении британской компартии будут не лучше, чем в отношении китайской. Это же относится и к Коминтерну в целом.

Надо понять, наконец, что центризм Бухарина-Сталина не выдерживает испытания событий. Самые большие события в человеческой истории – это революция и война. Центристскую политику мы испробовали на китайской революции. Революция требовала законченных выводов из половинчатых директив. Китайская компартия вынуждена была эти выводы делать. Вот почему она и пришла – не могла не прийти – к меньшевизму. Беспримерный крах вашего руководства в Китае требует, чтобы вы отказались, наконец, от политики, которая вынуждает вас в труднейших условиях хвататься за гнилые веревки.

Величайшим историческим испытанием после революции является война. Мы говорим заранее: сталинской и бухаринской политике зигзагов, недомолвок, обиняков – политике центризма – в событиях войны не будет места. Это относится ко всему руководству Коминтерном.

Сейчас единственным экзаменом для руководителей иностранных компартий является вопрос: готовы ли они днем и ночью голосовать против "троцкизма"? Война же предъявит к ним гораздо более ответственные требования. Между тем, политика в отношении Гоминдана и Англо-Русского комитета явно сдвинула их внимание в сторону амстердамских и социал-демократических верхов. Сколько бы вы ни вертелись, — линия Англо-Русского комитета была линией надежды на гнилую веревку амстердамской бюрократии, худшей частью которой является сейчас Генеральный Совет. Этой политикой вы накопили не только мартыновщину в компартии, но и перселевщину в самом Коминтерне. В случае войны вам придется раз за разом натыкаться на "неожиданности". Гнилые веревки будут рваться под руками. В нынешних верхах Коминтерна война вызовет резкую дифференциацию. Известная часть перейдет на амстердамские позиции, под лозунгом: "Мы хотим серьезно защищать СССР, — мы не хотим быть кучкой фанатиков". Зиновьев и Троцкий против Амстердама, потому что они пораженцы. Это доказал Бухарин! Другая часть европейских коммунистов — твердо верим, что большинство, — станет на позиции Ленина, на позиции Либкнехта, защищаемые нами. Для промежуточной позиции Сталина места не окажется. Вот почему, позвольте вам сказать по чистой совести, что разговоры о кучке оппозиционеров, о генералах без армии и пр. и т. п. кажутся нам просто смешными. Все это большевики слышали не раз — и в 1914 и в 1917 гг. Мы слишком ясно видим завтрашний день и готовим его. Никогда не было в среде оппозиции такой несокрушимой убежденности в своей правоте, никогда не было такого единодушия, как сейчас.

Зиновьев, Каменев: Совершенно правильно!

Троцкий: И в отношении внутренней политики медленному центристскому сползанию в условиях войны места не будет. Все споры уплотнятся, классовые противоречия обострятся, встанут ребром. Придется давать ясные и точные ответы.

"Революционное единство" нужно нам во время войны или "священное единение"? Буржуазия выдумала для периода войны и военной опасности особое политическое состояние под именем "гражданского перемирия", или "священного единения". Смысл этого чисто буржуазного понятия состоит в том, что разногласия и препирательства всех буржуазных партий, в том числе и социал-демократии, как и разногласия внутри партий, должны де умолкнуть во время войны, — в целях наилучшего оглушения и обмана масс. "Священное единение" есть высшая форма заговора управляющих против управляемых. Незачем говорить, что если нашей партии нечего в политическом смысле скрывать от рабочего класса во время мира, то тем более — во время войны, когда чистота и ясность политической линии, глубина связи с массами являются вопросом жизни и смерти. Вот почему, при неизмеримо более централизованном характере нашей партии, чем любой буржуазной партии, мы в разгар гражданской войны позволили себе со всей остротой обсуждать и партийно-демократическим путем разрешать все основные вопросы политического руководства. Это было неизбежным накладным расходом, при

помощи которого партия вырабатывала и укрепляла правильную линию и скрепляла свое революционное единство. Есть, вернее сказать, вчера еще были, товарищи, которые думали, что после смерти Ленина абсолютная правильность руководства у нас в такой мере обеспечена, что не нуждается больше в проверке партии. Мы же думаем наоборот: сейчас руководство нуждается в проверке и в изменении больше, чем когда бы то ни было за всю историю нашей партии. Нам нужно не лицемерное "священное единение", а честное революционное единство!

Промежуточная центристская политика не может держаться во время войны. Она должна будет повернуться либо вправо, либо влево, т. е. либо на термидорианский путь, либо на путь оппозиции. (Шум.)

Можно ли победить в войне на термидорианском пути? Такая победа, вообще говоря, не исключена. Отменить монополию внешней торговли – первым делом. Дать кулаку возможность вдвое вывозить и вдвое ввозить. Дать кулаку подмять под себя середняка. Заставить бедняка понять, что мимо кулака нет путей. Поднять и укрепить значение бюрократии, администрации. Отбросить рабочие требования, как "цеховщину". Политически потеснить рабочих в Советах, вернуть прошлогоднюю инструкцию о выборах и постепенно расширять ее в пользу собственников. Таков был бы термидорианский путь. Имя ему – **капитализм в рассрочку.** Тогда во главе армии оказался бы кулацкий низший командный состав и интеллигентски-буржуазный высший. На этом пути военная победа означала бы ускорение сдвига на буржуазные рельсы.

Возможна ли победа на революционно-пролетарском пути? Возможна. Более того. Вся мировая обстановка говорит, что именно на этом пути победа, в случае войны, наиболее обеспечена. Но для этого первым делом нужно разогнать политические сумерки, в которых все кошки кажутся серыми. Кулак справа – он враг, батраки, беднота слева – друг. Через бедняка – путь к середняку. Надо создать политическую обстановку, при которой буржуазия и бюрократия не могли бы раздвигать и отталкивать локтями рабочих, приговаривая: "Это вам не 18 год". Надо, чтобы рабочий класс мог сказать: "В 27 году я не только сытее, но и политически являюсь большим хозяином государства, чем в 18-м". На этом пути победа не только возможна, но и наиболее надежно обеспечена, ибо только на этом пути мы будем иметь поддержку народных низов Польши, Румынии и всей Европы...

Может ли дать победу сталинский центристский курс, колеблющийся между обоими лагерями, обещающий сперва пригреть кулака, усыновить его сына и приголубить внука, затем переходящий нерешительно к созданию групп бедноты, меняющий из года в год избирательную инструкцию, т. е. советскую конституцию, сперва в сторону кулака, затем против него, затем опять за него, как на Северном Кавказе; курс, ориентирующийся на Чан Кайши и Ван Тинвея, на Перселя и Кука, на предательские верха, сбивающий с толку низы? (Курс, который продиктовал нашему Политбюро невероятную директиву от 29 октября 1926 г. в отношении Китая о том, чтобы не вносить гражданскую войну в китайскую деревню, чтобы не оттолкнуть попутчиков или буржуазию, поме-

щиков и генералов, так называемых либералов; или другую директиву с просьбой к либеральной буржуазии дать минимум (!!!) оружия рабочим.) Этот курс раздражает или охлаждает одних и не завоевывает других, теряет "друга" Ван Тинвея и сбивает с толку коммунистов. Этот курс означает постоянное хватание за гнилые веревки.

В мирное время такой курс может просуществовать неопределенно долгое время. В условиях войны и революции центризм должен дать резкий крен вправо или влево. Он уже расчленяется на правое и левое крыло, которые неизбежно растут за счет центра. Этот процесс будет неизбежно ускоряться, а война, если она будет нам навязана, придаст ему лихорадочный характер. Сталинский центр будет неизбежно таять. В этих условиях оппозиция будет нужнее партии, чем когда бы то ни было, чтобы помочь партии...

Бабушкин: А сейчас не надо помогать? (Шум.)

Троцкий: Чтобы помочь партии выправить линию и в то же время не нарушить революционного единства, не расшвырять кадров партии, ее основной капитал. Ибо подавляющее большинство подлинно большевистских пролетарских кадров – при правильной политике, при ясной линии, при повелительных внешних условиях способно будет обновить политику, и не за страх, а за совесть взять настоящий, твердый революционный курс. Этого и только этого мы хотим достигнуть. Ложь об условном оборончестве, о двух партиях и наиболее гнусную ложь о повстанчестве мы бросаем клеветникам в лицо!

Голос из оппозиции: Правильно!

Троцкий: Но не роняет ли критика оппозиции авторитет СССР в международном рабочем движении? (Реплика не слышна.) Я не отвечаю за тех, кто отозвался.

Самая постановка этого вопроса не наша. Это церковно-поповская или сановио-генеральская постановка вопроса об авторитете. Католическая церковь требует непререкаемого признания своего авторитета со стороны верующих. Революционер поддерживает, критикуя, и чем неоспоримее на деле его право на критику, тем с большей преданностью он борется за то, в создании и укреплении чего принимал непосредственное участие. Критика сталинских ошибок может, конечно, понизить "непререкаемость" дутого сталинского авторитета. Но не этим держится революция и Республика. Открытая критика и действительное исправление ошибок покажут всему международному пролетариату внутреннюю силу режима, который в труднейших условиях находит внутренние гарантии правильного пути. В этом смысле критика оппозиции и те последствия, к которым она начинает уже приводить, а завтра приведет гораздо более, в последнем счете повышают авторитет Октябрьской революции и укрепляют ее не слепым, а революционным доверием международного пролетариата – и тем самым повышают нашу обороноспособность в международном масштабе.

Проект резолюции Политбюро говорит:

"Подготовка войны против СССР означает не что иное, как воспроиз-

ведение на расширенной основе классовой борьбы между империалистической буржуазией и победоносным пролетариатом''.

Правильно ли это? Безусловно. Нелепо даже ставить такой вопрос. Но резолюция прибавляет: "Всякий, кто, как оппозиция в нашей партии, ставит под сомнение этот характер войны..." и т. д. Ставит ли оппозиция под сомнение этот общий классовый смысл войны? Вздор! Не ставит. Ни в малейшей степени. Утверждать противоположное могут лишь те, которые, вконец запутавшись сами, хотят запутать других. Значит ли это, однако, что общий классовый смысл, для всех нас бесспорный, покрывает всякую ошибку, всякое сползание? Нет, не значит. Нет, не покрывает. Если заранее и раз навсегда считать, что данное руководство есть единственно мыслимое, прирожденное руководство...

Скрыпник: Хоть не прирожденное, но естественное.

Троцкий: Тогда всякая критика неправильного руководства представится отрицанием защиты социалистического отечества и призывом к повстанчеству. Но такая позиция есть попросту отрицание партии. В случае войны, партия годится только на то, чтобы защищать, а как защищать, это ей укажут другие.

Еще раз, короче и проще: берем ли мы, оппозиция, под сомнение защиту социалистического отечества? Ни в малейшей степени. Надеемся не только защищать, но и других кое-чему научить. Берем ли мы под сомнение способность Сталина наметить правильную линию для защиты социалистического отечества? Берем, и притом в высшей степени.

В своей недавней статье в "Правде" Сталин ставит такой вопрос: "Неужели оппозиция против победы СССР в грядущих боях с империализмом?" Позвольте повторить: "Неужели оппозиция против победы СССР в грядущих боях с империализмом?" Оставим в стороне наглость вопроса. К строго взвешенной характеристике сталинских методов Лениным – грубость и нелояльность – сейчас возвращаться не будем. Возьмем вопрос, как он поставлен, и дадим на него ответ. "Против победы СССР в грядущей войне с империализмом" могут быть только белогвардейцы. Оппозиция за победу СССР, она доказала и докажет это делом не хуже других. Но для Сталина дело не в этом. В сущности, Сталин имеет ввиду другой вопрос, который не решается высказать. Именно: "Неужели оппозиция думает, что руководство Сталина не в состоянии обеспечить победы СССР"? Да, думает.

Зиновьев: Правильно.

Троцкий: Оппозиция думает, что руководство Сталина затрудняет победу.

Молотов: А партия где?

Троцкий: **Партию вы задушили.** Оппозиция думает, что руководство Сталина затрудняет победу. Оппозиция утверждала это в отношении китайской революции. Ее предостережения в ужасающей степени подтвердились событиями. Надо менять политику, не дожидаясь такой же катастрофической проверки внутри. Оппозиция говорит партии, надо менять политику, не дожидаясь такой катастрофической проверки внутри, как в Китае. Каждый оппозиционер, если он действительный,

а не фальшивый оппозиционер, займет в случае войны тот пост на фронте или в тылу, какой ему поручит партия и выполнит свой долг до конца. Но ни один оппозиционер не откажется от своего права и долга, накануне войны или во время войны, бороться за исправление партийного курса – как это было в партии всегда, – ибо в этом лежит важнейшее условие победы. Резюмирую: за социалистическое отечество? Да! За сталинский курс? Нет! Мы хотим, чтобы партия имела возможность открыто исправить сталинский курс путем исправления тех ужасающих ошибок, которые привели к величайшим поражениям.

Голос: Вас надо исправить.

Скрыпник: Партия вас не уполномочивала.

Троцкий: Партия меня уполномочивала, как члена ЦК, говорить правду ЦК.

Скрыпник: Но не перевирать.

Голос с места: Фракция вас уполномочила.

Стабилизация и полевение масс

Троцкий: "Проект тезисов о международном положении" в основу своих выводов кладет "факт укрепления капитализма – как в области чисто экономической, так и в области политической". С другой стороны, тезисы говорят: "Основной процесс среди западно-европейского пролетариата есть процесс полевения", причем эта мысль как бы направляется против оппозиции. Тезисы путают в этом вопросе, как и в других. Совершенно бесспорно, что капитализм вышел из того состояния, когда он либо совсем выпускал вожжи из рук, как это было в 1920 г. в Италии, в 1923 г. – в Германии, либо громил рабочих, непрерывно разрушая производительные силы. Благодаря слабости компартии, с одной стороны, ошибкам руководства – с другой, капитализм, после наиболее острого, послевоенного кризиса, нашел возможность открыть внутреннюю и внешнюю борьбу за свое упрочение и расширение. Но именно эта борьба выражается в обострении классовых столкновений, с одной стороны, в обострении мировых трений – с другой, и тем самым таит в себе все новые и новые классовые и военные конфликты и потрясения. Такова общая стратегическая линия развития. Вся эпоха остается социально-революционной. Именно поэтому процесс полевения масс в большом историческом масштабе несомненно происходит и проявляется в подпочвенных сотрясениях и прямых вулканических взрывах, пробивающих кору перселевщины, отто-бауэровщины и пр.

Однако, в этой основной, так сказать, стратегической кривой нынешней эпохи есть свои тактические изгибы, спуски, понижения, иногда очень глубокие. Поражение германского пролетариата в 1923 г., поражение великих стачек в Англии, поражение китайского пролетариата, – каковы бы ни были их причины, сами становятся причиной временного снижения революционного уровня преимущественно в верхних слоях пролетариата, усиливают на известный период социал-демократию за счет коммунистической партии, – что мы наблюдали за последний

период во всей Европе – и внутри компартии дает временный перевес правому крылу за счет левого, – что опять-таки является общим для большинства партий Запада.

Роль рабочей аристократии, рабочей бюрократии и мелкобуржуазных попутчиков в такие периоды особенно велика и особенно реакционна. Стоящая у власти ВКП не составляет исключения из этого международного процесса. Неправильный режим к тому же урезывает активность рабочих,

Голос с места: Договорились.

Троцкий: мешает им быстро понять причины поражений и преодолевать их последствия. Правое крыло, пользуясь могущественным аппаратом, бьет исключительно влево и механическими средствами еще больше перемещает соотношение сил в ущерб левому крылу. Таковы общие причины, в силу которых левая оппозиция все более и более отделялась в последнее время от влияния на направление политики Коминтерна, ВКП и советского государства, тогда как от имени Коминтерна все больше и все громче выступают правые, полусоциал-демократические элементы, которые уже после Октября были в лагере врагов, а затем были допущены в ряды Коминтерна скорее на положении испытуемых. Тем временем в массах накопляются элементы нового сдвига влево, нового революционного подъема, который раньше или позже наступит. Оппозиция теоретически и политически подготовляет этот завтрашний день.

* * *

Два слова об армии. В обороне страны сочетаются все факторы экономики, политики и культуры. Но есть особое, непосредственное орудие обороны – это армия. Роль этого орудия имеет решающий характер. Военная область есть та область, которая резче всего отражает не только сильные, но и слабые стороны режима, все сдвиги политики, все ее ошибки и просчеты. В то же время в этой области легче, чем в какой бы то ни было другой, обмануть себя видимостью, фасоном и звоном. Не раз уже в истории режим проверялся через армию. Здесь лучше перегнуть в сторону критики, чем благодушного доверия. Несколько военных работников, под влиянием возможной угрозы войны, обменивались за последний период мнениями по поводу состояния наших вооруженных сил.

Скрыпник: Ого, уже военные совещания были.

Троцкий: Из числа этих товарищей назову тов. Муралова – инспектора военно-морских сил, тов. Путна и тов. Примакова – командиры корпусов, снятые за оппозиционные взгляды; тов. Мрачковского и тов. Бакаева. Каждый из них предан делу социалистической республики, не менее любого из здесь присутствующих. Результат их обсуждения изложен в виде документа, заключающего в себе программу изменений, необходимых для поднятия революционного уровня и боеспособности армии. Этот документ я, через тов. Рыкова, в одном экземпляре вручу Политбюро ЦК.

Этот документ, подходящий к вопросу критически и с полным знанием дела, охватывающий все вопросы строительства Красной армии, мы не предполагали зачитывать на объединенном Пленуме, – не потому, что этот вопрос не должен обсуждаться в ЦК, – это есть вопрос жизни и смерти для партии и революционной страны, – а потому, что мы в данной обстановке не хотели давать повода Молотову, Ярославскому и им подобным превращать наиболее важный и острый вопрос в материал для склоки или, как у Ворошилова, для насквозь фальшивых, непартийных, некоммунистических речей, на тему о чести оскорбляемого мундира, тогда как мы ставим вопрос об интересах партии и государства. Однако, после речи тов. Ворошилова мы считаем целесообразным оглашение нашего документа – без стенограммы и без включения его в протокол, – дабы вызвать у Пленума потребность более серьезной проверки положения государственной обороны, чем та поверхностная оценка, какая дана в речи тов. Ворошилова. Решение вопроса об оглашении или неоглашении этого документа на этом Пленуме, по соображениям государственной целесообразности, мы представляем Политбюро. Пока же этот документ будет вручен в одном экземпляре, как сказано, тов. Рыкову за полной ответственностью подписавших. (Шум в зале.)

Л. Троцкий

1 августа 1927 г.

ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

Уважаемый Лев Давыдович!

Хочу Вам напомнить, что в прошлом нашей партии мне известны случаи, когда по вопросам внешнего строительства, отдельными товарищами и группами подавались записки, и эти поступки не вызывали никакого дисциплинарного воздействия ЦК на подавших, а иногда вызывали даже прямое поощрение или одобрение.

Итак, во-первых, в 1921 г. я по должности командующего войсками низовьев Волги наблюдал, что переживала Красная армия в тяжелых условиях борьбы с бандитами и голода и счел необходимым свои впечатления и соображения довести до сведения ЦК. Такая записка была мною подана в ЦК (еще с наличием В. И. Ленина в его составе) и не вызвала никаких нареканий, а тем более репрессий по моему адресу ни со стороны ЦК, ни РВС как руковод[ства] вооруженными силами (копия записки у меня сохранилась).

Во-вторых, в начале 1924 г. на ВАКе (Высшие академические курсы) фигурировал документ – докладная записка в ЦК (составленный при участии тт. Дыбенко, Федько, Урицкого, Белова и других) по вопросам военного строительства, и этот документ, через посредство Г. Д. Ханьяна, было предложено подписать и мне, со ссылкой, что отдельным членам ЦК уже известно о наличии этого документа и подача его в ЦК одобряется.

Резко расходясь во взглядах с группой поименованных товарищей, я

не подписал этой записки, но знаю, что она подана в ЦК и все подписавшие товарищи остались "невредимы", а составление записки в ближайшее после подачи время получило продвижение по службе.

Причем, как мне помнится, на заседании РВС СССР зимой и весной 1924 г. было известно о наличии этой записки в ЦК, но это, тем не менее, не вызвало каких-либо мер РВС по адресу товарищей в то время (ВАК) состоявших в рядах партии.

С коммунистическим приветом,

В. Путна

Москва, 3 августа 1927 г.

ОТВЕТ МАНУИЛЬСКОМУ

Мануильский доказывал, что тов. Троцкий – Баррер. Этим самым Мануильский доказывал, что у нас имеются элементы термидорианства.

Обвинение в том, что оппозиция тянет к буржуазной демократии, что успех оппозиции означал бы успех буржуазной демократии, есть признание наличия термидорианской опасности.

Обвинять оппозицию, как мелкобуржуазный уклон, и в то же время отрицать опасность возвращения буржуазного режима, значит не связывать концов с концами.

Перед введением нэпа и в первый период его у многих из нас было немало разговоров с Лениным о Термидоре и его опасностях. Никому и в голову не приходило нелепое профессорски-педантское или бюрократически-шарлатанское рассуждение о невозможности Термидора – ввиду социалистического характера революции и пр. и пр.

Л. Троцкий

3 августа 1927 г.

КРОНШТАДТ

Кронштадская форма Термидора путем захвата военной механики. Но можно сползти к Кронштадту. Если кронштадтцы под лозунгом Советов и во имя Советов спускались к буржуазному режиму, то можно сползти на кронштадтские позиции даже со знаменем коммунизма в руках. В этом и состоит дьявольская хитрость истории.

Л. Троцкий

3 августа 1927 г.

ТРОЦКИЗМ И МЕНЬШЕВИЗМ В КИТАЙСКОМ ВОПРОСЕ

Заявление

Прошу в конце заседания огласить нижеследующее.

В своей речи по вопросу о международном положении я сослался на тот неоспоримый факт, что меньшевики полностью одобряют по китайскому вопросу линию Сталина-Мартынова-Бухарина. У нас этот факт, как и многие другие, остается неизвестным даже верхнему слою партии только потому, что печатные сводки белой печати, не говоря о статьях "Правды", составляются в высшей степени пристрастно и недобросовестно. По поводу моего указания на то, что Дан и Абрамович считают линию Сталина-Бухарина, в противовес линии оппозиции, правильной, т. е. меньшевистской, были сделаны на Пленуме попытки опровержения, грубость которых не прикрывала их несостоятельности. Я обязался тогда же привести точные цитаты. Привожу пока две.

Цитата № 1

"В принципе" большевики тоже стояли за сохранение "единого фронта" в китайской революции до завершения национально-освободительной задачи. Еще 10 апреля Мартынов в "Правде" *весьма вразумительно* и, несмотря на обязательные ругательства по адресу социал-демократии, *совсем "по-меньшевистски"* доказывал "левому" оппозиционеру Радеку правильность официальной позиции, настаивающей на необходимости сохранять "блок четырех классов", не спешить с разрушением коалиционного правительства, в котором рабочие заседают совместно с крупной буржуазией, не навязывать ему преждевременно "социалистических" задач". ("Социалистический вестник", № 8, 23 апреля 1927 г., стр. 4, два первых курсива мои.)

Цитата № 2

По поводу тезисов тов. Сталина для пропагандистов "Социалистический вестник" писал: "Отвлекаясь от обязательной для обер-коммуниста словесной шелухи, *вряд ли можно многое возразить против существа "линии", намеченной в тезисах"*. По возможности не уходить из Гоминдана и цепляться до последней крайности за его левое крыло и уханское правительство; "избегать решительного боя в невыгодных условиях"; не выдвигать лозунга "вся власть Советам", дабы не "дать врагам китайского народа нового оружия в руки для борьбы с революцией, для создания новых легенд о том, что в Китае происходит не национальная революция, а искусственное пересаживание московской советизации" – *что, может быть, в самом деле разумнее для большевиков* теперь, после того, как "единый фронт", по-видимому, разрушен бесповоротно, и вообще разбито столько посуды в самых "невыгодных условиях"? ("Социалистический вестник", № 9/151, 9 мая 27 г., с. 1, курсивы мои.)

Такие же и еще более яркие цитаты можно представить из всей социал-демократической печати, от Варшавы до Нью-Йорка.

[август 1927 г.] *Л. Троцкий*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! *Строго секретно*

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ 12511/с 4 августа 1927 г.

ЧЛЕНАМ И КАНДИДАТАМ ЦК И ЧЛЕНАМ ЦКК

По поручению тов. Сталина, посылается Вам для сведения "заявление по поводу речи тов. Молотова" – тт. Каменева, Зиновьева, Пятакова и др.

Приложение: экз. № 52 на 4 листах.

Пом. секретаря ЦК *(подпись)*

Экз. № 52
Исх. № 12511/с
От 4 августа 27 г.

Копия
Секретно

ОБЪЕДИНЕННОМУ ПЛЕНУМУ ЦК И ЦКК ВКП (б)

Просим огласить

Заявление по поводу речи тов. Молотова о "повстанчестве" оппозиции

Субботняя речь тов. Молотова дала понять, чего хочет, к чему стремится тесная фракция Сталина. В ответ на клевету о пораженчестве или **"условном оборончестве"** мы заявляли и здесь опять повторили, что оппозиция не ставит никому условий обороны, а борется и будет **бороться за создание условий победы.**

Тов. Молотов по этому поводу заявил – и в этом была единственная цель всей его речи, – что линия оппозиции, как линия левых эсеров в 1918 г., **ведет к повстанчеству против партии и советской власти. В этих словах совершенно точно и ясно охарактеризована не линия оппозиции, а линия центральной группы Сталина.**

Левые эсеры представляли собою самостоятельную партию, которая находилась во временном блоке с нашей партией. Левые эсеры особенно остро разошлись с нашей партией по вопросу: воевать с немцами или заключать мир? Оставшись на съезде Советов в меньшинстве, левые эсеры подняли вооруженное восстание против советской власти. К счастью для революции, они были нами разгромлены.

Одновременно с левыми эсерами против Брестского мира выступали левые коммунисты. Они вели свою борьбу самыми резкими, нередко совершенно недопустимыми методами, договаривались до условного оборончества по отношению к социалистическому отечеству, угрожали

партии расколом в обстановке гражданской войны и опасности извне. И все же дело не дошло не только до "повстанчества", но и до раскола: не было даже ни одного исключения из партии. Объясняется это тем, что ЦК нашей партии, под руководством Ленина, не только не разжигал разногласий, но и – несмотря на прямое восстание левых эсеров, с которыми левые коммунисты отчасти сближались (некоторые совместные голосования) – не позволил себе ни разу и тени провокационных заподозреваний насчет "повстанчества". На этом одном уже видно коренное различие между глубоко партийным духом и методами ленинизма и сталинизма.

Слова Молотова о "повстанчестве" по отношению к нынешней оппозиционной части единой партии не случайны. Они составляют часть плана, давно и хорошо продуманного. Многие из вас, товарищи, уже выполнили части и частицы этого плана, не видя и не зная всего плана в целом. Мы предупреждали вас о первом этапе этого плана – о радикальном изменении руководства партии – в июле прошлого года, в послесловии к нашей декларации (см. "Стенографический отчет Объединенного пленума ЦК и ЦКК" 23–26 октября 1926 г.", стр. 36). Сейчас, когда близится к полному завершению первый этап плана, Молотов ставит нас своей речью перед вторым и заключительным этапом. Произнося по отношению к оппозиции слово "повстанчество", ядро сталинской фракции хочет приучить партию к мысли о разгроме оппозиции.

Мы считаем необходимым со всей ясностью предупредить об этом ЦК и ЦКК.

Неправда, будто оппозиция стоит на точке зрения условного оборончества. Зато безусловная правда, что сталинская фракция старается и в деле обороны вогнать клин между оппозицией и остальной частью партии, выбрасывает, в обстановке надвигающейся военной угрозы, виднейших военных работников в Хабаровск, в Японию, в Афганистан и т. д. и тем ослабляет оборону страны.

Неправда, будто оппозиция готовит вторую партию. Зато безусловная правда, что сталинская фракция раз навсегда хочет подчинить себе партию методами не только партийного, но и государственного аппарата.

Неправда, будто оппозиция считает, что революция вступила в эпоху Термидора и что термидорианской является наша партия. Партия придушена, ее способность к отпору ослаблена. А элементы Термидора в стране налицо, и они безнаказанно просовывают свою голову в партию. Когда злейший враг коммунизма Устрялов настойчиво требует от Сталина полного разгрома оппозиции, то это ясный и недвусмысленный язык Термидора. И когда из разгрома левого крыла партии Сталин делает главное содержание своей работы, то он этим помимо своей воли окрыляет Устрялова и компанию, их укрепляет, а позиции пролетариата ослабляет.

Неправда, будто путь оппозиции ведет к восстанию против партии и советской власти. Зато неоспоримая правда, что сталинская фракция на пути достижения своих целей холодно наметила развязку физического

разгрома. Со стороны оппозиции нет и намека на угрозу повстанчества. Зато со стороны сталинской фракции есть подлинная угроза дальнейшей узурпации верховных прав партии. Устами Молотова эта угроза провозглашена открыто. Подготовляя на деле шаг за шагом разгром оппозиции, под предлогом "повстанчества", сталинская верхушка на словах успокаивает колеблющихся членов ЦК и ЦКК тем, что дело до этого не дойдет, что нужно только оппозицию попугать, – таким путем сталинская группа постепенно втягивает в свой замысел более широкие круги, приучая их к плану, который в чистом своем виде сегодня еще неизбежно отпугнул бы их.

Ввиду этого, мы считаем нужным сказать здесь то, что должно было бы разуметься само собою: **оппозиция не даст себя запугать ни клеветой, ни угрозами физического разгрома.** Колеблющиеся единицы отходят от оппозиции, десятки и сотни убежденных событиями низовых партийцев примыкают к нам. Оппозицию нельзя запугать угрозой. Оппозицию нельзя сломить репрессией. То, что мы считаем правильным, мы будем отстаивать до конца. Мы верим в пролетарское ядро партии. Мы знаем, что события работают за ленинскую линию, стало быть, – на оппозицию. Мы верим, что выправить линию партии в условиях мира, как и войны – можно не только без "повстанчества" и "двух партий", но и без потрясений и репрессий вообще. Оппозицию нельзя запугать. Но нужно оградить революционное единство партии от все более грозных тенденций узурпаторства. Оппозиция сохраняет за собой право терпеливо и настойчиво разъяснять свои взгляды, опираясь на ход событий. Но против дальнейших попраний партийного устава, против узурпации прав съезда, против захвата партийного слова и партийной печати в руки искусственно подобранной фракции сталинцев, против зажимания рта оппозиции руками госаппарата, против учения о несменяемости сталинского руководящего ядра, против теории и практики узурпаторства (захватничества) оппозиция будет непримиримо бороться всеми средствами, совместными и с революционным единством партии и с незыблемостью диктатуры пролетариата. Оппозиция не позволит разрешать основные вопросы пролетарской революции в четырех стенах сталинской фракции. Решать должна и будет партия. Мы полностью и до конца – за революционное единство ВКП и Коминтерна.

Вместе с тем, мы снова повторяем, что с готовностью пойдем навстречу всякому предложению, которое может улучшить внутрипартийные отношения. Смягчить внутреннюю борьбу, облегчить партии и ЦК более правильное использование всех сил, – на любой работе – для нужд партии и советского государства, наконец, создать условия, обеспечивающие всестороннюю проверку партией действительных разногласий и выработку правильной линии на XV партийном съезде.

4 августа 1927 г.

Каменев *Петерсон* *Зиновьев*
Раковский *Пятаков* *Евдокимов*
Смилга *Лиздин* *Муралов*
Соловьев *Троцкий* *Авдеев*
Бакаев

Верно: *Виноградова*

ТРИ ГОМИНДАНА СТАЛИНА

Зиновьев: В 1917 г., до приезда Владимира Ильича, тов. Сталин на мартовском совещании большевиков, как об этом свидетельствует существующая стенограмма, которую я просил бы напечатать и раздать, говорил следующее:

"Временное же правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа. Совет рабочих и социал-демократов мобилизует силы, контролирует. Временное же правительство, упираясь, путаясь, берет роль закрепителя тех завоеваний народа, которые фактически уже взяты им. Такое положение имеет отрицательные, но и положительные стороны: нам невыгодно сейчас форсировать события, ускоряя процесс откалывания буржуазных слоев, которые неизбежно впоследствии должны будут отойти от нас. Нам необходимо выиграть время, затормозив откалывание средне-буржуазных слоев, чтобы подготовиться к борьбе с Временным правительством.

Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, постольку ему поддержка, поскольку оно контрреволюционно, – поддержка Временного правительства неприемлема" (см. мартовское партийное совещание 1917 г.).

И дальше, в той же стенограмме:

"В порядке дня предложение Церетели об объединении.

Сталин: Мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения о линии объединения: возможно объединение по линии Циммервальда-Кинталя. Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия" (см. там же).

Верно ли было это или нет? Нет, неверно. Большевизм ли это? Нет. Похоже ли это на то, что говорил Ленин? Нет, ни в какой мере не похоже на то, что говорил Ленин. Но это очень похоже на то, что говорит Сталин теперь о китайской революции. Да, похоже. Это был его первый "Гоминдан" – в русском масштабе.

Второй его "Гоминдан" относится к германской революции 1923 г., – вопрос, который имеет мировое значение. Это исторический вопрос и его, конечно, тоже нужно будет осветить, на нем тоже нужно остановиться. Второй "Гоминдан" Сталина случился в августе 1923 г., когда движение поднялось в Германии. В этот момент тов. Сталин писал мне и тов. Бухарину, которые находились в это время в отпуске и которые находились в разногласии с ним по этому вопросу. Он писал следующее:

"Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без социал-демократов, созрели ли они уже для этого,– в этом, по-моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как: а) мир, б) землю крестьянам, в) поддержку громадного большинства рабочего класса, г) сочувствие крестьянства. Ничего такого у немецких коммунистов сейчас нет. Конечно, они имеют по соседству Советскую страну, чего у нас не было, но что можем дать им в данный момент? Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее

подхватят, оии провалятся с треском. Это "в лучшем" случае. А в худшем случае – нх разобьют вдрсбезги и отбросят иазад. Дело ие в том, что Брандлер хочет "учить массы", дело в том, что буржуазия, плюс правые соцнал-демократы наверняка превратили бы учебу-демонстрацию в генеральный бой (они имеют пока что все шансы для этого) и разгромили бы нх. Конечно, фашисты не дремлют, ио нам выгоднее, чтобы фашнсты первые иапали: это сплотит всеь рабочий класс вокруг коммунистов (Германия – ие Болгария). Кроме того, фашнсты по всем данным слабы в Германии. По-моему, немцев надо удержать, а не поощрять".

Я утверждаю, товарищи, это есть логическое продолженне сталинского уклона марта 1917 г. Это есть второй германский, так сказать, "Гоминдан". Постановка вопроса о том, что власть мы не можем брать без соцнал-демократии, что если власть упадет, то се коммуиисты ие должны поднять н брать, что фашнсты слабы, как "слаб" Чан Кайши в 1927 г. н т. д. – это второй германскнй "Гомнндан" Сталина.

И, наконец, третий "Гомиидан", всамделишний китайский Гоминдан 1927 г., который я также хотел бы вам иллюстрнровать. Леиин говорил:

"Обещаниями "кормилн" народ и одурачивали рабочих все буржуазные политиканы во всех буржуазных революциях.

Наша революция буржуазная, поэтому рабочие должиы поддерживать буржуазию, – говорят ннкуда негодные политики нз лагеря ликвидаторов.

Наша революция буржуазная, – говорим мы, – марксисты, – поэтому рабочие должиы раскрыть глаза народу иа обман буржуазиых политиканов, учнть его не верить словам, полагаться только на свои силы, на свою организацию, на свое объединенне, иа свое вооружение". (Леиин, т. XIV, ч. 1, стр. 11.)

Относится лн это также н к китайской революции? Целиком и полностью.

Г. Зиновьев

август 1927 г.

Объединенный пленум ЦК н ЦКК ВКП (б)
29 июля – 9 августа 1927 г.
стенограф. отчет выпуск III, стр. 22

РЕЧЬ ТРОЦКОГО НА ЗАСЕДАНИИ ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА 6 АВГУСТА 1927 г.

Троцкий: (читает речь). Здесь вчера тов. Сталин говорнл о том, что оппозиция стоит под знамснем троцкнзма. Первым и основиым прнзнаком троцкнзма тов. Сталин поставил отрицаиие теорнн построеиия социализма в отдельной стране. Этот вопрос, товарищн, ие снят, – с моей точки зрения; н думается, не будет сият с порядка дня в теченне ближайшего пернода. Ссылка на те или другне уже состоявшиеся решеиия,

если бы даже эта ссылка была правильна, означала бы только, что эти решения нужно пересмотреть, как явно ошибочные. На самом деле, вопрос этот никогда не рассматривался, как самостоятельный вопрос, в полном объеме, и никогда не выносилось по этому вопросу сколько-нибудь исчерпывающего решения.

Голос с места: Может быть, вы будете отвечать на вопросы, поставленные вам вчера?

Троцкий: Между тем, именно на этом вопросе обнаруживается ярче всего несерьезность попытки выставить наш подход к вопросу, как "троцкистский", в противовес марксистскому или ленинскому (возгласы). Я понимаю так, что дело идет о политическом течении, которое обсуждается, прежде всего, по политической линии, – по линии так называемого "троцкизма", якобы расходящегося с ленинизмом; именно по этой основной линии обвинения я сейчас и даю объяснения объединенному пленуму ЦК и ЦКК. Я утверждаю, товарищи, что это основное обвинение в корне неправильно. Ведь нельзя же вычеркнуть тот факт, что еще в 1924 г., т. е. уже после смерти Владимира Ильича, Сталин совершенно ясно и точно формулировал свой взгляд на невозможность построения социализма, т. е. социалистического общества в отдельной стране. Выходит, что уже после смерти Ленина, всего каких-нибудь два года тому назад, Сталин развивал "троцкистский" взгляд на вопрос о построении социализма в отдельной стране.

Каганович: Вы про себя расскажите.

Голос: Об этом уже говорилось.

Троцкий: Можно сказать, Сталин ошибался, а потом поправился. Но каким же образом он мог так ошибаться, в таком вопросе? Если верно, что Ленин уже в 1915 г. дал теорию построения социализма в отдельной стране (что в корне неверно); если верно, что в дальнейшем Ленин только подкреплял и развивал эту точку зрения (что в корне неверно), – то как же, спрашивается, Сталин мог по такому важнейшему вопросу выработать для себя при жизни Ленина, в последний период его жизни, тот взгляд, который нашел свое выражение в сталинской цитате 1924 г.? Выходит, что в этом коренном вопросе Сталин попросту был всегда троцкистом и только после 1924 г. перестал быть им.

Антипов: Отвечайте на то, какие вопросы вам задавались. По 4 пункту говорите. Нечего отвлекать внимание.

Каганович: Вы расскажите о дискуссии 1915 г.

Троцкий: Было бы недурно, если бы тов. Сталин нашел у себя хотя бы одну цитату, доказывающую, что он и до 1925 г. говорил о построении социализма в одной стране. Не найдет! А Бухарин? Вот три цитаты, одна 17, две другие 23 г. И все они свидетельствуют, что мы, оппозиционеры, в настоящий момент по этому важнейшему вопросу развиваем ту точку зрения, которая была общепартийной точкой зрения не только при жизни Ленина, но и два или полтора года тому назад, значит, после его смерти. Бухарин говорил о пролетариате в России, что он идет к власти, к социализму. "Однако, эта задача, которая "ставится на очередь" и в России, не может быть разрешена "внутри национальных

границ". Здесь рабочий класс натыкается на непреодолимую стену, которая может быть пробита только тараном международной рабочей революции" (Бухарин, "Классовая борьба и революция в России", сс.3–4, издание МК и Облбюро, 1917 г.).

В 1919 г. Бухарин говорил еще больше того: "Период подъема производительных сил может наступить лишь с победой пролетариата в нескольких крупных странах" (Бухарин, "Коммунистический Интернационал", № 5, сент. 1919 г., стр. 614). Не построение социализма, но даже подъем производительных сил может наступить, по Бухарину, лишь с победой пролетариата в нескольких крупных странах. Отсюда вывод о необходимости всемерного развития мировой революции.

Возгласы: Говорите по существу.

Троцкий: Наконец, далее Бухарин говорит, что "Интернационал осуществит..."

Возгласы: Это совершенно недопустимо. Говорите по существу. Почему вы увиливаете от ответов на прямые вопросы? (Шум.) (Звонок председателя.)

Троцкий: ...что "осуществит взаимную помощь со стороны пролетариата различных стран, а без экономической и других видов взаимной поддержки пролетариат не в состоянии (не в состоянии!) построить новое общество". ("Коммунистический Интернационал", № 8, май 1919 г., стр. 94.) Я этим отвечаю прямо и непосредственно на утверждение, которое сделал здесь тов. Сталин именно по тому самому пункту порядка дня, который мы сейчас рассматриваем, – на утверждение, которое гласит, что отход оппозиции от ленинизма на путь так называемого "троцкизма" произошел прежде всего в вопросе о социализме в отдельной стране. Я еще напоминаю, что в программе комсомола, которая принята была в 21 г. и сохраняется до сего дня, ясно формулировано то положение, которое ставится нам в вину, как троцкизм.

Возгласы: Говорите по существу. Вы не имеете смелости ответить на обвинения.

Троцкий: Я спрашиваю, товарищи: значит и Бухарин в 17, 19 и 21 гг. был в этом вопросе троцкистом? Нет, он был тогда именно в этом вопросе ближе к Марксу, Энгельсу, Ленину, чем во многих других вопросах. А программа комсомола? Правда, тов. Шацкин сделал довольно наивную попытку взять ответственность за составление этой программы на себя.

Шацкин: Я ее писал.

Скрыпник: И Шацкина задел.

Троцкий: Выходит, что Шацкин собственным умом дошел в 21 г. до мысли, что вся старая традиция марксизма неверна, и, придя к этому выводу, нашел возможным внести и закрепить в программе комсомола свою троцкистскую ересь. (Шум.)

Шверник: Поговорите лучше о тех обвинениях, которые вам предъявлены.

Троцкий: Ни Бухарин, ни Сталин, оказывается, этого не заметили. (Возгласы.) Я перейду к другим обвинениям, которые мне предъявляют,

после того, как отвечу на обвинение, самое основное и принципиальное. Ни Сталин, ни Бухарин не заметили этого, т. е. не заметили того, что в программе комсомола есть пункт о связи строительства социализма с мировой революцией, который формулирован точно так же, как формулировали его мы, оппозиция, сейчас. Не заметил этого будто бы и Ленин, который умел многое замечать. (Шум.)

Петровский: Тов. председатель, надо держать оратора ближе к пункту, который обсуждается.

Ворошилов: Правильно!

Каганович: Вы в 15 г. спорили с Лениным или нет?

Возглас: Скажите про вашу статью в 15 г.

Троцкий: Если мне не будут мешать, то я сейчас скажу и о статье Ленина 1915 г., где ошибка Сталина наиболее очевидна.

Никто, оказывается, не заметил по коренному вопросу, по вопросу о связи строительства социализма с мировой революцией, троцкистской ереси в программе комсомола, которая существует уже несколько лет, которая существует и сейчас.

Возглас: А кто вас исправил, не Ленин разве?

Троцкий: И я повторяю: разве случайность заявления Бухарина? (Шум. Звонок председателя.) Случайность программа комсомола? Случайность? Все, что писали по этому поводу Маркс и Энгельс, – отметается. Все, что говорил по этому вопросу Ленин, – отметается, кроме одной-единственной искажаемой Сталиным цитаты 15 г., на которую ссылался именно по пункту 4-му порядка дня тов. Сталин и по поводу которой меня прерывают сейчас. Об этой цитате я вынужден сказать несколько слов.

Голоса: Отвечайте лучше о Термидоре, о Клемансо, о двух партиях. Ответьте на все обвинения, вам предъявленные.

Возглас: Вы не имеете смелости ответить на обвинения.

Голос: Довольно об этой цитате!

Троцкий: Я позволю себе указать, что именно тов. Сталин, именно по этому пункту порядка дня говорил о том, что существует отход оппозиции от ленинизма по вопросу о строительстве социализма в одной стране, что это основное наше грехопадение, что именно в этом выражается "троцкизм". И точно так же, как тов. председатель не останавливал по этому вопросу тов. Сталина, я прошу председателя дать мне возможность внести необходимые разъяснения по этому основному вопросу. (Шум, голоса: Это уже издевательство, довольно!) В тезисах о войне и мире... (Шум.)

Рыков (Председатель): Я получил массу жалоб от членов пленума ЦК и ЦКК по вопросу о том, что речь тов. Зиновьева была посвящена не пункту порядка дня, который стоит на обсуждении. (Голоса: правильно!) Это побудило меня дать некоторым последующим ораторам возможность касаться тех тем, которых касался тов. Зиновьев, но мне кажется, что если мы хотим с четвертым пунктом покончить на протяжении сегодняшнего дня, то все-таки рано или поздно нам придется обратиться к обсуждению его. (Голоса: правильно!) Поэтому мне казалось

бы, что эти требования совершенно целесообразны – посвятить дальнейшую работу на обсуждение вопроса, связанного с докладом тов. Орджоникидзе – предложение об исключении из состава членов ЦК двух его членов Зиновьева и Троцкого. (Голоса: правильно!)

Троцкий: Товарищи, если всем остальным ораторам, в пределах того времени, которое им предоставлялось, давалась возможность говорить о всех тех вопросах, которые, по их мнению, стоят в связи с пунктом четвертым дня, то я думаю, что мне, который является по этому вопросу обвиняемым перед объединенным пленумом ЦК и ЦКК, в таком праве, во всяком случае, нельзя отказать. Тов. Орджоникидзе, – никто ему не сделал за это упрека, – в своем докладе затрагивал все, или почти все вопросы, составлявшие предмет разногласий...

Голоса: Неверно, ничего подобного!

Тальберг: Говорите по существу!

Троцкий: ...даже вопрос о моей оценке роли урожая и неурожая в советской экономике. Так что, ваше право, товарищи, лишить меня слова, но я, в пределах предоставленных мне 45 минут, могу говорить по поводу предъявленных мне обвинений только то, что я считаю необходимым. Если тов. председатель считает, что это неправильно, он, разумеется, может лишить меня слова, и дело пленума – подтвердить вердикт. Мне ничего не остается, как подчиниться. Но, пока я на трибуне, я могу говорить только то, что сам считаю важным, существенным для объединенного пленума по четвертому пункту порядка дня.

Голос: Двадцать раз говорили.

Голос: Скажите, распустите вы фракцию или нет? Вот это вы нам скажите.

Голос: Мы это будем слушать.

Рыков (председатель): Я думаю, что выражу мнение всех членов пленума и ЦК и ЦКК, если скажу, что пленум рассчитывает услышать от тов. Троцкого что-нибудь по тому вопросу, который в настоящий момент стоит на повестке дня (голоса: правильно!), что вопрос о строительстве социализма обсуждался нами и на съездах и на конференциях и является решенным и подтвержденным много раз (голоса: правильно!). Во всяком случае его на повестку настоящего пленума никто не ставил.

Ворошилов (с места): По этому вопросу нужно говорить, выполняете вы или нет...

Троцкий: Если я должен понимать тов. председателя в таком смысле, что я имею право дальше развивать свои мысли и сделать необходимые выводы из общих принципиальных соображений, то это вполне совпадает с тем планом речи, который имеется у меня (смех, шум).

Голос с места: Это не совпадает с порядком дня.

Голос с места: Не занимайтесь казуистикой.

Каганович: Говорите по существу.

Троцкий: Если вы хотите сказать, что я не имею права говорить о том, что я считаю существом для данного пленума в связи с обвинением меня... (шум), если пленум не считает нужным выслушать меня, то он

имеет право меня лишить слова. Я этому подчинюсь, это право пленума.

Каганович: Вам предоставили 45 минут. Говорите по существу, не заговаривайте зубы.

Троцкий: Я и говорю, что в оценке существа вся суть. Если бы не было разногласий, все было бы очень просто. Но в оценке того, что есть существо, я весьма отличаюсь от тов. Кагановича. Это не мешает ему развивать свою точку зрения. А я развиваю свою.

Голос: Говорите по существу (шум).

Троцкий: По вопросу о существе этого вопроса я расхожусь с Кагановичем так же, как например, по вопросу об Амстердаме. Но мне кажется, что я имею право излагать свою точку зрения.

В тезисах о войне и мире (7 января 1918 г.) Ленин говорил о "необходимости для успеха социализма в России известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев..." (Том XV, стр. 64). Что, собственно, означали эти слова в его устах? Какое конкретное экономическое и социальное содержание вкладывал он в них?

Ворошилов с места: Это же все можно разослать и напечатать. (Шум.)

Троцкий: В начале 1918 г., в статье "О "левом" ребячестве и мелкобуржуазности" Владимир Ильич писал: "Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм" (т. XVIII, часть 2, стр. 87). На эту цитату Владимир Ильич ссылался со времени перехода к нэпу не раз. Он приводил ее в своей речи на IV конгрессе Коминтерна, причем тут же добавил, что "это было сказано, когда мы были поглупее, чем сейчас, но не настолько уж глупы, чтобы не уметь рассматривать такие вопросы" (т. XVIII, ч. 2, стр. 87). Совершенно ясно...

Голос с места: Надо пересмотреть ему время.

Троцкий: Совершенно ясно, что ироническое замечание: "мы были поглупее, чем сейчас" относилось к слишком коротким срокам "через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм" (шум).

Рудзутак: Это не имеет никакого отношения к постановлению ЦКК.

Троцкий: Как мог, однако, Ленин давать такой короткий срок для "окончательного "упрочения" социализма? (Шум.) Какое материально-производственное содержание вкладывал он в эти слова? И что означают, с другой стороны, смягчающие иронию слова Ленина о том, что мы были в 18 г. "не настолько уж глупы, чтобы (шум) не уметь рассматривать эти вопросы?" Совершенно ясно, что под окончательным упрочением социализма Ленин понимал не построение социалистического общества в годовой срок... (Шум.)

Рудзутак: Это не речь, а чтение полного собрания сочинений Троцкого...

Троцкий: ...не уничтожение классов, не преодоление противоречия между городом и деревней в двенадцать месяцев, а прежде всего и главным образом восстановление работы фабрик и заводов в руках

победоносного пролетариата. В этом вся суть. (Шум.) Чтобы понять ленинскую постановку вопроса о построении социализма, нельзя вырывать и произвольно перетолковывать отдельные замечания, сказанные в разных условиях, по разным поводам и главное, для разных практических целей. Надо взять ленинскую мысль в ее историческом развитии. И тогда мы найдем, что то, что Ленин говорил насчет построения социализма, например, в 1915 г., т. е. за два с лишним года до октябрьского переворота, освещается правильно и с полной бесспорностью лишь в том случае, если проследить развитие ленинской мысли о построении социализма в годы, следовавшие после октябрьского переворота, когда дело шло уже не о программе, а о теоретическом определении живого опыта.

В 1915 г. Ленин писал: "Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств" (Ленин, т. XIII, стр. 133, "Социал-демократ", 23 августа 1915 г.). В этих словах, еще достаточно общих (1915 г.), заключается уже не только полемика с теми якобы революционерами, которые считали, что революция должна одновременно начаться во всей Европе, если не во всем мире, но и... с будущими "левыми" коммунистами. Первым Ленин говорит: революция может и должна начаться в отдельной стране; в какой? – в той, в которой для нее созреют обстоятельства. Вторых он как бы уже предостерегает: недостаточно взять власть, чтобы сразу же объявить всему капиталистическому миру революционную войну (шум).

Голос с места: Говори по 4 пункту, брось канитель тянуть.

Троцкий: ...Надо прежде всего выиграть время ("передышка") и "организовать у себя социалистическое производство". Только тогда станет возможным активно противостоять капиталистическому миру (шум), поднимая на восстание угнетенные классы других стран. Не ясно ли, что здесь совершенно та же мысль, которую два с половиной года спустя (шум) Ленин гораздо конкретнее и всестороннее развернул в полемике с "левыми" сторонниками революционной войны? Одной власти для войны недостаточно, нужно еще наладить в руках пролетариата производство, чтобы обеспечить существование народа, значит, и самую возможность войны. (Шум.) А для этого понадобится "минимум, несколько месяцев"... Таким образом, в цитате 1915 г. Ленин говорил не о построении социалистического общества, а о первоначальной организации государственного производства – совершенно в таком же смысле, как и позже, в 1918 г., в январских тезисах о мире, он, говоря о социализме, имел в виду возобновление работы после перехода фабрик и заводов в руки рабочего класса, восстановление непрерывности

производства на новых основах – по крайней мере, для питания армии, ведущей войну, для охраны социалистической республики, для распространения международной революции. Не понять Ленина можно было еще в 1915 г. Но как не понять его теперь, когда он свою старую мысль так исчерпывающе разъяснил и словом и делом!

Мы могли бы привести сотни заявлений Ленина с 17 по 23 гг. против "теории" социализма в отдельной стране. Ни одна из них Сталиным не разъяснена и не опровергнута. Смешно противопоставлять всему этому ложно понятую цитату 15 года!

Этот вопрос о построении социализма в отдельной стране приобретает именно сейчас исключительно важное значение, в связи с угрозой надвигающейся войны, и поставлен перед нами в самой конкретной и жизненной форме. Я случайно наткнулся на одну рабочую корреспонденцию. Вы знаете, что есть рабочие корреспонденты, которые пишут не для печати, а специально для информации редакций. В конце февраля этого года, после московской губпарткоиференции, где резко был поставлен вопрос о военной опасности, я перелистывал такую тетрадь корреспонденций, не предназначенных для печати, и нашел следующий поистине замечательный разговор рабочих.

Голоса: Это к 4 пункту?

Каганович: Это надувательство.

Рудзутак: Когда же к порядку дня будете говорить?

Шверник: Давайте нам по 4 пункту.

Троцкий: Дело происходило на государственной кондитерской фабрике "Красный Октябрь". Работница, лет 25-ти, говорит: "Мы воевать не хотим, но раз нам войну навяжут, мы должны встать на защиту нашей страны".

Рабочий, лет 40-ка: "Хорошо поешь, да где-то сядешь! Кто вам велел ввязаться в английские дела и посылать туда деньги? Сами виноваты. Значит, вы не хотите мира, если делаете такие вещи".

Работница, лет 25-ти: "Помогая пролетариату Англии, мы знаем, что за наше добро он не будет платить нам злом и в критический момент может предотвратить ту кровавую бойню, которую готовит нам английский капитализм". Рабочий, лет 50-ти...

Шум. Смех.

Герасимов: А с кладбища нет сведений?

Голос: Старушка 70-ти лет ничего не говорила?

Троцкий: Рабочий, лет 50-ти: "Не лучше ли было бы жить спокойно и строить у себя в стране? Коммунисты расписывали на всех углах и перекрестках, что мы можем построить социализм в одной стране. Тогда, за каким же чертом вы лезете в другие страны, посылаете тысченку-другую английским горнякам?".

Рабочий, лет 40-ка...

Шум, смех.

Рудзутак: Это прямо программа Троцкого.

Шверник: Почему возраст только 40 годами ограничен?

Троцкий: Рабочий, лет 40-ка: "Социализм можно устроить в одной

стране и надо строить, а если они сами хотят воевать, пусть воюют, – мы не хотим" и т. д.

Эта очень красноречивая корреспонденция не для печати подтверждает, что теория социализма в одной стране дает перспективу рабочим. Но перспектива эта ложная. Она не охватывает международного процесса в целом, и именно поэтому выводы из нее ложны; она ослабляет понимание того, что мы в нашем социалистическом строительстве жизненно, кровно, непосредственно связаны с судьбами международной революции. И этим она ведет к нереволюционным, к пацифистским выводам, что полностью доказывается прочитанной мною корреспонденцией. Эта теория, если она укрепится, будет иметь крайне отрицательное значение для развития Коммунистического Интернационала.

Вот почему нужно дать партии возможность обсудить эту новую теорию не по готовым шпаргалкам...

Рудзутак: А сам по шпаргалке читает.

Троцкий: а в порядке честной, открытой, настоящей дискуссии. Вопрос должен быть своевременно поставлен перед 15 съездом, – не в порядке внезапности, а в порядке всесторонней идейной подготовки, проверки, обсуждения, для чего необходимо своевременно издать сборник материалов, открыть своевременное обсуждение в "Большевике" или в другом специально дискуссионном предсъездовском органе; дать возможность оппозиции издать свои речи и статьи по этому вопросу в отдельном сборнике или вместе с речами и статьями представителей большинства ЦК.

Степанов: А по 4 пункту?

Уханов: Читайте лучше что-нибудь из Чехова.

Троцкий: Тов. Ярославский говорит, что по вопросу о внутренних отношениях партии и в том числе об отношениях между Центральным Комитетом и партией...

Голос: А как вы думаете о той партии, членом которой вы состоите?

Троцкий: Оппозиция стоит будто бы на точке зрения "троцкизма". Но в чем же этот троцкизм состоит? Тов. Ярославский конкретизировал это обвинение по нашему адресу в своем докладе в Киеве перед активом, где он привел тот факт, что оппозиция в своей фракционной работе докатилась до того, что тт. Муралов и Харитонов внесли на фракцию съезда Советов оппозиционные поправки к тезисам тт. Калинина и Куйбышева. Это, конечно, право тов. Ярославского – осуждать эти поправки. Но мало того. Сам факт их внесения он называл фракционностью и троцкизмом. Вот его буквальные слова: "Почему фракции съезда Советов обсуждают этот вопрос после того, как пленум ЦК одобрил линию ЦК? Разве фракция съезда Советов выше пленума? Это троцкистское понимание нашей партии, что можно апеллировать от пленума ЦК к фракции съезда Советов, если они не согласны с пленумом ЦК".

Товарищи, если так трактовать троцкизм, то я утверждаю, что под понятие троцкизма подойдет каждая попытка каждого партийца использовать свои законнейшие партийные права. Что касается, в частности, и

в особенности, апелляции к фракции съезда Советов, то, может быть, это можно было бы еще поставить в вину членам ЦК, если бы они это сделали. Но дело шло не о членах ЦК. Но как раз по этому вопросу у меня есть свидетельство исключительной важности. Является ли всегда апелляция к фракции съезда Советов нарушением партийного права, партийных традиций, партийного устава? Является ли это троцкизмом?

Голос: Тов. Троцкий, кончайте, пожалуйста, по существу.

Троцкий: Тов. Ленин 12 декабря 1922 г. писал не членам ЦК – Фрумкину и Стомонякову, когда он разошелся с ЦК по вопросу о монополии внешней торговли. Он писал: "Я напишу Троцкому о своем согласии с ним и о своей просьбе взять на себя, ввиду моей болезни, защиту на пленуме моей позиции. Надеюсь написать еще сегодня или завтра и прислать Вам свое заявление по существу данного вопроса на пленум ЦК. Во всяком случае, полагаю, что принципиальное значение этого вопроса так высоко, что я должен буду, в случае, если на пленуме не получится согласие, перенести вопрос на съезд. А до этого заявить о настоящем расхождении на фракции РКП предстоящего съезда Советов".

13 декабря Владимир Ильич писал мне: "Мне думается, что у нас с вами получается максимальное согласие. Я думаю, что вопрос о Госплане в данной постановке исключает спор о том, нужны ли распорядительные права для Госплана".

Молотов: О Госплане. Не о троцкизме, а о Госплане.

Троцкий: Нет, согласие о монополии внешней торговли, а вопрос о Госплане отступает на задний план, а я считаю, что вопрос о монополии внешней торговли составляет один из краеугольных камней ленинизма – в отсталой социалистической стране, окруженной капиталистическими странами. Именно поэтому Владимир Ильич хотел апеллировать к фракции. Он говорил: "В случае нашего поражения по этому вопросу, мы должны будем перенести вопрос на партийный съезд. Для этого понадобится краткое изложение наших разногласий перед партийной фракцией предстоящего съезда Советов. Если я успею, я напишу таковое и был бы очень рад, если бы вы поступили таким же образом".

15 декабря Владимир Ильич пишет: "Я убежден, что если нам грозит опасность провала (на пленуме ЦК), то гораздо выгоднее провалиться перед партсъездом и сейчас же обратиться к фракции съезда, чем провалиться после съезда.

Владимир Ильич пишет мне 15 декабря: "Если паче чаяния наше решение не пройдет, обратимся к фракции съезда Советов и заявим о переносе вопроса на партсъезд".

И дальше: "Если бы этот вопрос оказался снятым с настоящего пленума (чего я не ожидаю и против чего, конечно, Вам надо от нашего общего имени протестовать изо всех сил), то я думаю, надо все равно обратиться к фракции съезда Советов и потребовать переноса вопроса на партсъезд, ибо дальнейшие колебания абсолютно недопустимы".

Наконец, 21 декабря, когда пленум, по инициативе тов. Зиновьева, переменил предшествующее свое неправильное решение, Владимир Ильич писал: "Тов. Троцкий, как будто удалось взять позицию без

единого выстрела, простым маневренным движением. Я предлагаю не останавливаться и продолжать наступление..." На кого предлагал продолжать Владимир Ильич наступление?

Голос: На Троцкого!

Троцкий: Наступление на ЦК. "...и для этого провести предложение, поставить на партсъезде вопрос об укреплении монополии внешней торговли и о мерах к улучшению ее проведения. Огласить это на фракции съезда Советов. Надеюсь, возражать не станете и не откажетесь сделать доклад на фракции". Вот как выглядит на деле "троцкизм"!

Товарищи, здесь меня обвиняли в том, что я сказал "неправду" по вопросу о статьях "Социалистического вестника", о том, на чьей стороне "Социалистический вестник" в основных разногласиях по вопросу о китайской революции.

Голос: Мы слыхали.

Троцкий: Я внес по этому поводу письменное заявление по личному вопросу, не превосходящее полутора страниц. Мне было отказано в его оглашении. Товарищ председатель заявил, что оно будет приложено к протоколу, к стенограмме.

Товарищи, сейчас в связи с теми острыми вопросами, которые разделяют нас, сделана попытка из моей статьи "Куда это ведет?", направленной против шпаргалки Московского Агитпропа, шпаргалки...

Голос: А сам по шпаргалке читаешь.

Тальберг: А ты что по шпаргалке читаешь?

Троцкий: ...изданной в количестве 5 тыс. экземпляров, в типографии ОГПУ, – сделана попытка вывести грозную улику насчет наших повстанческих намерений.

Оппозиция собирается де, по примеру группы Клемансо во Франции во время войны, бороться за другую политику обороны, – а это де и означает левоэсеровское повстанчество. Тут концы совершенно не связаны с концами.

Голос: Очень хорошо связаны.

Троцкий: Если говорить о левоэсеровском восстании, то тогда незачем ссылаться на Клемансо, а если хотят из политики Клемансо сделать улику против оппозиции, то незачем говорить о левоэсеровском восстании. Оппозиция, – говорят нам, – стремится овладеть властью, подобно группе Клемансо. Оппозиция считает – и она этого не скрывает ни от ЦК, ни от партии, – что ее отстранение от руководства вредит интересам партии. Каждое серьезное идейное течение не может не стоять на этой же точке зрения. Мы считаем, что отстранение оппозиции от руководства особенно тяжко отразилось за последний период на линии руководства в китайской революции.

Голос: В ЦК уж не вернуться.

Троцкий: Мы считаем, что те же неправильности принципиального характера могут особенно тяжело повредить в деле обороны СССР именно в случае войны. Мы считаем поэтому, что партия должна и в случае войны сохранить, или вернее, воссоздать более гибкий, более правильный, более здоровый внутрипартийный режим, который допускал

бы своевременную критику, своевременные предупреждения и своевременные изменения политики. Почему же отсюда вытекает повстанчество? Если вернуться к исторической ссылке, которую я привел из области политической истории буржуазных партий во Франции для иллюстрации своей мысли, то ведь окажется, что оппозиция Клемансо как раз и пришла к власти не через повстанчество, не через нарушение тамошней, их буржуазной законности, а через их, буржуазную, капиталистическую законность, через механику французского парламентаризма. Французский парламент даже не изменил своего состава. Перевыборов не было. На основании опыта войны, французская буржуазия, в лице своих правящих клик, пришла к выводу, что министерство Клемансо, Тардье и других более отвечает ее интересам во время войны, чем министерство Пенлеве-Бриана и др. Почему же этот исторический пример порождает мысли о повстанчестве?

Можно возразить – и все мы возразим, что у нас нет механики парламентаризма. Да, к счастью, нет. Но у нас есть механика партии. Партия должна сохранять контроль над всеми своими органами во время войны, как и во время мира. Партия решает основные вопросы на своих съездах, обыкновенных и чрезвычайных. У партии есть полная возможность прийти к выводу, что отстранение оппозиции от руководства политикой было ошибкой, и партия может эту ошибку исправить.

Тальберг: Адвокатская речь.

Троцкий: Может или не может партия исправить то, что было сделано в промежуток между двумя съездами? Может или не может партия на съезде решить, что в интересах нашей обороны, нашего хозяйства, в интересах китайской революции и всего Коминтерна руководство партии должно быть организовано на тех началах, какие Ленин изложил в своем завещании? Может или не может? Я считаю, что может. Думаю, что вся оппозиция считает, что может. Здесь нет и тени намека не только на так называемое повстанчество, но и на чудовищное обвинение относительно политики двух партий, политики раскола.

Для подкрепления обвинения, брошенного здесь очень двусмысленно насчет повстанчества, была организована несколько необычная и странная история, связанная с подачей мною записки по военному вопросу в Политбюро ЦК.

Чубарь: Что за выкрутасы?

Троцкий: Такие записки подавались за 10 лет революции и членами ЦК, и не членами ЦК, и отдельными военными работниками, и группами военных работников десятки раз. Никогда никому не приходило в голову, что обращение члена партии к ЦК с письмом, обращающим внимание на те или другие неправильности в организации вооруженных сил, или на неправильную военную политику в целом, представляют собой антипартийный шаг.

Чубарь: Никогда не было демонстрации на Ярославском вокзале?

Троцкий: На VIII съезде была, как здесь уже рассказано, тесно спаянная группа военных оппозиционеров, которая в области военного строительства противопоставляла централизованной пролетарской ли-

нии линию децентрализации и партизанства. Никому не приходило в голову даже и в этом видеть антипартийные тенденции. Тов. Ворошилов сказал, будто я не посмел явиться на VIII съезд именно из-за этого вопроса. Я по этому поводу подал заявление по личному вопросу, с точной ссылкой на решение Политбюро, которое обязывало меня выехать на фронт, несмотря на съезд, – ввиду наших неуспехов на Востоке, нашего отступления под Уфой. К сожалению, и это заявление не было оглашено. Товарищ председатель обещал приложить его к нашим протоколам.

Возвращаюсь к военному документу. В начале 24 г. на Ваке (бывш. Военно-акад. курсы) фигурировал документ, – докладная записка в Центральный Комитет, – составленная при участии тт. Дыбенко, Федько, Урицкого, Белова и др. товарищами по вопросам военного строительства. Через посредство тов. Каханяна и других собирались под этим документом подписи военных работников для представления в ЦК. Правда, при этом на ухо говорили, что особого риска в этом нет, т. к. документ известен некоторым членам ЦК. Документ довольно широко ходил по рукам. Он касался тех же трудностей военного дела, которых касается и поданная мною записка, но касался под другим углом зрения. Все подписавшие это заявление остались не только невредимыми, но часть наиболее активных участников вскоре после подачи записки получила решительное повышение по службе.

Я думаю, что как член ЦК, я имел право подать докладную записку, составленную на основании данных совещания с несколькими военными работниками, которых я тут же назвал по фамилиям. Когда же я это сделал, то поднялись совершенно чудовищные выкрики, обвинения и даже угрозы. Так как не была дописана последняя страница и это отсрочило подачу заявления на полчаса, то по этому поводу была приведена в движение вся механика пленума, тов. Уншлихт появился в Белом Кремлевском коридоре с формальным постановлением пленума Центрального Комитета. Для чего это все нужно? Раздалось даже слово "военный заговор". Военный заговор, выражающийся в том, что член ЦК подает в ЦК в одном экземпляре записку, причем, подавая эту записку, он называет по именам тех немногих, абсолютно верных и надежных членов партии, с которыми он совещался относительно отдельных сторон военного дела! Для чего это все делается? Всякий понимает, для чего. Это организовано для того, чтобы запастись на всякий случай материальцем для завтрашнего построения обвинений на счет повстанчества оппозиции. Разумеется, такая постановка дела ни в коем случае не может смягчить внутрипартийные отношения, не может создать более нормальные условия внутрипартийной жизни, к которым мы, в интересах тех идей, которые мы защищаем, стремимся – не менее, чем каждый другой член партии, чем каждый другой член ЦК и ЦКК.

Тут же скажу, что как ни велики наши разногласия, как они ни остры, но в прениях по острому партийному вопросу бросить члену партии обвинение в том, что он "расстреливал коммунистов" – это невидано в коммунистических отношениях и естественно вызывает крайне резкий, в других условиях, – недопустимый возглас. Когда на Президи-

уме ЦКК тов. Ярославский позволил себе такого же рода заявление, тов. Орджоникидзе его немедленно остановил...

Голос с места: На Секретариате ЦКК.

Троцкий: Совершенно верно, на Секретариате. И разумеется, как только тов. Орджоникидзе его остановил, я не позволил себе такого возгласа, к какому вынужден был здесь, и который, конечно, совершенно недопустим в рамках руководящего учреждения, вообще, партийного учреждения.

Ярославский: Вы назвали коммунистов черносотенцами.

Троцкий: Но, к сожалению, тов. Ворошилов в своем заявлении не был остановлен. По поводу слов тов. Ворошилова, которые, конечно, ни один член партии не может оставить на своей репутации, – не могу оставить и я, – я внес письменное заявление, которое, к сожалению, не было оглашено. В этом письменном заявлении я устанавливал то, что должно быть и без того ясно для каждого из вас, именно, что при мне, под моим руководством и по моим прямым директивам расстреливались дезертиры, изменники, белогвардейцы, но никогда не расстреливались коммунисты. Коммунисты расстреливались нашими классовыми врагами – белогвардейцами. Если бывал в числе дезертиров, изменников коммунист, то он, конечно, подлежал расстрелу, как дезертир.

Радченко: Насчет Бакаева и Залуцкого?

Троцкий: Я оглашу все документы в отношении тт. Бакаева и Залуцкого, если дадите мне 5–10 минут. Не правда, что я требовал когда-нибудь расстрела Залуцкого и Бакаева. Этот вопрос тогда же разбирался в Центральном Комитете по моему требованию. Дело обстояло таким образом: Реввоенсоветом был издан приказ, с одобрения ЦК, который гласил, что каждый комиссар должен знать, где находятся семьи тех командиров, с которыми он связан, для того, чтобы на боевой линии и вообще на важных постах не было бы таких командиров, семьи которых находятся в тылу у врага, ибо тогда командиры стремятся к семье, и изменяют нам, и подводят под гибель и фронт сотни, тысячи красноармейцев и командиров. Приказ был очень строг в смысле обязанности комиссаров наблюдать за этим делом. Когда случилась в одной из дивизий Восточного фронта неустойка по части измены группы командного состава, тяжело отразившейся на этом участке, я находился на Южном фронте, узнал об измене по телеграмме и обратился с телеграфным же запросом к тт. Смилге и Лашевичу о том, что с семьями изменивших командиров, чтобы взять их немедленно, как заложников, и по закону того времени расстрелять таких членов семьи, которые могли быть сообщниками, пособниками и пр. Мне ответили, что относительно семей неизвестно. Не зная, кто комиссары и какие комиссары, – а в этот период бывали еще случаи очень ненадежных комиссаров, это был период, когда отбор комиссарского состава был очень непрочный, – я послал телеграмму, в которой говорил, что таких комиссаров, которые не знают, где семьи их командного состава, нужно привлечь к трибуналу и расстрелять. Это не был приказ о расстреле, это был тот обычный нажим, который тогда практиковался. У меня здесь есть десятки такого

же рода телеграмм Владимира Ильича, я их прочту сейчас, если угодно.

Голос: Не надо.

Троцкий: Мне Лашевич и Смилга ответили, что у нас такие-то и такие-то комиссары, прекрасные товарищи, что мы за них отвечаем, а если мы не годимся, то сместите нас. На это я ответил дословно: "Товарищи, не кокетничайте, вы лучшие комиссары, лучше которых быть не может; я же хочу сказать лишь то, что нужно в десятки и сотни раз лучше глядеть за семьями командиров, которые могут оказаться по ту сторону враждебного фронта". Тт. Бакаев и Залуцкий, как вы знаете, расстреляны не были, между мною и этими комиссарами стояли такие товарищи, как Смилга и Лашевич, и я, посылая телеграмму был уверен, что они зря ничего не сделают. Это была обычная в то время форма военного нажима. Обо всем этом ЦК был тогда же мною извещен.

Я показывал в ЦКК бланк, который мне дал Владимир Ильич как раз тогда, когда эти слухи о расстрелах коммунистов дошли до Политбюро. Вопрос о тт. Залуцком и Бакаеве есть, в сущности, недоразумение. Но комиссар полка Пантелеев был действительно расстрелян под Казанью, где командир и комиссар бросили фронт, когда мы были окружены, захватили пароход и хотели уехать в Н. Новгород. Мы остановили их, предали суду и они были расстреляны. Мы об этом деле доложили Политбюро. По этому поводу Политбюро признало наше постановление правильным. Когда позже сказали Ленину, что Троцкий расстреливает коммунистов, Ленин дал мне, по собственной инициативе, бланк, выражавший высшую форму доверия. Этот бланк я сдал в Институт Ленина. Бланк чистый, только внизу написаны слова, которые вы можете прочитать в стенограмме ЦКК: "Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)".

Когда я спросил его, для чего это? Владимир Ильич сказал: "Это на случай возобновления подобных слухов; у вас будет готовый бланк, на котором вы напишете то решение, какое будет вызываться обстановкой". Я никогда не позволил себе сделать употребление из этого документа, он сохранялся у меня, как исторический документ, который я сдал в Институт Ленина. Он свидетельствует о том, что, несмотря на трения, которые бывали, Владимир Ильич считал, что я доверием его не злоупотребляю, что своей властью не злоупотребляю – в ущерб делу или отдельным товарищам – в самой острой обстановке гражданской войны.

В связи с вопросом о...

Каганович: О Ярославском вокзале скажите.

Голоса: О Клемансо, О Термидоре.

Троцкий: Я к этому как раз непосредственно перехожу. Тов. Орджоникидзе цитировал здесь заявление 16 октября. Основной мыслью этого заявления был отказ от фракционной работы. Искренно ли было это наше заявление 16 октября? У нас есть, товарищи, достаточная информа-

ция по части того, с какой энергией оппозиционные члены ЦК проводили это обязательство... (шум. голоса: "Ого!", "Фракционную работу вы проводили с энергией", "смеетесь вы", " в каком смысле?") ...в том смысле, что призывали оппозиционеров не замыкаться, не обособляться, не шептаться по углам, не скрываться от партии, а открыто излагать свои взгляды в общих организациях партии. Верно, что каждое направление в общем и целом отвечает за своих сторонников, – конечно, не за каждого в отдельности, но за всех в целом. Однако, верно и другое: партийный режим отвечает за те формы, какие принимает внутри партийная критика. (Голоса: Ага!)

По вопросу об условиях, формулированных тов. Орджоникидзе, я могу лишь полностью и целиком присоединиться к тому, что здесь говорил по этому вопросу тов. Зиновьев. Было бы, конечно, неправильно рассматривать эти условия, как условия сохранения тех или других товарищей в Центральном Комитете. Не в этом, разумеется, дело. В близком будущем предстоит партийный съезд, который, после двухлетнего перерыва будет разрешать, в числе других вопросов, и вопрос о составе ЦК партии. Исключение или неисключение из ЦК в этих условиях есть только внешний симптом дальнейшего изменения внутрипартийных отношений в ту или другую сторону, не более того. (Возгласы: Ого!") Именно в интересах защиты тех взглядов, которые мы в партии отстаиваем...

Голос: На вокзале защищаете!

Троцкий: ...причем, защиту эту понимает так, что партия проверит взгляды на основании опыта событий и идейной борьбы. Внутрипартийная борьба со всеми теми острыми трениями и последствиями, к которым она приводила, не случайна. Она приводит к таким фактам, как проводы члена ЦК на Ярославском вокзале. Никто не считает этого нормальным. Но никто не может считать нормальным, что в "Правде" в течение месяцев члены ЦК третируются, как враги социалистической республики. И то и другое ненормально. И то и другое связано одно с другим. Нельзя отвязать, оторвать одно от другого, – несмотря на наилучшие намерения, это не удастся, если не создать в партии более нормальный, более здоровый режим (голоса: Какой режим?). Мы заявляем, что все, что можно сделать для того, чтобы перед XV партийным съездом и через посредство XV съезда, несмотря на глубокие принципиальные разногласия, улучшить внутрипартийные отношения...

Голос: Перманентная дискуссия.

Троцкий: ...и сделать для ЦК более легким использование сил оппозиции на любой работе, мирной или военной, мы готовы сделать. Все это каждый оппозиционер, – если это не примазавшийся, не случайный, – такие, конечно, и в оппозиции имеются, – каждый оппозиционер сделает по чистой совести. (Голоса: "Декларация", "прекратите выступление", "Томского".)

Председатель: Слово имеет тов. Томский (аплодисменты).

6 августа 1927 г.

3*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Отвлекаясь от полемической формы вопросов, мы отвечаем по существу:

На вопрос первый. Мы безусловно и безоговорочно стоим за защиту нашего социалистического отечества от империализма.

Мы, разумеется, безусловно и безоговорочно за оборону СССР при данном ЦК, при данном руководстве ЦККИ.

Если известное место о Клемансо в письме тов. Троцкого могло дать кому-либо повод к явно неправильному истолкованию этой аналогии в смысле борьбы за власть путем использования для этого военных трудностей, то мы категорически отвергаем такое понимание этой ссылки. В то же время мы сохраняем наше убеждение в том, что и во время войны партия не может отказаться от критики и исправления линии ЦК, если она будет неправильной. В нашем проекте резолюции по международному вопросу, мы, между прочим, выдвигаем следующие лозунги: поражение всех буржуазных государств, воюющих против СССР – каждый честный пролетарий капиталистической страны должен активно работать для поражения "своего" правительства; переход на сторону Красной армии каждого иностранного солдата, который не хочет помогать рабовладельцам "своей" страны – СССР есть отечество всех трудящихся; мы – оборонцы с октября 1917 г.; наша "отечественная" (Ленин) война будет войной "за советскую республику, как отряд всемирной армии социализма", наша "отечественная" война "не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции" (Ленин) ; кто не оборонец по отношению к СССР, тот безусловный изменник международному пролетариату.

По вопросу о термидорианстве мы говорим: в стране растут элементы термидорианства, имеющие достаточно серьезную социальную базу. Чего мы требуем, это – чтобы партруководство давало этим явлениям и их влиянию на известные звенья партии более систематический, твердый, планомерный отпор. Мы отвергаем мысль о том, будто наша большевистская партия стала партией термидорианской.

На вопрос второй. Мы признаем, что германскому коммунистическому движению угрожает прямой раскол и образование двух партий – уже по одному тому, что среди исключенных имеются сотни старых революционных рабочих, тесно связанных с рабочей массой, преданных делу Ленина и готовых искренне и до конца защищать СССР.

Создание в Германии второй партии несло бы с собой громадную опасность. Мы считаем необходимым принять все меры для предотвращения этого. Мы предлагаем, чтобы ЦК ВКП (б) через ИККИ провел следующие мероприятия для предотвращения этой опасности: при условии закрытия органа группы Урбанса и подчинения группы Урбанса всем решениям конгресса Коминтерна, возвращение в Коминтерн всех, кто принимает эти условия, и обеспечение им возможности отстаивать свои взгляды в общепартийной печати и вообще в рядах партии и Коминтерна.

На вопрос третий. Мы решительно осуждаем какие бы то ни было попытки создания второй партии. Путь второй партии в СССР считаем безусловно гибельным для революции. Будем бороться всеми силами, всеми мерами против всяких тенденций к двум партиям. Столь же решительно и категорически мы осуждаем политику раскола. Мы будем выполнять все решения ВКП(б) и ее ЦК. Мы готовы сделать решительно все для ликвидации всех элементов фракции, образовавшихся в силу того, что в условиях извращения внутрипартийного режима мы были вынуждены бороться за доведение до партии наших действительных взглядов, совершенно неправильно излагавшихся в печати, читаемой всей страной.

Ответив на поставленные нам вопросы, мы, со своей стороны, считаем нужным высказать перед объединенным пленумом ЦК и ЦКК следующее наше глубокое убеждение:

Для того, чтобы попытка создания внутрипартийного мира и действительной ликвидации фракционности и замкнутости не привела неизбежно к таким же результатам, как после 16 октября 1926 г., безусловно необходимо:

1) Немедленно осудить от имени объединенного пленума ЦК и ЦКК такие выступления в печати, как брошюра "О войне и военной опасности" Агитпропа ЦК, как статья Иваново-Вознесенской партийной газеты, объявляющая оппозиционеров контрреволюционерами, как статья "Ленинградской правды" (5 августа с. г.), позволяющая себе в дни пленума писать: "декларации оппозиционного блока являются ходовым товаром в военных министерствах враждебных держав в такой же мере, в какой на капиталистической бирже ценятся акции весьма рентабельных предприятий".

2) Прекратить исключения из партии и другие репрессии против оппозиционеров за инакомыслие и вернуть исключенных в партию.

3) Обеспечить такую подготовку XV съезда, какая бывала при Ленине, когда в партии имелись серьезные разногласия – т. е.:

а) за 2 месяца до съезда опубликовать в печати тезисы, статьи, платформы каждого меньшинства в партии;

б) дать возможность всем членам партии ознакомиться с важнейшими документами разногласий и принять взвешенное решение на основании всестороннего обсуждения;

в) обеспечить товарищеское обсуждение вопросов разногласий – без преувеличений, без обвинений личного характера и т. п.;

г) главным лозунгом подготовки XV партсъезда взять обеспечение единства ВКП и Коминтерна – во что бы то ни стало.

Авдеев
Бакаев
Евдокимов
Зиновьев
Каменев
Лиздин
Муралов
Петерсон
Пятаков
Раковский
Смилга
Соловьев
Троцкий

8 августа 1927 г.

РЕЧЬ ТРОЦКОГО НА ЗАСЕДАНИИ ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ЦК И ЦКК

Троцкий: Тов. Орджоникидзе разъяснил, что есть прямое постановление пленума (шум в зале), есть прямое постановление пленума, обязывающее нас разделить эти две части заявления.

Если есть прямое постановление, то этому прямому постановлению, как и всякому постановлению, мы подчиняемся.

Голос с места: Есть предложение пленума.

Троцкий: На предложение пленума мы ответили, что оно для нас неприемлемо, и объяснили, почему оно для нас неприемлемо. Оно неприемлемо потому, что в этих вопросах нужна полная ясность и отчетливость. На решение пленума, которое обязывает нас разделить, мы не можем ответить ничем иным, как и на всякое другое решение пленума. Но мы при этом сохраняем за собой не только право, но и обязанность везде и всюду...

Голос с места: На каждом углу.

Голос с места: На Ярославском вокзале.

Троцкий: ...где разрешено партийным уставом, где нормальные условия партийной жизни нам это позволяют, разъяснять, что те обязательства, которые заключаются в первой части нашего заявления, искусственно отделяемой вашим решением от второй части, могут быть осуществляемы с надеждой на серьезные, хотя бы и небыстрые успехи, лишь при том условии, если наши усилия не будут односторонними, если не будет камня за пазухой и у тех товарищей, которые руководят в гораздо большей мере, чем меньшинство, т. е. оппозиция, судьбами нашей партии. Ибо если тов. Сталин здесь высказался в том смысле, что большинство не имеет оснований верить на слово, вслепую, оппозиции, у которой может быть камень за пазухой, то ведь не он один имеет право делать такое заявление. (Шум.) Ведь факт борьбы оставляет наследие в партии на продолжительный период, и это наследие ликвидировать можно только при добром желании обеих сторон.

Голос с места: Разве это не договор?

Голос с места: Есть партия.

Голос с места: Двух сторон нет.

Троцкий: ...это не "договор", речь идет о добром желании двух сторон. (Шум.)

Совершенно правильно, есть партия. Но если бы не было оппозиции, как факта, не как "договаривающейся стороны", то не было бы и всех тех вопросов, о которых мы говорим, и не нужно было бы ставить вопроса об оппозиции. Оппозиция не договаривается, а отвечает на поставленные ей вопросы, и высказывает свои взгляды. Только в этих пределах я и говорю о большинстве и меньшинстве.

Следовательно, мы сохраняем полностью и целиком ту точку зрения, которую мы выразили в нашем заявлении, именно, что обе части нашего заявления являются единым целым. Когда вы спрашиваете нас, согласны ли мы отделить одну часть от другой, мы устами тов. Каме-

нева ответили – нет, этого мы не можем, чтобы не создавать иллюзий у партии, чтобы не вводить партию в заблуждение. Несмотря на ясность и отчетливость нашего заявления, вы сочли целесообразным вынести решение, обязывающее нас к такому разделению. Перед решением объединенного пленума, которое обязывает нас к такому разделению, у нас нет другого исхода, как этому решению подчиниться. (Шум.)

9 августа 1927 г.

ПРОЕКТ РЕЧИ

Товарищи, всем нам ясно, что только что закончившийся объединенный пленум ЦК и ЦКК имеет громадное значение для судеб революции и нашей партии. Нет никакого сомнения в том, что мы, хотя частично, но все же разочаровали наших главных врагов – международную буржуазию, ожидавшую, что на этот раз наверняка в нашей среде произойдут события, могущие привести к расколу. Мы разочаровали эти ожидания Чемберленов, Макдональдов, Пилсудских и К°. Уже в одном этом крупное значение июльского пленума.

Смешно было бы скрывать, что на пленуме у нас была острая борьба. Но как члены Центрального Комитета, оставшиеся в меньшинстве по ряду вопросов, мы, разумеется, обязаны после решений подчиниться большинству и принять участие в практическом проведении в жизнь решений объединенного пленума. В практическом действии мы должны быть едины и будем едины.

В сегодняшней передовице "Правды" сказано: "В самые острые моменты борьбы необходимо уметь сохранять хладнокровие и уметь отыскивать те пути, которые дают возможность сделать хоть один шаг к установлению мира в партии". Это сказано правильно. К этим словам мы присоединяемся и перед этим собранием мы считаем долгом заявить, что мы будем действовать именно в духе этих слов.

В самой резолюции Объединенного пленума сказано: "Объединенный пленум ЦК и ЦКК считает, что все это может оказаться некоторым шагом к миру в партии".

Мы заявляем, что мы разделяем эту оценку, мы полностью защищаем ее. Да, все это может оказаться некоторым шагом к миру в партии.

Авторитетные представители большинства ЦК говорили на пленуме, что создавшееся положение есть перемирие, но **перемирие с камнем за пазухой.**

Что же, мы – большевики, не следует бояться слов, надо высказывать открыто то, что есть. Да, это так. Да, это только перемирие. Да, существующие глубокие разногласия по ряду вопросов не дали возможности добиться пока большего, чем перемирие. Но из состояния перемирия есть два мыслимых дальнейших пути развития: 1) превращение перемирия в мир; 2) превращение перемирия в войну. Мы – целиком за первое.

Наша партия скоро войдет в предсъездовский период. Центральный Комитет назначил партийный съезд на 1 декабря и постановил, что не позднее, чем за месяц до этого срока начнется печатание материалов по вопросам разногласий и обсуждения их внутри партии. Необходимо напомнить слова Ленина (вставка об изучении документов разногласий и т. д.).

Вот единственно правильный путь превращения перемирия в мир. Разумеется, на основе подчинения меньшинства большинству. Вот единственно правильный путь к изживанию существующих глубоких разногласий.

Товарищи, вы имели возможность из газет ознакомиться с нашим заявлением. Вы прочтете в стенограммах пленума вторую часть этого заявления, которое, конечно, будет доложено также и партийным собраниям. Объединенный пленум счел целесообразным эту часть нашего заявления не печатать в газетах. Раз объединенный пленум так решил, то и быть посему.

Если тов. Рыков сам зачтет эту часть, то нам не читать, а только напомнить и оставить упоминание об этом.

Объединенный пленум принял постановление поручить Политбюро и Президиуму ЦКК обсудить эту часть нашего заявления, расследовать некоторые случаи предъявляемых нами обвинений – к редакции "Ленинградской правды", к редакции Ив.-Вознесенской газеты, к Агитпропу МК по поводу статей и брошюр, борющихся против оппозиции совершенно недопустимыми средствами. В передовице "Ленинградской правды", например, в дни пленума писалось следующее (цитата).

Само собою понятно, что для того, чтобы сохранять хладнокровие, о котором справедливо говорит сегодняшняя передовица "Правды", для того, чтобы сделать возможным хоть один шаг к установлению мира в партии, как опять-таки правильно говорит сегодня "Правда", надо раз и навсегда покончить с такими неслыханными обвинениями и недопустимыми способами внутрипартийной борьбы, какие допустила "Ленинградская правда" в дни пленума. Мы уверены в том, что постановление объединенного пленума на этот счет, которое мы целиком поддерживаем и защищаем, приведет к быстрому и энергичному принятию мер против таких способов борьбы.

Остались ли принципиальные разногласия? Объединенный пленум говорит прямо и определенно, что они остались и что они глубоки. Это так и есть. Весь вопрос в том, как их изживать. Никакого другого пути, как через правильную ленинскую подготовку XV съезда, через предварительное обсуждение всеми членами партии этих разногласий, без преувеличений, без личных нападок, в товарищеской форме, с предоставлением каждому партийному меньшинству тех прав в этой области, которые обеспечены им партийным уставом и решениями наших съездов и партийных конференций, в частности, – X съездом партии, XIII съездом партии и т. д. – другого пути нет. Именно на этих путях мы и должны попытаться теперь с полной добросовестностью, при сохранении железной партийной дисциплины, изжить эти разногласия.

Единство нашей партии, единство всего Коминтерна мы должны обеспечить во что бы то ни стало – несмотря на разногласия, существующие в нашей среде!

Не раз в истории нашей партии бывало так, что надвигающиеся трудности, а тем более международные опасности сплачивали партию, помогали ей изживать внутрипартийные разногласия и даже кризисы. Трудности и сейчас немалы. Достаточно назвать одну только опасность войны. Эту опасность объединенный пленум констатировал единодушно. Эти трудности и опасности, которые все больше и больше сознаются не только пролетарским авангардом, организованным в нашей партии, но и всем пролетариатом, побудят нас всех сплотить ряды, окончательно разочаровать Чемберленов, Милюковых, Макдональдов, Биркенхедов, Устряловых, Данов и К^{о}. Большевистская партия сумеет разрешить серьезные разногласия без потрясений, на путях подлинного ленинского единства.

Г. Зиновьев

11 августа 1927 г.

ПИСЬМО КРЕСТИНСКОМУ В БЕРЛИН

Дорогой друг!

Ваше письмо удивило и огорчило меня, а рассказы товарищей, беседовавших с Вами – еще того более. Оторванность не проходит безнаказанно.

Вы пишете, что заявление 84-х* не следовало-де подавать, оно, повашему, явилось несвоевременно, обострило и пр. и т. п. Товарищи, выдвинувшие мысль о подаче коллективного заявления, натолкнулись первоначально на возражения и здесь, такого же, примерно, рода, как и Ваши. Число возражавших было значительно. Сейчас не осталось ни одного товарища, который не признавал бы, что коллективное заявление явилось в высшей степени своевременно, что оно чрезвычайно укрепило оппозицию и именно этим смягчило тот удар, который ей готовилась нанести фракция Сталина. Это подтверждается не только смыслом совершившихся с того времени событий, но и теми непосредственными сведениями, какие мы имели из другого лагеря. Попробуйте же переоценить этот пункт, – и Вы придете к переоценке ряда других Ваших утверждений.

Отношения крайне обострились не вследствие того или другого "неосторожного" шага, а вследствие резкого обнаружения глубочайших разногласий в связи с событиями китайской революции. В день переворота Чан Кайши, предсказанного нами, мы сказали: "Сталин вынужден будет удесятерить свою борьбу против оппозиции". Как можно было избегнуть этого? Одним путем: замолчать совершенные ошибки или преуменьшить их, не сводя к их принципиальному корню – чисто меньшевистской линии. Но это значило бы стать на путь идейной измены. Если же выполнять свой долг и называть вещи своими именами, то вопрос о "тоне" получает второстепенное значение. Наконец, и в "тоне"

* "Заявление 83-х". – *Прим. сост.*

право же, мы не допускали никаких излишеств. Именно острота и глубина разногласий по вопросу о Китае и Англо-Русском комитете подсказала Сталину мысль: раздавить оппозиционную верхушку как можно скорее. Коллективное заявление распределило ответственность на большее количество плеч и этим сразу смягчило удар.

Ключ к внутрипартийным вопросам и на этот раз, как всегда, – в классовой линии. Если бы у Вас были сомнения по китайскому вопросу или по Англо-Русскому комитету, – тогда другое дело. Но я не хочу допускать и мысли, что в этих двух вопросах у Вас могут быть сомнения. Во всей истории большевизма вряд ли можно еще найти пример, когда бы события помогли в такой короткий срок обнаружить с такой стопроцентной полнотой неправильность сталинской линии и правильность нашей.

Некоторые товарищи рассуждают так: внутрипартийный режим у нас действительно невыносим; что касается других вопросов, то там можно еще поспорить. Внутрипартийный режим рассматривается как нечто самодовлеющее. Спрашивается: почему же плох режим? Вследствие дурного характера Сталина, что ли? Нет, партийный режим есть функция политической линии. Именно потому, что Сталин ставит ставку на Чан Кайши, Перселя, на чиновника, на деревенские верхи и пр., он вынужден проводить свою политику не через сознание и волю пролетарского авангарда, а нажимая на него аппаратно, сверху, и тем отражая и преломляя давление других классов на пролетариат. Этим же объясняется бешеная борьба против оппозиции, противодействующей этому давлению.

Обывательская философия насчет того, что если ''не обострять'', промолчать, выждать, отойти к сторонке, – то дело образуется само собою, – философия эта ровнехонько никуда не годится. Дело идет о сохранении преемственности в развитии революционно-партийной мысли, о воспитании революционных кадров, которые оказались бы способны дать политике необходимое направление в соответственных условиях. Без этого ошибки Сталина и распад его группы будут означать только дальнейшее сползание всей политики вправо. Это и есть путь Термидора, т. е. такой путь, когда классовый сдвиг власти происходит не путем замены одной партии другой партией, а путем перегруппировки элементов одной и той же партии. Это есть путь раскола и катастрофы революции. Противодействовать этому (совершенно не обязательному) исходу можно не пассивностью, не выжиданием, а безжалостным марксистским анализом всех происходящих в стране и партии процессов, беспощадной критикой сползания руководящей политики, воспитанием кадров, сохранением большевистской преемственности, – т. е. тем именно, что делает сейчас оппозиция.

Нельзя решать раньше вопрос о тоне, об остроте борьбы, о темпе ее, а затем уже приспособлять к этому политическую линию. Разумеется, вопрос о том, с какой степенью резкости выступать на ИККИ или на пленуме, имеет очень серьезное значение. Но спорить об этих вопросах имеет смысл лишь после того, как твердо условишься насчет основной

линии. Малейшее замазывание глубины разногласий по основным вопросам внутренней политики Коминтерна, есть преступление, есть сползание к сползающим, есть ликвидация партии, есть подготовка раскола в будущем, а вместе с тем и подготовка краха Октябрьской революции.

Дальнейшие и притом глубочайшие перегруппировки в партии безусловно неизбежны. Справа последует ряд жестоких ударов. При твердой линии оппозиции, в партийной массе ускорится дифференциация — со сдвигом пролетарских элементов влево. Решают пролетарские элементы партии. Только такая дифференциация может обеспечить единство на революционной основе. Всякий другой путь борьбы за единство партии будет иллюзорным, фальшивым, небольшевистским.

Я глубочайшим образом убежден, что если Вы приехали бы сюда на неделю-другую и по-настоящему бы приобщились к партии, Вы убедились бы в том, что политика, которую мы теперь ведем, есть единственно возможная политика.

Л. Троцкий

12 августа 1927 г.

ИТОГИ АВГУСТОВСКОГО ПЛЕНУМА

I

Августовский пленум собрался в обстановке серьезных поражений большинства ЦК в области международной политики (поражение китайской революции, вызванное в значительной мере полуменьшевистской политикой Коминтерна, крах Англо-Русского комитета, часть которого оказалась в числе прямых пособников империализма, крах предсказаний Сталина, что англичане не посмеют рвать) — как и в обстановке укрепления оппозиции (слияние оппозиционного блока в одно целое, выступления оппозиционеров во всей стране в громадном количестве ячеек, заявление 2 500 оппозиционеров). Несмотря на это, Сталин поставил себе целью на этом пленуме, не признавая ни одной из совершенных ошибок, перейти к бешеному наступлению против оппозиции и добиться ее раскола, ее идейного отступления и, деморализовав таким образом ее ряды, исключить из ЦК тт. Троцкого и Зиновьева. Если бы это ему удалось, он очистил бы путь к серьезной дальнейшей передвижке соотношения сил в партии, а тем самым и в стране. Исключение признанных вождей оппозиции из ЦК, облегчило бы в значительной мере расправу с оппозицией, исключение ее из рядов партии и пуска в ход против нее силы государственного аппарата. Но Сталин не учел двух моментов: во-первых, того, что поражения его политики значительно подорвали его авторитет в широких слоях партийного актива и партийной бюрократии и, во-вторых, что и верхушке партии, сползающей на практике с ленинской линии, не легко было идти на акт исключения, сигнализирующий этот "спуск на тормозах" и ставящий вопрос о том, куда идет партийный курс. Он не учел также силы единства оппозиции и силы ее сопротивления. В результате обоих просчетов, он был принужден к тактическому отступлению. Ошельмовав оппозицию, он отказался

от исключения ее вождей. Это отступление только тактическое, ибо Сталин и его группа не отказались от основной цели: исключения оппозиции из партии. Он отступил, дабы тем сильнее ударить. Он надеется на то, что в ближайшие месяцы ему удастся накопить доказательства о фракционной работе оппозиции, и с этим материалом в руках начать наступление, направление которого приготовлено в резолюциях пленума. Это наступление пойдет по следующим вопросам: а) вопрос об опасности термидорианского перерождения партии; б) вопрос об отношении оппозиции к войне; в) вопрос об опасности раскола, или иначе формулируя о двух партиях.

II

Уже первые два дня после пленума полностью разоблачили тактический план группы Сталина и расшифровали смысл его решений о "помиловании" тт. Троцкого и Зиновьева. На московском и ленинградском партактиве дан лозунг: ЦК последний раз проявил уступчивость по отношению к оппозиции, что надо тщательно следить за тем, прекратила ли она фракционную работу и обрушиться беспощадно в случае малейших признаков продолжения работы. В прессе идет в дальнейшем травля, а что более всего симптоматично, – попытки выступления оппозиционеров на партактиве были сорваны малыми организованными группками. В то время, когда Углановы лицемерно призывали дать высказаться, малые, сплоченные, организованные группы срывали шиканьем и свистом попытки объясниться с партактивом. Это предвещает, что никакой действительной дискуссии, даже в продолжение нескольких недель, фракция Сталина не даст. Травя оппозицию в продолжение всех предстоящих месяцев, она, в лучшем случае, даст возможность в продолжение двух-трех недель напечатать несколько оппозиционных статей, которые дадут ей возможность ссылаться позже на то, что "партия имела возможность выслушать обе стороны". Группы же хулиганов постараются "доказать", что партия так "осведомлена и выросла", что она не нуждается в выступлениях оппозиционеров и не хочет их слушать. Встает вопрос: а как же относится к этому партийная масса, почему она терпит это издевательство? В Московском активе, среди трех тысяч ее участников, было много сотен честных партийцев, которые хотели добросовестно разобраться в вопросах. И даже среди низов чиновничьего аппарата сотни людей, уже из простого любопытства, выслушало бы с интересом оппозиционеров. Об этом свидетельствовали разговоры в кулуарах. Но эта часть актива не сумела или не хотела выступить против срывателей. Почему? Она недостаточно обеспокоена положением и поэтому не идет на риск сопротивления крикунам, зная, что за теми стоит партаппарат.

Это заставляет сделать тактические выводы: совет "пацифистскими методами" искать пути к партийному середняку правилен в том смысле, что мы должны спокойно и настойчиво разъяснять нашу точку зрения, не отбрасывая никого личным и формальным обострением наших выступлений, но было бы глубоким заблуждением думать, что центр

вопроса лежит в форме наших выступлений, что от этой формы зависит пробьем ли мы себе путь к партийному середняку. Партийный середняк хочет слушать, а те, которые ему в этом мешают, для тех дело не в форме. Они не хотят позволить партийному середняку слушать. Мало того, партийный середняк не является центральной фигурой в партии. В партии есть два элемента, имеющие громадный удельный вес. Партаппарат и партийные низы. Партаппарат имеет решающее значение в моменты затишья, низы – в моменты, когда вода приходит в движение под влиянием объективной обстановки. Середняк дает себя запугать аппарату в обыкновенное время и пасует перед настроением партийных низов, в первую очередь, рабочих, в критические моменты. Из этого уже следует, что основная наша установка должна быть на партийные низы. Мы можем и должны настойчивой пропагандистской работой вербовать приверженцев среди партбюрократии и т. н. середняков, но архимедовой точкой являются интересы рабочих масс. Для партийного середняка в ближайшие месяцы в центре внимания будет стоять партсъезд. Для рабочих низов партии центральным вопросом ближайших месяцев будет кампания по колдоговорам. Мы должны готовиться с одинаковой энергией и к одному и к другому.

3. Что касается кампании к партсъезду, то главным ее орудием будет наша платформа. Ее надо пересмотреть под углом зрения того наступления, которое сталинская группа начала против нас на пленуме. Нельзя придумать ничего более вредного, как защитительная позиция по вопросу о войне, Термидоре и расколе. По всем этим вопросам надо в платформе сказать всю марксистскую и ленинскую правду. Всякая условность опасна по двум причинам: во-первых, потому, что она вызывает впечатление нашего колебания, нашей неуверенности и усиливает этим нажим со стороны противника, во-вторых, потому, что Сталин идет зигзагами и отступлениями, но неуклонно к расколу партии, за которым наступит арест руководителей оппозиции (вариантом на пути к этому может быть "дворянская ссылка"), руководителей перед исключением из партии и тогда все зависеть будет от того, существует ли вторая, третья, четвертая смена, продумавших до конца тенденции развития страны и партии и вопрос, что делать.

В трех центральных вопросах, которые будут предметом идейной борьбы в ближайшие месяцы надо поставить точки над i следующим образом:

А) В вопросе о Термидоре, как центральном вопросе. Тенденция к термидорианскому перерождению партии и ее руководящих учреждений выражается в следующих моментах: а) клич, что часть пролетариата, олицетворяемая оппозицией, хочет грабить крестьянство (это подготовляет использование крестьянской нашей армии против части нашей партии и нажим на пролетариат вообще за "неумеренность" его требований); б) линия на поднятие производительных сил вообще, без учета того, в каком направлении оно идет в социалистическом или капиталистическом); в) линия развития промышленности без постоянной заботы об улучшении положения пролетариата и усилении его действи-

тельного участия в руководстве промышленностью; г) линия увеличения веса партаппарата, в противоположность к низовым партийным организациям, нашедшая свою классическую формулировку в заявлении Сталина на пленуме, что: эти кадры могут быть сняты только гражданской войной, которое (заявление) является классической формулой отрыва власти от партии и от пролетариата, классической формулой бонапартистского переворота; д) во внешней политике, проектируемой Сокольниковым, эти тенденции надо открыто назвать термидорианскими, указать сферу их влияния в партии ("звенья") и сказать открыто, что они находят в ЦК полное выражение в правом его крыле (Рыков, Калинин, Ворошилов, Сокольников) и отчасти в центре (Сталин). Надо открыто сказать, что термидорианские тенденции растут, осознают себя, хотя не выступают еще с общей продуманной формулировкой. Вывести их наружу прямая обязанность оппозиции, ибо первые сильные кулацкие движения или война могут привести в кратчайший срок к их кристаллизации, т. е. поставить вопрос ребром таких социальных и политических сдвигов, которые привели бы к изменению социальной природы нашего государства.

Б) В вопросе о войне надо повторить в платформе вещи, сказанные в разных наших выступлениях и свести их воедино, а именно, государство наше есть государство рабочее, хотя сильные тенденции работают над изменением этого характера. Защита этого государства есть защита пролетарской диктатуры. Она идет по трем руслам: защиты от наступления мирового капитала, от наступления остатков, раньше господствовавших в России классов в лице белогвардейцев и наконец, – от растущих термидорианских тенденций. Мы будем беспрекословно, с оружием в руках, независимо от положения, в котором может очутиться оппозиция, защищать пролетарскую диктатуру от мирового капитала, но именно эта защита требует самой энергичной борьбы против всех элементов, на которые в стране попытается опереться мировой капитал, или которые своей политикой сознательно или несознательно ухудшают условия победы. Мировой капитал рассчитывает не столько на помощь деклассированных элементов русского дворянства или старой русской буржуазии, сколько на помощь кулака, нэпмана, спеца. Кулак должен поднять против нас значительную часть деревни. Спец и нэпман, проникающие в наши государственные аппараты, должны разложить нашу боеспособность. Борьба с этой опасностью не может быть только негативной, чекистской, она должна состоять, в первую очередь, в экономической и политической поддержке деревенской бедноты и низших середняцких слоев. Поэтому борьба против сползания на кулацкую политику части нашего партийного руководства имеет самое непосредственное отношение к защите страны. Она и только она гарантирует укрепление тыла и повышение революционного размаха армии. От вопроса, который сталинская группа поднимает, искажая упоминание тов. Троцким о Клемансо, не надо отмахиваться, а надо на него ясно ответить: мы будем защищать диктатуру пролетариата и при неправильном руководстве нынешнего большинства, как мы это защищали, но залог победы в

исправлении ошибок этого руководства и принятие партией нашей платформы.

В) В вопросе о двух партиях надо перейти от обороны к наступлению. Никогда революционное крыло рабочего движения не представляло идеи раскола в рабочем движении, ибо принципы революционного марксизма и принципы ленинизма есть единственная почва, на которой может быть объединен пролетариат для исполнения своей исторической роли, и на которой могут быть объединены вокруг пролетариата плебейские части нации. Раскалываясь с меньшевиками, Ленин подготовлял октябрьское объединение пролетариата и беднейшего крестьянства. Раскольниками рабочего класса в историческом смысле являются только те течения, которые политику защиты интересов пролетариата в целом, как единственного до конца революционного класса, заменяют политикой сделки верхушки рабочего класса с крупной или мелкой буржуазией, сделки, направленной против низов рабочего класса и низов деревни. В нашей конкретной обстановке оппозиция вызывается именно сдвигами от классовой политики пролетариата. Убежденная в великом революционном заряде, который десять лет революции оставил в пролетариате, оппозиция надеется исправить линию партии. Она не ставит вопроса о расколе. Этот вопрос ставят те, которые внутрипартийным зажимом, политикой откола закрывают пути к исправлению линии партии, к внутрипартийной реформе, состоящей во внутрипартийной демократии, которая должна увеличить удельный вес пролетариата в партии и помочь очистить ее от элементов, не связанных ни с рабочим классом, ни с беднейшим крестьянством, элементов, пришедших к нам, как к партии государственной. Мы будем бороться всеми средствами за создание единства ВКП на почве ленинской политики, мы не требуем свободы фракции, мы требуем только свободы партии решать вопросы ее политики методами, предвиденными уставом партии, резолюцией X съезда и решением XIII партконференции. Всякие отклонения от этих методов вызывают необходимость прибегать к окольным путям мобилизации партии. Сохранение диктатуры пролетариата требует существования единой пролетарской партии, как руководителя пролетарской диктатуры. Мелкобуржуазная партия может тоже быть партией диктатуры, но не пролетарской. И мелкобуржуазная диктатура не могла бы объединить вокруг себя пролетариат, а наоборот, с необходимостью рожала бы его борьбу за восстановление пролетарской диктатуры и укрепление ее важнейшего орудия – пролетарской коммунистической партии.

Эти идеи надо указать в платформе, сделать центром нашей пропагандистской и агитационной работы. Это есть единственная серьезная подготовка XV съезда. Всякое разводнение этих идей, умалчивание по тактическим соображениям не даст ничего, кроме ослабления. Кризис, который переживает наша партия означает тяжелый кризис революции на много лет. В таком кризисе единственная реальная установка это установка на единомышленников, продумавших вопросы до конца и готовых принять за это все удары. Действовать на мякину можно толь-

ко выкристаллизовав ядро знающих чего хотят и беззаветно борющихся за свои цели. Маневрирование необходимо, но он предполагает наличие упругого маневрирующего субъекта.

III

Вопрос о нашем вмешательстве в кампанию о колдоговорах, требует проработки в кратчайший срок нашими профессионалистами и экономистами. Общие рамки наших требований даны платформой. Необходима специализация по отраслям и территориям. В то время, как наши профессионалисты должны подготовить этот вопрос в кратчайший срок, наметить ударные пункты наших выступлений, мы должны продумать тактические вопросы этой кампании. Она ставит ребром вопрос о нашем отношении к беспартийным рабочим, вопрос, выдвигаемый уже неоднократно рабочими от станка. Позиция наша, по существу, должна быть следующая: не вдаваясь ни в какую демагогию, не обещая, чего мы не можем исполнить, мы должны и в ячейках и вне их защищать те требования, которые считаем необходимыми с точки зрения рабочего класса и СССР. Если оппозиционеры – рабочие от станка – будут защищать эти требования стойко и умело в партийных ячейках, то это неминуемо просочится к беспартийным рабочим. Среди беспартийных, но классово созиательных рабочих, надо вести агитацию за вхождение в партию во имя исправления ее общей линии и особенно по рабочему вопросу. За этот вопрос надо взяться, несмотря на то, что наши фабричные кадры еще слабы. Они будут расти по мере того, как мы исполним эту задачу.

К. Радек

[12 августа 1927 г.]

ПИСЬМО ТРОЦКОМУ

С. секретно

Дорогой Лев Давидович!

Не начинает ли и внутрь оппозиции проникать тот режим, который установлен большинством ЦК для всей партии и против которого мы (оппозиция) ведем столь упорную борьбу? "Аппаратная верхушка" решает, а все остальные лишь принимают ее решения. Допустимо ли, чтобы 13 оппозиционных членов ЦК и ЦКК делали заявление* от имени всей оппозиции без предварительного обсуждения внутри оппозиции как факта подачи заявления, так и содержания его?

Я, например, считаю ошибкой подачу этого заявления. Даже если считать, что большинство партии настроено за единство партии, против раскола, против фракций, то и тогда вряд ли из этого должно делать вывод о необходимости такого заявления. Ведь большинство партии, несомненно, настроено также оппортунистически, но из этого никто, однако, не сделает вывода, что мы тоже должны делать оппортунисти-

* См. сс. 68–69. – ***Прим сост.***

ческие уступки. Правда, факт не исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК неизбежно создаст в широких массах впечатление слабости и растерянности большинства, и поэтому, во имя этого факта, следовало пойти на кое-какие уступки, но с другой стороны, даже и без соответственной интерпретации пленума, факт заявления неизбежно должен также вызвать впечатление, будто сделано оно из страха перед исключением этих товарищей из ЦК.

Но даже если признать, что подать заявление в данной конкретной ситуации было необходимо, разве же нельзя было, во-первых, заранее заручиться обязательством большинства напечатать его полностью, а, во-вторых, разве нельзя было избежать в тексте заявления тех неудачных выражений, которые в нем имеются?

1) "Мы, разумеется, безусловно, безоговорочно за оборону СССР при данном ЦК, при данном руководстве ИККИ". Хотя это и верно по существу, но следовало ли так писать, чтобы создавалось впечатление, будто мы это руководство признаем правильным и хорошим, не следовало ли ясно и точно сказать, почему мы за защиту социалистического отечества даже при нынешнем плохом руководстве ЦК и ИККИ?

2) О термидорианстве. Тут опять слишком много дипломатии. Сказано так, что создается впечатление, будто мы "отвергаем мысль" не только о том, что "наша большевистская партия стала партией термидорианской", но и мысль о том, что термидорианской стала ее официальная верхушка.

3) "Мы будем выполнять все решения ВКП(б) и ее ЦК". Следовало ли это говорить? Я полагаю, что оппозиции большой вред принесло прошлогоднее заявление тт. Троцкого и Зиновьева. Нужно ли было теперь повторять его тут от имени оппозиции, зная заранее, что против многих решений ЦК мы будем бороться и что ЦК использует это против нас, опять упрекая нас в том, что мы не держим своего слова, не используем своих обещаний?

4) "Мы готовы сделать решительно все для ликвидации всех элементов фракций..." и т. д., хотя в дальнейшем ответственность за эти "элементы фракций" возлагается на "извращение внутрипартийного режима", но все это так тонко, что никто не поймет этого так, будто мы обязуемся "ликвидировать все элементы фракций" только тогда, когда прекратят свое существование указанные "извращения внутрипартийного режима". А если мы сейчас не займемся этой ликвидацией, то при этих условиях нас справедливо смогут упрекать в том, что мы обманывали партию.

Быть может, если бы подобные заявления предварительно обсуждались, — удалось бы избегнуть таких ошибок. Если даже оппозиционер, считающий это ошибками, остался бы в меньшинстве, то у него все же было бы сознание, что он поставлен перед совершившимся фактом и должен нести ответственность за то, с чем не согласен.

Я просил бы обдумать этот вопрос.

Жму руку, Ваш

А. Иоффе

Москва, 12 августа 1927 г.

ПИСЬМО

Уважаемые товарищи! *

Ваш ответ на наше письмо по поводу ссылки тов. Сафарова в Константинополь является новым выражением того режима, против которого так настойчиво предупреждал Ленин и против которого мы боремся и будем бороться.

На наше указание на то, что недопустимая сама по себе ссылка тов. Сафарова в Константинополь осложняется в отношении его лично тем, что белогвардейцы связывают его имя с цареубийством, вы позволяете себе говорить "о недостойном и порочащем звании коммуниста мотиве от трусости". Более немотивированную грубость трудно себе вообще представить! С какого это времени заботы о жизни товарища, которую подвергают опасности без всякого смысла, являются "мотивом от трусости"?! Мы, со своей стороны, не считаем, что мужество за счет других, не оправдываемое интересами партии, есть большевистское мужество. Мы, со своей стороны, не считаем избытком мужества поведение Сталина-Молотова, ссылающих ряд товарищей, относительно которых они знают, что перед XV съездом эти товарищи будут энергично, по-большевистски, разоблачать небольшевистскую политику Секретариата ЦК.

Вы приводите краткий список наших заграничных представителей, которые, по вашим словам, подвергались и подвергаются той же опасности. Вы называете причастного к цареубийству тов. Уфимцева, находящегося в "центре русской белогвардейщины"; тов. Пятакова – председателя суда над эсерами; того же тов. Сафарова, проведшего год в Пекине, где, по вашим словам, "нет недостатка в вооруженных русских белогвардейских монархистах". Замечательно, что приводя этот краткий список (его можно было бы пополнить именем тов. Каменева и ряда других), вы называете как раз трех оппозиционеров, высланных именно не по деловым, а по чисто фракционным соображениям. Указание на то, что мы не возражали против высылки этих и других оппозиционеров за границу – неправильно. Так, когда сделана была попытка, даже без видимости делового прикрытия, сослать тов. Пятакова в Канаду, Троцкий писал об этом тов. Орджоникидзе; Зиновьев говорил об этом на Президиуме ЦКК. Наконец, мы готовы принять упрек в том, что в прошлом мы давали не всегда достаточный отпор развивающейся и укрепляющейся системе административной расправы над оппозиционерами. Мы намерены в дальнейшем не давать для этого упрека никаких поводов.

По поводу наших возражений делового характера, т. е. по поводу нашего указания на то, что ссылка тов. Сафарова не имеет и тени делового оправдания, вы не находите возможным привести ничего другого, кроме обвинения нас в "отказе подчиняться решению ЦК на другой день после заявления оппозиции (8 августа) о готовности подчиняться всем решениям ЦК". Мы категорически отвергаем ваше утверждение,

* Видимо, написано Зиновьевым. – [*Л. Троцкий.*]

будто мы 8 августа обязались молчаливо и покорно переносить все факты бюрократического произвола и фракционной расправы, в частности, высылки и ссылки оппозиционеров в предсъездовский период. Вы, вероятно, помните, какими словами Ленин называл такого рода действия. Большевистское подчинение решениям ЦК не имеет ничего общего с покорно-чиновничьим послушанием. Если кто нарушает постановления последнего объединенного пленума, так это вы. Тов. Сталин говорил на пленуме речи о "перемирии". Если эти речи имели какой-либо смысл, так тот, что ЦК, приняв к сведению заявление оппозиции, примет, со своей стороны, меры к улучшению внутрипартийного режима и, прежде всего, к устранению наиболее возмутительных преследований оппозиции, вдвойне недопустимых перед съездом. Этому вопросу посвящена вторая часть нашего заявления от 8 августа, которая была отделена от первой части, но не отвергнута, а передана Политбюро и Президиуму ЦКК. Высылка Сафарова есть одно из проявлений того предсъездовского организационного наступления, которое вы начинаете проводить по всей линии, применяя те самые средства, которые Ленин порицал, как грубые и нелояльные.

Мы полностью и целиком остаемся на почве заявления 8 августа. Но и самые лучшие намерения с нашей стороны могут оказаться тщетными при продолжении сталинской политики. Наш протест против высылки Сафарова, сохраняемый нами в полной силе, является составной частью нашей борьбы за здоровый режим в партии, который один только способен обеспечить столь необходимые нам единство и революционную дисциплину.

Г. Зиновьев

27 августа 1927 г.

ЗА ЧТО НАС ИСКЛЮЧИЛИ ИЗ ПАРТИИ?
(письмо к партийному съезду)

В извещении ЦКК об исключении из партии тт. Серебрякова, Шарова и меня, а перед этим тт. Мрачковского, Воробьева и других говорится, что мы исключаемся из партии за организацию нелегальной типографии. Извещение ЦКК оставляет открытым основной вопрос, почему группа старых большевиков, имеющих более 20 лет партийного стажа у каждого и никогда не прекращавших партийной работы в самые трудные годы царской реакции, – почему эти большевики, вместе с сотнями и тысячами более молодых партийцев были вынуждены на одном из этапов нашей революции организовать нелегальное печатание своих документов, нарушать партийную дисциплину и т. д.?

Между тем, суть дела совсем не в типографиях, ротаторах и т. д., которые, будучи выдвинуты на первый план, заслоняют только политическое и социальное существо дела. Нелегальная типография может быть преступлением, но может быть и чрезвычайно полезным инструментом в деле защиты классовых интересов пролетариата. Все дело в том, на службе какой политики она находится. В этом и заключается весь гвоздь вопроса.

За что же мы исключены, если ставить вопрос политически и социально, – т. е. ставить его единственно правильным образом? Почему наши требования сделались "нелегальными" для существующего в партии режима?

Мы требуем увеличения ассигнований на капитальное строительство. Значит мы исключены, как сторонники более быстрой индустриализации страны.

Мы требуем более быстрого увеличения заработной платы рабочим, улучшения охраны труда и т. д. Значит мы исключены за борьбу за улучшение быта рабочих.

Мы требуем уже несколько лет увеличения налогового обложения нэпмана и кулака в пользу госпромышленности. Мы исключены, следовательно, как борцы с капиталистическим развитием в советской стране.

Мы требуем более действительных мер в деле защиты интересов деревенской бедноты, изложенных в нашей платформе и наших контртезисах, и за более действительную помощь коллективному земледелию. Мы исключены, следовательно, за защиту аграрной программы нашей партии.

Мы требуем решительной борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, против превращения бюрократов – партийных, советских и профсоюзных – в замкнутый привилегированный слой, оторванный от рабочей массы. Мы исключены, следовательно, за требование настоящей рабочей демократии.

Мы требовали разрыва с китайской буржуазией, с Чан Кайши, Фын Юйсянами, Ван Тинвеями и прочими палачами китайских рабочих, крестьян и коммунистов. Противниками такого разрыва, т. е. проводниками меньшевистской тактики в китайской революции, мы были исключены за азбуку большевистской тактики в буржуазной революции.

Мы требовали, одним словом, изменения оппортунистической линии ЦК в ряде вопросов внешней и внутренней политики и, по крайней мере, среднего, социалистического ремонта государственного и партийного аппарата от накоплений в нем бюрократических извращений, замедляющих движение вперед к коммунизму.

За это мы исключены из партии.

Я спрашиваю каждого члена партии и каждого делегата XV партийного съезда, являются ли все наши вышеперечисленные требования, направленные к укреплению диктатуры пролетариата и ее классовой базы, легальными требованиями внутри ленинской партии и внутри советского государства?

Если мне скажут: "эти требования легальны", то я задаю вопрос, почему же в партийной печати нам не давали и не дают, за исключением аптекарской дозы в "Дискуссионном листке" раз за два года, эти требования защищать? Почему десятки статей оппозиционеров брошены в корзину партийных газет, почему запрещена для печати наша платформа, за печатание и распространение которой, за подпись под которой выброшено из партии более 600 человек только за последние два месяца? Какому сумасшедшему придет в голову вертеть ротатором и созда-

вать нелегальное печатание своих документов, если нормальный партийный режим дает возможность партийному меньшинству напечатать все это в наших общих органах партии?

Ответ здесь может быть только такой. Борьба за перечисленные выше требования делается в нашей партии уже нелегальной и за защиту их не только исключают из партии, но и сажают в тюрьму, как посадили старых рабочих-большевиков тт. Нечаева, Бровера и ряд других, более молодых.

А если так, естественно поставить следующий вопрос: под давлением каких классов требование нажима "на кулака, нэпмана и бюрократа", требование повышения зарплаты, осуществления рабочей демократии и революционной внешней политики делаются требованиями нелегальными в стране Советов? Под давлением каких классов сторонники оппозиции выгоняются из партии, лишаются куска хлеба, а кое-кто попадает и в тюрьму, в то время, как Кондратьевы, Макаровы, Садырины, Рудневы могут без всякого риска критиковать в своих официальных выступлениях теперешнюю политику ЦК как "сверхиндустриальную", как задерживающую развитие производительных сил страны и составлять для Совнаркома кулацкие законопроекты землеустойства (вроде проекта, подписанного членом ЦК А. Смирновым от имени Совнаркома РСФСР) и, к счастью, положенного пока под сукно? Почему влияние этих устряловских элементов на политику государства растет, а сторонники оппозиции уже приперты к выходной двери из партии, а пишущий эти строки уже находится за ее дверями после 23-летней партийной работы? Неужели мы все исключенные исключены под классовым давлением пролетариата?

Только последний идиот может допустить такую мысль.

Когда на заседании Президиума ЦКК, которое оформляло приговор об исключении нас троих, я в своей речи между прочим указал на то, что политика раскола и отсечения оппозиции демонстрирует нашу слабость перед международной буржуазией и только усилит ее наглость и натиск на нас, Е. Ярославский в своей ответной речи обронил фразу, которая дает полный ответ на поставленный мною вопрос. Е. Ярославский сказал, что, наоборот, оставление тт. Троцкого и Зиновьева в составе ЦК на августовском пленуме было истолковано буржуазной печатью заграницей, как слабость партии и ЦК, исключение же оппозиции будет доказательством силы партии.

Что означает эта мысль Е. Ярославского?

Она означает, что исключение оппозиции из партии проводится под давлением мировой буржуазии на нашу партию и, конечно, под бешеные аплодисменты наших внутренних Устряловых. Вот в чем весь гвоздь вопроса. К нашим требованиям можно относиться по-разному. Можно с ними соглашаться, можно их считать абсолютно невыполнимыми, устарелыми, несвоевременными и поэтому их отвергать. Но в нормальных условиях при диктатуре пролетариата, при советской власти их нельзя считать нелегальными. Если эти требования делаются фактически нелегальными, то это может означать только одно: к десятилетию

Октябрьской революции, не поддержанной пока социалистической революцией передовых европейских стран, левое крыло ВКП теряет легальность и в партии и в государстве под давлением напора буржуазных сил на диктатуру пролетариата. Кто этого не понимает, тот разучился мыслить по-ленински, тот не имеет мужества смотреть прямо в глаза горькой правде наших дней. Сосредоточивать внимание на ротаторах, тайных типографиях, отдельных нарушениях дисциплины и т. д. – значит заниматься дребеденью, вместо ленинского подхода к нашему внутрипартийному кризису, который давно уже стал вопросом международным, вопросом о том, будет ли позволено мировой и внутренней буржуазии "расширяться", так хозяйничать в нашей стране, чтобы партийное руководство, под ее давлением и в ее интересах, суживало рамки партийной и советской легальности и лишало ленинскую партию свободы в выработке своих решений на основе легальной предсъездовской борьбы большинства с меньшинством. Когда нет такой свободы, тогда неизвестно и то, кто является большинством и кто – меньшинством. Формально нас исключают из партии Контрольные комиссии, исключают формально за нарушение партдисциплины. А фактически это буржуазно-кулацкая рука отдирает от тела партии старых большевиков и преданных коммунизму более молодых товарищей, отдирает с таким остервенением, что клочья летят от старой ленинской партии. До 10 годовщины Октября во всем мире была только одна страна, где большевиков не сажали в тюрьму за защиту коммунизма – это был СССР. Теперь и эта страна, под давлением буржуазных сил, имеет в тюрьмах несколько большевиков и начала терять легальность для левого крыла коммунистической партии. Только последний дурак, только кретин и обыватель может думать, что разгром оппозиции и лишение ее легальности могут "улучшить" наше международное положение, "нейтрализовать" мировой капитализм и тем самым оттянуть войну. Только пионер может говорить, что самым лучшим предисловием к программе нажима на "кулака", нэпмана и бюрократа" является изгнание из партии тех, кто для защиты этой программы, выдвинутой не со вчерашнего дня, вынужден был крутить ротатор. Противоречия между СССР и капитализмом взорвутся неизбежно и довольно скоро. Оттянуть войну на лишние год-два можно только продуманной, ленинской внешней политикой большого маневра, имея крепкий пролетарско-бедняцкий тыл и подлинное единство партии, единство не на основе отсечений и исключений, а на основе правильной линии и добровольной дисциплины перед лицом смертельной опасности. Даже буржуазные политики, которые, как известно, не хватают звезд с неба, готовясь к войне, добиваются всегда единого фронта, в том числе с социалистами, т. е. с левой буржуазного общества. Как же назвать тех наших политиков, которые готовятся к войне путем отсечения и лишения легальности "левой советского общества", т. е. партийной оппозиции? Кем заменят они в момент, когда каждая сила дорога, преданность делу революции тысяч оппозиционеров, закаленных в боях; кем заменят политический и военный опыт таких ветеранов гражданской войны, как тт. Троцкий,

Смилга, Муралов, Бакаев, Лашевич, Мрачковский, Примаков, Путна и т. д.?

Я обращаюсь ко всем членам партии и к делегатам XV партийного съезда и прошу их с в связи с делом оппозиции не заниматься пустяками и деталями насчет типографий, нарушений дисциплины и т. д., а продумать политически основной вопрос о том, под каким классовым давлением нас исключили из ВКП. Я утверждаю и, кажется, доказал это, что под давлением буржуазных сил изнутри и извне, напирающих на диктатуру пролетариата, урезывающих права советской легальности и лишающих прав этой легальности левое крыло партии, наиболее ненавистное для нее.

Руки прочь, буржуазные руки прочь от ВКП.

Да здравствует партийная и советская легальность, не урезанная буржуазией.

Да здравствует единство партии на основе ленинской политики.

Е. Преображенский

[август 1927 г.]

НАШ ОТВЕТ СЛЕПКОВУ

Сколь бы ни кричали защитники официальной партийной линии, что оппозиция обанкротилась, что она не имеет за собой никакого сочувствия партийной массы, вопрос о ней не сходит со страниц партийной печати, не сходит и с порядка дня партийных организаций, начиная от низовых ячеек и кончая пленумами ЦК, конференциями и партийными съездами. Полемика с оппозицией занимает такое огромное место в партийной жизни, что выработались даже "спецы" по "разносу" оппозиции, во главе которых стоит "бухаринская школа" в лице Марецкого, Стецкого, Слепкова и др. При появлении каждого оппозиционного документа, речи или статьи, эти "спецы" получают заказ на разнос, статья или документ дается им на "проработку" и появляется в печати (если только появляется) не иначе, как в сопровождении "противоядия", составленного кем-нибудь из этих "спецов". Излюбленными приемами в этих случаях являются выдергивание отдельных фраз из опровергаемого документа, извращение мыслей автора путем злостных и недобросовестных толкований, а подчас и прямая фальсификация цитат. Что делать, ежели разнос оппозиции превратился в специальность "молодых" теоретиков "бухаринской школы", ежели они обязаны непременно опровергать все, что бы ни написала оппозиция, то без этого не обойдешься. Назвался груздем, полезай в кузов.

Однако этот способ становится рискованным, если рядом с недобросовестно надерганными и фальсифицированными цитатами лежит и подлинный документ. Фальсификация обнаруживается чересчур легко. А нередко бывает и так, что читатель прочитывает только критикуемый документ и не читает "спецовской" критики. И теперь официальная печать все больше начинает усваивать себе новый способ: печатать

только критику оппозиционных документов, не печатая самих документов. Слепковым, Марецким и их соратникам предоставляется не только право последнего слова в полемике, но и право излагать взгляды оппозиции так, как им захочется, право безнаказанного лганья на нее. Члены партии и рабочие лишены права знать, что говорит оппозиция, они обязаны принимать на веру лганье Слепковых, если только не хотят попасть под партийный суд за чтение "нелегальных" документов.

Такая судьба постигла и документ, поданный 27 июня в ЦК, как материал к партийному съезду за подписью 15 товарищей, в котором они излагают свои взгляды по важнейшим вопросам, стоящим перед партией и советской властью. По всем большевистским традициям право на ознакомление со съездовскими материалами принадлежит всем членам партии. Но теперь оно, по-видимому, становится монополией "спецов" слепковского типа.

Тов. Слепков, вслед за своим учителем Бухариным, смертельно боится "монополистического загнивания и бюрократического ожирения" нашей национализированной промышленности, опасность которого дана самим фактом "монопольного ее положения". К сожалению, монопольное право на "правильную" партийную линию, присвоенное Слепковым, уже привело к такому их "загниванию", что, несмотря на все меры предохранения, от них за версту несет духом оппортунизма, как ни стараются они делать вид, что этот дух не от них, а от оппозиции.

"Международная концепция оппозиционных критиков полна противоречий, – пишет Слепков. – Но сквозь эти противоречия властно пробивается ликвидаторская оценка перспектив мировой революции". Таково первое обвинение, бросаемое Слепковым.

Что значит "давать ликвидаторскую оценку перспектив мировой революции"? Это значит показывать, что в ближайший, по крайней мере, период мировой революции произойти не может. Есть ли что-нибудь подобное в документе 15-ти? Нет, там сказано как раз наоборот. И вот, чтобы хоть немного замаскировать свое беззастенчивое лганье, Слепков и пускается в экскурсию по поводу "социализма в одной стране", вопроса о защите СССР, тактики Коминтерна. Но все-таки, в конце концов, ему приходится процитировать то место документа, в котором ясно и недвусмысленно сказано об этих перспективах. Но цитирует он его по-жульнически. Поэтому, прежде всего восстановим подлинный текст:

"Капиталистический мир, – утверждает документ 15-ти, – еще до мировой войны вошел в эпоху войн и революций, которая может окончиться лишь с гибелью капитализма, с торжеством пролетарской революции". В развитие этого общего положения документ продолжает: "Наивно полагать, что весь период войн и революций, т.е. многие десятилетия, будут сплошной войной и революцией, сплошной вооруженной схваткой между пролетариатом и буржуазией. Перерывы, в течение которых происходит более или менее "мирное" развитие – неизбежны. Но эти "мирные" периоды ничуть не похожи на мирные периоды до эпохи войн и революций. И во время их классовые противоречия остаются крайне напряженными и могут в любой момент вновь превратиться в вооруженную схватку.

Поэтому всякий спор о стабилизации, как о каком-то, хотя и временном, но определенном периоде мирного сосуществования и развития капитализма, является пустой схоластикой. Всякие предсказания, всякая ориентация на то, что революция не вспыхнет в течение такого-то промежутка времени (как из этого исходят теоретики социализма в одной стране) является знахарством в теории и оппортунизмом на практике... Предсказания и прогнозы здесь можно делать только на месяцы, но не на годы''.

Как будто бы ясно и на ''ликвидаторскую оценку перспектив мировой революции'' совсем не похоже. Но Слепков предпочитает все это процитировать с конца и прежде всего выдергивает фразу о том, что ''предсказания и прогнозы здесь можно делать только на месяцы, но не на годы'', для того, чтобы приписать нам ''отсутствие сколько-нибудь определенных взглядов на перспективы мировой революции''. Между тем, совершенно ясно, что эта фраза говорит не об отсутствии у нас сколько-нибудь определенных перспектив на мировую революцию, а об отсутствии, по нашему мнению, перспектив на продолжительность стабилизации, на продолжительность реакции. Нехорошо путать революцию с реакцией, тов. Слепков, даже для посрамления оппозиции!

А от прогнозов и предсказаний вообще мы не отказываемся. В этой же главе, например, сказано, что создавшееся после войны положение ''ставит капиталистическую Европу под удар социальной революции в первую очередь''. А в главе о политике Коминтерна дан и такой прогноз: ''Расчет на гоминдановское правительство – прежнее кантонское или теперешнее уханское – безразлично, как на орудие войны с империализмом, так же неверен, как и расчет на английскую рабочую партию, как на орудие мира в Европе. После позорной сдачи уханского правительства, после начала переговоров о соглашении между гоминдановскими генералами и Чжан Цзолинем, после предательской позиции Генсовета в вопросе о войне – в правильности этого прогноза сомневаться не приходится. Но Слепков заявляет, что нашу тактику в китайской революции и Англо-Русском комитете лучше рассмотреть особо. Что ж, подождем.

Как бы то ни было, ясно одно: наша оценка перспектив мировой революции названа Слепковым ликвидаторской только на том основании, что мы не признаем прочности мировой реакции. Слепков сулит ей блестящие перспективы и, по этому случаю, яростно нападает на нас.

Во-первых, видите ли, мы, по своему невежеству, утверждаем, что Европа только подошла к довоенному уровню, а на самом деле она уже в 25 году ''по индексу производства Европы'' перешла его на целых 5%, а во-вторых, ''речь идет не о *простом* (курсив наш), хотя и медленном подъеме капитализма, а о подъеме, сопровождающемся рационализацией, в первую очередь, – техническим переоборудованием производства''. ''Мало сказать, – продолжает Слепков, – что мировое капиталистическое производство перешло довоенные нормы, надо сказать, что этот переход сопровождается техническим прогрессом, сильным развитием новых видов продукции, использующих иные виды сырья, чем прежде''.

Здесь все замечательно: и трогательно-наивное доверие начинающего профессора к "индексам производства", которые, якобы, в состоянии отражать действительность с точностью до 5%; и еще более – хвалебный гимн прочности капитализма, гимн, которому мог бы позавидовать и сам Каутский. Какая же к черту непрочность стабилизации, о какой революции может идти речь, если капитализм в состоянии производить переоборудование промышленности, пока капитализм не "загниет" настолько, что начнет сокращать "виды продукции", отказываться от тех или иных видов сырья. Слепков утверждает без всякого стеснения, что происходит не "простой подъем капитализма, а начало нового цикла расцвета капитализма, на время которого о революции не может быть и речи. Непонятно только, почему он не попытался здесь дать предсказания на "годы". Совестно, что ли, стало?

Да и в отношении реакции оценка Слепкова – отнюдь не ликвидаторская оценка. Но она насквозь ликвидаторская по отношению к мировой революции. Никого не обманут словечки "временная", "относительная", которыми Слепков старается прикрыть срамное место своей стабилизации. Если Слепков выводит стабилизацию из развития техники, если он не указывает, да и не может указать тех причин, по которым это развитие техники могло бы остановиться, то позволительно спросить, на сколько же времени, по мнению Слепкова, она "временная"?

Позорно оппортунистический, позорно ревизионистский подход Слепкова к вопросу о стабилизации заключается в том, что классовые противоречия из его анализа исчезают. Капитализм двигает технику вперед, – значит, ему обеспечена стабилизация. О том, что при этом развитии техники капиталисты в Европе должны понижать заработную плату, что они не могут, как это было до войны, поддерживать в известной мере классовый мир внутри за счет грабежа колониальных стран, что наряду с использованием новых видов сырья обостряются отношения между метрополиями и колониями, между Европой и Америкой, между отдельными странами Европы, обо всем этом ни звука. Ведь именно для ревизионистов Второго Интернационала характерно представление, что на известной стадии развитие производительных сил при капитализме автоматически останавливается. Ведь именно революционный марксизм, в противоположность этому, всегда подчеркивал, что такой автоматической остановки нет, что капитализм гибнет в результате обострения классовых противоречий, что наша задача – не ждать гибели капитализма, а готовить ее. Недаром Слепков в молодости был кадетом.

"Нет никакого сомнения, – писали мы в нашем документе по поводу "теории социализма в одной стране", – что политика ЦК исходит из молчаливого предположения, что Международная революция задержалась всерьез и надолго. Это означает отказ от ленинской формулы о "вступлении мира в эпоху войн и революций" – ликвидаторскую позицию по отношению к "мировой революции"." В первом же своем выступлении против нашего документа сторонники "теории социализма в одной стране" рукой Сталина расписались в правильности этого нашего обвинения.

Открыто становясь на ликвидаторскую ревизионистскую позицию по отношению к мировой революции, Слепков имеет наглость еще упрекать нас в том, что мы якобы противопоставляем интересы Международной революции интересам защиты СССР. Основывается это умозаключение на следующей цитате: "Рабочее движение на Западе рассматривается здесь прежде всего как способ охранения СССР от нападений империалистов, а не как путь к Международной революции". Всякий, кто прочтет документ 15-ти, увидит, что слово "здесь" означает: у теоретиков социализма в одной стране. Мы обвиняем этих теоретиков в том, что они противопоставляют защиту СССР мировой революции, а Слепков, вместо того, чтобы опровергнуть это обвинение, приписывает нам это противопоставление. Слепков здесь основательно передергивает, ибо он, "проработавший" наш документ, не мог не прочесть в нем хотя бы следующие места:

"Политика ЦК все время сбивается с линии классовой борьбы международного пролетариата за мировую революцию на линию сотрудничества с мелкобуржуазными партиями: в Англии – во имя сохранения мира, в Китае – во имя войны с империалистами. Но этих целей она не достигнет. Ограждение от нападения СССР, как первого государства пролетарской диктатуры в Европе, и подрыв мощи империалистов на Востоке, возможны лишь путем классовой борьбы пролетариата за свержение капитализма". Здесь сугубо подчеркивается то, что задача развития международной революции и задача защиты СССР одно и то же, в противоположность линии ЦК, который пытается мировую революцию подчинить задачам обороны СССР и именно поэтому портит дело обороны СССР.

Но правильно ли это наше обвинение? Мы не можем здесь повторять то, что говорили в нашем документе. Но Слепков здесь вновь целиком расписывается в его правильности.

"Угроза интервенции, – пишет он, – снимается только победой мировой революции, и бороться против этой угрозы и значит бороться за установление диктатуры пролетариата в мировом масштабе".

Вдумайтесь в эти слова. Ведь в них все поставлено на голову: не диктатура пролетариата в СССР нужна для мировой революции, а мировая революция нужна для того, чтобы снять угрозу интервенции. Что удивительного после этого в том, что сохранение Англо-Русского комитета, в котором сидят предатели английской стачки, объявлено было истинно революционной тактикой, тактикой развития мировой революции. Что удивительного после этого в том, что, говоря словами документа 15-ти, в этом случае "интересы международного профдвижения были принесены в жертву иллюзиям, будто бы оппортунисты английского рабочего движения могут и будут бороться против войны". Недаром Слепков об Англо-Русском комитете предпочитает "говорить особо".

Невозможно угнаться за всеми жульничествами Слепкова. Поэтому некоторые из них вынуждены мы только перечислить.

1. Слепков созиательно лжет, когда приписывает нам утверждение,

будто у нас "социалистическое развитие невозможно". Весь наш документ критикует ЦК именно за то, что он недостаточно использует возможность социалистического развития.

2. Слепков лжет в глаза, когда уверяет, будто бы "авторы документа" считают нужным исключить из своего "плана развития социализма" кооперацию: о кооперации как о способе перехода бедняцкого и середняцкого индивидуального хозяйства к крупному социалистическому и о необходимости связи ее с государственным хозяйством в документе говорится весьма подробно. Но Слепкову, очевидно, хочется, чтобы кооперация способствовала сохранению мелкого хозяйства. Тогда так и нужно было бы сказать, а не заниматься враньем.

3. Слепков сознательно клевещет, когда говорит, что "принять лозунг восстановления Советов – значит признать, что Советов у нас нет". Это так же глупо, как сказать, что принять лозунг "оживления" Советов – значит признать, что Советы мертвы. Наш лозунг "восстановления Советов как подлинных органов пролетарской диктатуры, где рабочим и деревенской бедноте обеспечено безусловное преобладание" (подчеркнутые слова Слепков предпочитает опустить) означает, как это ясно всякому, требование развертывания рабочей демократии, в противоположность линии развертывания мелкобуржуазной демократии, требование ликвидации в Советах бюрократических извращений и элементов мелкобуржуазного перерождения. А что такие элементы перерождения уже есть налицо, об этом Слепкову может рассказать любой рабочий.

4. Слепков устраивает форменную истерику по поводу наших заявлений, что "деятельность ГПУ все более начинает направляться на борьбу с законным недовольством рабочих, вызванным бюрократическим и мелкобуржуазным извращением (подчеркнутые слова опять-таки опускаст) и даже с внутрипартийной оппозицией" и что Красная армия грозит превратиться в удобное орудие для авантюр бонапартистского пошиба". Кому на пользу такие заявления и такая "клевета", восклицает он. Было бы гораздо лучше, если бы вместо этой истерики, он попытался опровергнуть наши заявления, если бы он попытался доказать, что деятельность ГПУ, славное прошлое которого мы особо подчеркиваем в нашем документе, не переносится все более на фабрики и заводы, что ГПУ не следит за оппозицией, что в Красной армии, вопреки тому, что говорил и оправдывал Калинин на февральском пленуме ЦК, командные должности не заполняются так наз. зажиточными. На пользу врагам революции идут не заявления, а самые факты подобного рода и, если они есть, то молчать о них преступно.

Перейдем к хозяйственной политике. Слепков, по своему обычаю, прежде всего пытается обвинить нас в "клевете". Основываясь на контрольных цифрах Госплана, он уверяет, что в 1925–26 г. прирост основного капитала промышленности составил 10%. Но это только теоретические исчисления. А вот что получается на практике: "Из-за недостатка отпускаемых средств на переоборудование заводов, – сообщает в своем докладе на Всеукраинском Совете съездов промышленности и торговли член правления Югостали Свицын, – "техническое состояние металлур-

гических предприятий еще больше изнашивается. По сравнению с 1 января 1926 г., техническое состояние отдельных цехов на сталинском, днепровском, а также на заводе Шоддар и Гантье ухудшилось, большая часть электромоторов пришла в негодность и требует замены. Некоторые металлургические заводы работают поэтому с риском выхода из строя целых цехов ("Торгово-промышленная газета", № 50 от 2 марта 27 г.). "Машины на текстильных фабриках изношены до крайности, – сообщает корреспонденция из Костромы. Самые старые котлы сделаны в 1889 г., самые молодые – в 1899 г. ...Это тяжелое положение паросилового хозяйства наблюдается абсолютно на всех фабриках" ("Труд" от 6 марта 1927 г., № 34). Подобных корреспонденций можно привести сколько угодно.

Как совместить такие факты с теоретическим расчетом 10% прироста основного капитала? Не думаю, чтобы тов. Слепков не знал, в чем тут секрет. Уже в самих "контрольных цифрах" отмечается, что "при исключении как самих фондов, норм износа, так и положений, пришлось допустить ряд условностей" (контрольные цифры, стр. 117). Главная из этих условностей состояла в том, что износ определялся не по реальной оценке, а на основании так наз. "норм амортизации", которые исчислялись в червонных рублях на стоимость капитала в довоенных рублях. Это означает, что на самом деле этот теоретически подсчитанный износ преуменьшен раза в два. Если ввести только эту поправку (условности допущены и при исчислении вложений, и при исчислении стоимости капитала), то процент прироста капитала сразу уменьшается вдвое. Вот почему в документе 15-ти и сказано, что в промышленности "пока идет весьма слабое увеличение ее чрезвычайно изношенного оборудования". Не мы клевещем на партию, как уверяет Слепков, а он усиленно старается втереть очки партийной массе.

То же и относительно цен. Если бы даже приводимые Слепковым цифры снижения и можно было принять без оговорки, то и тогда дело обстояло бы из рук вон плохо. В своем документе мы указали, что накидки на товары в частной торговле, которые в октябре 1923 г. составляли 8%, в октябре 1924 г. составляют уже 40%, в октябре 1925 г. – 51%, в октябре 1926 г. – 63% и в январе 1927 г. – 66%. Этих цифр Слепков и не пытался опровергнуть. Если цены частной торговли и снизились по индексу на 6,4% (при одновременном снижении отпускных цен), то это означало бы процент накидки остался примерно таким же, каким был в январе, т. е. 66%. Сближение оптово-розничных ножниц, на которых наживается частный торговец, не произошло. Но Слепков отлично знает, что на самом-то деле кампания снижения цен провалилась, что происшедшее снижение цен сопровождалось ухудшением качества товаров, коснулось по преимуществу неходовых сортов, что в кооперативных лавках хороших товаров достать нельзя, и приходится идти к частнику. Непонятно только, кому здесь собирается втирать очки тов. Слепков? Разве только самому себе, ибо и рабочий, и крестьянин на собственном опыте знают, какова цена "снижению цен" и не Слепкову переубедить их.

Остается брошенное нам Слепковым обвинение в том, что мы "капитулируем перед рынком и его законами". Приведем нашу подлинную формулировку: "Понижение цен промышленных товаров, – говорит документ 15-ти, – должно являться следствием понижения их ценности (а не искусственного снижения необходимой для развития промышленности прибыли и зарплаты) и достаточного насыщения ими рынка". Значит ли это капитулировать перед рынком? Нет, это значит – только действовать в том направлении, "чтобы, исходя из наличия рынка и считаясь с его законами, овладеть ими, путем систематически, строго обдуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятиях, взять в свои руки регулирование рынка и денежного обращения". Так формулировала задачи экономической политики партии в эпоху нэпа Всероссийская конференция РКП в декабре 1921 г. На этой позиции мы остаемся и теперь. А политика ЦК построена на отказе от этой резолюции и тянется вслед за мелкобуржуазными утопистами, хочет "исправить" недостатки рынка, не уничтожая самого рынка. Вместо "строго продуманных и построенных на точном учете процесса рынка экономических мероприятий", она пытается воздействовать на рынок путем административного приказа, возрождая блаженной памяти идею Прудона о "конституированной ценности". Не мы, а ЦК ревизует позиции партии в мелкобуржуазном направлении. Но мелкобуржуазные утопии отличаются, между прочим, тем, что всегда терпят крах. Так происходит и здесь.

Уже больше трех с половиной лет ЦК бьется над снижением цен по своему методу, а в результате товары худшего качества стоят в рознице почти столько же, сколько в октябре 1923 г., и по крайней мере на 20% дороже, чем два года тому назад. Пусть тов. Слепков попробует опровергнуть это и пусть попробует объяснить, как это ленинская, якобы, политика ЦК может привести к таким результатам.

Но мало того, что из этой политики ничего не выходит, – она является прямым обманом рабочих. ЦК все время сдерживает рост номинальной заработной платы рабочих, обещая им повышение реальной заработной платы путем снижения цен. Пусть теперь спросят рабочего, на много ли повысилась его заработная плата от такой политики.

Слабее и беспомощнее всего тов. Слепков в вопросе о нашей рабочей политике. В сущности, он даже и не пытается здесь возражать, отбалтываясь тем, что мы, якобы, натравливаем рабочих на партию и разводим демагогию. Да и возразить-то тут нечего.

Верно ли, что наши профсоюзы все более сбиваются с линии защиты рабочих от бюрократических извращений хозорганов на линию защиты всех мероприятий хозорганов, становятся все более и более подсобными органами последних? Верно ли, что они теряют свой авторитет в рабочей массе? Верно и подтверждено авторитетными в этом деле людьми, как тов. Томский (см. его речь на XIV съезде партии).

Верно ли, что "режим экономии" проводится за счет рабочего? Каждый рабочий подтвердит это, так как испытал это на собственной спине.

Верно ли, что рационализация ведет к расчету рабочих? Это подтвер-

ждали все члены ЦК, выступавшие на февральском пленуме ЦК.

Верно ли, что ЦК предписал "освободить" предприятия от "излишней" рабочей силы и предложил повышать заработную плату только в том случае, если повышается интенсивность труда. Об этом читали все в постановлении ЦК о рационализации.

Верно ли, что рост безработицы усиливается бешеным темпом – на 280 тыс. в полгода, что рост безработных обгоняет рост рабочих, что быстрее всего безработица растет среди квалифицированных рабочих? Верно, и всякий может убедиться в этом, хотя бы просмотрев № 11–12 журнала "Статистика труда", орган ВЦСПС, ЦСУ и НКТруда.

Верно ли, что в момент роста безработицы СПК и ЦИК издают правила о снятии с учета и пособий на бирже безработных, которые больше всего бьют по квалифицированному безработному? В этом может убедиться всякий, кто прочтет это постановление.

Верно ли, что на фабриках "все более устанавливается неограниченная власть администрации", что фабзавкома на деле устранили от дела приема и увольнения рабочих, что прием и увольнение находится в руках мастеров, что эти мастера берут взятки с рабочих, что производственные совещания не имеют никакого серьезного значения, что курс на "оживление" профсоюзов давно забыт? Об этом опять-таки давно уже знает всякий рабочий.

Верно ли, наконец, что заработная плата в лучшем случае только подошла к довоенному уровню, в то время, как выработка на одного рабочего при восьмичасовом рабочем дне и при худшем состоянии оборудования значительно ниже, чем в довоенное время? Верно ли, что число несчастных случаев на предприятиях растет? Верно ли, что наши страхкассы экономят на застрахованных, что врачи на предприятиях получают предписания не освобождать рабочих по болезни от работы сверх указанной им нормы?

Обо всем этом Слепков предпочитает умолчать. Он только жульнически старается показать, что у нас происходит значительный рост зарплаты, что этот рост идет в соответствии с ростом производительности труда.

"Заработная плата, – писали мы в нашем документе, – к августу (25 г.) поднялась на 25%, не дойдя, однако, до довоенного уровня. Но с этого времени рост реальной заработной платы приостанавливается, и в настоящее время она даже ниже уровня осени 1925 г."

Слепков называет это клеветой. Возьмем такой авторитетный источник, как отчет ВЦСПС к XVII съезду профсоюзов, стр. 203, где приведена таблица реальной заработной платы и заработки на рабочего по месяцам. В августе 1925 г. заработная плата поднялась до 131,5 коп. в день. После этого идет снижение, и в апреле 1925 г. она равна уже только 119 коп. К сентябрю она снова постепенно повышается и доходит до 129,2 коп. К декабрю она, по данным ЦВ статистики труда, снижается и доходит до 129 коп. К февралю, по данным "Статистического обозрения", опять поднимается до 130 коп. Более поздних выверенных данных пока что нет (контрольные данные Госплана, касающиеся

месячной заработной платы, зависящей от количества рабочих дней, есть лишь предварительные данные, которые можно сравнивать только с предыдущим месяцем.

Относительно выработки данные имеются только до октября 1926 г. и приведены в том же отчете ВЦСПС.

В августе 1925 г. она составляла в довоенных рублях 6 руб. 69 коп., в сентябре – 6 руб. 79 коп., т. е. повысилась на 19% без повышения за тот же период заработной платы.

Таким образом, с того момента, когда заработная плата подошла более или менее к довоенному уровню, ее рост приостанавливается, а интенсивность труда по-прежнему гонится вверх, этого факта ничем не замажешь.

"В общем итоге, – пишем мы в нашем документе, – с октября 1924 г. по октябрь 1926 г., в полном противоречии с решениями XIII конференции, выработка на одного рабочего поднялась на 47,3%, в то время, как довоенная зарплата поднялась только на 26%. Эти цифры нами не выдуманы и даже не нами подсчитаны; они стоят на той же странице отчета ВЦСПС.

Как пытается выпутаться Слепков? Он берет из конъюнктурного обзора Госплана сравнения месячной зарплаты в мае настоящего и прошлого года. Мы уже видели, что в мае 1926 г. даже дневная заработная плата значительно снизилась по сравнению с осенью 1925–26 гг. А кроме того, в 1926 г. на май приходилась пасха, и число рабочих дней было меньше, чем в этом, что еще больше снижало месячную зарплату. И вот, на основании сопоставлений мая этого года с самым худшим по высоте заработной платы месяцем прошлого года, Слепков хочет доказать, что зарплата повысилась на 24%. Что это, как не статистическое жульничество?

По поводу безработицы у Слепкова остается только одно средство. Он пытается уверить рабочего, что оппозиция сама ничего предложить не может: "Не предлагая ничего конкретного для борьбы с безработицей, – говорит он, – проповедуя такую программу, которая неизбежно привела бы к краху промышленности и росту безработицы, оппозиция рядится в тогу защитника и представителя безработного пролетариата".

Хоть бы лгал-то тов. Слепков более складно. А то, с одной стороны, мы "не предлагаем ничего конкретного", а с другой стороны, проповедуем такую программу, которая не нравится Слепкову. Что-нибудь уж одно: либо "ничего конкретного", либо "программа".

А предлагали мы вещи довольно конкретные: 1) Усилить темп индустриализации за счет ограничения доходов неслыханно наживающейся у нас паразитической буржуазии; 2) Увеличить размер пособия по безработице индустриальным безработным и установить повышение по сравнению с общим размером пособия тем безработным, которые уволены по случаю сокращения рабочих. 3) Отменить постановление СНК, которое дает возможность под разными предлогами снимать безработных с пособия и учета на бирже. Почему эти мероприятия поведут к росту безработицы, это одному Слепкову известно. А вернее всего, что и ему неизвестно.

Что же касается неосуществимости нашей программы, то здесь Слепков прав только в одном: при той линии, которую проводит ЦК, при его боязни буржуазии, боязни накопления в государственном хозяйстве, боязни ''монопольного загибания промышленности'' (а ведь эта монополия государственной промышленности есть одно из главнейших завоеваний Октябрьской революции), эта программа, конечно, неосуществима. Но ведь дело-то и идет о том, чтобы бросить эту линию сползания с классовых пролетарских позиций. А бросить ее тем более необходимо, что она уже непосредственно начинает бить по пролетариату.

Даже Слепкову прекрасно известно, что положение рабочих становится все более тяжелым. А между тем, именно в вопросах рабочей политики ЦК беспомощен более, чем когда бы то ни было.

В этом беспощадный приговор его политике.

Именно поэтому наша постановка вопроса о рабочей политике и вызывает наибольшее озлобление у защитников официальной линии. Казалось бы совершенно бесспорным, что при ''диктатуре пролетариата'' совершенно недопустимо отодвигание на второй план вопроса об улучшении положения рабочих, пренебрежительное отношение к так наз. ''цеховым интересам'' рабочего класса. А между тем, это бесспорное положение вызывает яростные нападки со стороны другого нашего критика тов. Н. Мандельштама. В этой ярости он доходит до смешного: ''рабочая аристократия в Англии, – пишет он, – развращенная своей буржуазией, не хочет рисковать своей ''культурной обстановкой'' – это ведь тоже цеховой интерес, нельзя и его отодвигать на второй план и звать английских рабочих к революции''.

Из всего этого вздора можно понять только одно: тов. Н. Мандельштам считает необходимым держать наших рабочих впроголодь, дабы не ''развращать их культурной обстановкой''. Вот подлинный образец бюрократа, который думает, что можно построить социализм без улучшения положения рабочих, без их участия, за них. Тов. Мандельштам полагает, по-видимому, что можно создать энтузиазм рабочих и поднять их активность ''проработкой'' оппозиции на ячейках или докладами на рабочих собраниях на ту тему, что улучшить положение рабочих никак невозможно. Как ярко такая постановка вопроса дополняет тов. Сталина, который увеличение безработных на 330 тысяч рабочих объявляет незначительной жертвой в пользу рабочего класса в целом.

Остается сказать несколько слов о партии. Слепков заявляет, что ''партия выросла настолько, что разногласия великолепно понимает и за оппозицией не идет и идти не собирается''. Очевидно, именно по случаю этого роста, партии разрешается слушать только Слепкова и ему подобных. Очевидно, именно потому, что партия ''не собирается идти за оппозицией'', ей не дают возможности знать то, что говорит оппозиция, именно по ''зрелости'' членов партии, их таскают в контрольные комиссии за одно чтение оппозиционных документов. Произведя явное и открытое насилие над партией, еще смеют ее уверять, что она одобряет это насилие, что члены добровольно отказываются от тех прав, которые им принадлежат и всегда принадлежали по всем большевистским

4–988

традициям. Что это, как не дикое издевательство над партией?!

ЦК старается изобразить себя проводником ленинской политики в руководстве партией. Это ложь. Ленин требовал, чтобы все члены партии имели возможность проверить разногласия с документами в руках. Теперешний ЦК отдает монополию на это ознакомление бывшему кадету Слепкову, бывшему меньшевику Мандельштаму и им подобным; Ленин в случаях разногласий всегда апеллировал к партии, к партийному рабочему. ЦК больше всего боится вмешательства в спор рядового партийца. Ленин в резолюциях X съезда признавал дискуссию основным методом партийной работы, – для Слепковых она ''дискуссионный базар''. Ленин умел руководить партией, – теперешние ''руководители'' умеют только ликвидировать ее.

Против этих ликвидаторов партии, против тех, кто ведет пролетарское государство по пути сползания с пролетарской классовой линии, против тех, при чьем руководстве бывшие меньшевики, вроде Мартынова, и бывшие члены петлюровского правительства, вроде Рафеса, все более начинают определять политику коммунистической партии, против тех, кого открыто приветствует сменовеховец Устрялов, – против них направлен наш документ. Нас нисколько не удивляет то озлобление, тот поток лжи и клеветы, которым они его встречают.

Мы думаем, что у партийной массы, у пролетарской части партии наш документ найдет совсем другой отклик и что именно поэтому его стараются скрыть от партии и оклеветать перед ней.

Мы уверены, что ни то, ни другое не удастся, что так или иначе рабочий-партиец узнает о нем и сумеет правильно определить, где сидит меньшевизм – в нашем документе или в клеветнических писаниях бывшего кадета Слепкова и бывшего меньшевика Мандельштама.

В. Емельянов
Т. Хоречко

[август 1927 г.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОЛЛЕГИИ ОГПУ ТОВ. МЕНЖИНСКОМУ

Копия
Сов. секретно

Уважаемый товарищ!

Против моего сотрудника тов. Бутова бывшая жена его, некая Остроумова, ведет всякого рода интриги – с целью вымогательства, мести и пр. По тем данным, с какими мне удалось познакомиться, Остроумова, по-видимому, человек морально совершенно разложившийся. Дело не заслуживало бы внимания, если бы Остроумова не рассказывала направо и налево о том, что она работает по поручению ГПУ, получает деньги из ГПУ и пр. Возможно, она просто выдумывает это для придания себе важности. Но возможно, что она действительно вводит в заблуждение кого-либо из сотрудников ГПУ. Прошу Вас поинтересоваться этим вопросом и сообщить мне результаты.

С коммунистическим приветом *Л. Троцкий*

3 сентября 1927 г.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б)
В ПРЕЗИДИУМ ЦКК
В ИККИ*

Уважаемые товарищи.

Факты, разворачивающиеся после Объединенного пленума у всех на глазах ставят явно под угрозу всю подготовку XV съезда.

Незачем говорить, что XV съезд мог бы, при надлежащей подготовке, сыграть крупнейшую роль и действительно облегчить нашей партии выход из нынешнего кризиса. Он мог бы содействовать сплочению партии, указав ей правильные пути дальнейшей борьбы и, в частности, пути подготовки СССР к опасности надвигающейся войны. Он мог бы и должен был бы положить конец начатому сверху расколу Коминтерна.

Все это он мог бы, однако, выполнить лишь в том случае, если бы подготовлялся так, как подготовлялись, при наличии даже гораздо менее серьезных разногласий, наши съезды при Ленине.

Как поступала партия при Ленине?

Во-первых, съезды созывались точно в срок. Даже опоздание на месяц считалось при Ленине недопустимым. Никогда при Ленине не бывало, чтобы ЦК сам себе продлил полномочия на лишний год, т. е. удвоил бы полномочия, полученные от съезде. И это – несмотря на то, что обстановка тяжелой гражданской войны делала созыв съездов куда более трудным, нежели теперь.

Во-вторых, при Ленине перед съездом все члены партии действительно получали реальную возможность печатать в партийной прессе свои предложения, тезисы, платформы, брошюры, сборники и выступать на любых партийных собраниях.

В-третьих, все это делалось с таким расчетом, чтобы в дискуссии действительно могли принять участие все члены партии и чтобы выборы на съезд определялись действительной волей партии. Никогда при Ленине не было того, чтобы сначала прошли районные конференции, предрешающие в сущности все, и лишь затем, когда соберутся губернские конференции, начиналась бы "дискуссия". Такой порядок при Ленине был бы всеми осмеян и отвергнут, как жалкая, позорная комедия.

В-четвертых, при Ленине в предсъездовский период не только не бывало высылок товарищей, не согласных с линией ЦК, из рабочих центров в отдаленные углы (при Ленине ссылки вообще не практиковались), но, наоборот, именно тем товарищам и группам товарищей, которые имели разногласия с большинством Центрального Комитета, безусловно гарантировалась возможность остаться в крупных центрах, с тем, чтобы они могли перед съездом и на самом съезде выступить со своей критикой линии Центрального Комитета.

Ничего подобного нет теперь. Все делается наоборот. ЦК сам удвоил свои полномочия, вопреки уставу. Он созывает XV съезд через два года после XIV. ЦК перед съездом удесятеряет репрессии против инакомыс-

---

* Коллективная работа. Значительная часть написана мною. *Л. Троцкий.*

4*

ляцих (в частности, ссылки – о чем ниже). ЦК не только не принимает мер к выработке такого порядка и такой очередности в подготовке съезда, чтобы все члены партии действительно имели возможность высказаться по спорным вопросам, наоборот, – в Москве, Ленинграде, на Украине, в целом ряде мест районные конференции должны начаться, а местами уже закончиться в двадцатых числах октября, тогда как начало официальной дискуссии Центральным Комитетом обещано на первые числа ноября. Это значит, что официальная дискуссия сможет начаться тогда, когда районные конференции будут уже закончены или, во всяком случае, будут закончены выборы на них. Если все это так и произойдет, это будет насмешкой и издевательством над правами членов партии. Это побудит широкие круги членов партии думать, что Центральный Комитет боится дискуссии, как огня, что он совершенно не имеет надежды защитить свою политическую линию при сколько-нибудь правильной и честной внутрипартийной дискуссии. Неужели в самом деле такие календарные фокусы могут считаться нормальными методами внутрипартийной демократии, могут дать выход из нынешнего кризиса?

Серьезные разногласия бывали в нашей партии и раньше, но никогда они не носили такого затяжного и вместе с тем болезненного, острого характера, как в последний период. Почему это вышло так? В значительной мере именно потому, что подготовка XIV съезда прошла в чрезвычайно ненормальной обстановке. ''Дискуссия'' началась чуть ли не за неделю до партийного съезда; разногласия обрушились на партию, как снег на голову. ''Дуэль'' между губернскими конференциями двух столичных организаций (Ленинград–Москва) была неожиданна для всей партии. Партия в целом была лишена возможности сказать свое слово. Разногласия были загнаны внутрь. Вред для дела получился неисчислимый.

Во много раз больше вреда для партии получится теперь, если при помощи календарных ухищрений и секретарских фокусов у партии будет отнята последняя возможность нормальным путем разобраться в существующих разногласиях, ознакомиться с документами, выслушать все спорящие стороны и выработать мнение действительного большинства всех членов партии. Центральный Комитет, который прибег бы к таким календарным фокусам в нынешней обстановке, показал бы, что он далеко не уверен в том, что большинство членов партии действительно поддерживает его линию, а, главное, что он готов на все, даже на подрыв единства партии, только бы сохранить свои позиции – несмотря ни на что.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК и без того отмерил время для дискуссии крайне скупо. Как известно, XV партсъезд назначен на 1 декабря. Партийная дискуссия допущена Центральным Комитетом только на один месяц перед съездом, т. е. формально с 1 ноября. Это опять-таки явное и кричащее нарушение интересов партии. Предсъездовская дискуссия должна открываться не позже, как за месяц до съезда. Этот минимальный срок предусматривается для наиболее нормальных,

спокойных, здоровых условий – во всяком случае, при ежегодном созыве съезда. "Не менее месяца" – означает, что в случае, если этого потребуют обстоятельства, срок дискуссии должен быть более длительный. А можно ли, вообще говоря, представить себе условия, более настоятельно требующие всесторонней дискуссии, как условия нынешнего кризиса партии? Но и месячный срок есть, в сущности, фикция. В действительности, ввиду ноябрьских празднеств, дискуссия ограничена заранее какими-нибудь двумя-тремя неделями перед открытием съезда. А между тем, в нашей стране, для того, чтобы важнейшие документы, даже опубликованные в "Правде", хотя бы только дошли повсюду на места, нужно добрых две недели. Таким образом, делегаты на губернские партконференции будут избраны раньше, чем члены партии будут иметь возможность даже только прочесть важнейшие документы – скажем, платформу оппозиции. Если ЦК партии не отменит немедленно решение о сроке выборов на районные конференции, с тем, чтобы выборы на эти конференции состоялись после дискуссии, то этим на деле будет совершено аннулирована всякая предсъездовская дискуссия, гарантированная партийным уставом. Это превратит выборы на съезд в простую формальность, а при нынешней обстановке, – в сущности говоря, – в комедию.

Съезд есть высший орган нашей партии. Съезд есть крупнейшее событие внутрипартийной жизни. Авторитет съезда должен стоять для каждого члена партии вне сомнения и оспаривания. Члены большевистской партии безусловно обязаны подчиняться решениям партийных съездов. Но все это достижимо на деле лишь при том условии, всесторонне обеспеченном уставом партии, чтобы члены партии имели реальную возможность влиять на эти решения, чтобы голосовала вся партия, а не только партаппарат.

По нашему мнению, Политбюро должно, опираясь на устав партии, обязать все местные организации установить такой порядок предсъездовской работы, который дал бы возможность всем членам партии на их ячейках действительно обсудить весь порядок дня XV съезда своевременно, т. е. после ознакомления со всеми важнейшими документами и заслушания спорящих сторон и до всяких выборов, предопределяющих состав съезда. Календарные фокусы секретарей, желающих обмануть членов партии и лишить их законнейшего права, Центральный Комитет должен не только запретить, но пригвоздить к позорному столбу.

* * *

Мы считаем далее необходимым обратить ваше внимание на ряд фактов, имеющих место в целом ряде партийных организаций – фактов, которые бросают яркий свет на совершенно невозможную обстановку, в которой развивается жизнь партии после объединенного пленума ЦК и ЦКК, т. е. в предсъездовский период.

В совокупности факты эти показывают, что очень значительная и очень влиятельная часть партийной бюрократии уже теперь поставила

себе целью не позволить массе членов партии разобраться спокойно в разногласиях, существующих в партии, что она поставила себе задачей прямо терроризировать сторонников партийной оппозиции, не допускать, чтобы они использовали свое право защищать свои взгляды перед лицом партийных организаций.

Мы приводим только абсолютно проверенные факты, отрицать которые невозможно.

1. В целом ряде городов (Москва, Ленинград, Ростов, Баку) партактивы после Объединенного пленума были собраны нарочно в порядке внезапности, с тройным "отбором", выдавались билеты только "абсолютно надежным", только именные, причем в них отказано было сотням старых членов партии, принимающим живейшее участие в работе партии.

2. На районных, как и на общегородских собраниях активов и в Москве, и в Ленинграде, и, наверное, в других городах находились заранее организованные, т. е. подготовленные и соответственно размещенные небольшие, но готовые на все группы, которые криками, угрозами, свистом, бранью срывали выступления оппозиционеров. Ни на одном собрании руководители не приняли мер для успокоения этих групп или удаления их из зала. Такой член партии, как Иван Никитич Смирнов, 25 лет состоящий в нашей партии, известный широчайшим кругам рабочих, глубокоуважаемый всеми товарищами, которым приходилось с ним работать в подполье, в Красной армии и на советской работе, не мог использовать предоставленных ему для освещения итогов пленума ЦК десяти минут на Московском активе. Его выступление, совершенно лояльное и спокойное, срывала, и срывала организованно, кучка, при попустительстве председателя, кандидата Политбюро тов. Угланова.

3. Хулиганские методы срыва партийных собраний применялись особенно в Ленинграде. В присутствии секретаря губкома кандидата Политбюро тов. Кирова "кем-то" был потушен свет на общегородском собрании и на собрании Выборгского района в момент, когда представитель оппозиции начал читать резолюцию. На собрании Петроградского района хулиганы набросились на товарища, читавшего резолюцию, и разорвали ее, при этом были крики антисемитского характера. На некоторых собраниях руководители их, вместо того, чтобы защищать законное право всякого члена партии доводить до ее сведения свое мнение при помощи внесения проекта резолюции, ставили на голосование вопрос, читать ли резолюцию вообще, подсказывая подобранному заранее собранию голосование против самого оглашения резолюции.

4. Рука об руку с этими методами, целью которых явилось помешать оппозиции партийным путем доводить до сведения партии свои взгляды, шло застращивание членов оппозиции.

На партийных собраниях некоторые видные представители ЦК (назовем члена ЦК Антипова в Ленинграде — его выступление на ячейке фабрики "Большевик", тов. Мирзояна в Баку и т. д.) обкладывали рабочих-оппозиционеров последней площадной бранью, угрожали им исключением из партии. От угроз во многих местах переходили к действиям.

На ячейке Реввоенсовета зампред Реввоенсовета тов. Уншлихт угрожал исключением из партии и из армии, как контрреволюционеров, товарищей, голосовавших против официальной резолюции.

Из Ленинграда "срочно" высланы в самые последние дни двенадцать товарищей, из них девять старых членов партии, рабочих со стажем с 1910 по 1917 гг. Фамилии высланных товарищей: Богомольный, Левин, Войцехович, Димитриев, Герцберг, Фонберштейн, Роцкан, Коваленко, Иванов, Григоров, Пичурин, старый товарищ, стоял во главе хорошо идущего рабочего кооператива со 100 тыс. членов, который должен был получить первую премию. За выступление на районном активе с оппозиционной речью Пичурин тотчас же снят и его ссылают в Полторацк.

Из Баку высланы: 1) Мамедлинский ("выведен" из Райкома, членом которого он состоял, и ссылается в дальний крестьянский уезд), 2) Гиршик (ссылается в Персию), 3) Мирзоев (на границу Персии), 4) Штабинский (в Персию).

С Урала высылаются старые товарищи: 1) Беляев, 2) Дерябин, 3) Недорезов.

В эту категорию высылок мы относим назначение партийного литератора, никогда не занимавшегося торговлей, 20 лет состоящего в партии, тов. Сафарова на пост служащего в торгпредстве в Константинополе.

Тов. Коваленко, члена редакции РИО ВЦСПС, подписавшего заявление 84-х, ссылают в Среднюю Азию. Снятие тов. Коваленко было прикрыто мнимым сокращением штата в РИО; на деле, штат после снятия Коваленко увеличен и состоит теперь из пяти бывших эсеров и меньшевиков, которые в свое время все привлекались ГПУ, и одного коммуниста. Старый же член партии должен за мнимую "идеологическую невыдержанность" катиться в Среднюю Азию.

Туда же изгоняют тов. Андрейчина, революционера с большим стажем международной работы, на якобы "хозяйственную" работу.

Тт. Рыжов и Александров – оба рабочие с производства – только за то, что написали письмо тов. Зиновьеву с жалобой на безобразный и бесстыдный доклад некоего Погодина в их ячейке, подверглись репрессиям: первый исключен из партии, а второму – выговор с предупреждением. Тов. Зиновьев огласил это письмо на объединенном пленуме и просил расследования со стороны ЦКК. Этого расследования не сделали, но на двух рабочих, пользующихся широким доверием массы, обрушились тяжелые репрессии.

В Москве тов. Мартынов, участник гражданской войны (орден Красного Знамени) исключен из партии на объединенном заседании РК и РКК за цитату из заявления 84-х на собрании ячейки НКПС.

Тов. Малюта – за реплику во время разнузданной речи тов. Буденного получил выговор и снят с должности.

Ряд товарищей получил строгий выговор с угрозой исключения из партии за подписание заявления 84-х, признанного председателем ЦКК тов. Орджоникидзе легальным партийным документом (см. приговор Уральской КК от 12 августа). Объявлен строгий выговор с предупреждением об исключении тт. Дукату, Щеколдину, Курбатову, Недорезову

за подписание заявления 84-х. Каких товарищей собирается исключать из партии Свердловская окружная КК, видно из следующей характеристики тов. Дуката, данной ему в приговоре, опубликованном от 21 августа в "Уральском рабочем": Дукат, Юлий Иванович, член ВКП(б) с 1904 г., 38 лет, из крестьян, образование среднее, профессиональный революционер, за революционную деятельность подвергался заключению в тюрьму в 1906–1909, в крепости с 1913–1916; в Красной армии служил пять лет от красноармейца до командующего округом; в настоящее время безработный.

Тт. Лелевич и Ротенберг получили в Саратове строгий выговор с предупреждением, с лишением права занимать партийные посты на два года, за простую защиту своих взглядов на партийном собрании. В приговоре КК никаких других мотивов не указано. А в том же Саратове тов. Варейкис (кандидат ЦК) сделал доклад об объединенном пленуме на собрании работников просвещения и других советских ячеек с участием **беспартийных** – о чем можно прочесть в "Саратовских известиях". Одного из нас осудили за несколько слов критики по адресу Мартынова, со ссылкой на то, что на собрании были беспартийные. А кандидат ЦК тов. Варейкис прямо с пленума едет на собрание с беспартийными и открыто печатает, что эти беспартийные одобрили такие-то резолюции.

Или вот другой пример. В органе Архангельского губкома ("Волна", от 30 августа 27 г.) читаем: "Собрание постановляет в ближайшие дни начать проработку решений объединенного пленума во всех партийных и комсомольских ячейках, **после чего провести доклады и беседы среди беспартийных рабочих района**". И еще: "Заслушав доклад об итогах объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), объединенное собрание ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ Лесозавода № 15 и Лесобиржи № 2 **с участием беспартийных** считает все решения пленума безусловно и единственно правильными" (в той же "Волне", от 3 сентября 27 г., № 200).

Председатель ЦКК т. Орджоникидзе разъяснил, что "проработка" оппозиции на собраниях с беспартийными недопустима. Но "кто-то" отдает другие распоряжения.

Тов. Вардин в Орле получил выговор и снят с работы за то, что пытался, несмотря на недовольство начальника милиции, защищать взгляды оппозиции.

Приходят сведения о наказаниях, обрушивающихся на рабочих-оппозиционеров в виде снятия с завода. В Ростове снят с сапожной фабрики им. Микояна член партии с 1916 г. тов. Кантор и "выдвинут" на советскую службу. Этот член партии добивается в письме к краевой Контрольной комиссии "восстановления в правах обтяжчика обувной фабрики".

В Баку сняты с работы: 1) Шибанов – пока без работы, 2) Логачев – два месяца без работы, 3) Данилианц – снят с работы, неизвестно куда посылается, 4) Власов – снят с работы, 5) Оганесов Арсен – тоже, 6) Власов И. – снят с работы после актива за внесение поправки к резолюции, требующей ознакомления партии со взглядами оппозиции по первоисточникам.

Все это – за несколько последних дней! Все это – факты, которые дошли до нас. А сколько фактов не дошло! Оппозиционеров, сосланных в свое время в Туркестан, в провинциальные города центральной полосы и т. п., теперь, "на всякий случай", вновь перебрасывают, открыто говоря: "Вы тут уже немного "обросли сочувствием", поезжайте перед съездом в другие места". Таких примеров – десятки. Каждый секретарь ведет "подготовку" к XV съезду партии по этому типу. О том, что делается в уездах, в крупных рабочих поселках, мы пока не знаем. Но и там делается то же, только – если возможно – еще грубее.

5. Одновременно с этими методами застращивания идет самая бесшабашная, самая отравленная агитация против оппозиции в печати. Попрежнему всякий борзописец и карьерист знает заранее, что любая пошлость, любая ложь, любая кляуза найдут место в печати, если они направлены против оппозиции. Так можно действовать только не опасаясь опровержений, т. е. заранее решив не допускать на деле ни печатной, ни устной дискуссий перед съездом.

Достаточно указать на статью небезызвестного Н. Кузьмина в "Комсомольской правде", в которой этот "учитель" нашей военной молодежи, сменивший тов. Путна, загнанного в Японию, толкует упоминание тов. Троцкого о Клемансо, как требование расстрела крестьян на фронте в случае войны. Что это, как не явно термидорианская, чтобы не сказать черносотенная агитация, имеющая целью противопоставить крестьянство оппозиционной части рабочей партии? И такая гнусность не вызывает никакого отпора со стороны партийного руководства, несмотря на то, что на статью эту было обращено внимание ЦКК.

Мы не будем говорить о жалких передовицах Скворцова в "Известиях" и о стихотворных выступлениях там же по "партийным" вопросам Демьяна Бедного, разнузданность которого растет одновременно с его идейно-поэтическим опустошением. Кулацко-порнографический тон Демьяна Бедного вызывает все большее отвращение и презрение самых спокойных партийцев, отнюдь не оппозиционеров. В то же время не может быть ни для кого сомнения в том, что гнилостные писания Д. Бедного "поощряются" сверху. Все знают, что печатью руководит через Отдел печати Секретарнат, т. е. фактически тов. Сталин.

6. В статье тов. Ярославского, от 26 августа, содержится прямая директива местным организациям не переводить оппозиционеров-кандидатов в партию. Что же означает этакая директива? Она означает фактическое исключение кандидатов-оппозиционеров из партии. Она означает явное издевательство над уставом партии. Кто решал такой важный вопрос? Неужели тов. Ярославский единолично решает такие вопросы? Где же предел произволу? Неужели кто-либо думает, что рабочие-коммунисты позволят безнаказанно топтать ногами устав партии?

7. Перед оппозицией двери печати все туже закрываются. Дело идет не только о статьях по спорным вопросам, но вообще об участии в печати оппозиционеров, хотя бы и по бесспорным вопросам. Беседа тов. Троцкого с американской делегацией, организованная по инициативе ВЦСПС, была напечатана в "Правде" в сопровождении кляузного

и глупого послесловия, вызвавшего возмущения каждого сколько-нибудь серьезного сторонника большинства. Неудача этого "опыта" привела к тому, что беседа тов. Зиновьева с той же делегацией вовсе не была напечатана, причем к решению не печатать ее пришито было белыми нитками решение не печатать бесед тт. Томского и Калинина. Еще откровеннее (если возможно) поступила редакция "Правды" со статьей тов. Радека по поводу казни Сакко и Ванцетти. Редакция не только отказалась напечатать эту статью, – без указания причины, – но и отказалась дать письменный ответ автору о судьбе статьи, чтобы вообще не было следов возмутительного произвола по отношению к партийному писателю-оппозиционеру. Единственным недостатком статьи Радека является то обстоятельство, что она неизмеримо выше нынешнего уровня статей "Правды". Статья тов. Зиновьева "Ленин в июльские дни 1917 года" тоже не напечатана, и редакция "Правды" отказывается даже дать какой-либо ответ. Эту тему "Правда" поручила все тому же... Слепкову, по-видимому, на том основании, что Слепков еще в 1918 г. был кадетом. Он больше всех, оказывается, ныне призван писать о роли Ленина в июльские дни 1917 года! Разве это не символ?

Если сейчас тт. Зиновьев и Радек не могут в "Правде" высказаться по бесспорным вопросам только потому, что они оппозиционеры, кто же поверит, что оппозиция получит возможность высказываться перед съездом по спорным вопросам?

Из всех перечисленных выше фактов мы считаем наиболее серьезными: исключения и высылки рабочих и вообще партийцев за оппозиционные убеждения; систему срыва партийных собраний организованными сверху группками и погромную агитацию в печати. Остановимся на срывании партийных собраний.

В прошлом нашей партии такие средства применялись нами на собраниях, созываемых буржуазными партиями, а также – на собраниях с меньшевиками после окончательного раскола с ними. Внутри нашей партии подобные методы должны быть самым решительным образом запрещены, ибо они мешают решению партийных вопросов партийным путем. Применяемые представителями большинства против меньшинства, эти методы доказывают, что большинство партии, имеющее в своих руках монополию печати, боится, что достаточно будет нескольких открытых выступлений представителей меньшинства, чтобы посеять сомнения в правильности политики, проводимой большинством.

Эти методы угрожают совершенно сорвать ту подготовку съезда, которая гарантирована уставом партии и обещаниями Политбюро на последнем пленуме. Группы, срывающие насильственно всякое обсуждение партийных дел на партийных собраниях, подготовляются для срыва партдискуссии в предсъездовский период. Либо они сорвут эту дискуссию, если ЦК не примет уже теперь мер против подобных методов, либо дело дойдет до самых резких столкновений на предсъездовских собраниях.

Мы обращаем далее внимание на следующее. Объединенный пленум передал вторую часть заявления 13-ти членов ЦК и ЦКК (оппозиция) на

рассмотрение Политбюро и Президиума ЦКК. В этой второй части содержатся некоторые практические предложения по оздоровлению внутрипартийной жизни. Это дело, однако, не двигается с места. Политбюро и Президиум ЦКК просто игнорируют это постановление Объединенного пленума. Допустим ли такой образ действия?

Тем временем полным ходом идут фракционные активы, созываемые членами ЦК, секретарями губкомов и т. п. Секретари подбирают – пользуясь официальным аппаратом и средствами партии – секретные совещания единомышленников, фактически сталинской фракции, и обсуждают лучшие способы борьбы с оппозицией, в частности, – вопрос о снятиях, высылках, "выдвижениях" и пр. Такой образ действий механически толкает и оппозиционеров перед съездом начать собираться на отдельных совещаниях, ибо отказаться от активного участия в подготовке съезда может только жалкий лжепартийный обыватель, но не откажется ни один оппозиционер.

Никто в партии не верит и не поверит, что все недопустимые антипартийные преступные приемы применяются случайно. Если бы это было так, эти действия не были бы такими систематическими, они не расширились бы и, прежде всего, не оставались бы безнаказанными. Дело идет именно о системе, и эта система подготовки съезда, т. е. система срыва нормальной подготовки съезда, имеет, по общему убеждению, свой центр: это – секретариат ЦК, т. е. действительное средоточие "управления" партией. По существу дела, секретариат стоит над ЦК – и пытается заранее навязать свою волю съезду, т. е. партии. В этом и состоит смысл той противоуставной антипартийной механики, которая двинута уже полностью для "подготовки" съезда.

* * *

В интересах нормальной подготовки XV съезда, в интересах единства партии мы настаиваем перед ЦК на немедленном принятии следующих мер:

а) Немедленно рассмотреть – с нашим участием – вторую часть заявления 13-ти, не доведенную до сведения партии, – и прежде всего вернуть в партию исключенных оппозиционеров.

б) Опубликовать в печати циркуляр, призывающий руководителей партийных собраний к обеспечению за всеми членами партии права свободного высказывания своего мнения и внесения резолюций на партийных собраниях. Контрольные органы партии должны наказывать членов партии, мешающих другим пользоваться этим элементарным правом. Руководители собраний, допускающие нарушение прав меньшинства, должны подвергаться партвзысканию.

в) Категорически запретить – и приравнять к худшим нарушениям партийного устава – полемику в печати и на собраниях против неопубликованных статей, речей, резолюций, платформы оппозиции. Полемизировать можно только против тех документов, которые доступны общей проверке. "Кто верит на слово, тот безнадежный идиот". Кто

к этому понуждает, тот совершает преступление против партии.

г) Призвать от имени ЦК всех членов партии ознакомиться с документами разногласий и свободно высказаться; гарантировать от имени ЦК, что никаких репрессий против инакомыслящих не будет.

д) Необходимо своевременно, т. е. уже сейчас, приступить к изданию и рассылке на места предсъездовских материалов, в том числе: платформы оппозиции, документы оппозиции по китайскому вопросу, по Англо-Русскому комитету и пр.

е) Партийная дискуссия должна начаться тогда, когда будут опубликованы и разосланы на места тезисы ЦК, платформа оппозиции и вообще все документы, которые представят те или другие организации, группы членов партии или отдельные члены партии к съезду. Членам партии должен быть предоставлен после этого месяц (хотя бы обещанный месяц!) действительной свободы обсуждения. Соответственно с этим должны быть пересмотрены сроки районных, уездных, вообще низовых конференций. Необходимо передвинуть срок начала дискуссии на время перед праздниками.

ж) Ввиду всего этого, мы предлагаем ускорить созыв ближайшего пленума ЦК – назначив его на 15–20 сентября – для принятия соответствующих решений и запретить до этого времени какие бы то ни было "выборы", так или иначе предрешающие состав съезда.

Нужно, чтобы XV съезд действительно разрешил стоящие перед партией задачи. Нужно своевременно устранить фракционный характер подготовки и подбора съезда. Те, кто прибегают к вышеописанным методам, подрывают авторитет XV съезда. ЦК первый обязан стать на защиту авторитета XV съезда и твердой рукой прекратить все указанные выше безобразия, недостойные пролетарской партии.

С коммунистическим приветом

Члены ЦК и ЦКК

Г. Зиновьев,
А. Петерсон,
Н. Муралов,
Л. Троцкий

6 сентября 1927 г.

На правах рукописи, только для членов ВКП (больш.)

ПРОЕКТ

ПЛАТФОРМЫ БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ (ОППОЗИЦИИ) К XV СЪЕЗДУ ВКП (б)

(Кризис партии и пути его преодоления)

13 членов ЦК и ЦКК вносят в Политбюро ЦК ВКП (б) нижеследующий проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП (б).

Они оставляют за собой право уточнения ее накануне съезда – после обмена мнений в печати и на партсобраниях.

Муралов, Евдокимов, Раковский, Пятаков, Смилга, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Петерсон, Бакаев, Соловьев, Лиздин, Авдеев.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ВВЕДЕНИЕ

В своей речи на последнем партсъезде, на котором он присутствовал, Ленин говорил: "Вот мы год пережили, государство в наших руках, а в новой экономической политике оно в тот год действовало по-нашему? – Нет. Этого мы не хотим признать: оно действовало не по-нашему. А как оно действовало?.. Машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальные, не то беззаконные, не то бог знает откуда взятые, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие. Машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто у руля этой машины сидит".

В этих словах дана та мерка, которую необходимо прилагать при обсуждении основных вопросов нашей политики. Куда идет машина, государство, власть? Туда ли, куда мы, коммунисты, выражающие интересы и волю рабочих и громадной массы крестьянства, хотим? Или не туда? Или "не совсем" туда?

За годы, протекшие со времени смерти Ленина, мы неоднократно старались обратить внимание центральных учреждений партии, а затем и всей партии в целом на то, что, благодаря неправильному руководству, опасность, указанная Лениным, во много раз усилилась: "машина идет не туда", куда требуют интересы рабочих и крестьян. Накануне нового съезда партии мы считаем своим долгом, несмотря на все преследования, которым мы подвергаемся, с удвоенной силой указать на это партии, ибо мы уверены, что дело поправимо, что оно может быть исправлено самой же партией.

Когда Ленин говорил, что машина часто идет туда, куда ее направляют враждебные нам силы, он тем самым обращал внимание всех нас на два важнейших обстоятельства. Во-первых, на то, что в нашем строе существуют эти враждебные нашему делу силы, – кулак, нэпман, бюрократ, использующие нашу отсталость и ошибки нашей политики и фактически опирающиеся при этом на весь международный капитализм. Во-вторых, на то, что эти силы обладают таким значением, что могут подталкивать

нашу государственную и хозяйственную машину не туда, куда это нужно, а в дальнейшем даже пытаться – сперва в прикрытой форме – ухватиться за руль этой машины.

Слова Ленина обязывали всех нас: 1) внимательно следить за ростом враждебных сил – кулака, нэпмана, бюрократа; 2) отдать себе отчет в том, что по мере общего подъема страны, эти силы будут стремиться к сплочению, к внесению своих "поправок" в наши планы, к усиленному давлению на нашу политику, к проведению своих интересов чрез наши аппараты; 3) принимать меры к тому, чтобы всячески ослабить рост, сплочение и давление этих враждебных сил, препятствуя им создать то положение фактического, хотя бы подспудного двоевластия, к которому они стремятся, и 4) говорить об этих классовых процессах рабочему классу и всем трудящимся всю правду полностью. В этом и состоит сейчас основа вопроса о "термидорианской" опасности и о борьбе с нею.

С тех пор, как Ленин сделал свое предупреждение, у нас многое улучшилось, но многое и ухудшилось. Влияние госаппарата растет, а с ним вместе и бюрократическое извращение рабочего государства. Абсолютный и относительный рост капитализма в деревне и абсолютный рост его в городе начинают приводить к росту и политического самосознания буржуазных элементов в нашей стране. Эти элементы пытаются деморализовать – часто не без успеха – и часть коммунистов, с которыми сталкиваются на работе и в быту. Данный Сталиным на XIV съезде лозунг: **огонь налево!** – не мог не облегчить сплочения правых элементов в партии и буржуазно-устряловских элементов в стране.

Вопрос: **кто кого?** – разрешается непрерывной борьбой классов на всех участках экономического, политического, культурного фронтов, за социалистический или капиталистический путь развития, за соответственное этим двум путям распределение национального дохода, за полноту политической власти пролетариата или дележ этой власти с новой буржуазией. В стране с подавляющим большинством мелкого и мельчайшего крестьянства и вообще мелких хозяйчиков важнейшие процессы до поры до времени совершаются распыленно и подспудно, чтобы затем сразу, "неожиданно" прорваться наружу.

Капиталистическая стихия находит свое выражение прежде всего в расслоении деревни и в росте частника. Верхи деревни, как и буржуазные элементы города, все теснее переплетаются с разными звеньями государственно-хозяйственного аппарата. Этот аппарат нередко помогает новой буржуазии окутывать статистическим туманом ее успешную борьбу за увеличение ее доли в народном доходе.

Торговый аппарат, государственный, кооперативный и частный, съедает громадную долю народного дохода: более одной десятой валовой продукции. С другой стороны, **частный капитал** в торгово-посредническом обороте занимает за последние годы значительно более одной пятой всего оборота, в абсолютных цифрах – свыше пяти миллиардов в год. До сих пор массовый потребитель получает необходимые ему продукты более чем на 50% из рук частника. Здесь для частника основной источник прибыли и накопления. Ножницы сельскохозяйственных и промышленных

цен, оптово-розничные ножницы, так называемые "разрывы" цен по отдельным отраслям сельского хозяйства, по отдельным районам, по сезонам, ножницы внутренних и мировых цен (контрабанда) представляют собою постоянный источник наживы.

Частный капитал собирает ростовщические проценты по ссудам и наживается на государственных займах.

Роль частника очень значительна и в промышленности. Если даже она и падала за последнее время относительно, то росла абсолютно. Частнокапиталистическая цензовая промышленность дает валовой продукции на 400 миллионов в год. Мелкая, кустарная и ремесленная, даст более 1.800 миллионов. Вместе продукция государственной промышленности составляет более 1/5 части всей промышленно-товарной продукции и около 40% товарной массы широкого рынка. Преобладающая масса этой промышленности так или иначе связана с частным капиталом. Разнообразные, явные и скрытые формы эксплоатации массы кустарей торговым и кустарно-предпринимательским капиталом является чрезвычайно важным и притом растущим источником накопления новой буржуазии.

Налоги, заработная плата, цены, кредит являются важнейшими рычагами распределения народного дохода, укрепления одних классов, ослабления – других.

Сельскохозяйственный налог в деревне, по общему правилу, ложится в обратной прогрессии: тяжело – на маломощных, легче – на крепких и на кулаков. По приблизительным исчислениям, 34% маломощных крестьянских хозяйств СССР (даже без таких районов с далеко продвинувшейся дифференциацией, как Украина, Северный Кавказ и Сибирь) владеют 18% условно чистого дохода; таким же точно совокупным доходом, 18% владеет и высшая группа, составляющая всего 7,5% хозяйств. Между тем, обе эти группы платят, примерно, поровну, около 20% всей налоговой суммы каждая; ясно, что на каждое отдельное бедняцкое хозяйство налог ложится гораздо более тяжелой ношей, чем на кулацкое и вообще "крепкое" хозяйство. Вопреки опасениям руководителей XIV съезда, наша налоговая политика отнюдь не "раздевает" кулака и нимало не мешает ему сосредоточивать в своих руках все большие деньги и натуральные накопления.

Роль косвенных налогов в нашем бюджете растет угрожающе за счет прямых. Этим одним налоговая тяжесть автоматически передвигается с верхов на низы. Обложение рабочих оказалось в 1925–26 году вдвое выше, чем в предшествовавшем году, тогда как обложение прочего городского населения уменьшилось на 6% ("Вестник финансов", 1927, № 2, стр. 52): водочный налог ложится все более невыносимой тяжестью именно на промышленные районы.

Прирост дохода на душу за 1926 год, по сравнению с 1925 – по некоторым примерным исчислениям – составлял для крестьян 19%, для рабочих – 26%, для торговцев и промышленников – 46%. Если бы расчленить "крестьян" на три основные группы, то обнаружилось бы с полной бесспорностью, что у кулака доход вырос несравненно больше, чем у рабочего. Доходность торговцев и промышленников, исчисленная на основании

налоговых данных, несомненно преуменьшена. Однако, и эти подкрашенные цифры явно свидетельствуют о росте классовых противоположностей.

Ножницы сельскохозяйственных и промышленных цен еще более раздвинулись за последние полтора года. За свои продукты крестьянин выручал не более 1,25 довоенной цены, а за промышленные товары платил не менее, как в 2,2 раза дороже, чем до войны. Переплата крестьянства, опять-таки преимущественно низших его слоев, на ножницах, составившая за последний год сумму около миллиарда рублей, ведет не только к усилению противоречия между сельским хозяйством и промышленностью, но и крайне обостряет диференциацию деревни.

На разрыве оптовых и розничных цен теряют и государственное хозяйство, и потребитель, значит, есть третий, который выигрывает. Выигрывает частник, следовательно, капитализм.

Реальная зарплата в 1927 году стоит в лучшем случае на том же уровне, что осенью 1925 года. Между тем, несомненно, что за эти два года страна богатела, общий народный доход повышался, кулацкая верхушка деревни увеличивала свои запасы с громадной быстротой, накопления частного капиталиста, торговца, спекулянта чрезвычайно возросли. Ясно, что доля рабочего класса в общем доходе страны падала, в то время, как доля других классов росла. Этот факт важнейший для оценки всего положения.

Утверждать, что открытое указание на противоречия развития и рост враждебных сил есть паника или пессимизм, может лишь тот, кто в глубине души считает, что нашему рабочему классу и нашей партии не справиться с трудностями и опасностями. Мы на этой точке зрения не стоим. Опасности надо ясно видеть. Мы точно указываем на них именно затем, чтобы вернее бороться с ними и преодолеть их.

Известный рост враждебных нам сил кулака, нэпмана, бюрократа — при нэпе неизбежен. Эти силы нельзя уничтожить какими-либо административными распоряжениями или простым экономическим нажимом. Введя нэп и проводя его, мы сами создали известное место для капиталистических отношений в нашей стране и еще на продолжительный срок должны признать их существование неизбежным. Ленин только напомнил голую и необходимую для рабочих правду, когда сказал: "Пока мы живем в мелкой крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить... Мы корней капитализма не вырвали, и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвали" (том XVII, стр. 488). Указанный Лениным важнейший социальный факт нельзя, как сказано, просто уничтожить. Но его можно преодолеть, побороть путем правильной, планомерной и систематической политики рабочего класса, опирающегося на крестьянскую бедноту и союз с середняком. Эта политика в основном заключается во всемерном укреплении всех общественных позиций пролетариата, в возможно быстром подъеме командных высот социализма в теснейшей связи с подготовкой и развитием мировой пролетарской революции.

Правильная ленинская политика включает также и маневрирование. В борьбе против сил капитализма Ленин неоднократно применял и способ частичных уступок, чтобы обойти врага, временных отступлений для того, чтобы затем вернее двинуться вперед. Маневрирование необходимо и теперь. Но лавируя и маневрируя с врагом, когда его нельзя было опрокинуть прямой атакой, Ленин неизменно оставался на линии пролетарской революции. При нем партия всегда знала причины маневра, смысл его, пределы его, ту черту, дальше которой нельзя отступать, и те позиции, с которых вновь начинается пролетарское наступление. Отступление тогда, при Ленине, — называлось отступлением, уступка — уступкой. Благодаря этому, маневрировавшая пролетарская армия всегда сохраняла свою сплоченность, боевой дух, ясное сознание своей цели.

За последний период произошел решительный сдвиг партийного руководства с этих ленинских путей. Группа Сталина ведет партию вслепую. Скрывая силы врага, создавая везде и во всем казенную видимость благополучия, она не дает пролетариату никакой перспективы или, еще хуже, дает неправильную перспективу, движется зигзагами, приспособляясь и подлаживаясь к враждебной стихии, ослабляет и запутывает силы пролетарской армии, способствует росту пассивности, недоверия к руководству и неверию в дело революции. Ссылками на ленинское маневрирование она прикрывает беспринципные метания из стороны в сторону, неожиданные для партии, непонятные ей, разлагающие ее. Это приводит только к тому, что враг, выигрывая время, продвигается вперед. "Классическими" образцами подобных маневров Сталина—Бухарина—Рыкова на международной арене являются их китайская политика и их политика с Англо-Русским комитетом, а внутри страны — их политика с кулаком. Во всех этих вопросах партия и рабочий класс узнавали правду или часть правды лишь после того, как на их голову сваливались тяжкие последствия ложного в корне курса.

После двух лет, в течение которых группа Сталина фактически определяла политику центральных учреждений партии, можно считать совершенно доказанным, что политика этой группы оказалась бессильной предотвратить: 1) непомерный рост тех сил, которые хотят повернуть развитие нашей страны на капиталистический путь; 2) ослабление положения рабочего класса и беднейшего крестьянства против растущей силы кулака, нэпмана и бюрократа; 3) ослабление общего положения рабочего государства в борьбе с мировым капитализмом, ухудшение международного положения в СССР.

Прямая вина группы Сталина состоит в том, что вместо того, чтобы говорить партии, рабочему классу и крестьянству всю правду о положении, она скрывала эту правду, преуменьшала рост враждебных сил, затыкала рот тем, кто требовал правды и раскрывал ее.

Сосредоточение огня налево, в то время, как вся обстановка несет опасности справа, грубо механическое подавление всякой критики, выражающей законную тревогу пролетариата за судьбы пролетарской революции, прямое потакание правым уклонам, ослабление влияния пролетарского и старобольшевистского ядра в партии и так далее, и тому подобное

– все это ослабляет и обезоруживает рабочий класс в момент, когда всего нужнее активность пролетариата, бдительность и сплоченность партии, верность ее действительным заветам ленинизма.

Ленина искажают, исправляют, разъясняют, дополняют применительно к потребностям покрыть каждую свою очередную ошибку. Со времени смерти Ленина создан целый ряд новых теорий, смысл которых единственно в том, что они должны теоретически оправдать сползание сталинской группы с пути международной пролетарской революции. Меньшевики, сменовеховцы и, наконец, капиталистическая печать видят и приветствуют в политике и в новых теориях Сталина–Бухарина–Мартынова продвижение "вперед не Ленина" (Устрялов), "государственный разум", "реализм", отказ от "утопий" революционного большевизма. В отсечении от руководства партией ряда большевиков – соратников Ленина – они видят и открыто приветствуют практические шаги к переходу на новые рельсы.

Тем временем стихийные процессы нэпа, не сдерживаемые и не направляемые твердой классовой политикой, подготовляют дальнейшие опасные сдвиги.

25 миллионов мелких хозяйств составляют основной источник капиталистических тенденций. Выделяющаяся из этой массы кулацкая верхушка осуществляет процесс первоначального капиталистического накопления, ведя широкий подкоп под позиции социализма. Дальнейшая судьба этого процесса зависит в последнем счете от соотношения между ростом государственного хозяйства и частного. Отставание промышленности увеличивает и темп дифференциации крестьянства и исходящие отсюда политические опасности во много раз. "Кулаки, – писал Ленин, – не раз восстанавливали в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Так было во всех прежних европейских революциях, когда кулакам, вследствие слабости рабочих, удавалось повернуть назад от республики опять к монархии, от власти трудящихся опять ко всевластию эксплоататоров, богачей, тунеядцев... Кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом никогда" ("Товарищи-рабочие, идем в последний и решительный бой" Изд. Института Ленина, сс. 1–2). Кто этого не понял, кто верит во "врастание кулака в социализм", тот способен лишь на одно: посадить революцию на мель.

В стране существуют две исключающие друг друга основные позиции. Одна – позиция пролетариата, строющего социализм, другая – позиция буржуазии, стремящейся повернуть развитие на капиталистические рельсы.

Лагерь буржуазии и тех слоев мелкой буржуазии, которые тянутся за ней, возлагает все свои надежды на частную инициативу и личную заинтересованность товаропроизводителя. Этот лагерь ставит ставку на "крепкого крестьянина" с тем, чтобы кооперация, промышленность и внешняя торговля обслуживали именно его. Этот лагерь считает, что социалистическая промышленность не должна рассчитывать на государственный бюджет, что темп ее развития не должен нарушать интересов

фермерско-капиталистического накопления. Борьба за повышение производительности труда означает для крепнущего мелкого буржуа нажим на мускулы и нервы рабочего. Борьба за снижение цен означает для него урезку накоплений социалистической промышленности в интересах торгового капитала. Борьба с бюрократией означает для мелкого буржуа распыление промышленности, ослабление планового начала, отодвигание на задний план тяжелой индустрии, то есть опять-таки приспособление к крепкому крестьянину, с близкой перспективой ликвидации монополии внешней торговли. Это – путь устряловщины. Имя этому пути: капитализм в рассрочку. Это течение, сильное в стране, оказывает влияние и на некоторые круги нашей партии.

Пролетарский путь выражен в следующих словах Ленина: "Победу социализма над капитализмом, упрочение социализма можно считать обеспеченным лишь тогда, когда пролетарская государственная власть, окончательно подавив сопротивление эксплоататоров и обеспечив себе совершенную устойчивость и полное подчинение, реорганизует всю промышленность на началах крупного коллективного производства и новейшей (на электрификации всего хозяйства основанной) технической базы. Только это даст возможность такой радикальной помощи, технической и социальной, оказываемой городом отсталой и расслоенной деревне, чтобы эта помощь создала материальную основу для громадного повышения производительности земледельческого и вообще сельскохозяйственного труда, побуждая тем мелких землевладельцев силой примера и их собственной выгодой переходить к крупному коллективному, машинному земледелию" (Резолюция II Конгресса Коминтерна). Под этим углом зрения должна строиться вся политика партии (бюджет, налоги, промышленность, сельское хозяйство, внутренняя и внешняя торговля и прочее). Такова основная установка оппозиции. Это путь социализма.

Между этими двумя позициями – все ближе к первой – проходит сталинская линия, состоящая из коротких зигзагов влево и глубоких – вправо. Ленинский путь означает социалистическое развитие производительных сил в постоянной борьбе с капиталистической стихией. Устряловский путь означает развитие производительных сил на капиталистических основах, путем постепенного поглощения завоеваний Октября. Сталинский путь ведет на деле к задержке развития производительных сил, к понижению удельного веса элементов социализма, а тем самым и к подготовке победы устряловского пути. Сталинский курс тем опаснее и гибельнее, что прикрывает реальное сползание маскировкой привычных слов и выражений. Завершение восстановительного процесса поставило ребром все основные задачи хозяйственного развития и именно этим подкопало позицию Сталина, совершенно непригодную для больших вопросов, идет ли речь о революции в Китае или о реконструкции основного капитала в СССР.

Несмотря на напряженность обстановки, крайне обостренной грубыми ошибками нынешнего руководства, дело вполне поправимо. Но надо менять, и при том круто менять, линию партийного руководства в том направлении, которое дал Ленин.

II. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА И ПРОФСОЮЗЫ

Октябрьская революция впервые в истории превратила пролетариат в правящий класс огромного государства. Национализация средств производства означала решительный приступ к социалистической перестройке всей общественной системы, основанной на эксплоатации человека человеком. Введение 8-часового рабочего дня стало вступлением к дальнейшему полному и всестороннему изменению материально-бытовых и культурных условий существования рабочего класса. Несмотря на бедность страны, Кодекс Труда установил для рабочих, в том числе для самых отсталых, лишенных в прошлом всякой защиты группы, такие правовые гарантии, каких не давало и не даст самое богатое капиталистическое государство. Профессиональные союзы, поднятые до высоты важнейшего общественного орудия в руках правящего класса, получили возможность, с одной стороны, охватывать совершенно недоступные им в других условиях массы, а с другой, – прямо и непосредственно влиять на весь ход политики рабочего государства.

Задача партии состоит в том, чтобы обеспечить дальнейшее проведение в жизнь этих величайших исторических завоеваний, то есть наполнение их подлинно социалистическим содержанием. Успехи на этом пути определяются как объективными условиями, внутренними и международными, так и правильностью линии и практической умелостью руководства.

Решающими для оценки продвижения нашей страны вперед по пути социалистического строительства являются рост производительных сил и перевес социалистических элементов над капиталистическими – в тесной связи с улучшением всех условий существования рабочего класса. Это улучшение должно найти свое выражение в материальной области (число занятых в промышленности рабочих, высота реальной заработной платы, характер рабочего бюджета, жилищное положение рабочих, врачебная помощь и так далее), в области политических позиций (партия, профсоюзы, Советы, комсомол); наконец, в области культуры (школа, книга, газета, театр). Стремление отодвинуть насущные интересы рабочих на задний план и под подозрительным именем "цеховщины" противопоставлять их общеисторическим интересам класса, представляется теоретически несостоятельным и политически опасным.

Присвоение прибавочной стоимости пролетарским государством не является, разумеется, эксплоатацией. Но, во-первых, у нас рабочее государство с бюрократическими извращениями. Разбухший и привилегированный управленческий аппарат проедает очень значительную часть прибавочной стоимости. Во-вторых, растущая буржуазия, через торговлю, через ножницы цен, присваивает себе часть прибавочной стоимости, создаваемой в государственной промышленности.

В общем, за время восстановительного периода численный состав рабочих и условия их существования повышались не только абсолютно, но и относительно, то есть по сравнению с ростом других классов. Однако, за последний период в этом процессе происходил и продолжает совершаться перелом. Численный рост рабочего класса и улучшение его поло-

жения почти приостановились – при продолжающемся и притом ускоряющемся росте его врагов, что неминуемо ведет не только к ухудшению положения рабочих на заводе, но и к понижению удельного веса пролетариата в советском обществе.

Меньшевики, агенты буржуазии в рабочей среде, злорадно указывают на материальные невзгоды наших рабочих, стремясь противопоставить пролетариат советскому государству и привести рабочих к восприятию буржуазно-меньшевистского лозунга "назад к капитализму". Самодовольный чиновник, который видит "меньшевизм" в постановке оппозицией ребром вопроса о материальном положении рабочих, тем самым оказывает лучшую услугу меньшевизму, явно толкая рабочих под его желтое знамя.

Чтоб справиться с трудностями, надо знать их. Надо правдиво и честно проверить наши успехи и неудачи на действительном положении трудящихся масс.

Положение рабочих

Восстановительный период давал довольно быстрое повышение заработной платы до осени 1925 года. Значительное снижение реальной зарплаты, начавшееся в 1926 году, преодолено лишь к началу 1927 года. Месячная зарплата в первых двух кварталах 1926–27 хозяйственного года составляла в среднем по крупной промышленности в московских рублях 30 руб. 67 коп. и 30 руб. 33 коп., против 29 руб. 68 коп. осени 1925 года. В третьем квартале зарплата составила – по предварительным исчислениям – 31 руб. 62 коп. Таким образом, реальная зарплата остановилась в нынешнем году, примерно, на осеннем уровне 1925 года.

Разумеется, зарплата и общий материальный уровень отдельных категорий рабочих и отдельных районов, прежде всего столиц – Москвы, Ленинграда – несомненно, выше указанного среднего уровня; но с другой стороны, материальный уровень очень широких слоев рабочих значительно ниже даже этих средних цифр.

В то же время все данные свидетельствуют, что рост зарплаты отстает от роста производительности труда. Напряженность труда растет, неблагоприятные условия труда остаются все те же.

Повышение зарплаты все более обусловливается требованием поднятия интенсивности труда. Эту новую, несовместимую с социалистическим курсом тенденцию закрепил ЦК в своей известной резолюции о рационализации ("Правда" от 25 марта 1927 года). Это же решение принял IV съезд Советов. Такая политика означала бы, что увеличение общественного богатства, благодаря развитию техники (производительности труда), само по себе не приводит еще к увеличению зарплаты.

Слабый прирост численности рабочих снижает число работающих членов семьи. В реальных рублях расходный бюджет рабочей семьи с 1924–25 года сократился. Повышение квартирной платы вынуждает сдавать внаем часть жилой площади. Безработные прямо или косвенно ложатся на бюджет рабочего. Бьет по бюджету быстро растущее потребление

спиртных напитков. В итоге явное снижение жизненного уровня.

Проводимая ныне рационализация производства неизбежно ухудшает положение рабочего класса, поскольку не сопровождается таким развертыванием промышленности, транспорта и прочее, которое поглощало бы увольняемых рабочих. На практике "рационализация" зачастую сводится к "выплевыванию" одних рабочих и к ухудшению материального положения других. Это неизбежно сеет недоверие в рабочей массе к самой рационализации.

При нажиме на условия труда больше всего страдают всегда слабейшие группы: чернорабочие, сезонные рабочие, женщины и подростки.

В 1926 году произошло явное ухудшение соотношения зарплаты работницы и рабочего почти во всех отраслях. Среди чернорабочих в разных отраслях промышленности заработок женщин составлял в марте 1926 года – 51,8% –61,7%–83% заработка мужчин. Не принимается необходимых мер к облегчению условий труда женщин в таких отраслях, как торфяная промышленность, погрузочно-разгрузочные работы и тому подобное.

Средний заработок подростков по отношению к среднему заработку всех рабочих непрерывно понижается: в 1923 году он составлял 47,1%, в 1924 году – 45%, в 1925 году – 43,4%, в 1926 году – 40,5%, в 1927 году – 39,5%. (Обзор экономического положения молодежи в 1924–25 году и в 1925–26 году). В марте 1926 года 49,5% подростков получали меньше 20 руб. (ЦБСТ). Уничтожение сверхброни и сокращение брони является наиболее тяжким ударом по рабочей молодежи и по рабочей семье. Число безработных подростков сильно возрастает.

Батрачество. При общем числе лиц наемного труда в деревне в 3½ миллиона батраков и батрачек насчитывается 1 600 000. Только 20% батраков охвачено профсоюзами. Регистрация договоров по найму, сплошь да рядом кабальных, едва поставлена. Зарплата батраков обычно ниже госминимума, не исключая нередко и совхозов. Реальная плата в среднем не выше 63% довоенной. Рабочий день редко ниже 10 часов, в большинстве же на деле неограничен. Выдается плата неправильно, с крайними запозданиями. Тягчайшее положение батрачества есть не только результат трудностей социалистического строительства в отсталой крестьянской стране, но и несомненное последствие ложного курса, который на практике, на деле, в жизни главное внимание отдает верхним слоям деревни, а не ее низам. Необходима всесторонняя, систематическая защита интересов батрачества не только против кулаков, но и против, так называемых, крепких середняков.

Жилищный вопрос. Норма площади для рабочих обычно значительно ниже средней нормы для всего городского населения. Рабочие крупнейших промышленных городов являются наиболее обездоленной в квартирном отношении частью населения. Распределение площади ряда обследованных городов по социальным группам таково: на рабочего – 5,6 кв. м., на служащего – 6,9, на кустаря – 7,6, на лицо свободной профессии – 10,9, нетрудовой элемент – 7,1. Рабочие стоят на последнем месте. Размер жилищной площади для рабочих из года в год снижается, для непроле-

тарских слоев увеличивается. Общее положение в отношении жилстроительства грозит дальнейшему развитию промышленности. Тем не менее, "пятилетка" комиссии Госплана строит такую перспективу жилстроительства, согласно которой жилищное положение к концу пятилетки будет, по признанию комиссии Госплана, хуже, чем сейчас: с 11,3 кв. арш. в конце 1926 года средняя норма понижается, согласно пятилетке, до 10,6 – в конце 1931 года.

Безработица. Медленный рост индустриализации нигде не проявляется так болезненно, как в области безработицы, которая захватила и коренные кадры промышленного пролетариата. Официальное число зарегистрированных безработных на апрель 1927 года – 1 478 тысяч ("Труд", 27 августа 1927 года), действительное же число безработных – около 2 миллионов человек. Число безработных растет несравненно быстрее общего числа занятых рабочих. Быстро растет число индустриальных безработных.

По пятилетке Госплана промышленность втянет в свой состав за все пятилетие немногим больше 400 тысяч постоянных рабочих. Это значит, что при постоянном притоке рабочих рук из деревни, количество безработных к концу 1931 года возрастет не менее, как до 3 миллионов человек. Следствием такого положения вещей является рост беспризорности, нищенства и проституции.

Обслуживание страхкассами безработных вызывает совершенно справедливые нарекания с их стороны. Средний размер пособия – 11,9 рублей (то есть около 5 довоенных рублей). Профсоюзная помощь равна в среднем 6,5–7,0 рублям. Этой помощью охвачено, примерно, только 20% безработных членов профсоюза.

Кодекс законов о труде подвергся столь многочисленным разъяснениям, что они во много раз превосходят количество пунктов Кодекса и фактически отменяют многие. Особенно ухудшилась правовая защита временных и сезонных рабочих.

Минувшая кампания коллективных договоров характеризовалась почти повсеместным ухудшением правовых условий и нажимом на нормы и расценки. Предоставление хозорганам права принудительного арбитража свело к нулю самый коллективный договор, превратив его из акта двустороннего соглашения в административное распоряжение ("Труд", 4 августа 1927 года).

Ассигнования промышленности на охрану труда совершенно недостаточны. За 1925–26 год на 1 000 рабочих, по данным НКТ РСФСР, на крупных предприятиях приходится в среднем 97,6 несчастных случаев с утратой трудоспособности. Каждый десятый рабочий в течение года подвергается несчастному случаю!

Последние годы характеризуются резким ростом конфликтов. Разбор конфликтов по существу носит не примирительный, а принудительный характер.

Внутренний режим на предприятиях ухудшается. Администрация все больше стремится к установлению своей неограниченной власти на предприятиях. Прием и увольнение рабочих на деле в руках одной администрации. Между мастерами и рабочими устанавливаются нередко отношения дореволюционного порядка.

Производственные совещания постепенно сводятся на нет. Большинство практических предложений, принимаемых рабочими, не проводятся в жизнь. У части рабочих неприязнь к производственным совещаниям питается тем, что улучшения, которые удается проводить, часто ведут к сокращению рабочих. В результате всего этого производственые совещания посещаются слабо.

Из области культурно-бытовых вопросов необходимо выделить вопрос о школе. Рабочим становится все более затруднительным дать своим детям не только производственное образование, но и элементарное воспитание. Почти во всех рабочих районах испытывается все более острая нехватка школ. Устанавливаемые отчисления с родителей учащихся на разные нужды школы отменяют фактически бесплатность обучения. Нехватка школ и недостаточная сеть детских садов для более раннего возраста отдают значительную часть детей рабочих во власть улицы.

Профессиональные союзы и рабочие

Указанная XI съездом "известная противоположность интересов по вопросам условий труда в предприятии" (резолюция XI съезда) за последние годы выросла в очень значительной мере. Между тем, вся партийная практика последних лет в отношении профессионального движения, в том числе и практика профсоюзных верхов, поставила профсоюзы в такое положение, что, даже по признанию XIV съезда партии, "профсоюзы часто не могли справиться со всей работой, проявляя односторонность, порой отодвигая на второй план свою важнейшую и главнейшую задачу – защиту экономических интересов объединяемых ими масс и всемерную работу по поднятию их материального и духовного уровня". Положение после XIV съезда стало не лучше, а хуже: бюрократизация профсоюзов сделала новый шаг вперед.

В составе выборных руководящих органов десяти производственных профсоюзов процент рабочих с производства и беспартийных рабочих-активистов ничтожно мал (12–13%); громадное большинство делегатов на профсъездах – люди уже оторвавшиеся от производства ("Правда", 23 июля 1927 года). Никогда еще профсоюзы и рабочие массы не стояли так далеко от управления социалистической промышленностью, как сейчас. Самодеятельность профессионально-организованных рабочих масс заменяется соглашением секретаря ячейки, директора завода и председателя фабзавкома ("Треугольник"). Отношение рабочих к фабзавкомам недоверчивое. Посещаемость общих собраний низка.

Недовольство рабочего, не находя выхода в профсоюзах, загоняется вглубь. "Нам нельзя быть особенно активными; если хочешь кусок хлеба, то поменьше говори", – такие заявления обычны (см. "Материалы ЦК. Итоги широких рабочих конференций. Информ. Обозр.", стр. 30 и др.). При этом неизбежно учащаются попытки рабочих добиться улучшения своего положения помимо профессиональных организаций. Уже одно это повелительно диктует необходимость коренного изменения нынешнего режима профсоюзов.

ВАЖНЕЙШИЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

А. В области материального положения рабочих

1. Пресечь в корне всякие поползновения к удлинению 8-часового рабочего дня. Не допускать применения сверхурочных работ, кроме случаев безусловной необходимости. Не допускать злоупотреблений наймом временной рабочей силы и подведения постоянных рабочих под "сезонных". Отменить все удлинения рабочего дня во вредных цехах, допущенные в отступление от ранее изданных положений.

2. Ближайшей задачей является повышение зарплаты, по крайней мере в соответствии с достигнутым повышением производительности труда. Держать курс на систематическое повышение реальной заработной платы параллельно с ростом производительности труда. Необходимо провести большее сближение в зарплате разных групп рабочих путем систематического поднятия нижеоплачиваемых слоев, отнюдь не за счет снижения вышеоплачиваемых групп.

3. Необходимо пресечь бюрократические безобразия в области рационализации. Рационализация должна быть тесно связана с надлежащим развертыванием промышленности, с плановым распределением рабочей силы и с борьбой против растраты производительных сил рабочего класса, в частности, против растраты кадра квалифицированных рабочих.

4. Для смягчения последствий безработицы: а) пособия для рабочих исчислять по зарплате, действительно соответствующей средней зарплате данной местности; б) ввиду затяжной безработицы удлинить сроки выдачи пособий безработицы от одного до полутора лет; в) не допускать дальнейшего снижения взносов на специальное страхование и вести решительную борьбу с фактической невыплатой его; г) отменить расходование средств касс страхования на нужды общегражданского здравоохранения; д) повести энергичную борьбу против "экономии на застрахованных"; е) отменить все решения, дающие возможность, под различными предлогами, снимать действительных безработных с пособия и учета на биржах труда; ж) взять курс на увеличение пособия безработным – в первую очередь индустриальным.

Необходимы широко задуманные и тщательно проработанные планы многолетних общественных работ, на которых безработные могли бы быть использованы с наибольшей выгодой для хозяйственного и культурного развития страны.

5. Систематическое улучшение жилищных условий для рабочих. Твердое проведение классовой политики. Не допускать улучшения за счет рабочих квартирного положения непролетарских элементов. Не выселять сокращаемых и выселяемых рабочих из занимаемых ими жилищ.

Принять энергичные меры для оздоровления жилищной кооперации. Сделать ее доступной для низших слоев рабочих. Не допускать, чтобы верхушки служащих захватывали квартиры, предназначенные для рабочих.

Отвергнуть перспективу жилстроительства Госплана, как грубо противоречащую социалистической политике. Обязать предприятия усилить

затраты на жилстроительство и увеличить бюджетные ассигнования и кредиты с таким расчетом, чтобы в течение ближайших пяти лет достигнуть решительного перелома к улучшению в вопросе о рабочих жилищах.

6. Коллективные договора должны проходить через действительное, а не показное обсуждение на собраниях рабочих. Ближайшему съезду партии предложить отменить решение XIV съезда о праве хозорганов на принудительный арбитраж. Кодекс законов о труде должен рассматриваться, как минимальный уровень условий труда, а не максимальный. Колдоговор должен включать в себе гарантию от сокращений по отношению к данному составу рабочих и служащих на время действия договора (допустимые изъятия должны оговариваться особо). Нормы выработки должны устанавливаться в расчете на среднего рабочего, а не на лучшего, и на все время действия тарифного соглашения. Признать, во всяком случае, недопустимыми такие изменения коллективных договоров, которые ухудшают положение рабочих, по сравнению с прошлыми колдоговорами.

7. Работу ТНБ поставить под больший контроль профсоюза и рабочих, положить конец постоянным изменениям норм и расценок.

8. Усиление ассигнований на технику безопасности и улучшение условий труда. Усиление карательной политики за невыполнение требований охраны труда.

9. Произвести пересмотр всех разъяснений Кодекса Труда и отменить те из них, которые дали ухудшение условий труда.

10. В отношении работниц: "за равный труд – равная заработная плата". Повышение квалификации женского труда.

11. Недопустимо введение бесплатного ученичества. Недопустимо фактически проводящееся снижение зарплаты подростков. Принятие мер к оздоровлению условий их труда.

12. Режим экономии ни в коем случае не должен проводиться за счет жизненных интересов рабочих. Необходимо вернуть рабочим отнятые у них "мелочи" (ясли, трамвайные билеты, более длительные отпуска и так далее).

13. Профсоюзы должны усилить свое внимание к сезонным рабочим.

14. Усилить лечебную помощь рабочим на предприятиях (амбулатории, больницы и так далее).

15. В рабочих районах увеличить число школ для детей рабочих.

16. Укрепить рядом государственных мероприятий положение рабочей кооперации.

Б. В области профсоюзной работы

1. Оценка работы профсоюзов должна определяться прежде всего степенью ограждения ими экономических и культурных интересов рабочих при данных хозяйственных возможностях.

2. Партийные организации при обсуждении мероприятий, касающихся экономических, бытовых и культурных интересов рабочих масс, должны заслушивать результаты обсуждений на коммунистических фракциях профсоюзных организаций.

3. Профсоюзы должны выполнять свое назначение на началах действительной выборности, гласности, подотчетности, ответственности на всех звеньях.

4. Все органы управления промышленностью должны формироваться путем действительного, а не показного согласования с соответственными органами профсоюзов.

5. На съездах производственных союзов (вплоть до всесоюзных) во всех выборных органах профсоюзов, вплоть до ВЦСПС, должно быть обеспечено большинство за рабочими, непосредственно занятыми в производстве. Увеличить процент беспартийных рабочих в этих органах так, чтобы они составляли не менее 1/3.

Регулярное отправление на предприятия для производственной работы известной части работников аппарата профсоюзов.

Большее применение неоплачиваемого труда на профсоюзной работе, большее применение принципа добровольчества, большее привлечение к этому рабочих от станка.

6. Недопустимо снятие выборных членов профорганизаций – коммунистов за внутрипартийные разногласия.

7. Необходимо обеспечить полную независимость фабзавкомов и месткомов от администрации. Прием и увольнение рабочих, перевод рабочих с одной работы на другую на срок свыше двух недель – все это должно проводиться со своевременным уведомлением завкома. Бороться против злоупотреблений в этой области, используя свое право обжаловать решения администрации в соответствующих профсоюзах и конфликтных инстанциях.

8. Необходимо обеспечить известные права рабкоров и строжайше карать тех, кто преследует рабкоров за разоблачения.

В Уголовный кодекс должна быть введена статья, карающая, как тяжкое государственное преступление, всякое прямое или косвенное, открытое или замаскированное гонение на рабочего за критику, за самостоятельное предложение, за голосование.

9. Необходимо расширить практику контрольных комиссий производственных совещаний для наблюдения за проведением в жизнь решений производственных совещаний и для проверки ограждения при этом интересов рабочих.

10. По вопросу о стачках на государственных предприятиях остается в силе решение XI съезда партии, проведенное Лениным.

В отношении стачек концессионные предприятия приравниваются к прочим частным.

11. Пересмотреть всю систему статистики труда, которая в нынешнем своем виде дает неправильное, явно подкрашенное представление об экономическом и бытовом положении рабочего класса и тем самым крайне затрудняет работу в области защиты экономических и бытовых интересов рабочего класса.

Тяжелое положение рабочего класса к десятилетию Октябрьской революции объясняется, конечно, в последнем счете бедностью страны, последствиями интервенций и блокады, непрекращающейся борьбой капитали-

стического окружения против первого государства пролетариата. Изменить это положение одним ударом нельзя. Но оно может и должно быть изменено при правильной политике. Задача большевиков не в том, чтобы самодовольно разрисовывать достижения, которые, конечно, имеются, а в том, чтобы твердо и ясно поставить вопрос о том, что еще не сделано, что надо сделать, что можно сделать при правильной политике.

III. КРЕСТЬЯНСТВО

Аграрный вопрос и социалистическое строительство

"Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе" (Ленин, 1920 год, т. XVII. стр. 118). Или пролетарское государство, опираясь на высокоразвитую промышленность, сумеет преодолеть техническую отсталость миллионов мелких и мельчайших хозяйств, организовав их на началах крупного производства и коллективизации, или капитализм, закрепившись в деревне, будет подтачивать основы социализма и в городах.

С точки зрения ленинизма, крестьянство, то есть основная масса его не эксплоатирующая чужой труд, есть тот союзник, от правильных взаимоотношений с которым зависит прочность пролетарской диктатуры, а значит и судьбы социалистической революции. Для порождаемого нами этапа Ленин точнее всего формулировал наши задачи в отношении крестьянства в следующих словах: **"уметь достигать соглашения со средним крестьянством – ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь на бедноту"** (т. XV, стр. 564).

Ревизия ленинизма в крестьянском вопросе идет со стороны группы Сталина–Бухарина по следующим главнейшим линиям.

1) Отход от одного из основных положений марксизма о том, что только мощная социалистическая индустрия может помочь крестьянству преобразовать сельское хозяйство на началах коллективизма.

2) Недооценка батрачества и деревенской бедноты, как социальной базы диктатуры пролетариата в деревне.

3) Ставка в сельском хозяйстве на так называемого "крепкого" крестьянства, то есть, по существу, на кулака.

4) Игнорирование или прямое отрицание мелкобуржуазного характера крестьянской собственности и крестьянского хозяйства, что обозначает отход от позиций марксизма к теориям эсеров.

5) Недооценка капиталистических элементов развития нынешней деревни и затушевывание расслоения крестьянства.

6) Создание усыпляющей теории, будто "кулаку и кулацким организациям все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране **заранее даны строем пролетарской диктатуры**" (Бухарин, "Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз", стр. 49).

7) Курс на врастание "кулацких кооперативных гнезд в нашу систему" (Бухарин, там же, стр. 49). "Проблема ставится так, что нужно

развязать хозяйственные возможности зажиточных крестьян, хозяйственные возможности кулаков" ("Правда", 24 апреля 1925 года).

8) Попытки противопоставить ленинский "кооперативный план" ленинскому плану электрификации, которые у самого Ленина только в сочетании своем обеспечивают переход к социализму.

Опираясь на эти ревизионистские тенденции официального курса, представители новой буржуазии, переплетающиеся с известными звеньями нашего госаппарата, открыто стремятся повернуть политику в отношении деревни на капиталистический путь. При этом кулачество и его идеологи все свои притязания прикрывают заботой о развитии производительных сил, о росте товарности "вообще" и так далее. На деле же кулацкое развитие производительных сил и кулацкая товарность принижают и задерживают развитие производительных сил всей остальной массы крестьянских хозяйств.

Несмотря на сравнительно быстрый восстановительный процесс в сельском хозяйстве, товарность крестьянского хозяйства очень низка: в 1925–26 году отчужденне на рынок составляло всего 64% довоенного, экспорт – лишь 24% экспорта 1913 года. Причина этого, помимо увеличивающегося общего потребления самой деревни (рост населения и дробление хозяйств, причем 38% крестьянских хозяйств в производящей полосе прикупают хлеб), лежит в ножницах сельскохозяйственных и промышленных цен и в быстрых натуральных накоплениях кулачества. Даже пятилетка Госплана вынуждена признать, что "недостаток промышленных товаров вообще ставит определенный предел эквивалентному обмену между городом и деревней, снижая возможные размеры товарного отчуждения, сельскохозяйственных продуктов" (177 стр.). Таким образом, отставание промышленности задерживает рост сельского хозяйства и, в частности, рост его товарности, подрывает смычку между городом и деревней, ведет к быстрой дифференциации крестьянства.

Взгляды оппозиции по спорным вопросам крестьянской политики подтвердились целиком и полностью. Частичные поправки, вносившиеся в общую линию под влиянием резкой критики оппозиции, не препятствуют продолжающемуся сдвигу официальной политики в сторону "крепкого крестьянства". Достаточно напомнить, что IV съезд Советов по докладу Калинина ни единым словом не упомянул о расслоении в деревне и росте кулака.

Результат такой политики может быть только один: бедняка потерять, середняка не приобрести.

Расслоение крестьянства

Деревня за последние годы далеко шагнула по пути капиталистического расслоения.

Беспосевные и малопосевные группы сократились за последние 4 года на 35–45%; группа с 6 до 10 десятин за то же время возросла на 100–120%; группа с 10 и выше десятин – на 150–200%. Сокращение процента беспосевных и малопосевных групп происходит в значительной мере

путем их разорения и ликвидации. Так, по Сибири за один год ликвидировались 15,8% беспосевщиков и 3,8% имевших до 2-х десятин посева; по Северному Кавказу – 14,1% беспосевщиков и 3,8% имевших до 2-х десятин посева.

Передвижка безлошадных и безынвентарных крестьянских хозяйств в середняцкие низы совершается чрезвычайно медленно. До сих пор по всему Союзу 30–40 безлошадных и безынвентарных хозяйств, причем основная масса их падает на малопосевные группы.

Распределение основных средств производства по Северному Кавказу таково, что 50% слабейших крестьянских хозяйств принадлежит 15% основных средств производства; 35% средней группы принадлежит 35% основных средств производства и 15% хозяйств высшей группы принадлежит 50%. Такая же картина в распределении средств производства наблюдается и по другим районам (Сибирь, Украина и прочие).

Неравномерность распределения посевов и средств производства подтверждается и неравномерным распределением **запасов хлеба** у отдельных групп крестьянских хозяйств. 58% всех хлебных излишков деревни к 1 апреля 1926 года оказалось в руках 6% крестьянских хозяйств. ("Статистическое обозрение" № 4, стр. 15, 1927 год).

Сдача земель в аренду с каждым годом приобретает все больший и больший размер. Арендующими хозяйствами являются по преимуществу крупнопосевные, имеющие в своих руках средства производства. В огромном числе случаев факт аренды земли скрывается в целях избежания уплаты налога. Малопосевные хозяйства, не имеющие инвентаря и скота, обрабатывают землю преимущественно наемным инвентарем и скотом. Условия, как сдачи в аренду земли, так и найма инвентаря и скота кабальные. Наряду с натуральной кабалой растет и денежное ростовщичество.

Происходящий процесс дробления крестьянских хозяйств не ослабляет, а усиливает процесс дифференциации.

Машины и кредит, вместо того, чтобы служить рычагами обобществления сельского хозяйства, сплошь да рядом попадают в руки кулаков и зажиточных и помогают эксплоатации батраков, бедняков и маломощных середняков.

Вместе с концентрацией земли и средств производства в руках высших групп, эти последние во все возрастающем размере применяют наемный труд.

С другой стороны, низшие и отчасти середняцкие группы крестьянских хозяйств выбрасывают, либо путем полного разорения и ликвидации, либо путем выталкивания отдельных членов семьи все большие и большие количества рабочих рук. Эти "избыточные" руки попадают в кабалу к кулаку или к "мощному" середняку, отходят в города, в значительной же своей части не находят никакого применения.

Несмотря на эти далеко зашедшие процессы, ведущие "к уменьшению удельного хозяйственного веса" среднего крестьянства, **середняк** продолжает оставаться наиболее многочисленной группой деревни. Привлечение середняка на сторону социалистической политики в сельском хозяйстве является одной из важнейших задач диктатуры пролетариата. Между тем

ставка на так называемого "крепкого крестьянина" означает на деле ставку на дальнейший распад середняцких слоев.

Только должное внимание батрачеству, только курс на бедноту и ее союз с середняком, только решительная борьба с кулаком, только курс на индустриализацию, только курс на правильное классовое кооперирование и кредитование деревни открывают возможность вовлечения середняка в работу по социалистическому переустройству крестьянского хозяйства.

Практические предложения

В разыгрывающейся в деревне классовой борьбе, партия не на словах, а на деле должна встать во главе батраков, бедняков и основной массы середняков и организовать их против эксплоататорских стремлений кулачества.

Для усиления и укрепления классовых позиций сельскохозяйственного пролетариата, как части рабочего класса, необходимо предпринять ряд мер, указанных в разделе о положении рабочего класса.

Сельскохозяйственный кредит должен перестать быть привилегией по преимуществу зажиточных кругов деревни. Необходимо прекратить нынешнее положение, когда ничтожные сами по себе фонды бедноты расходуются нередко не по назначению и обслуживают зажиточные и середняцкие слои.

Растущему фермерству деревни должен быть противопоставлен более быстрый рост коллективов. Необходимо систематически, из года в год, производить значительные ассигнования на помощь бедноте, организованной в коллективы.

Наряду с этим, необходимо оказывать более систематическую помощь **и бедняцким хозяйствам,** неохваченным коллективами, путем полного освобождения их от налога, соответствующей политики землеустройства, кредита на хозяйственное обзаведение, вовлечение в сельскохозяйственную кооперацию и так далее.

Лишенному точного классового содержания лозунгу "создания беспартийного крестьянского актива через оживление Советов" (Сталин–Молотов), что приводит на деле к усилению руководящей роли верхних слоев деревни, нужно противопоставить лозунг создания беспартийного батрацкого, **бедняцкого и близкого к ним середняцкого актива.**

Необходима действительная, планомерная, повсеместная и прочная организация бедноты вокруг жизненных, политических и экономических задач, машин и прочего, землеустройство и землепользование, кооперирование, реализация фондов кооперирования бедноты и так далее.

Партия должна всемерно содействовать хозяйственному подъему **середняцкой** части деревни путем правильной политики заготовительных цен, организации доступного для нее кредита и кооперирования, систематически и постепенно подводя этот наиболее многочисленный слой деревни к переходу на крупное машинное коллективное хозяйство.

Задача партии по отношению к растущим кулацким слоям деревни

должна заключаться во всемерном ограничении их эксплоататорских поползновений. Недопустимы никакие отступления от пунктов конституции, лишающих избирательных прав в Советы эксплоататорские слои деревни. Необходимо: резко прогрессивное налоговое обложение; меры государственного законодательства по охране наемного труда и по регулированию заработной платы сельскохозяйственных рабочих; правильная классовая политика в области землеустройства и землепользования; то же в области снабжения деревни тракторами и другими орудиями производства.

Развивающиеся арендные отношения в деревне; существующий порядок землепользования, при котором землей, помимо всякого советского руководства и контроля, распоряжаются земельные общества, подпадающие все больше под влияние кулаков; принятое IV съездом Советов решение о "возмещении" при переделах – все это подрывает основы национализации земли.

Одной из существенных мер укрепления национализации должно быть подчинение земельного общества органам местной власти и установление твердого контроля со стороны местных, очищенных от кулаков, Советов над регулированием вопросов землепользования и землеустройства, в целях максимального ограждения интересов бедноты и малоимущих середняков от кулацкого засилья. Необходимо выработать, на основании имеющегося опыта, ряд дополнительных мер для устранения кулацкого засилья в земельном обществе. Необходимо, в частности, добиться того, чтобы кулак, как арендатор земли, был целиком и полностью, не на словах, а на деле, подчинен надзору и контролю органов советской власти в деревне.

Партия должна дать сокрушительный отпор всем тенденциям, направленным к упразднению или подрыву национализации земли, одного из основных устоев диктатуры пролетариата.

Существующую систему единого сельскохозяйственного налога необходимо изменить в сторону освобождения от налога 40–50% беднейших и маломощных крестьянских дворов – без какого бы то ни было дополнительного обложения основной массы середняков. Сроки взимания налогов надо приспособить к интересам низших групп налогоплательщиков.

Должны быть вложены гораздо более значительные средства в совхозное и колхозное строительство. Необходимо предоставление максимальных льгот вновь организующимся колхозам и другим формам коллективизации. Членами колхозов не могут быть лица, лишенные избирательных прав. Задачей перевода мелкого производства в крупное, коллективистическое, должна быть проникнута вся работа кооперации. Необходимо проведение строго классовой линии в области машиноснабжения, в частности, путем борьбы с машинными лжетовариществами.

Необходимо принять землеустроительные работы полностью за счет государства, причем в первую очередь должны быть землеустроены коллективные хозяйства и хозяйства бедноты с максимальным ограждением их интересов.

Цены на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты должны обеспечивать бедняку и основной массе середняков возможность, по крайней мере, удержать свое хозяйство на нынешнем уровне и постепенно его улучшать. Должны быть приняты все меры к устранению разрыва между осенними и весенними заготовительными ценами, ибо этот разрыв тяжело бьет по деревенским низам, отдавая все выгоды верхушке.

Необходимо не только значительно увеличить ассигнования в фонд бедноты, но коренным образом изменить все направление сельскохозяйственного кредита в сторону оказания бедноте и маломощному середняку дешевого и долгосрочного кредита и изменения существующей системы гарантий и поручительства.

О кооперации

Задачей социалистического строительства в деревне является переустройство сельского хозяйства на началах крупного машинного коллективного хозяйства. Для основной массы крестьянства простейшим путем к этому является кооперирование, как его обрисовал Ленин в работе "О кооперации". Это и есть то громадное преимущество, которое дает крестьянству диктатура пролетариата и весь советский строй в целом. Расширяющуюся основу для производственно-социалистического кооперирования (коллективизации) может создавать лишь процесс возрастающей индустриализации сельского хозяйства. Без технической революции в самом способе производства, то есть без машин и земледелия, без перехода к многополью, без искусственного удобрения и прочего успешная и широкая работа по действительной коллективизации сельского хозяйства невозможна.

Заготовительная и сбытовая кооперация окажется путем к социализму только в том случае, если 1) будет находиться под непосредственным экономическим и политическим воздействием социалистических элементов хозяйства, в первую очередь крупной промышленности и профессиональных союзов; если 2) процесс кооперирования торговых функций сельского хозяйства будет постепенно приводить к усилению его коллективизации.

Классовое лицо сельскохозяйственной кооперации будет определяться не только численным весом различных групп кооперированного крестьянства, но, главным образом, их экономическим удельным весом. Задача партии заключается в том, чтобы сельскохозяйственная кооперация действительно явилась объединением бедняцких и середняцких групп деревни и была бы орудием борьбы этих элементов против растущей экономической мощи кулачества. Необходимо систематически и настойчиво привлекать к работе по строительству кооперации сельскохозяйственных рабочих.

Успешное кооперативное строительство мыслимо только при условии максимальной самодеятельности кооперированного населения. Правильная связь кооперации с крупной промышленностью и пролетарским государством предполагает нормальную работу кооперативных организаций, исключая бюрократические методы регулирования.

Ввиду явного сдвига партийного руководства от основной линии большевизма в деревне в сторону ставки на зажиточного крестьянина и кулака; ввиду прикрывания этого курса антипролетарскими речами о "бедняцких иллюзиях", "иждивенчестве" и "лодырничестве" бедняка, о его, якобы, малой пригодности к обороне СССР, более чем когда-либо, необходимо напомнить следующие слова нашей партийной программы, которая, ставя ребром вопрос о решающем для нас значении союза с середняком, явно и отчетливо указывает: "Во всей своей работе в деревне ВКП по-прежнему опирается на пролетарские и полупролетарские силы ее, организует прежде всего их в самостоятельную силу, создавая партийные ячейки в деревне, организации бедноты, особого типа профессиональные союзы пролетариев и полупролетариев деревни и так далее, сближая их всемерно с городским пролетариатом и вырывая их из-под влияния деревенской буржуазии и мелкособственнических интересов".

IV. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА

Темп развития промышленности

"Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие" (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 316).

Основным условием нашего социалистического развития на данной первоначальной его стадии и в данной исторической обстановке, то есть в капиталистическом окружении и при задержке мировой революции, является такой темп индустриализации, который обеспечивал бы на ближайший период разрешение, по крайней мере, следующих задач: 1) Материальные позиции пролетариата в стране должны абсолютно и относительно укрепляться (рост численности занятых рабочих, сокращение числа безработных, рост материального уровня рабочего класса и, в частности, доведение душевой жилищной площади до санитарной нормы). 2) Работа промышленности, транспорта и электростанций должна расти, по крайней мере, не отставая от растущих потребностей и ресурсов страны в целом. 3) Сельское хозяйство должно получать возможность постепенно переходить на более высокую техническую основу и обеспечивать промышленности расширяющуюся сырьевую сельскохозяйственную базу. 4) В отношении уровня развития производительных сил, в отношении техники и в отношении роста материального благосостояния рабочих и трудящихся вообще, СССР должен уже в ближайшие годы не отставать от капиталистических стран, а догонять их. 5) Индустриализация должна обеспечивать оборону страны и, в частности, надлежащее развитие военной промышленности. 6) Социалистические, государственные и кооперативные элементы должны систематически расти, вытесняя одни, подчиняя себе и преобразовывая другие элементы досоциалистических хозяйственных укладов (капиталистических и докапиталистических).

Несмотря иа значительные успехи в области промышлеииости, электрификации н транспорта, индустриализация далеко ие достигла того развития, какое необходимо и возможио. Проводимый ныне и иамечаемый на ближайшие годы темп индустриализации явио исдостаточеи.

Нет н ие может быть, разумеется, такой политикн, которая позволила бы одним ударом справиться со всеми трудностями и перескочить через длительиый пернод снстематического подъема хозяйства и культуры. Но нмеино наша хозяйствениая н культуриая отсталость требует исключительного напряжения сил и средств, правильиой и своевремеииой мобилизации всех накоплеинй, правильного использования всех ресурсов в целях скорейшей индустриализации страны.

Хроническое отставание промышленности, а также транспорта, электрификацин и строительства от запросов и потребиостей иаселеиия, народного хозяйства и общественной снстемы СССР в целом держит в тисках весь хозяйственный оборот, сужает реализацию товариой части сельскохозяйствеииой продукции и экспорт ее, вводит импорт в крайие узкие рамки, гоиит вверх себестоимость и цены, создает иеустойчивость червонца, тормозит развитие производительных сил, задерживает рост матерна льного благосостояния пролетариата и крестьяиских масс, приводит к угрожающему росту безработицы, ухудшению жилищных условий, подрывает смычку промышлениости с сельским хозяйством и ослабляет обороноспособность страны.

Недостаточиый темп развития промышленности приводит, в свою очередь, к задержке роста сельского хозяйства. Между тем иикакая индустриалнзация невозможна без решительного поднятия производительных сил сельского хозяйства и увеличения его товариости.

Цеиы

Нет н не может быть иадлежащего темпа нидустриализации вие систематического и иеуклониого снижеиия себестонмости, отпускных н розиичиых цеи на промышлеииые товары и сближенне их с мировыми ценамн. В этом выражается действительиый прогресс, как в смысле перехода работы на более высокую техиическую базу, так и в смысле лучшего удовлетвореиия потребностей трудящихся.

Пора положить конец бессмысленным н непристойным крикам о том, будто оппознция хочет повышеиия цеи. Партия совершенио едииодушна в стремлении к синжению цен. Но одного стремления мало. О политике судят ие по намерениям, а по результатам. Результаты же ныиешней борьбы за сннженне цен не раз заставлялн даже ответствеиных представителей руководства поднимать вопрос о том, ие упускаются ли при этой полнтике зря большие средства. "Куда девался миллиард?" – спрашивал в январе этого года тов. Бухарин. "Куда девается разиица между оптовымн н розничными ценами?" – спрашивал вслед за иим по тому же поводу тов. Рудзутак (стенограмма Политбюро 3 марта 1927, сс. 20–21). Прн хроническом недостатке товаров, огульное, неумело бюрократическое сниженне отпускных цен, поскольку оно в большинстве случаев не дово-

дится до рабочего и крестьянина, приводит к потере госпромышленностью сотен миллионов рублей. Вырастающий из этого раствор оптово-розничных ножниц, особенно в отношении частника, так чудовищен, что вполне допускает, при правильной политике, возможность удержания части торговых накидок в руках государственной промышленности. Непререкаемый вывод из всего хозяйственного опыта последних лет требует скорейшего преодоления диспропорции, увеличения промышленно-товарных масс, ускорения темпа развертывания промышленности. Это основной путь к действительному снижению отпускных и розничных цен и, прежде всего, к снижению себестоимости, которая за последние годы обнаруживала тенденцию скорее к повышению, чем к снижению.

Пятилетка комиссии Госплана
(1926–27 и 1930–31)

Вопрос о пятилетнем плане развития народного хозяйства, включенный в порядок дня предстоящего XV съезда, должен по праву стать в центре внимания партии. Пятилетка Госплана не является еще официально признанной и вряд ли в нынешнем своем виде найдет признание. Но она дает, тем не менее, основной линии нынешнего хозяйственного руководства наиболее систематизированное и законченное выражение.

Капитальные затраты промышленности по пятилетке из года в год почти не возрастают (1 142 миллиона в будущем году, 1 205 миллионов в 1931 году), а в процентном отношении к общей сумме вложений в народное хозяйство падают с 36,4% до 27,8%. Чистые вложения в промышленность из средств государственного бюджета по программе пятилетки падают на те же годы, примерно, с 200 миллионов до 90.

Прирост продукции намечен от 4 до 9% по отношению к каждому предшествующему году, – темп капиталистических стран в периоды быстрого подъема. Гигантские преимущества национализации земли, средств производства, банков и централизованного управления, то есть преимущества социалистической революции на пятилетке почти не отразились.

Личное потребление промышленных товаров, нищенское и в настоящее время, должно вырасти за пять лет всего лишь на 12%. Потребление хлопчатобумажных тканей в 1931 году, составляя 97% от довоенного, будет в 5 раз меньше, чем в Соединенных Штатах в 1923 году; потребление угля будет в 7 раз меньше, чем в 1926 году в Германии, в 17 раз меньше, чем в САСШ в 1923 году; потребление чугуна будет в 4 с лишним раза меньше, чем в Германии, в 11 с половиной раз меньше, чем в САСШ; производство электрической энергии будет втрое меньше, чем в Германии, в 7 раз меньше, чем в САСШ; потребление бумаги составит к концу пятилетия 83% довоенного. Все это через 15 лет после Октября! Преподносить к десятилетию октябрьской революции такого рода крохоборческий, насквозь пессимистический план, значит на деле работать против социализма.

Проектируемое Госпланом снижение розничных цен за 5 лет на 17%,

даже если бы оно осуществилось, едва отразилось бы на соотношении наших цен с мировыми, которые в 2 с половиной – 3 раза ниже наших.

Несмотря на столь ничтожное снижение цен (да и то пока лишь в проекте), по пятилетке должно не хватить в год промышленных товаров на 400 миллионов рублей для покрытия платежеспособного спроса. Если же представить, что нынешние чудовищные цены снизятся в течение 5 лет на 22%, – снижение более, чем скромное, – то одно это приведет к нехватке товаров на целый миллиард. Диспропорция сохраняется, таким образом, неприкосновенной, как постоянный источник роста розничных цен. Пятилетка обещает крестьянам к 1931 году, примерно, довоенную норму промышленных товаров по ценам в полтора раза выше довоенных. Рабочему крупной промышленности она обещает повышение номинальной платы на 33% за пять лет, не считая малообоснованной надежды на снижение цен. Диспропорция спроса и предложения должна быть, по замыслу Госплана, устранена путем повышения рабочей квартирной платы в 2–2 с половиной раза против нынешней, примерно, на 400 миллионов рублей в год. Так как у зажиточного населения есть избыток покупательной силы, то чиновники Госплана пытаются исправить это положение путем урезки реальной заработной платы рабочих. Трудно поверить, что такой способ достижения рыночного равновесия предлагается ответственными органами рабочего государства! Всей этой ложной перспективой потребитель насильственно толкается к поискам выхода на гибельных путях отмены монополии внешней торговли.

Постройка новых 6–7 тысяч верст железных дорог, намеченная на все 5 лет, – против 14 тысяч верст, построенных, например, за пятилетие 1895–1900 годов, – представляется угрожающе недостаточной с точки зрения не только социалистической индустриализации, но и элементарнейших хозяйственных потребностей основных районов.

Такова – с отклонениями с ту или другую сторону – действительная установка государственных органов, фактически руководящих развитием хозяйства. Так выглядит линия нынешнего руководства на деле.

СССР и мировое капиталистическое хозяйство

При длительной борьбе непримиримо враждебных общественных систем – капитализма и социализма – исход определяется в последнем счете соотношением их производительности труда, которое – в условиях рынка – измеряется через соотношение цен, внутренних и мировых. Именно этот коренной вопрос имел в виду Ленин, когда в одной из последних своих речей предупреждал партию о предстоящем нам "экзамене, который устроит русский и международный рынок, которому мы подчинены, с которым связаны, от которого не оторваться" (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 33). Мелкобуржуазной пошлостью является поэтому мысль, будто мы можем идти и прийти к социализму любым, хотя бы и "черепашьим" темпом (Бухарин).

Нельзя спрятаться от капиталистического окружения под крышу национально-замкнутого хозяйства, которое, именно вследствие своей

замкнутости, вынужденно было бы подвигаться вперед крайне медленно, а следовательно, испытывать не ослабленное, а, наоборот, усиленное давление не только капиталистических армий и флотов ("интервенция"), но прежде всего – дешевых капиталистических товаров.

Монополия внешней торговли есть жизненно необходимое орудие социалистического строительства в обстановке более высокой техники капиталистических стран. Но монополия может оградить строящееся социалистическое хозяйство лишь при условии, если со стороны техники, себестоимости, качества и цены продукции оно будет все больше приближаться к мировому хозяйству. Целью хозяйственного руководства должно быть не достижение замкнутого и самодовлеющего хозяйства, ценой неизбежного снижения его темпа и уровня, а, наоборот, всемерное увеличение нашего удельного веса в мировом хозяйстве путем достижения наивысшего темпа.

Для этого нужно: понять гигантское значение нашего экспорта, столь угрожающе отстающего ныне от развития хозяйства в целом (участие СССР в мировом товарообмене спустилось с 4,22% в 1913 году до 0,97% – в 1926 году); изменить, в частности, политику в отношении кулака, дающую ему возможность подрывать социалистический экспорт своими натурально-ростовщическими накоплениями; связи с мировым хозяйством развивать под углом зрения всемерного ускорения индустриализации и усиления социалистических элементов хозяйства в противовес капиталистическим; не распылять в ближайший период наши ограниченные накопления, а постепенно и планомерно переходить к новым видам производства, обеспечивая в первую голову массовое производство наиболее нам доступных и необходимых машин; умело и расчетливо дополнять и подгонять собственную промышленность систематическим использованием завоеваний мировой капиталистической техники.

Установка на изолированное социалистическое развитие и на независимый от мирового хозяйства темп искажает всю перспективу, сбивает плановое руководство с пути, не дает руководящей нити для правильной регулировки наших отношений с мировым хозяйством. В результате, мы не умеем правильно определить ни что построить самим, ни что привезти из-за границы. Решительный отказ от теории изолированного социалистического хозяйства будет уже в течение ближайших лет означать несравненно более целесообразное использование наших ресурсов, более быструю индустриализацию, более планомерный и могучий рост собственного машиностроения, более быстрый рост числа занятых рабочих, действительное снижение цен, словом, подлинное укрепление СССР в капиталистическом окружении.

Не таит ли в себе рост мировых связей опасностей на случай блокады и войны? Ответ на этот вопрос вытекает из всего сказанного выше.

Подготовка к войне требует, разумеется, создания запасов жизненно необходимого нам иностранного сырья и своевременного введения жизненно необходимых новых производств, как например, выделка алюминия и так далее. Но самое важное для длительной и серьезной войны – это иметь как можно более развитую промышленность, способную к

массовому производству и к быстрому переходу с одного производства на другое. Недавнее прошлое показало, как такая высоконидустриальная страна, как Германия, тысячами нитей связанная с мировым рынком, обнаружила огромную живучесть и силу сопротивлеиия, когда война и блокада отрезала ее одним ударом от всего мира.

Если при несравнимых преимуществах иашего общественного строя, мы сумеем в течение "мириого" периода использовать мировой рыиок для того, чтобы ускорить иаше хозяйственное развитие, мы встретим иеизмеримо более подготовленными и вооруженными любую блокаду и любую интервенцию.

Никакая виутренняя политика неспособиа сама по себе избавить нас от зкономических, политических и военных опасностей капиталистического окружения. Задача внутри сводится к тому, чтобы, укрепляя себя правильной классовой политикой, правильными взаимоотношениями рабочего класса с крестьянством, как можно дальше продвигаться вперед по пути социалистического строительства. Внутренние ресурсы СССР велики и делают это вполне возможным. Используя в этих же целях мировой капиталистический рынок, мы свой основиой исторический расчет связываем с дальнейшим ходом мировой пролетарской революции. Ее победа в передовых странах взорвет кольцо капиталистического окружения, избавит нас от тяжкого военного бремени, гигантски усилит иас в области техники, ускорит все наше развитие — в городе и в деревне, иа заводе и в школе — и даст нам возможность построить социализм, то есть бесклассовое общество, основанное на передовой технике и на действительном равенстве всех его членов в труде и в пользовании продуктами труда.

Где взять средства

На вопрос, где взять средства для более смелого, более революционного разрешения задач действительной индустриализацни и более быстрого подъема культуры масс, то есть задач, от разрешеиия которых зависит судьба социалистической диктатуры, оппозиция отвечает:

Основным источником средств является перераспределение иародного дохода путем правильного использования бюджета, кредита и цен. Дополнительным источником средств должно явиться правильное использование связей с мировым хозяйством.

1) По пятилетке Госплана, **бюджет**, государственный и местиый, поднимется за 5 лет с 6 до 8,9 миллиардов рублей и будет в 1931 году составлять 16% народного дохода, то есть поглощать меньшую его часть, чем довоенный царский бюджет (18%). Бюджет рабочего государства ие только может, но должен занять большее место в иародном доходе, чем буржуазный бюджет, — при том, разумеется, условии, что он будет действительно социалистическим и, наряду с увеличенными расходами на просвещение масс, будет выделять иесравненно большие суммы на индустриализацию страны. Чистые вложения из бюджета иа нужды индустриализации могут и должны достигнуть 500—1 000 миллиоиов в год в течение ближайшего пятилетия.

2) **Налоговая система** не поспевает за ростом накоплений у деревенских верхов и новой буржуазии вообще. Необходимо: а) провести действительное обложение всех видов сверхприбыли частных предпринимателей в размере не менее 150–200 миллионов рублей, а не 5 миллионов, как сейчас; б) в целях усиления экспорта обеспечить изъятие у зажиточно-кулацких слоев, примерно, у 10% крестьянских дворов, в порядке займа, не менее 150 миллионов пудов из тех натуральных хлебных запасов, которые достигли уже в 1926–27 году 800–900 миллионов пудов и сосредоточены большей своей частью в руках верхних слоев крестьянства.

3) Решительную политику систематического и неуклонного **снижения отпускных и розничных цен** и сжатия оптово-розничных "ножниц" нужно проводить на деле таким образом, чтобы снижение цен распространялось в первую голову на предметы широкого потребления рабочего и крестьянина (без практикуемого ныне ухудшения качества, и без того крайне низкого) и чтобы это снижение не лишало госпромышленность необходимого накопления, а шло бы, главным образом, путем увеличения товарной массы и за счет снижения себестоимости, уменьшения накладных расходов, сокращения бюрократических аппаратов и так далее.

Более сообразующаяся с условиями рынка, более гибкая, более индивидуализированная, то есть считающаяся с положением каждого товара на рынке, политика снижения отпускных цен, может сохранить в руках госпромышленности громадные суммы, питающие ныне частный капитал и торговый паразитизм вообще.

4) **Режим экономии**, который должен был, согласно прошлогоднего воззвания Сталина–Рыкова, дать 300–400 миллионов рублей в год, на деле дал совершенно ничтожные результаты. Режим экономии есть вопрос классовой политики и может быть осуществлен только под непосредственным нажимом масс. Для этого рабочие должны сметь нажимать. Снизить непроизводительные расходы на 400 миллионов рублей в год вполне возможно.

5) Умелое использование таких орудий, как монополия внешней торговли, иностранные кредиты, концессии, договора технической помощи и так далее, может отчасти дать дополнительные средства, а, главное, чрезвычайно повысить целесообразность наших собственных затрат, оплодотворяя их новой техникой, ускоряя весь ход нашего развития и тем самым укрепляя нашу действительную социалистическую независимость от капиталистического окружения.

6) Вопрос о подборе людей – снизу доверху – и о правильных между ними взаимоотношениях является не в последнем счете финансовым вопросом. Чем хуже подбор, тем больше нужно средств. Правильному подбору и правильным отношениям противодействует бюрократический режим.

7) **Хвостизм** хозяйственного руководства означает на практике потерю многих десятков миллионов, как пеню за непредусмотрительность, несогласованность, крохоборчество, отставание.

8) Налоговые средства не могут покрыть все возрастающих требований народного хозяйства. Кредит должен становиться все более важным

рычагом перераспределения народного дохода для целей социалистического строительства, что прежде всего предполагает укрепление режима твердой валюты и здорового денежного обращения.

9) Более классово-выдержанная хозяйственная политика, сужающая рамки спекуляции и ростовщичества, облегчит более успешную мобилизацию частных накоплений государственными и кредитными учреждениями и несравненно более широкое, чем ныне, финансирование промышленности в форме долгосрочного кредита.

10) Государственная продажа водки введена была первоначально в виде опыта и с тем, что главная часть дохода от нее пойдет на дело индустриализации, прежде всего, на поднятие металлургии. В действительности, дело индустриализации только потеряло от введения государственной продажи водки. Опыт следует признать совершенно неудавшимся. При советском строе государственная продажа водки означает минус не только на стороне частного хозяйства, как при царизме, но, главным образом, небрежная работа, повышение брака, порча машин, рост несчастных случаев, пожары, драки, увечья и прочее измеряются в год сотнями миллионов рублей. Государственная промышленность теряет от водки не меньше, чем получает от водки бюджет, и в несколько раз больше, чем сама промышленность получает из бюджета. Прекращение государственной продажи водки в кратчайший срок (2–3 года) автоматически повысит материальные и духовные ресурсы индустриализации.

Таков ответ на вопрос, где взять средства. Неправда, будто темп индустриализации упирается непосредственно в отсутствие ресурсов. Средства скудны, но они есть. Нужна правильная политика.

Пятилетка Госплана должна быть категорически отвергнута и осуждена как в корне несовместимая с задачей "превращения России нэповской в Россию социалистическую".

Необходимо осуществить передвижку в деле распределения налоговой тяжести между классами, нагрузив кулака и нэпмана, облегчив рабочих и бедноту.

Понизить удельный вес косвенных налогов. Ликвидировать в ближайшие годы систему государственной продажи водки.

Упорядочить финансы железнодорожного транспорта.

Упорядочить финансы промышленности.

Оздоровить запущенное лесное хозяйство, которое может и должно стать источником крупнейших доходов.

Обеспечить безусловную устойчивость денежной единицы, Упрочение червонца требует снижения цен, с одной стороны, бездефицитного бюджета, – с другой. Недопустимо использование эмиссии для покрытия бюджетного дефицита.

Нужен строго целевой бюджет, бездефицитный, жесткий, не терпящий ни лишнего, ни случайного.

В бюджет 1927–28 года надлежит значительно повысить ассигнования на оборону (преимущественно на военную промышленность), на промышленность вообще, на электрификацию, на транспорт, жилстроительство, на мероприятия по коллективизации сельского хозяйства.

Дать решительный отпор покушениям на монополию внешней торговли. Взять твердый курс на индустриализацию, электрификацию и рационализацию, построенную на повышении технической мощи хозяйства и улучшении материального положения масс.

V. СОВЕТЫ

Бюрократический аппарат любого буржуазного государства, независимо от его формы, возвышается над населением, связывая бюрократию круговой порукой правящей касты и систематически воспитывая в трудящихся страх и преклонение перед правительством. Октябрьская революция, заменившая старую государственную машину рабочими, крестьянскими и солдатскими Советами, нанесла тягчайший в истории удар идолу бюрократического государства.

Программа партии говорит по этому вопросу:

> "Ведя самую решительную борьбу с бюрократизмом, РКП отстаивает для полного преодоления этого зла следующие меры: 1) обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством; 2) последовательную смену этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления; 3) постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством. Полное и всестороннее проведение всех этих мер, представляя собой дальнейший шаг по пути, на который вступила Парижская коммуна, и упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведут к уничтожению государственной власти".

Вопрос о советском бюрократизме не есть только вопрос о волоките, о раздутых штатах и прочее. В основе своей это вопрос о классовой роли бюрократии, об ее общественных связях и симпатиях, об ее силе и привилегированности, об ее отношении к нэпману и чернорабочему, к интеллигенту и безграмотному, к жене советского "сановника" и к темной крестьянке и пр. и пр. Чью руку тянет чиновник? – таков основной вопрос, повседневно проверяемый на житейском опыте миллионами трудящихся.

Еще накануне Октябрьской революции, Ленин, ссылаясь на марксов анализ Парижской коммуны, усиленно напирал на ту мысль, что "при социализме должностные лица перестают быть "бюрократами", быть "чиновниками", перестают по мере введения, кроме выборности, еще сменяемости в любое время, да еще сведения платы к среднему рабочему уровню, да еще замены парламентарных учреждений работающими, то есть издающими законы и проводящими их в жизнь".

В какую же сторону развивается за последние годы аппарат советского государства; в сторону упрощения и удешевления? орабочения? приближения к трудящимся города и деревни? уменьшения расстояния между управляющими и управляемыми? Как обстоит дело с проведением большего равенства в условиях жизни, правах и обязанностях? Идем ли

мы в этой области вперед? Совершенно очевидно, что ни на один из этих вопросов нельзя ответить утвердительно. Разумеется, действительное и полное осуществление равенства достижимо лишь при условии уничтожения классов.

В эпоху нэпа задача проведения равенства затрудняется и замедляется, но не отменяется. Нэп есть для нас не путь к капитализму, а путь к социализму; следовательно, постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством и систематическая борьба за большее равенство остается одной из важнейших задач партии и при нэпе. Эта борьба может быть успешной лишь на основе растущей индустриализации страны и увеличения руководящей роли пролетариата во всех отраслях материального и культурного строительства. Борьба за большее равенство не исключает в переходное время более высокой оплаты квалифицированных рабочих, поднятия материального уровня труда специалистов, как не исключает и лучшей оплаты учительства на большую высоту, чем в буржуазных странах и так далее.

Надо отдать себе ясный отчет в том, что армия чиновников растет у нас за последние годы количественно, сплачивается внутренне, поднимается над управляемыми, переплетается с зажиточными слоями города и деревни. "Инструкция" 1925 года, предоставившая избирательные права многочисленным эксплоататорским элементам, явилась лишь одним из наиболее ярких выражений того, насколько отзывчивым становится бюрократический аппарат, до самых своих верхушек, к домогательствам верхних слоев, зажиточных, накопляющих, обогащающихся. Отмена этой инструкции, ломавшей на деле советскую конституцию, явилась несомненным результатом критики со стороны оппозиции. Но уже первые перевыборы по новой инструкции обнаружили в ряде мест стремление, поощряемое сверху, по возможности сузить круг лишенцев из зажиточных слоев. Центр вопроса, однако, уже не в этом. При непрерывном росте удельного веса новой буржуазии и кулачества, при сближении их с бюрократией, при общем неправильном курсе руководства, кулак и нэпман, даже лишенные прав, сохраняют возможность влиять на состав и политику, по крайней мере, низовых советских органов, оставаясь за их кулисами.

Проникновение в Советы кулацких низовых элементов или "подкулачников" и городского мещанства, начавшееся с 1925 года и частично задержанное вследствие противодействия оппозиции, представляет собою тот глубочайший политический процесс, невнимание к которому или замазывание которого грозило бы самыми тяжкими последствиями для пролетарской диктатуры.

Городские Советы, основное орудие поголовного вовлечения рабочих и вообще тружеников в дело управления государством, за последние годы утрачивают свое значение, отражая этим несомненную передвижку соотношения классовых сил в ущерб пролетариату.

Противодействие этим явлениям мыслимо не посредством голого административного "оживления" Советов, а лишь посредством твердой классовой политики, решительного отпора новым эксплоататорам, повы-

шения активности и значения пролетариата и бедноты во всех без изъятия учреждениях и органах советского государства.

"Теория" Молотова насчет того, что нельзя будто бы требовать приближения рабочих к государству и государства к рабочим, так как наше государство уже само по себе рабочее ("Правда", 13 декабря 1925 года) – представляет наиболее злокачественную формулу бюрократизма, заранее освящая все бюрократические извращения. Критика антиленинской "теории" Молотова, пользующейся открытым или молчаливым сочувствием широких кругов советской администрации, подводится при нынешнем курсе под социал-демократический уклон. Между тем, суровое осуждение этой и подобных ей "теорий" является необходимым условием действительной борьбы против бюрократических извращений – не путем превращения известного числа рабочих в чиновников, но путем приближения к рабочим и крестьянским низам всего государственного аппарата во всей повседневной его работе.

Нынешняя официальная борьба с бюрократизмом, не опирающаяся на классовую активность трудящихся и пытающаяся заменить ее усилиями самого аппарата, не дает и не может давать существенных результатов, а во многих случаях даже содействует усилению бюрократизма.

Во внутренней жизни Советов также наметился за последний период ряд процессов явно отрицательного характера. Советы все более отстраняются от решения основных политических, хозяйственных и культурно-бытовых вопросов, превращаясь в придаток к исполкомам и их президиумам. В руках последних сосредоточивается целиком работа управления. Обсуждение вопросов на пленумах Советов носит показной характер. Одновременно с этим удлиняются сроки перевыборов советских органов и увеличивается независимость последних от широких рабочих масс. Все это чрезвычайно усиливает влияние чиновничьих элементов на решение вопросов.

Управление огромными областями городского хозяйства держится нередко на одном-двух коммунистах, которые подбирают себе специалистов и вообще чиновников, попадая нередко в зависимость к ним. Правильной выучки членов Совета, втягивание в работу снизу вверх – нет. Отсюда постоянные жалобы на недостаток умелых работников в советском аппарате и дальнейший сдвиг на чиновника.

Выборные руководители важных областей советской работы смещаются при первом же столкновении с председателем Совета, тем более с секретарем губкома, вследствие чего выборность сводится на нет, ответственность понижается.

Необходимо:

1) Взять твердый курс на борьбу с чиновничеством, по-ленински, на основе действительной борьбы за ограничение эксплоататорских стремлений новой буржуазии и кулачества, путем последовательного развертывания рабочей демократии в партии, при союзах, Советах.

2) Провести лозунг приближения рабочего, батрака, бедняка и середняка – против кулака – к государству с безусловным подчинением аппарата насущным интересам трудящейся массы.

3) В основу оживления Советов положить поднятие классовой активности рабочих, батраков, бедняков и середняков.

4) Превратить горсоветы в действительные органы пролетарской власти и орудия вовлечения широких масс трудящихся в дело управления социалистическим строительством. Осуществить не на словах, а на деле контроль городских Советов над работой губернских исполкомов и подчиненных им органов.

5) Решительно прекратить снимание с советской работы выборных работников, за исключением случаев действительной и безусловной необходимости, смысл которой должен быть ясен избирателям.

6) Надо добиваться и добиться того, чтобы самый отсталый чернорабочий, самая темная крестьянка убеждались из опыта, что в любом государственном учреждении они найдут внимание, совет, возможную поддержку.

VI. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Замедление общего темпа социалистического развития; рост новой буржуазии в городе и деревне; усиление буржуазной интеллигенции; рост бюрократизма в государственных органах; неправильный режим в партии, и связанный со всем этим рост великодержавного шовинизма и национализма вообще, — особенно болезненно отражаются в национальных областях и республиках, усугубляясь сохранившимися еще в некоторых из них остатками докапиталистического уклада.

В условиях нэпа роль частного капитала вырастает особенно на окраинах, отсталых в промышленном отношении. Хозяйственные органы часто ставят здесь ставку на частника; назначают цены, без учета действительного положения бедняцкой и середняцкой крестьянской массы; искусственно снижают заработок батраков, без конца расширяют систему частного и бюрократического посредничества между промышленностью и крестьянами — поставщиками сырья; направляют кооперативное строительство в сторону обслуживания преимущественно богатых слоев деревни; пренебрегают интересами особо отсталых слоев, скотоводов и полускотоводов. Остается совершенно в тени насущная задача — проведение плана промышленного строительства в национальных областях, в особенности плана индустриализации переработки сельскохозяйственного сырья.

Бюрократизм, опираясь на великодержавный шовинизм, сумел превратить советскую централизацию в источник трений из-за дележа чиновничьих мест между национальностями (Закавказская федерация), сумел испортить отношения между центром и окраинами, сумел фактически свести на нет значение Совета Национальностей, сумел довести бюрократическую опеку над автономными республиками до лишения последнего права разбирать земельные споры между местным и русским населением. До сегодняшнего дня великодержавный шовинизм, особенно поскольку он действует через госаппарат, остается главным врагом сближения и сплочения трудящихся разных национальностей.

Подлинная поддержка бедноты, сближение основной массы середня-

ков с беднотой и батрачеством, организация последнего в самостоятельную классовую силу — все это получает особое значение в нацреспубликах и областях. Без действительной организации батраков, без кооперирования и объединения бедноты мы рискуем оставить отсталую восточную деревню в условиях традиционной кабалы, а наши партячейки — без подлинно низовых кадров.

Задача коммунистов наиболее отсталых или только пробуждающихся национальностей должна заключаться в том, чтобы направить процесс национального пробуждения по советско-социалистическому руслу, путем вовлечения трудящихся масс в хозяйственное и культурное строительство, в частности, путем помощи развитию местного языка, школьного дела и "национализации" советского аппарата.

Там, где имеются условия для трения с другими национальностями и национальными меньшинствами, национализм, при нарастании буржуазных элементов, зачастую становится ярко наступательным. "Национализация" местного аппарата проводится при этом за счет национальных меньшинств. Пограничные вопросы становятся источником национальной грызни. Атмосфера партийной, советской и профсоюзной работы отравляется национализмом.

Украинизация, тюркизация и прочее может пройти правильно только при преодолении великодержавных и бюрократических замашек в учреждениях и органах Союза, с одной стороны, только при сохранении руководящей роли пролетариата в национальных республиках, только при опоре на низы деревни и только при постоянной и непримиримой борьбе с кулацкими и шовинистическими элементами, — с другой.

Особое значение приобретают эти вопросы для таких промышленных центров, как Донбасс или Баку, пролетарское население которых по своей национальности в значительной своей массе не совпадает с деревенской периферией. В этом случае правильные культурно-политические взаимоотношения между городом и деревней мыслимы лишь: 1) при особо внимательном подлинно братском отношении города к материальным и духовным потребностям инакоапциональной деревни; при непримиримом отпоре всяким буржуазным попыткам вклиниться между городом и деревней, питаются ли они при этом бюрократическим высокомерием по отношению к деревне, или реакционно-кулацкой завистью по отношению к городу.

Бюрократический режим передает фактическое проведение поверхностно-показной "национализации" госаппарата в руки чиновника, спеца, мелкобуржуазного учителя, которые связаны бесчисленными социально-бытовыми связями с верхами города и деревни и к интересам этих верхов приспособляют свою политику. Это отталкивает местную бедноту от партии и советской власти и бросает ее в объятия местной торговой буржуазии, ростовщиков, реакционного духовенства, феодально-патриархальных элементов. В то же время бюрократический режим оттесняет на задворки подлинно коммунистические элементы националов, объявляя их нередко "уклонистами", преследуя их всеми силами, как это произошло, например, в отношении значительной группы старых грузинских

большевиков, попавших под опалу сталинской группы и горячо взятых под защиту Лениным в последний период его жизни.

Подъем трудящихся масс национальных республик и областей, обусловленный октябрьской революцией, является причиной того, что эти массы стремятся к непосредственному и самостоятельному участию в практическом строительстве. Между тем, бюрократический режим пытается парализовать это стремление посредством запугивания местным национализмом.

XII съезд ВКП(б) признал необходимость борьбы против "пережитков великодержавного шовинизма", против "хозяйственного и культурного неравенства национальностей Союза республик", против "пережитков национализма в среде целого ряда народов, прошедших тяжкое иго национального гнета". IV совещание (1923 г.) с ответственными работниками нацреспублик и областей указало, что "одной из коренных задач партии является выращивание и развитие из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения коммунистических организаций нацреспублик и областей"... Совещание единодушно признало, что коммунисты из центра в отсталых республиках и областях должны играть роль "не педагогов и нянек, а помощников" (Ленин). Между тем, за последние годы дело развивается в прямо противоположном направлении. Назначаемые секретариатом ЦК верхушки национального партаппарата берут на себя фактическое решение всех партийных и советских дел, отстраняя национальных работников, как коммунистов второго разряда, которых привлекают к делу зачастую лишь для формального "представительства" (Крым, Казахстан, Туркменистан, горские области Северного Кавказа и так далее). Искусственное разделение сверху всех местных работников на "правых" и "левых" применяется как система для того, чтобы назначенные из центра секретари могли бесконтрольно командовать обеими группами.

В областях нашей национальной политики, как и в других областях, необходимо вернуться на ленинские позиции.

1. Проводить несравненно более систематическую, принципиальную, настойчивую работу по преодолению национальной розни среди рабочих разных национальностей, в особенности путем внимательного отношения ко вновь вовлекаемым рабочим-"националам", повышения их квалификации, улучшения их жилищных и культурно-бытовых условий и так далее.

Твердо помнить, что действительным рычагом вовлечения отсталой национальной деревни в советское строительство является создание и воспитание пролетарских кадров из местного населения.

2. Пересмотреть пятилетний хозяйственный план в смысле усиления темпа индустриализации промышленно отсталых окраин и строить пятнадцатилетний генеральный план с учетом интересов национальных республик и областей. Приспособить заготовительную политику к задачам развития специальных культур бедняцкими и середняцкими хозяйствами (хлопок в Средней Азии, табак в Крыму, в Абхазии и тому подобное). Кредитная кооперативная политика, а также политика мелиорации (в

Средней Азии, в Закавказье и так далее) должны вестись по строго классовому руслу, в соответствии с основными задачами социалистического строительства. Уделить должное внимание развитию животноводческой кооперации. Провести индустриализацию переработки сельскохозяйственного сырья применительно к местным условиям.

Переселенческую политику пересмотреть в строгом соответствии с интересами правильной политики по национальному вопросу.

3. Добросовестное проведение национализации советского, а также партийного, профессионального и кооперативного аппаратов, при действительном учете классовых и междунациональных взаимоотношений. Решительная борьба против колонизаторских уклонов в деятельности государственных кооперативных и других органов. Сокращение бюрократического посредничества между центром и окраинами. Проверить опыт работы Закавказской федерации с точки зрения ее соответствия интересам хозяйственного и культурного развития национальностей Закавказья.

4. Систематически устранять все затруднения к возможно большему сближению и объединению трудящихся разных наций СССР на почве социалистического строительства и международной революции. Решительно бороться с механическим навязыванием рабочим и крестьянам другой национальности языка преобладающей национальности, предоставляя трудящимся массам полную свободу выбора в этом отношении. Обеспечить реальные права всякого национального меньшинства внутри национальных республик и областей. Требовать во всей работе внимательного учета тех особенностей, какие существуют в отношении между прежде угнетенными нациями и нациями, являющимися прежде угнетательскими.

5. Последовательное проведение внутрипартийной демократии во всех национальных республиках и областях. Полный отказ от командования националами, от назначенства и ссылок. Отказ от политики принудительного давления коммунистов-националов на правых и левых. Самое заботливое выдвижение и обучение местного низового пролетарского, полупролетарского, батрацкого и крестьянского (антикулацкого) актива.

6. Борьба с устряловщиной и всякого рода великодержавными тенденциями, в особенности, в центральных наркоматах и в госаппарате — вообще. Идейная борьба с местным национализмом на основе проведения ясной и последовательной классовой политики в национальном вопросе.

7. Превращение Совета Национальностей в действительно работающий орган, связанный с национальными республиками и областями и действительно способный отстаивать их интересы.

8. Должное внимание национальному моменту в работе профсоюзов. Забота о формировании кадров местного пролетариата. Проведение делопроизводства союзов на родном языке, с соблюдением интересов всех национальностей и национальных меньшинств.

9. Безусловное лишение избирательных прав эксплоататорских элементов.

10. Созыв V национального совещания на основе действительного представительства "низов".

11. Опубликование в печати писем Ленина по национальному вопросу, содержащих в себе критику линии Сталина в национальном вопросе.

VII. ПАРТИЯ

Ни одна партия во всей мировой истории не имела таких великих побед, как наша партия, стоящая вот уже 10 лет во главе пролетариата, осуществляющего свою диктатуру. ВКП (б) является основным рычагом пролетарской революции. ВКП (б) – главная партия Коминтерна. Ни одна партия не несет такой всемирно-исторической ответственности, как наша партия. Но именно поэтому, наша партия, стоящая у власти, должна бесстрашно критиковать свои ошибки, не скрывать своих теневых сторон, ясно видеть опасности прямого перерождения для того, чтобы вовремя принимать необходимые меры. Так было всегда при Ленине, который больше всего предостерегал против превращения в "партию, которая зазналась" (Ленин, том XVII, стр. 112).

Давая ниже картину нынешнего состояния нашей партии, со всеми ее теневыми сторонами, мы, оппозиционеры, твердо надеемся, что при правильной ленинской линии партия поборет все свои болезни и окажется на высоте своих исторических задач.

I. **Социальный состав партии** за последние годы все более **ухудшается.** На 1 января 1927 года мы имеем в нашей партии (в круглых цифрах):

рабочих, занятых в промышленности и на транспорте (у станка) 430 000;
батраков (и сельхозрабочих) .15 700;
крестьян (из которых больше половины ныне служащие) . . . 303 000;
служащих (из них больше половины бывшие рабочие) 462 000

Таким образом, к 1 января 1927 года мы имели в нашей партии: **одну треть рабочих от станка (даже только 31%) и две трети крестьян, служащих, бывших рабочих и "прочих".**

За последние год-полтора наша **партия** потеряла около **100 000 рабочих от станка.** "Механические выходы" из партии за 1926 год составляют 25 000 рядовых коммунистов, среди них рабочих от станка 76,5% ("Известия ЦК" № 24–25). Недавний так называемый "отсев" при перерегистрации привел, согласно официальным данным (несомненно, преуменьшенным), к уходу из партии около 80 000 партийцев, **в громадном большинстве рабочих.** "В относительных величинах переписью было охвачено 93,5% к численности партии к началу текущего года" ("Известия ЦК" № 24–25). Таким образом, при простой перерегистрации "отсеялось" 6,5% всего числа членов партии (что и составляет около 30 000 человек). Среди "отсеявшихся" около 50% – квалифицированные, свыше 1/3 – полуквалифицированные рабочие. Попытка аппарата ЦК тенденциозно преуменьшить эти и без того преуменьшенные данные явно несостоятельна. Вместо ленинского призыва, мы имеем таким образом сталинский "отсев".

С другой стороны, со времени XIV съезда в партию принято новых

100 000 крестьян, причем большинство из них середняки; процент же батраков ничтожен.

II. Еще более ухудшился социальный состав руководящих партийных органов. В укомах крестьяне (по происхождению) составляют 29,5%, служащие и прочие – 24,4%; 81,8% членов укомов – работники учреждений. Рабочих от станка в составе руководящих органов партии ничтожное количество: в обкомах и губкомах – 13,2%, в укомах – от 9,8% до 16,1% (см. статистический обзор Статотдела ЦК ВКП (б) от 10 июня 1927 года). В партии рабочих от станка около трети, а в тех органах партии, которые решают, рабочих от станка уже только около одной десятой. Это – грозная опасность для партии. По той же дороге пошли и профсоюзы (см. главу "Положение рабочих и профсоюзы"). Это и показывает, какую громадную власть у нас забирают "управленцы" из мелкобуржуазных слоев, а также "рабочая бюрократия". Это – вернейший путь к "разбазариванию" партии.

III. Роль "бывших" (эсеров и меньшевиков) в партаппарате и вообще на руководящих постах выросла. К моменту XIV съезда в составе ответственных руководителей печати 38% составляли выходцы из других партий (протокол XIV съезда, стр. 83). Теперь положение еще ухудшилось. Руководство печатью большевистской партии находится ныне либо в руках ревизионистской школы "молодых" (Слепков, Стецкий, Марецкий и другие), либо в руках "бывших". Около четверти высшего слоя всего партактива составляют бывшие эсеры и меньшевики.

IV. Бюрократизм растет во всех областях, но особенно губителен рост его в партии. Современный "руководящий" партийный бюрократ рассуждает так:

> "У нас есть члены партии, которые еще недостаточно ясно понимают самую партию, что партия собою представляет. Думают, что партия исходит от ячейки, ячейка – кирпич первый; затем идет райком все выше и выше к Центральному Комитету. Но это не так (!!) Партию нашу надо рассматривать сверху. И эту установку иметь в практических взаимоотношениях и во всей работе" ("Молот", от 27 мая 1927 г., речь второго секретаря Севкрайкома ВКП).

Определения внутрипартийной демократии, дававшиеся и более ответственными товарищами: Углановым, Молотовым, Кагановичем (см. "Правду" от 4 июня 1926 г.) и так далее, по существу сводятся к тому же.

Эта "новая" установка таит в себе громадные опасности. Если бы мы в самом деле признали, что "партию нашу надо рассматривать сверху", это означало бы, что ленинской партии, партии рабочих масс, больше нет.

V. За последние годы идет систематическое уничтожение внутрипартийной демократии – вопреки всему прошлому большевистской партии, вопреки прямым решениям ряда партийных съездов. Подлинная выборность на деле отмирает. Организационные принципы большевизма извращаются на каждом шагу. Партийный устав систематически изменяется в сторону увеличения объема прав верхушек и уменьшения прав низовых ячеек. Среди полномочий обкомов, райкомов, губкомов, ЦК увеличи-

вается до года, до трех лет и более. Верхушки губкомов, губисполкомов, губпрофсоветов и так далее фактически несменяемы (по три, пять лет и более). Право каждого члена партии, каждой группы членов партии "выносить коренные разногласия на суд всей партии" (Ленин) фактически отменено. Съезды и конференции созываются без предварительного (как это было при Ленине) свободного обсуждения вопросов всей партией, а требование такого обсуждения рассматривается, как нарушение партдисциплины. Совершенно забыты слова Ленина о том, что большевистский "штаб" должен "опираться" действительно на добрую и сознательную волю армии, идущей за штабом и в то же время **направляющей свой штаб**" (т. IV, стр. 318).

Внутри партии происходит – в тесной связи с общим курсом – крайне многозначительный процесс оттирания старых партийцев, прошедших через подполье или, по крайней мере, через гражданскую войну, более самостоятельных, способных постоять за свои взгляды – и замены их новыми элементами, проявляющими главным образом безоговорочное послушание. Это послушание, поощряемое сверху под видом революционной дисциплины, по существу дела ничего общего с ней не имеют. Нередко новые коммунисты из числа таких рабочих, которые отличались всегда покорностью по отношению к старому начальству, продвигаются ныне на руководящие места в рабочих ячейках и в администрации, выслуживаясь на демонстративном, резко враждебном отношении к старым рабочим-партийцам – вожакам рабочего класса в самые трудные моменты революции.

В несравненно более уродливом виде подобные сдвиги переносятся на государственный аппарат, в составе которого не редкость уже встретить законченную фигуру "партийно"-советского чиновника, который в торжественных случаях клянется Октябрем, с полнейшим безразличием относится к порученному ему делу, всеми корнями уходит в мещанскую среду, в частном быту поругивает начальство, а в партдень прорабатывает оппозицию.

Действительные реальные права одного члена партии наверху (прежде всего секретаря) во много раз больше, чем реальные права сотни членов партии внизу. Возрастающее оттеснение партии ее собственным аппаратом увеличивается "теорией" Сталина, отрицающей неоспоримое для каждого большевика положение Ленина о том, что диктатура пролетариата осуществляется и может осуществляться только через диктатуру партии.

Замирание внутрипартийной демократии приводит к замиранию рабочей демократии вообще – в профсоюзах и во всех других массовых беспартийных организациях.

Внутрипартийные разногласия извращаются. Месяцами и годами идет отравленная полемика против взглядов большевиков, объявленных "оппозицией", а изложить свои подлинные взгляды на страницах партийной печати этим большевикам не дают. Вчерашние меньшевики, эсеры, кадеты, бундовцы, сионисты полемизируют в "Правде" против документов, посылаемых в ЦК его членами, выхватывая и извращая отдельные

фразы из этих документов. А сами документы не печатаются. А партийные ячейки заставляют голосовать и "клеймить" неизвестные им документы.

Партия вынуждена судить о разногласиях на основании всем опостылевших казенных "проработок" и шпаргалок, сплошь и рядом безграмотных и лживых. Слова Ленина – "кто верит на слово, тот безнадежный идиот" – заменяются новой формулой: кто не верит на слово, тот оппозиционер. Опозиционно настроенные рабочие от станка вынуждены платиться за свои взгляды безработицей. Рядовой член партии не может громко высказать свое мнение. Старые работники партии не могут высказаться ни в печати, ни на собраниях.

На большевиков, отстаивающих идеи Ленина, возводится отравленное обвинение в желании создать "две партии". Это последнее обвинение нарочито измышлено, чтобы восстановить против оппозиции рабочих, естественно отстаивающих единство своей партии со всей страстностью. Всякое слово критики против грубых меньшевистских ошибок Сталина (в вопросах китайской революции, Англо-Русского Комитета и тому подобное) изображается, как борьба "против партии", хотя партии Сталин не спрашивал предварительно ни о линии политики в Китае, ни о других важных вопросах. Обвинение оппозиции в стремлении создать "две партии" повторяется изо дня в день теми, кто сами поставили себе целью вытеснить большевиков-ленинцев из партии, чтобы иметь "свободные руки" для ведения оппортунистической линии.

VI. Почти вся партучеба и вся работа по политграмоте свелась теперь к "проработке" оппозиции. Метод убеждения не только в громадной степени заменен методом принуждения, но и дополнен методом введения партии в заблуждение. Поскольку и политграмота свелась к казенщине, от нее стали отворачиваться. Посещаемость собраний, партшкол и кружков, посвященных "проработке", чрезвычайно упала. Партия оказывает пассивное сопротивление нынешнему неправильному официальному курсу партаппарата.

VII. За последнее время в партии не только растут карьеризм, бюрократизм, неравенство, но в нее вливаются и прямо классово-чуждые, враждебные и мутные струйки, например, антисемитизм. Беспощадная борьба против такого рода гнусности требуется интерсами простого самосохранения партии.

VIII. Между тем огонь репрессий направлен исключительно влево. Совершенно обычными стали исключения оппозиционеров за выступления в своей ячейке, за резкий возглас, за попытку огласить завещание Ленина. По своему политическому уровню, а главное, по преданности делу партии, исключаемые нередко бывают выше исключающих. Оказавшись вне партии – за "неверие" и "пессимизм" по отношению к Чан-Кай-ши, Перселю или собственному бюрократу – эти товарищи продолжают жить жизнью партии и служить ей гораздо вернее, чем многие партийные службисты и обыватели.

IX. Град репрессий и угроз, явно усиливающийся по мере приближения XV партсъезда, имеют задачей еще больше запугать партию и свиде-

тельствуют о том, что объединенная группа Сталина – Рыкова, чтобы прикрыть наделанные ею политические ошибки, прибегают к самым крайним мерам, ставя партию каждый раз перед совершившимися фактами.

X. Политическая линия ЦК (который на XIV съезде был сформирован по принципу солидарности со Сталиным) неправильна. Колеблясь, нынешнее ядро ЦК все время идет направо. Уничтожение внутрипартийной демократии тем и вызвано, что политическая линия в корне неправильна. Поскольку она отражает давление мелкобуржуазной стихии, влияние непролетарских слоев, обволакивающих нашу партию, – поскольку эту линию все более приходится проводить нажимом сверху.

В области теоретической монополия предоставлена, так называемой, "школе молодых", то есть ревизионистам, готовым в любой момент выполнять литературные поручения аппарата, в то время, как лучшие элементы большевистской молодежи, проникнутые действительными традициями большевистской партии, не только оттираются, но и прямо подвергаются преследованиям.

В области организационной, фактическое подчинение Политбюро – Секретариату, а Секретариата – генеральному секретарю уже давно является совершившимся фактом. Оправдались худшие опасения, высказанные Лениным в его завещании, относительно того, что тов. Сталин не будет достаточно лоялен, не будет достаточно партийно пользоваться той "необъятной властью", которую он "сосредоточил в своих руках" (Письма Ленина от 25 декабря 1922 и 4 января 1923).

В настоящее время в ЦК, и вообще в руководящих органах партии и государства, существуют три основных течения.

Первое течение – открыто правый уклон. Это течение складывается, в свою очередь, из двух групп: одна их них в своем оппортунизме и делячество в значительной мере отражает "хозяйственно-мощного" середнякакрестьянина, на него держит курс, его идеалами вдохновляется. Это группа тт. Рыкова, Смирнова А. П., Калинина, Г. Петровского, Чубаря, Каминского и других. Около них и в непосредственной близости к ним работают "беспартийные" Кондратьевы, Садырины, Чаяновы и другие "деловые" политики зажиточного крестьянства, более или менее открыто проповедующие устряловщину. В каждой губернии, а иногда и в каждом уезде имеются теперь свои маленькие Кондратьевы и Садырины, обладающие кусочком реальной власти и влияния. Другая группа, это – верхушка профсоюзов, держащая курс на наилучше оплачиваемый слой рабочих и служащих. Эта группа, в частности, характеризуется стремлением к сближению с амстердамцами. Она возглавляется тт. Томским, Мельничанским, Догадовым и другими. Между этими группами бывают трения, но обе они объединяются стремлением повернуть линию партии и государства направо как в международной, так и во внутренней политике; обе отличаются пренебрежением к теории ленинизма, тенденцией к отказу от тактики мировой революции.

Второе течение – аппаратно-"центристское". Эта группа имеет своими вождями тт. Сталина, Молотова, Угланова, Кагановича, Микояна, Кирова; это и есть теперешнее фактическое Политбюро. Бухарин, колеб-

ляясь в ту или в другую сторону, "обобщает" политику этой группы. Аппаратно-центристская группа, как таковая, менее всего отражает массовые настроения, но пытается, и не без успеха, подменить собою партию. Слой "управленцев" – в партии, профсоюзах, хозорганах, кооперации, госаппарате – насчитывает ныне десятки тысяч людей. Среди этого слоя немало "рабочей" бюрократии – выходцев из рабочих, ныне оторвавшихся от рабочих масс.

Незачем и говорить, что в органах управления и руководства, имеющих громадное значение для судеб революции, работают многие тысячи стойких революционеров, рабочих, не порвавших связи с массами, отдающих себя целиком рабочему делу. На них и держится действительно коммунистическая работа в этих органах.

Но извращения политической линии и партийного режима, на другом полюсе, порождают многочисленный слой подлинной бюрократии.

Фактически власть этого слоя громадна. Именно этот слой "управленцев" требует "покоя", "деловой работы" – и всегда "против дискуссий". Именно этот слой склонен самодовольно объявлять (и даже иногда искренно считать), что у нас уже "почти социализм", что "девять десятых программы" социалистической революции мы уже якобы выполнили. Этот слой склонен "рассматривать сверху" всю партию, а тем более – неквалифицированных рабочих, безработных, батраков. Этот слой видит главного врага в левых, то есть в революционерах-ленинцах, и дает лозунг "огонь налево".

Пока что группы правой и "центра" сплачиваются общей враждой к оппозиции. Отсечение последней неизбежно ускорило бы борьбу между ними самими.

Третье течение, – так называемая оппозиция. Она представляет собою ленинское крыло партии. Жалкие попытки изобразить ее оппозицией справа (приписывание ей "социал-демократического уклона" и тому подобное) вызваны желанием замазать собственный оппортунизм. Оппозиция за единство партии. Свою собственную программу – "отсечение" – Сталин пускает в ход под фальшивым флагом, будто оппозиция хочет построить "вторую" партию. Оппозиция отвечает на это: единство ленинской ВКП(б) во что бы то ни стало. Платформа оппозиции изложена в настоящем документе. Рабочая часть партии и все подлинные ленинцы-большевики будут за нее.

Личные отходы от оппозиции неминуемы в той труднейшей обстановке, в которой оппозиции приходится бороться за дело Ленина. Отдельные личные перегруппировки в руководящей части всех трех течений еще будут, но они не меняют дела в основном.

XI. Все это, вместе взятое, создает кризис партии. Внутрипартийные разногласия со времени смерти Ленина все больше углубляются и охватывают все больший круг все более коренных вопросов.

Основным настроением партийной массы является стремление к единству. Нынешний режим, однако, мешает ей ясно понять, откуда угрожает действительная опасность единству. Вся же механика Сталина направлена на то, чтобы партийную массу в любом сколько-нибудь важ-

ном и остром вопросе ставить перед выбором: либо отказывайся от своих мнений, либо подпадай под обвинение в расколе.

Наша задача заключается в том, чтобы сохранить единство партии во что бы то ни стало, дать решительный отпор политике раскола, откола, исключений, отсечений и тому подобное – и в то же время обеспечить партии возможность свободно обсудить и разрешить все спорные вопросы в рамках единой партии.

Вскрывая ошибки и ненормальности в нынешнем положении партии, оппозиция глубоко уверена, что основная масса рабочей части партии сумеет, несмотря ни на что, вновь вывести партию на ленинскую дорогу. Помочь ей в этом и есть основная задача оппозиции.

Практические предложения

Необходимо: 1) подготовить XV съезд в порядке действительной внутрипартийной демократии, как это было при Ленине. "Надо, – как писал Ленин, – чтобы все члены партии с полным хладнокровием и величайшей честностью принялись изучать: во-первых, сущность разногласий и, во-вторых, развитие партийной борьбы... надо изучать и то и другое, обязательно требуя точнейших документов, напечатанных, доступных к проверке со всех сторон" (Ленин, т. XVIII. ч. 1, стр. 29). ЦК должен дать возможность всем членам партии изучить и сущность внутрипартийных разногласий и ход развития внутрипартийной борьбы, путем опубликования в печати, в специальных сборниках и тому подобное всех документов, которые до сих пор скрывались от партии.

Каждый товарищ и каждая группа товарищей должны получить возможность защищать свою точку зрения перед партией в печати, на собраниях и так далее. Проекты тезисов (платформ) ЦК, местных организаций, отдельных членов партии и групп членов партии должны публиковаться в "Правде" (или в приложениях к "Правде"), а также в местных партийный газетах, по крайней мере за два месяца до XV партсъезда.

Полемика должна вестись в строго товарищеских деловых рамках, без обострений и преувеличений. Главным лозунгом всей подготовки XV съезда должен быть лозунг единства, не показного, а подлинного ленинского единства ВКП (б) и всего Коминтерна.

2) Необходимо теперь же принять ряд мер для улучшения социального состава партии и ее руководящих органов. С этой целью подтвердить решение XIII съезда о том, что "громадное большинство членов партии в ближайшее время должно состоять из рабочих, занятых непосредственно на производстве". На ближайшие два-три года в партию принимать, как правило, только исключительно рабочих и работниц от станка, батраков и батрачек; из остальных социальных групп принимать в партию лишь по строгому личному отбору; красноармейцев и моряков, если они происходят из рабочих, батраков и бедняков; крестьян-бедняков и маломощных, если они проверены на общественно-политической работе в течение минимум двух лет. Прием выходцев из других партий прекратить.

Необходимо провести решение XIII съезда, на деле отмененное XIV

съездом (вопреки мнению оппозиции), относительно того, что в составе райкомов, губкомов и так далее должно быть не менее 50% рабочих от станка. В промышленных центрах надо добиваться твердого большинства рабочих от станка (не менее 3/4 всего состава). В укомах такого же большинства рабочих, батраков и бедняков.

3) Подтвердить и провести в жизнь резолюции о **внутрипартийной демократии**, принятые X съездом партии, ЦК и ЦКК от 5 декабря 1923 года и XII партконференцией, XIII съездом партии.

Подтвердить от имени всей партии, что, вопреки распространяемым ныне новым антиленинским определениям внутрипартийной демократии (Угланов, Молотов, Каганович, Живов и другие), **"рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни и свободу дискуссий по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху"** (XIII съезд). Привлекать к ответственности всякого, кто на деле нарушает это основное право члена партии.

Как правило, точка зрения партийного меньшинства по любому принципиальному вопросу должна доводиться до сведения всех членов партии через газеты и тому подобное. Исключения возможны, когда дело идет о секретных вопросах. Разумеется, после принятия решения, оно проводится в жизнь с железной большевистской дисциплиной.

Расширить сеть партийных **дискуссионных клубов**, обеспечить в органах партии реальную возможность критики ошибок партийного руководства **(дискуссионные листки, сборники и тому подобное)**.

Отменить все ухудшения устава, внесенные, начиная с XIV съезда (п.п. 25, 33, 37, 42, 50 и т. п.).

4) Взять твердый курс на **орабочение партийного аппарата в целом.** Рабочие от станка, передовые, популярные среди партийных и беспартийных масс пролетарии-коммунисты должны составить **решающее большинство всего партаппарата,** который вовсе **не должен состоять целиком из оплачиваемых лиц и должен регулярно обновляться рабочими.** Бюджет местных организаций (в том числе областных и губернских) должен в основном составляться из **членских взносов.** Местные организации в своих доходах и расходах должны не на словах, а на деле регулярно отчитываться перед партийными массами. Нынешний чрезмерный бюджет партии нужно сократить в несколько раз, как и оплачиваемый аппарат. Можно и должно значительную часть партработы вести бесплатно, возлагая ее на членов партии после производственной или иной работы. Одной из мер регулярного освежения партаппарата должна явиться систематическая отправка части товарищей из аппарата на производство или на низовую работу. Борьба с несменяемостью секретарей. Установление предельного срока для занятия секретарских и других должностей. Беспощадная борьба против прямого разложения и загнивания верхушечных групп, кумовства, "круговой поруки" и т. п. (примеры – Сызрань, Херсон, Иркутск, Чита и т. п.).

5) Еще X партконференция, под руководством Ленина, провела ряд решений в пользу необходимости большего равенства внутри партии

н внутри трудящейся массы. Еще XII съезд партии отметил опасность нэповского перерождения части работников по роду своей деятельности близко соприкасающихся с буржуазной средой. Необходимо "выработать вполне годные практические меры к устранению неравенства (в условиях жизни, в размерах заработка и тому подобное) между спецами и ответственными работниками, с одной стороны, и трудящейся массой, с другой стороны, поскольку это неравенство нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов (резолюция X партконференции, п. 18). Имея в виду, что неравенство за последние годы росло чрезвычайно быстрым темпом, необходимо вопрос этот поставить "по-революционному".

6) Необходимо реорганизовать партийную учебу на основе изучения трудов Маркса, Энгельса и Ленина, изгоняя из обихода подделки марксизма-ленинизма, фабрикуемого ныне в массовом масштабе.

7) Необходимо немедленно вернуть в партию исключенных оппозиционеров.

8) Необходимо перестроить ЦКК действительно в духе указаний Ленина. Члены ЦКК должны быть:

а) связаны с массами,

б) независимы от "аппарата",

в) авторитетны для партии.

Только тогда станет возможным полное восстановление доверия к ЦКК и будет поднят на должную высоту ее авторитет.

9) При составлении ЦК, ЦКК и их органов необходимо руководствоваться указаниями Ленина, изложенными в письмах его от 26 декабря 1922 года, от 25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года (завещание). Эти письма должны быть опубликованы к сведению всех членов партии. "В число рабочих – членов ЦК – должны войти преимущественно рабочие, стоявшие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в числе советских служащих, – писал Ленин в письме от 26 декабря 1922 г., – и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян, которые, однако, не попадают в разряд прямо или косвенно эксплоататоров... Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по-моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу... потому что у этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться".

Эти письма Ленина написаны в тот же период, когда он давал партии свои последние, до конца взвешенные, советы по основным вопросам революции ("Лучше меньше – да лучше", "Как нам реорганизовать Рабкрин", "О кооперации").

XV съезд нашей партии должен подобрать ЦК именно под углом зрения вышеупомянутых указаний Ленина.

VIII. КОМСОМОЛ

Неверный политический курс и организованный нажим целиком и полностью, иногда в усиленном размере, перенесены в комсомол. Интерна-

циональное воспитание рабочей молодежи все более и более отодвигается на задний план. Всякая критическая мысль заглушается и преследуется. Для руководства комсомольской организацией требуется со стороны партаппарата прежде всего "послушание" и готовность травить оппозицию. Пролетарская часть низового актива, в основном здоровая, совершенно обезличивается таким режимом. Ошибочная политика, проводимая сверху, в еще большей мере, чем в партии, открывает в комсомоле дорогу мелкобуржуазным влияниям.

За последние годы комсомол количественно быстро возрастал, но за счет ухудшения его социального состава. Со времени XIII съезда партии пролетарское ядро внутри союза снизилось с 40,1% до 34,4%, а охват рабочей молодежи на заводах – с 49,8% до 47%. Уменьшается политическая активность молодых рабочих.

В этих условиях грубейшей ошибкой, способной лишь усилить разобщение между комсомолом и массами рабочей молодежи, является ряд последних решений, ухудшающих, вопреки постановлениям XIV съезда партии, положение рабочей молодежи (сужение брони, особая тарифная сетка для учеников, сокращение приема в школы фабзавуча; сюда же относится попытка введения бесплатного ученичества).

Комсомол в деревне все более теряет свою батрацко-бедняцкую опору. Культурно-экономическая работа в деревне устремляется, главным образом, по линии развития индивидуального хозяйства. Удельный вес бедноты систематически падает повсюду – в общем составе деревенских ячеек, в активе, в партядре. Наряду с непрерывным ослаблением притока рабочей молодежи в городе, комсомол в деревне пополняется все больше из середняцко-зажиточных слоев.

Как в городе, так и в деревне растет в комсомоле стремление к захвату руководства мелкобуржуазными элементами: все более значительную роль внутри союза, особенно в деревенских организациях, играет группа служащих и "прочих".

36% всех вступающих в партию выходят из среды комсомола ("Правда", 14 июля 1927). Между тем, внутри партийного ядра КСМ от 1/4 до 1/3 составляют "прочие"; деревенская часть партядра быстро осередняичивается (20% середняков в 1925 году, 32,5 – в 1927 году) за счет доли батраков и бедноты. Таким образом, комсомол постепенно превращается в один из источников разжижения партии мелкобуржуазными элементами.

Чтобы предотвратить дальнейшее ослабление руководящей роли пролетарского ядра, оттеснение его на второй план выходцами из интеллигенции, служащих и зажиточных слоев деревни, что неминуемо должно было бы повести за собой мелкобуржуазное перерождение комсомола, необходимо:

1) Немедленно ликвидировать начавшуюся отмену революционных завоеваний в области труда и образования рабочей молодежи, отменить все новейшие решения, ухудшающие условия ее труда. В этом одна из важнейших предпосылок для борьбы с болезненными явлениями в комсомоле (пьянство, хулиганство и тому подобное).

2) По мере роста общего благосостояния рабочего класса, систематически и неуклонно поднимать материальный и культурный уровень рабочей молодежи путем повышения зарплаты, расширения сети школ фабзавуча и профтехнических курсов, повышения квалификации рабочего юношества.

3) Добиться выполнения решений прежних съездов партии и комсомола о вовлечении в комсомол 100% рабочей молодежи города и деревни (батраки) в течение ближайших лет.

4) Усилить не на словах, а на деле работу по вовлечению в союз бедняцкой молодежи.

5) Вовлекать в союз маломощных середняков, а из остальной части середняков тех, кто проверен на общественной работе, особенно в деле борьбы против кулака.

6) Усилить защиту интересов бедноты, направляя работу комсомола по строительству новой деревни не в сторону индивидуального обогащения, а по руслу кооперирования и коллективизации сельского хозяйства.

7) Улучшить социальный состав партядра, допуская на ближайшие два года вербовку из рабочих, батраков и бедняков.

8) Решительными мерами орабочить руководящее ядро комсомольских органов, систематически привлекая к делу руководства батраков и бедняков. Установить, что в крупных пролетарских центрах губкомы, райкомы и бюро губкомов и райкомов комсомола в подавляющем большинстве должны состоять из рабочих от станка, причем последние должны быть действительно втянуты в руководящую работу.

9) Повести серьезную борьбу против бюрократизма. Решительно сократить оплачиваемый аппарат, сведя его к безусловно необходимому минимуму, введя, по крайней мере, наполовину, а в промышленных центрах — на три четверти применение бесплатной работы членов союза для союза, шире привлекая к выполнению союзных обязанностей рядовых членов комсомола.

10) Культурно-просветительная работа КСМ должна развиваться в тесной связи с активным повседневным участием союза в общеполитической (советы, профсоюзы, кооперация) и партийной жизни.

11) Изгнать отупляющую казенщину, штампованную "проработку", лживые и невежественные шпаргалки, ввести серьезное изучение марксизма-ленинизма на основе живого обсуждения, товарищеского обмена мнений, действительного, а не показного усвоения знаний.

12) Ввести не на словах, а на деле режим комсомольской демократии, уничтожить зажим, прекратить преследования и изгнания из союза инакомыслящих по партийным и комсомольским вопросам. Строго соблюдать уставные сроки созыва районных, уездных, губернских и так далее конференций и съездов.

IX. НАШЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОПАСНОСТЬ НОВОЙ ВОЙНЫ

Положение СССР на мировой арене

Война империалистов против СССР не только вероятна, но и неизбежна. Отсрочить эту опасность, выиграть как можно больше времени для укрепления СССР и революционного сплочения международного пролетариата должно составлять одну из важнейших практических задач. Предотвратить эту опасность могла бы только победоносная пролетарская революция в решающих странах.

Самая возможность мировой войны надвигается потому, что 1) несколько лет борьбы капитализма за свое укрепление и достигнутые частичные успехи для этой борьбы сделали самым жгучим вопросом для решающих капиталистических государств **вопрос о рынках**; 2) империалистская буржуазия убедилась в несомненном росте хозяйственной мощи СССР, увидела, что диктатура пролетариата, огражденная монополией внешней торговли, не даст капиталистам "свободного" рынка в России; 3) империалистская буржуазия спекулирует на **внутренних трудностях** СССР; 4) поражение революции в Китае, как и предшествовавшие поражения английских забастовок, внушают империалистам надежду, что им удастся сокрушить СССР.

Разрыв дипломатических отношений Англии с СССР подготовлялся давно, но именно поражение китайской революции ускорило его. В этом смысле разрыв есть расплата за отказ ЦК ВКП от действительно большевистской политики в Китае. Было бы совершенно ошибочным предполагать, что дело сведется ныне только к изменению **формы** торговли между Англией и нами ("торговать, как торгуем с Америкой"). Теперь уже совершенно ясно, что империалистская Англия имеет более широкий план действий. Она готовит войну против СССР, имея "моральный мандат" буржуазии нескольких стран, рассчитывая так или иначе вовлечь в войну против нас Польшу, Румынию, Прибалтийские страны, быть может, Югославию, Италию, Венгрию и так далее.

Польша, по всей видимости, предпочла бы получить еще некоторый срок на подготовку войны против нас. Но не исключено, что Англия заставит ее воевать и раньше.

Во Франции английское давление в сторону единого фронта против СССР встречает поддержку со стороны влиятельной части буржуазии, которая становится все непримиримее в своих требованиях и, конечно, в удобный для себя момент не остановится перед разрывом.

Чем больше юлит германская дипломатия в последнее время, тем яснее становится, что на деле **"ориентация Германии устремляется на Запад"**. Германские буржуа уже открыто говорят, что в войне против СССР Германия, быть может, вначале останется "нейтральной" (наподобие Америки в 1914 году) – с тем, чтобы побольше нажиться на войне, а затем за дорогую цену открыто продать свой нейтралитет западным империалистам. Ничего не может быть вреднее для коренных интересов

СССР, как замазывание перехода германской буржуазии к западной "ориентации", ибо неожиданный для нас удар буржуазной Германии может получить решающее значение. Только открытое "высказывание того, что есть", только пробуждение бдительности рабочих СССР и рабочих Германии может оградить нас от этого удара или, по крайней мере, затруднить для германской буржуазии нанесение его.

Японская буржуазия маневрирует в отношении СССР не менее искусно, нежели германская. Она ловко заметает следы, прикидываясь "другом". Она даже задержала на время захват КВЖД Чжан Цзолинем. Но она исподволь натягивает вожжи в Китае и может скоро скинуть маску по отношению к нам.

На Ближнем Востоке (Турция, Персия) мы, во всяком случае, не завоевали такого положения, которое обеспечило бы СССР хотя бы твердый нейтралитет в случае нападения на нас империалистов. Скорее следует ожидать в таком случае, что правительства этих государств, под давлением империалистов, склонны будут оказывать им необходимые услуги против СССР.

При нападении на нас, Америка, сохраняющая полностью свое непримиримое отношение к СССР, представит империалистский "тыл", значение которого будет тем больше, что именно она может обеспечить финансирование войны против СССР.

Итог: если годы 1923–25 были годами признаний нас рядом буржуазных государств, то теперь надвигается период разрывов. Признания периода 1923–25 годов сами по себе не означали, что мир обеспечен, что передышка прочна. Разрывы нынешнего периода сами по себе еще не обозначают, что война неизбежна в самом ближайшем времени. Но, что мы вошли в новую полосу крайнего обострения международной обстановки, чреватой нападением на СССР, это несомненно.

Противоречия внутри капиталистического мира велики. Осуществление единого фронта мировой буржуазии против нас на длительный срок крайне затруднительно. Но частичное объединение нескольких буржуазных государств против нас на некоторый срок вполне возможно.

Все это, вместе взятое, должно побудить нашу партию:

1) признать международное положение опасным;

2) снова выдвинуть перед самыми широкими массами на передний план вопросы международной политики;

3) вести самым напряженным образом всестороннюю подготовку обороны СССР на случай войны.

Партии буржуазии, в том числе официальная социал-демократия, будут всячески стараться обмануть народ насчет истинного характера той войны, которую империализм готовит против СССР. Наша задача заключается в том, чтобы уже сейчас разъяснять широчайшим массам народов всего мира, что это будет война империалистов и рабовладельцев против первого государства пролетарской диктатуры, война капитализма против социализма. В этой войне империалистская буржуазия будет по существу дела бороться за интересы сохранения всей системы капиталистического наемного рабства, а СССР – за интересы международного пролетариата, всех колониальных, полуколониальных и порабощенных стран, за дело

международной революции и социализма.

Уже сейчас вся наша работа должна вестись под лозунгами: 1) Долой войну империалистов против государства пролетарской диктатуры. 2) Превращение империалистской войны в гражданскую во всех государствах, воюющих против СССР. 3) Поражение всех буржуазных государств, воюющих против СССР – каждый честный пролетарий капиталистической страны должен активно работать для поражения "своего" правительства. 4) Переход на сторону Красной армии каждого иностранного солдата, который не хочет помогать рабовладельцам "своей" страны – СССР есть отечество всех трудящихся. 5) Лозунг "защиты отечества" будет фальшивым прикрытием интересов империализма во всех буржуазных странах, кроме колониальных и полуколониальных стран, ведущих национально-революционную войну против империалистов. В СССР лозунг защиты отечества будет правдой, ибо мы защищаем социалистическое отечество и базу мирового рабочего движения. 6) Мы – оборонцы с 25 октября 1917 года. Наша "отечественная" (Ленин) война будет войной "за советскую республику, как отряд всемирной армии социализма", "наша "отечественная" война не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции" (Ленин). Наша защита отечества есть защита диктатуры пролетариата. Нашу войну поведет рабочий и батрак с опорой – бедняком, с союзником – середняком и против "своего" кулака, нового буржуа, бюрократа, устряловского спеца, белого эмигранта. Наша война действительно справедливая война. Кто не оборонец по отношению к СССР, тот безусловный изменник международному пролетариату.

Поражение китайской революции и его причины

Поражение китайской революции изменяет реальное соотношение сил в пользу империализма, разумеется, лишь временно. Новые революционные бои, новая революция в Китае неизбежны. За это ручается вся обстановка.

Свое собственное банкротство оппортунистические руководители пытаются задним числом объяснить так называемым "объективным соотношением сил", забывая свои вчерашние предсказания насчет близкой социалистической революции в Китае, которая должна была вырасти из того же самого соотношения сил.

Что решило неблагоприятный на данной стадии исход китайской революции, так это в корне ошибочная линия руководства ВКП и всего Коминтерна, приведшая прежде всего к тому, что в решающий период в Китае на деле не оказалось настоящей большевистской партии. Сваливать теперь вину на одних китайских коммунистов и поверхностно и недостойно.

Мы имели в Китае классический опыт применения меньшевистской тактики буржуазно-демократической революции. Вот почему китайский пролетариат не только не добился своего победоносного "1905 года" (Ленин), но сыграл пока что в основном ту же роль, какую европейский пролетариат играл в революциях 1848 года.

Своеобразие китайской революции в нынешней международной обстановке заключается отнюдь не в наличии в Китае якобы "революционной" либеральной буржуазии, надежда на которую лежала в основе всей линии Сталина – Мартынова – Бухарина, а в следующем:

1. Китайское крестьянство, более задавленное, чем русское при царизме, стонущее под игом не только своих, но и чужеземных угнетателей, могло подняться и поднялось сильнее, чем русское крестьянство в период революции 1905 года.

2. Лозунг Советов, выдвинутый Лениным для Китая еще в 1920 году, имел безусловную почву в китайских условиях 1926–27 годов. Советы в Китае могли стать формой сплочения сил крестьянства под руководством пролетариата, действительными органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а значит, и органами действительного отпора буржуазному Гоминдану и вышедшим из его недр китайским кавеньякам.

Учение Ленина о том, что буржуазно-демократическая революция может быть доведена до конца лишь союзом рабочего класса и крестьянства (под руководством первого) против буржуазии, не только применимо к Китаю и к аналогичным колониальным и полуколониальным странам, но именно и указывает единственный путь к победе в этих странах.

Из всего этого следует, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, вылившаяся в форму Советов в Китае в нынешнюю эпоху империалистических войн и пролетарских революций, при наличии СССР, имела бы все шансы сравнительно быстрого перерастания в социалистическую революцию.

Вне этого остается лишь меньшевистский путь союза с либеральной буржуазией, неминуемо ведущий к поражению рабочего класса – что и произошло в 1927 году в Китае.

Все решения II и IV всемирных конгрессов Коминтерна о Советах на Востоке, о полной самостоятельности рабочих коммунистических партий в странах национально-революционного движения, о союзе рабочего класса с крестьянством против "своей" буржуазии и чужого империализма – все это было забыто.

Резолюция VII расширенного ИККИ (ноябрь 1926 года) не только не дала правильной ленинской оценки уже грандиозно разворачивающимся событиям в Китае, но целиком сбивалась на меньшевистскую линию Мартынова. В этой резолюции, как это ни невероятно, ничего не сказано: о первом контрреволюционном перевороте Чан Кайши в марте 1926 года; о расстрелах рабочих и крестьян и других репрессиях, производившихся летом и осенью 1926 года в ряде мест кантонскими властями; о принудительном арбитраже, направленном на деле против рабочих; о подавлении рабочих стачек кантонским правительством, о покровительстве кантонского правительства желтым "рабочим" организациям предпринимателей; об усилиях кантонского правительства, направленных на то, чтобы придушить крестьянское движение, обхаркать его, не дать ему развиться и подняться. В резолюции VII пленума ИККИ нет лозунга поголовного вооружения рабочих; нет призыва к борьбе с контрреволюционным

комсоставом, а войска Чан Кайши изображаются в нем как революционные армии; в ней не дан лозунг создания ежедневной коммунистической печати и не сказано точно, ясно, полным голосом о необходимости подлинной самостоятельности киткомпартии. В довершение всего, VII расширенный ИККИ толкнул коммунистов на вхождение в национальное правительство, что, при создавшейся обстановке, принесло величайший вред.

В резолюции ИККИ говорится, что "аппарат национально-революционного правительства (то есть правительства Чан Кайши) дает весьма действительный путь для приближения к крестьянству". И тут же предсказывается (в ноябре 1926 года), что "даже некоторые слои крупной буржуазии(?) могут еще известное время идти вместе с революцией".

Резолюция VII пленума умолчала о том, что ЦК киткомпартии после марта 1926 года принял на себя обязательство не критиковать сунятсенизма, отказался от самых элементарных прав самостоятельной рабочей партии, выставил кадетскую аграрную программу, наконец, что секретарь ЦК тов. Чен Дусю в открытом письме от 4 июля 1926 года признал сунь-ятсенизм "общей верой" рабочих и буржуазии в национальном движении.

В это же, приблизительно, время ответственнейшие русские товарищи давали советы в том смысле, что развитие гражданской войны в деревне может ослабить боеспособность Гоминдана. Другими словами, налагали запрет на развитие аграрной революции.

5 апреля 1927 года, когда обстановка, казалось бы, уже совершенно выяснилась, тов. Сталин на собрании московского партийного актива в Колонном зале заявляет, что Чан Кайши является борцом против империализма, что Чан Кайши подчиняется дисциплине Гоминдана и является, таким образом, нашим надежным союзником.

В середине мая 1927 года, когда обстановка еще более определилась, тов. Сталин объявляет, что Гоминдан в Ухане есть "революционный Гоминдан", очищенный от правых гоминдановцев революционный центр".

VIII расширенный пленум ИККИ (май 1927 года) не находит в себе сил исправить все эти меньшевистские ошибки.

Оппозиция вносит на VIII пленум ИККИ следующее предложение:

"Пленум поступил бы правильно, поставив крест на резолюцию Бухарина и заменив ее резолюцией из нескольких строк:

Крестьянам и рабочим не верить вождям левого Гоминдана, а строить свои Советы, объединяясь с солдатами. Советам вооружить рабочих и передовых крестьян. Коммунистической партии обеспечить свою полную самостоятельность, создать ежедневную печать, руководить созданием Советов. Земли у помещиков отбирать немедленно. Реакционную бюрократию искоренять немедленно. С изменяющими генералами и вообще с контрреволюционерами расправляться на месте. Общий курс держать на установление демократической диктатуры через Советы рабочих и крестьянских депутатов".

Попытка со стороны оппозиции предупредить партию о том, что "Гоминдан в Ухане" совсем не является революционным Гоминданом, объявляются Сталиным и Бухариным "борьбой против партии", "нападением на китайскую революцию" и так далее.

Фактические сообщения о действительном ходе революции и контрреволюции в Китае скрывались и извращались. Дело дошло до того, что центральный орган нашей партии ("Правда", от 3 июля 1927 года) сообщал о разоружении рабочих китайскими генералами под заголовком "братание солдат с рабочими".

Глумясь над учением Ленина, Сталин доказывал, будто дать лозунг Советов в Китае", это значит дать лозунг о немедленном переходе к диктатуре пролетариата", между тем, как на самом деле Ленин выдвигал уже в революцию 1905 года лозунг Советов, как органов демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Вовремя выдвинутый оппозицией лозунг Советов для Китая вызвал со стороны Сталина и Бухарина обвинение в "пособничестве контрреволюции" и тому подобное. Когда же очаги рабочего и крестьянского движения были разгромлены "нашими" "революционными" генералами, Сталин и Бухарин, для прикрытия своего банкротства, неожиданно выдвинули лозунг Советов для Китая, чтобы назавтра же его забыть.

Сначала компартия объявлялась "образцовой секцией Коминтерна" и малейшая критика со стороны оппозиции – в момент, когда ошибки еще можно было исправить – подавлялась и объявлялась "злостным нападением" на компартию. Затем, когда банкротство Мартынова – Сталина – Бухарина стало явным, всю вину попытались свалить на молодую компартию.

Сначала ставка на Чан Кайши, потом ставка на Тан Шенчи, затем ставка на Фын Юйсяна, затем ставка на "верного" Ван Тинвея. Все эти вешатели рабочих и крестьян поочередно объявлялись "борцами против империализма" и "нашими" союзниками.

Меньшевистская политика увенчивается теперь откровенным выхолащиванием революционного содержания из учения Ленина. Сталин, Бухарин и "школа молодых" заняты тем, что "доказывают", будто учение Ленина о национально-революционных движениях сводится к проповеди "союза с буржуазией".

Еще в 1920 году, на II конгрессе Коминтерна, Ленин сказал:

> "Между буржуазией эксплоатирующих и колониальных стран произошло известное сближение, так что очень часто, пожалуй, в большинстве случаев, буржуазия угнетенных стран, хотя она и поддерживает национальное движение, в то же время в согласии с империалистской буржуазией, то есть вместе с нею борется против всех революционных движений и революционных классов" (т. XVII, стр. 275).

Такими словами заклеймил бы Ленин теперь людей, осмеливающихся ссылаться на него в оправдание своей меньшевистской политики союза с Чан Кайши и Ван Тинвеем – об этом сказал сам же Ленин в марте 1917 года.

> "Наша революция буржуазная, поэтому рабочие должны поддерживать буржуазию, – говорят никуда не годные политики из лагеря ликвидаторов. Наша революция, – говорим мы, марксисты, – поэтому рабочие должны раскрыть глаза народу на

обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на свои силы, на свою организацию, на свое объединение, на свое вооружение" (т. XIV, ч. I, стр. 11).

Нет большего преступления перед международным пролетариатом, как попытка представить теперь Ленина апостолом "союза с буржуазией".

В истории революционной борьбы редко можно найти случаи, когда марксистское предвидение подтвердилось так быстро и так точно, как подтвердились взгляды оппозиции на проблемы китайской революции в 1926–27 годах.

Изучение хода развития китайской революции и причин ее поражения является насущным делом для коммунистов всего мира. Эти вопросы завтра же станут, как вопросы жизни и смерти для рабочего класса не только в Китае, но и в Индии и в других странах Востока, – а тем самым и для всего международного пролетариата. В спорах по этим вопросам, затрагивающим самые основы марксистского мировоззрения, будут формироваться подлинные большевистские кадры грядущих революций.

Частичная стабилизация капитализма и тактика Коминтерна

Одно из основных положений большевизма гласит, что начатая мировой войной и нашей революцией эпоха есть эпоха социалистической революции. Коммунистический Интернационал был создан, как "партия мировой революции". Признание этого входило в состав "21 условия", и прежде всего по этой линии размежевывались коммунисты с социал-демократами", "независимыми" меньшевиками всех сортов и видов.

Признание того, что война и Октябрь открыли собою эпоху мировой революции, разумеется, вовсе не означает, что в каждый данный момент имеется налицо непосредственно революционная ситуация. В известные периоды, в отдельных странах и в отдельных отраслях производства "умирающий капитализм" (Ленин) способен частично восстанавливать хозяйство и даже развивать производительные силы. Эпоха мировой революции знает свои периоды подъема и упадка. Громадную роль в этом отношении играет боеспособность рабочего класса и его партии, степень влияния контрреволюционной социал-демократии, правильное руководство Коминтерна. Но приливы и отливы не меняют основной ленинской оценки нынешней исторической эпохи, взятой в целом. Только эта оценка может лежать в основе революционной стратегии Коминтерна.

Между тем, в результате ряда поражений международного революционного движения и выросших отсюда упадочных настроений, группировка Сталина, незаметно для самой себя, пришла к совершенно "новой", по существу, социал-демократической оценке нынешней эпохи. Вся "теория" социализма в одной стране исходит в основе своей из допущения того, что "стабилизация" капитала может длиться ряд десятилетий. Вся эта "теория" есть, и по существу является продуктом гнилых "стабилизационных" настроений. Не случайно "теорию" социализма в одной стране приветствовали правые и левые эсеры. Чернов именно по этому поводу

6*

писал о "комнародничестве" Сталина и Бухарина. Орган "левых" эсеров писал: "Сталин и Бухарин постановляют, совсем, как народники, что может победить социализм в одной стране" ("Знамя борьбы", № 18–17, 1926 год). Эсеры поддерживают эту теорию именно потому, что видят в ней отказ от тактики мировой революции.

В резолюции XIV съезда, принятой по докладу тов. Сталина, явно неправильно говорится: "В области международных отношений налицо закрепление и расширение "передышки", превратившейся в целый период" (протоколы XIV съезда, стр. 957).

На VII расширенном пленуме ИККИ Сталин в докладе 7 декабря 1926 года построил всю политику Коминтерна на той же, в корне неверной, оценке мирового положения (стенографический отчет, стр. 12). Эта оценка уже оказалась явно неправильной.

Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК (июль–август 1927 года) говорит уже о технической, экономической и политической стабилизации капитализма без всяких ограничений. Это еще больше сближает сталинскую оценку мирового положения с оценкой вождей Второго Интернационала Отто Бауэра, Гильфердинга, Каутского и других.

Со времени XIV съезда прошло полтора года с небольшим. За это время произошли – если брать только важнейшие события – всеобщая стачка в Англии, гигантские события китайской революции, рабочее восстание в Вене. Все эти события, с неотвратимой силой заложенные в условиях нынешней "стабилизации", говорят о том, что много взрывчатого материала накоплено капитализмом, как непрочна его "стабилизация". Все эти события бьют в лоб "теорию" социализма в одной стране.

Оборотной стороной "стабилизации капитализма является 20 миллионов безработного населения, колоссальная недогрузка производственного аппарата, бешеный рост вооружений, крайняя неустойчивость мировых хозяйственных связей. Ничто в такой мере не обнажает шаткость надежд на длительный мирный период, как нависшая над Европой новая опасность войны. О стабилизации "на десятилетия" фантазирует мелкий буржуа, ослепленный "победой" капитализма над рабочими, ослепленный техническими, экономическими и политическими успехами капитализма. Между тем, действительность развивается в сторону войны, то есть взрыва всякой "стабилизации". А рабочий класс и угнетенные народные массы Востока раз за разом пытаются силой свалить эту "стабилизацию" – то в Англии, то в Китае, то в Австрии. Всеобщая стачка в Англии – и всего пять тысяч членов английской компартии. Восстание рабочих в Вене с таким количеством жертв, которых хватило бы на целую революцию, – и всего шесть тысяч членов австрийской компартии. Военный подъем рабоче-крестьянских масс в Китае, – а ЦК киткомпартии оказывается придатком к буржуазной верхушке Гоминдана. Вот самое кричащее противоречие нынешней мировой обстановки. Вот что поддерживает и затягивает "стабилизацию" капитализма.

Величайшая задача состоит в том, чтобы помочь коммунистическим партиям подняться до уровня тех гигантских требований, которые предъявляет к ним нынешняя эпоха. Это предполагает прежде всего

правильное понимание характера мировой обстановки со стороны самого Коминтерна.

Наша международная коммунистическая партия (Коминтерн) должна поставить себе задачей сплотить весь международный рабочий класс для борьбы за предотвращение войны, для защиты СССР, для превращения империалистской войны в войну за социализм. С этой целью рабочий-коммунист прежде всего должен завоевывать революционно настроенного рабочего некоммуниста, беспартийного, социал-демократа, синдикалиста, анархиста, тред-юниониста, а также того честного рабочего, который входит еще в чистобуржуазную организацию. "Под единым рабочим фронтом следует разуметь единство всех рабочих, желающих бороться против капитализма, стало быть, и рабочих, идущих еще за анархистами-синдикалистами и тому подобное. В романских странах число таких рабочих еще значительно". Так постановил IV конгресс Коминтерна при Ленине. Это постановление сохраняет все свое значение и сейчас.

Уже сейчас своими действиями руководящие круги Второго Интернационала и Амстердама обнаруживают, что их поведение в будущей войне подлостью и предательством превзойдет их роль в 1914–1918 годах. Поль Бонкур (Франция) проводит закон, авансом выдающий рабочих с головой буржуазным диктаторам во время войны. Генсовет (Англия) защищает убийц Войкова и благословляет посылку войск в Китай. Каутский (Германия) зовет к вооруженному восстанию против советской власти в России, а ЦК германской социал-демократии организует "гранатную кампанию". Социал-демократические министры Финляндии, Латвии, руководители ППС в Польше "всегда готовы" поддержать войну против СССР. Вожди американских официальных профсоюзов выступают как самые заядлые реакционеры, борясь явно против признания СССР. Балканские "социалисты" поддерживают вешателей "своих" рабочих и всегда поддержат поход против "чужого" СССР. Австрийские социал-демократические вожди на словах "за СССР", но люди, которые помогли своим фашистам утопить в крови рабочее восстание в Вене, конечно, в решающий момент будут за капиталистов. Русские меньшевики и эсеры не поддерживают интервенцию против СССР только до тех пор, пока нет сильных интервентов. Вожди так называемых "левых" социал-демократов, прикрывающие контрреволюционную сущность социал-демократии, представляют собой главную опасность – ибо больше всех мешают рабочим, идущим еще за социал-демократами, решительно порвать с агентами буржуазии в рабочем движении. Столь же предательскую роль играют бывшие члены Коминтерна (как Кац, Шварц, Корш, Розенберг), которые через ультралевизну пришли к разрыву с коммунизмом.

Заигрывание с насквозь антиреволюционной (во всех ее оттенках, от откровенно правых до якобы "левых") социал-демократической верхушкой становится особенно опасным по мере приближения войны. Тактика единого фронта никоим образом не должна толковаться как блок с предательским Генсоветом, сближение с Амстердамом, ибо такая политика ослабляет, запутывает рабочий класс, поднимает авторитет несомненных предателей и мешает максимальному сплочению наших собственных сил.

Неправильный сталинский курс "огня налево" привел за последние 1–2 года к тому, что в руководстве важнейшими секциями Коминтерна преобладающая роль перешла, вопреки воле рабочих-коммунистов, в руки правого крыла (Германия, Польша, Чехословакия, Франция, Англия, Италия).

Политика руководящих правых групп, направленная на отсечение всего левого крыла Коминтерна, ослабляет силы Коминтерна и готовит величайшие опасности. В частности, отсечение группы Урбанса в Германии продиктовано именно политикой отсечения всего левого крыла Коминтерна. Придираясь к отдельным резкостям в полемике левых, вызванных тем, что сторонников Урбанса–Маслова недобросовестно травят, как "ренегатов", "контрреволюционеров", "агентов Чемберлена" и тому подобное, группа Сталина упорно толкает германских левых на путь второй партии, упорно добивается того, чтобы раскол в рядах германских коммунистов стал окончательным фактом.

В действительности группа Урбанса по всем основным вопросам международного рабочего движения отстаивает взгляды Ленина. Она защищает и в решающую минуту, несомненно, будет до конца защищать СССР. Она включает в себя сотни старых кадровых рабочих-большевиков, связанных с широкими массами рабочих. Ей симпатизируют многие тысячи рабочих коммунистов, остающихся членами КП Германии.

Возвращение в Коминтерн всех тех исключенных товарищей, которые признают решения конгрессов Коминтерна, группы Урбанса, в первую голову, есть первый шаг к исправлению сделанных Сталиным шагов к расколу Коминтерна.

В "Детской болезни" Ленин, разоблачая ошибки действительной "ультралевизны", писал, что главным врагом большевизма внутри рабочего движения остается "оппортунизм". "Этот враг и остается главным в международном масштабе" (Ленин, т. XVII, стр. 194). На Втором всемирном Конгрессе Ленин прибавлял к этому: "по сравнению с этой задачей, исправление "ошибок" левого течения в коммунизме будет задачей легкой" (т. XVII, стр. 26).

Говоря о "левых", Ленин имел в виду ультралевых, между тем, как Сталин, говоря теперь о борьбе против ультралевых, имеет в виду революционеров-ленинцев.

Решительная борьба с правым оппортунистическим движением, как с главным врагом, и исправление ошибок "левого течения". К этому звал Ленин. К этому зовем и мы, оппозиционеры.

Сила "социалистического оппортунизма в последнем счете есть сила капитализма. Когда в первые годы после военного кризиса (1918–1921 годы) капитализм быстро катился в пропасть, с ним вместе ослабевала и падала официальная социал-демократия. Годы частичной стабилизации капитализма приносят с собой временное усиление социал-демократии. Поражение итальянских рабочих в 1920–21 годах, германского пролетариата в 1921–23 годах, поражение великих стачек в Англии в 1926 году и поражение китайского пролетариата в 1927 году, каковы бы ни были их причины, сами становятся причиной временного снижения революционного настроения в верхних слоях пролетариата, усиливают на известный

период социал-демократию за счет коммунистической партии и внутри компартии дают временный перевес правому крылу за счет левого. Роль рабочей аристократии, рабочей бюрократии и мелкобуржуазных попутчиков в такие периоды особенно велика и особенно реакционна.

В той или другой степени эти процессы не могут не задеть и ВКП. Аппаратный "центр" открывает "огонь" исключительно налево и механическими средствами создает новое соотношение сил еще более в ущерб левому ленинскому крылу. Создается положение, при котором на деле голосует не партия, а лишь партаппарат.

Таковы общие причины, в силу которых временно ослабело влияние ленинского крыла на направление политики Коминтерна, ВКП и советского государства, тогда как от имени Коминтерна все больше и все громче выступают правые, полусоциалдемократические элементы, которые после Октября были еще в лагере врагов, а затем были допущены в ряды Коминтерна, скорее на положении испытуемых (Мартынов, Шмераль, Рафес, Д. Петровский, Пеппер и другие), или авантюристы, вроде Гейнц Неймана и ему подобных. Но в массах накопляются уже элементы нового сдвига влево, нового революционного подъема. Оппозиция теоретически и политически подготовляет этот завтрашний день.

Важнейшие выводы

1. В кругах руководящего большинства, под влиянием англо-русского разрыва и других трудностей, международных и внутренних, ныне вынашивается такой, примерно, "план": 1) признать долги; 2) более или менее ликвидировать монополию внешней торговли; 3) уйти из Китая, то есть отказаться "на время" от поддержки китайской революции и вообще национально-революционных движений; 4) внутри страны – правый "маневр", то есть еще некоторое расширение нэпа. Этой ценой надеются уничтожить опасность войны, улучшить международное положение СССР и устранить (или ослабить) внутренние трудности. Весь этот "план" строится на той же оценке, будто стабилизация капитализма обеспечена на десятки лет.

На деле это означало бы не "маневр", а при нынешней обстановке полную капитуляцию советской власти: через "политический нэп", "неонэп" – назад к капитализму.

Империалисты приняли бы все уступки и тем скорее перешли бы к новому натиску, вплоть до войны. Кулак, нэпман и бюрократ, приняв к сведению сделанные уступки, тем настойчивее стали бы организовывать все антисоветские силы против нашей партии. Такая "тактика" с нашей стороны дала бы теснейшую смычку нашей новой буржуазии с буржуазией иностранной. Экономическое развитие СССР попало бы под полный контроль международного капитала; займов на грош, а кабалы на целковый. А рабочий класс и основная масса крестьянства стали бы утрачивать веру в мощь советской власти, веру в то , что советская власть знает, куда она ведет народ.

Попытаться "откупиться" от войны, если это будет возможно, мы обязаны. Но именно для этого мы должны быть сильны, едины, незыбле-

мо отстаивать тактику мировой революции, укреплять Коминтерн. Только тогда есть серьезные шансы добиться возможно более длительной отсрочки войны такой ценой, которая ни в какой мере не подрывает основ советской власти, а в случае неизбежности войны – получить поддержку международного пролетариата и победить.

Ленин допускал известные экономические уступки империалистам, чтобы откупиться от войны, или привлечь на приемлемых условиях иностранный капитал. Но ни при каких условиях, ни даже в самые тяжелые моменты революции Ленин не допускал и мысли об отмене монополии внешней торговли, о предоставлении политических прав кулаку, об ослаблении поддержки мировой революции, об ослаблении тактики мировой революции вообще.

Необходимо прежде всего, целиком и полностью подтвердить и укрепить **курс на международную революцию** и дать решительный отпор всем "стабилизационным" мнимо-"государственным" настроениям, сводящимся к тому, что вообще не надо де было "влезать в Китай", что надо "поскорей уйти из Китая", что если мы будем вести себя "разумно", то "нас оставят в покое" и так далее. "Теория" социализма в одной стране теперь играет уже прямо разлагающую роль и явно мешает сплочению сил международного пролетариата вокруг СССР, ибо убаюкивает рабочих других стран, притупляя у них сознание опасности.

2. Столь же важное значение имеет задача – **сплотить ряды нашей партии,** положить конец прямой спекуляции империалистической буржуазии и вождей социал-демократии на раскол, откол, "отсечение" и тому подобное. Это имеет самое прямое отношение к вопросу о войне, ибо теперь "прощупывание" нас империалистами идет более всего по этой морально-политической линии. Все органы международной буржуазии и социал-демократии проявляют ныне необыкновенный интерес к нашим внутрипартийным спорам и открыто толкают и поощряют нынешнее большинство ЦК на исключение оппозиции из руководящих органов партии, а если можно, то и из партии, а если можно, то и на прямую расправу. Начиная с богатейшей буржуазной газеты "Нью-Йорк Таймс" и кончая наиболее изворотливой газетой Второго Интернационала "Венской рабочей газеты" (Отто Бауер) – все органы буржуазии и социалдемократов приветствуют "правительство Сталина" за борьбу против оппозиции и призывают еще раз доказать свой "государственный разум" решительным отсечением оппозиционных "пропагандистов международной революции". При прочих равных условиях, война наступит тем позднее, чем меньше оправдаются надежды врага на раскол, отсечение и тому подобное. И откупиться от войны – если возможно – и победить в войне – если воевать придется, – мы можем только, если мы сохраним полное единство, если, прежде всего, обманем надежды империалистов на раскол, откол, отсечение. Этот последний путь нужен только капиталистам.

3. Необходимо выправить нашу классовую линию в международном рабочем движении, прекратить борьбу против левого крыла Коминтерна, вернуть в Коминтерн тех исключенных, которые признают решения конгрессов Коминтерна – и раз навсегда положить конец политике "сердечных соглашений" с предательскими вождями английского Генсовета.

Разрыв блока с Генсоветом в нынешней обстановке имеет такое же значение, как в 1914 году разрыв с Международным социалистическим бюро Второго Интернационала. Этого разрыва Ленин требовал тогда ультимативно от каждого революционера. Оставаться в блоке с таким Генсоветом, означает и ныне помогать контрреволюционным вождям Второго Интернационала.

4. Необходимо решительно выправить нашу линию в национально-революционном движении – прежде всего в Китае, но также и в ряде других стран; необходимо ликвидировать линию Мартынова – Сталина – Бухарина, – вернуться к линии Ленина, постановлениям II и IV всемирных конгрессов Коминтерна. Иначе мы из двигателя станем тормозом национально-революционных движений и неизбежно потеряем симпатии рабочих и крестьян на Востоке. Киткомпартии ликвидировать какую бы то ни было организационную или политическую зависимость от Гоминдана. Коминтерну изгнать Гоминдан из своей среды.

5. Необходимо последовательно, систематически, упорно вести борьбу за мир. Отсрочить войну, "откупиться" от надвигающейся войны – все, что возможно и допустимо (см. п. 1), необходимо сделать для этого.

В то же время готовиться, не покладая рук, к войне уже сейчас и первым долгом положить конец идейно-политическому разнобою и разброду в вопросе о том, существует ли близкая опасность войны.

6. Решительно выправить классовую линию нашей внутренней политики. Если война неизбежна, то победить может только строго большевистская линия: рабочий и батрак с опорой – бедняком, в союзе с середняком против кулака, нэпмана, бюрократа.

7. Всемерная подготовка всего хозяйства, бюджета и прочего на случай войны.

* * *

Капитализм входит в новую полосу потрясений. Война с СССР, как и война с Китаем несут для мирового капитализма ряд катастроф. Уже война 1914–1918 годов была великим "ускорителем" (Ленин) социалистической революции. Новые войны, в особенности война против СССР, к которому при правильной политике с нашей стороны потянутся симпатии трудящихся всей земли, – могут стать еще большими "ускорителями" гибели мирового капитализма. Социалистические революции будут расти и без новых войн. Но новые войны неизбежно поведут к социалистическим революциям.

X. КРАСНАЯ АРМИЯ И КРАСНЫЙ ФЛОТ

Международное положение все более выдвигает на передний план вопросы обороны Советского Союза. Красной армии и Красному флоту партия, рабочий класс и крестьянство должны теперь вновь уделить громадное внимание.

В обороне сочетаются все факты экономики, политики и культуры. Армия есть сколок всего общественного строя. Она резче всего отражает на себе не только сильные, но и слабые стороны режима. Опыт учит тому, что в этой области особенно недопустимо полагаться на видимость. Имен-

но в этом вопросе лучше перегнуть в сторону тройной самопроверки и самокритики, чем благодушного доверия.

Вопрос о взаимоотношениях классов в стране и правильная политика партии в этой области имеют решающее значение для внутренней сплоченности армии и для взаимоотношения между командным составом и красноармейской массой. Вопрос об индустриализации имеет решающее значение для технических ресурсов обороны. Все меры, выдвигаемые настоящей платформой в области международной политики и международного рабочего движения, промышленности, сельского хозяйства, советской системы, национального вопроса, партии и комсомола, имеют первостепенное значение для упрочения Красной армии и Красного флота.

Практические предложения нами по этому поводу внесены в Политбюро.

XI. О РАЗНОГЛАСИЯХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ И МНИМЫХ

Ничто не свидетельствует в такой мере о политической неправоте группы Сталина, как ее непрестанное стремление спорить не с нашими подлинными взглядами, а с выдуманными взглядами, которых мы никогда не разделяли и не разделяем.

Когда большевики спорили с меньшевиками, эсерами и другими мелкобуржуазными течениями, большевики излагали перед рабочими действительную систему взглядов своих противников. Когда же меньшевики или эсеры спорили против большевиков, они опровергали не их действительные взгляды, а приписывали большевикам то, чего они не говорили. Меньшевики и эсеры не могли сколько-нибудь правдиво излагать взгляды большевиков перед рабочими, ибо в этом случае рабочие поддержали бы большевиков. Вся механика классовой борьбы подводила мелкобуржуазные группы к необходимости бороться с большевиками, как с "заговорщиками", "пособниками контрреволюции", позднее – "агентами Вильгельма" и так далее.

Так и теперь мелкобуржуазный уклон в нашей собственной партии не может бороться с нашими ленинскими взглядами иначе, как приписывая нам то, чего мы никогда не думали и не говорили. Сталинская группа превосходно знает, что если бы мы могли сколько-нибудь свободно защищать свои подлинные взгляды, громадное большинство членов нашей партии поддержало бы нас.

Элементарные условия честного внутрипартийного спора не соблюдаются. По вопросам китайской революции, имеющим мировое значение, ЦК до сих пор не напечатал ни одной строки из того, что говорит оппозиция. Наглухо закупорив партию, отрезав оппозицию от партийной печати, сталинская группа ведет против нас непрерывную дискуссию, приписывая нам день ото дня все больше нелепостей и преступлений. А партиец все меньше и меньше верит этим обвинениям.

1. Когда мы говорим, что нынешняя стабилизация капитализма не есть стабилизация на десятилетия, что наша эпоха остается эпохой империалистских войн и социалистических революций (Ленин), то сталинская группа приписывает нам отрицание всяких элементов стабилизации капитализма.

2. Когда мы, вслед за Лениным, говорим, что для построения социалистического общества в нашей стране необходима победа пролетарской революции еще в одной или нескольких передовых капиталистических странах, что окончательная победа социализма в одной стране, притом отсталой, как доказали Маркс, Энгельс, Ленин, невозможна, тогда сталинская группа приписывает нам тот взгляд, будто мы "не верим" в социализм и в социалистическое строительство в СССР.

3. Когда, вслед за Лениным, мы указываем на растущие бюрократические извращения нашего пролетарского государства, тогда сталинская группа приписывает нам ту мысль, что мы вообще считаем наше советское государство непролетарским. Когда мы перед лицом всего Коминтерна заявляем (см. заявление за подписью Зиновьева, Каменева и Троцкого от 15 декабря 26 года на VII расширенном ИККИ, п. 1): "Всякий, кто, пытаясь прямо или косвенно солидаризироваться с нами, будет в то же время отрицать пролетарский характер нашей партии и нашего государства и социалистический характер строительства в СССР, встретит и впредь с нашей стороны беспощадный отпор", – сталинская группа наше заявление скрывает, а клевету против нас продолжает.

4. Когда мы указываем, что в стране растут элементы термидорианства, имеющие достаточно серьезную социальную базу; когда мы требуем, чтобы партийное руководство давало этим явлениям и их влиянию на известные звенья нашей партии более систематический, твердый и планомерный отпор, тогда сталинская группа приписывает нам ту мысль, будто мы объявляем партию термидорианской, а пролетарскую революцию переродившейся. Когда мы, перед лицом всего Коминтерна (см. то же заявление, п. 14), пишем: "Неверно, будто мы обвиняем в правом уклоне большинство нашей партии. Мы думаем лишь, что в ВКП есть правые течения и группы, которые сейчас имеют непропорционально большое влияние, которое, однако, партия преодолеет", – сталинская группа это наше заявление скрывает и продолжает на нас клеветать.

5. Когда мы указываем на громадный рост кулака; когда мы, вслед за Лениным, продолжаем утверждать, что кулак не может мирно "врастать в социализм", что он злейший враг пролетарской революции, – сталинская группа обвиняет нас в том, будто мы хотим "ограбить крестьянство".

6. Когда мы привлекаем внимание нашей партии к факту укрепления позиций частного капитала, непомерного роста его накоплений и его влияния в стране, – сталинская группа обвиняет нас в том, будто мы выступаем против нэпа и требуем восстановления военного коммунизма.

7. Когда мы указываем на неправильности политики в области материального положения рабочих, на недостаточность мер против безработицы и жилищной нужды, наконец, на то, что доля непролетарских слоев в народном доходе растет непомерно, – нам говорят, что мы повинны в "цеховом" уклоне и в "демагогии".

8. Иногда мы указываем на систематическое отставание промышленности от потребностей народного хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями – диспропорцией, товарным голодом, подрывом смычки, – нас именуют индустриалистами.

9. Когда мы указываем на неправильную политику, не смягчающую дороговизны, но приводящую к наживе частника, – сталинская группа обвиняет нас в том, что мы стоим за политику повышения цен. Когда мы, перед всем Коминтерном (см. указанное в п. 6), говорили: "Оппозиция ни в одном из случаев не требовала и не предлагала повышения цен, но главные ошибки нашей экономической политики видела именно в том, что политика эта не ведет с необходимой энергией к уменьшению голода на промышленные товары, с чем неизбежно связаны высокие розничные цены", – это заявление было спрятано от партии, а на нас продолжали клеветать.

10. Когда мы выступаем против "сердечного соглашения" с предателями всеобщей стачки и контрреволюционерами из английского Генсовета, открыто играющими роль агентов Чемберлена, – нас обвиняют в том, будто мы против работы коммунистов в профсоюзах и против тактики единого фронта.

11. Когда мы выступаем против вхождения профсоюзов СССР в Амстердам и против каких бы то ни было заигрываний с верхушками Второго Интернационала, – нас обвиняют в "социал-демократическом уклоне".

12. Когда мы выступаем против ставки на китайских генералов, против подчинения рабочего класса буржуазному Гоминдану, против меньшевистской тактики Мартынова, – нас обвиняют в том, будто мы "против аграрной революции в Китае", будто мы "заодно с Чан Кайши".

13. Когда, на основании оценки мирового положения, мы приходим к выводу, что война приблизилась и вовремя указываем на это партии, – против нас выдвигается бесчестное обвинение, будто мы "хотим войны".

14. Когда, верные учению Ленина, мы указываем на то, что приближение войны особенно настоятельно требует твердой, ясной, отчеканенной классовой линии, – нас бесстыдно обвиняют в том, что мы не хотим защищать СССР, что мы являемся "условными оборонцами", полупораженцами и так далее.

15. Когда мы указываем на тот совершенно неоспоримый факт, что вся мировая печать капиталистов и социал-демократов поддерживает борьбу Сталина против оппозиции в ВКП (б), расхваливает Сталина за его репрессии против левого крыла и призывает отсечь оппозицию, исключить ее из ЦК и из партии, – "Правда", а за ней и вся партийная и советская печать изо дня в день обманно доказывают, будто буржуазия и социал-демократия стоят "за оппозицию".

16. Когда мы выступаем против передачи руководства Коминтерна в руки правого крыла, против исключения сотен и тысяч рабочих-большевиков из Коминтерна, – нас обвиняют в том, будто мы подготовляем раскол Коминтерна.

Когда при нынешнем извращенном партийном режиме оппозиционеры пытаются довести до сведения партии оппозиционные взгляды, преданнейших партийцев из-за этого обвиняют во "фракционности", создают "дело о раскольнических шагах", засоряют важнейшие разногласия мусором. Излюбленным обвинением за последнее время было обвинение нас в "троцкизме".

Перед лицом всего Коминтерна (см. вышепроверенное заявление от

15 декабря 26 года) мы заявили, за подписями Зиновьева, Каменева и Троцкого: "Неверно, будто мы защищаем троцкизм. Троцкий заявил перед лицом всего Коминтерна, что во всех сколько-нибудь принципиальных вопросах, в которых он спорил с Лениным, прав был Ленин, – в частности в вопросе о перманентной революции и крестьянстве". Это заявление, сделанное перед лицом всего Коминтерна, группа Сталина не печатает и продолжает обвинять нас в "троцкизме".

Приведенное заявление относится, разумеется, только к былым разногласиям с Лениным, а не к тем "расхождениям", которые недобросовестно выдумывают (Сталин и Бухарин), искусственно связывая разногласия, отошедшие в прошлое, с разногласиями, возникшими в ходе октябрьской революции.

Мы отмечаем, как попытку с негодными средствами, стремление группы Сталина "перекрыть" взгляды оппозиции, изложенные в настоящей платформе, ссылками на былые разногласия, существовавшие между группами 23 и 25 годов. Эти разногласия в настоящее время изжиты на основах ленинизма. Ошибки и преувеличения, допущенные обеими группами большевиков в спорах 1923–24 годов, в силу ряда неясностей в положении вещей в партии и в стране, ныне исправлены и не являются помехой для дружно совместной борьбы против оппортунизма за ленинизм.

Путем выдергивания отдельных цитат, путем грубого и нелояльного использования пристрастно подобранных старых полемических отзывов Ленина и скрывания от партии других, гораздо более поздних отзывов, путем прямых фальсификаций партийной истории и фактов вчерашнего дня, наконец, самое важное, путем искажения и прямой подмены всех нынешних спорных вопросов, группа Сталина–Бухарина, все более отходящая от Ленина, пытается вводить в заблуждение партию, будто дело идет о борьбе между троцкизмом и ленинизмом, тогда как в действительности борьба идет между ленинизмом и сталинским оппортунизмом. Так ревизионисты, под видом борьбы с "бланкизмом", на самом деле боролись с марксизмом. Наша дружная совместная борьба против сталинского курса оказалась возможной только потому, что все мы совершенно единодушно хотим защищать и защищаем подлинно ленинскую пролетарскую линию.

Лучшим ответом на обвинения оппозиции в троцкизме служит настоящая платформа. Всякий, кто прочитает ее, убедится в том, что вся она от первой до последней страницы построена на учении Ленина и проникнута подлинным духом большевизма.

Пусть же партия узнает наши действительные взгляды. Пусть партия познакомится с подлинными доказательствами разногласий, прежде всего по такому вопросу, в частности, как китайская революция. Ленин учил нас при наличии разногласий не верить на слово, а требовать документов и выслушивать спорящие стороны, добросовестнейшим образом разбираться в действительных разногласиях, отбрасывая мнимые. Этот совет Ленина повторяем мы, оппозиционеры.

Надо раз навсегда устранить самую возможность того, что было на XIV съезде, когда разногласия свалились на голову партии за несколько дней

до съезда. Надо создать условия для честного спора и честного разрешения действительных разногласий, как это всегда бывало при Ленине.

XII. ПРОТИВ ОППОРТУНИЗМА – ЗА ЕДИНСТВО ПАРТИИ

Мы изложили открыто наши взгляды на тяжелые ошибки, совершенные большинством ЦК во всех основных областях внутренней и внешней политики. Мы показали, как ослаблен этими ошибками большинства ЦК основной рычаг революции – наша партия. Мы показали вместе с тем, что, несмотря на все это, политику партии можно исправить изнутри. Но для того, чтобы ее исправить, надо ясно и открыто поставить перед собой вопрос о характере ошибок, совершаемых партийным руководством.

Эти ошибки суть ошибки оппортунистические. Оппортунизм в развернутом виде, – это по классическому определению Ленина – блок верхушки рабочего класса с буржуазией, направленный против большинства рабочего класса. В условиях, в которых находится СССР, доведенным до конца оппортунизмом явилось бы стремление верхушки рабочего класса к соглашению с возрождающейся новой буржуазией (кулаком и нэпманом) и мировым капитализмом за счет интересов широких масс рабочего класса и деревенской бедноты.

Когда мы отмечаем наличие в некоторых кругах нашей партии таких тенденций в их первом проявлении и в их развитии, то нелепо по этому поводу поднимать вопрос о клевете на партию, ибо именно к партии мы апеллируем против тех тенденций, которые ей угрожают. Столь же нелепо ставить вопрос о том, будто мы обвиняем ту или другую часть партии или ЦК в измене революции, в предательстве интересов пролетариата. Ложная политическая линия может диктоваться самыми искренними заботами об интересах рабочего класса. Даже наиболее крайние представители правого крыла нашей партии убеждены, что соглашение с буржуазными элементами, на которое они готовы идти, нужно в интересах рабочих и крестьян, что оно представляет собой пример таких маневров, какие вполне допустимыми считал Ленин. Та же правая группа, представляющая открытую тенденцию к сползанию, не хочет термидора. Тем более нужно ухитриться сползти к "центру", который ведет типичную политику самоутешения и самообмана.

Сталин и его ближайшие помощники убеждены, что, опираясь на свой мощный аппарат, они перехитрят все силы оппозиции, вместо того, чтобы их преодолевать в борьбе; они, несомненно искренно думают, что они "играют", как "играют" до поры до времени с китайскими генералами, которых отбросят, как выжатый лимон, после того как используют их в борьбе против оппозиции. Сталин и сталинцы несомненно искренно думают, что они "играют" Перселями, а не наоборот [...] *

---

* Документ обрывается на стр. 76. Публикуется по обгоревшему и дефектному экземпляру. – *Прим. сост.*

Сов. секретно

ТОВ. СЕРЕБРЯКОВУ

Дорогой Леонид Петрович.

На объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК тов. Сталин, среди многих других фантастических утверждений, – под стенограмму – рассказал, будто во время его работы вместе с Вами на Южном фронте, я явился на Южный фронт всего один раз, крадучись, на полчаса, в автомобиле с женой. Я прервал Сталина возгласом в том смысле, что его рассказ представляет чистейший вздор. Он на это ответил, что ручается за каждое свое слово и сослался в подтверждение на Вас. При этом прибавил, примерно, следующее: дело было зимою, шел снег, Троцкий приехал ночью и тут же уехал, потому что ему запрещено было приезжать на Южный фронт. Я не привожу дословных цитат потому, что у меня нет под руками стенограммы, но смысл сказанного Сталиным передаю достаточно точно. В этом легко можно будет убедиться, если Сталин задним числом не выправит сказанного им после того, как собственная проверка покажет ему, что он выдал какое-то сновидение за действительность.

1) Никогда я с женой не бывал на фронте.

2) Никогда никто не запрещал мне ездить на Южный фронт. Я не понимаю даже, как могла возникнуть мысль о таком запрещении. Возможно, что Сталин за моей спиной ходатайствовал о чем-нибудь подобном. Я об этом никогда ничего не слышал. В тогдашних протоколах Политбюро есть постановление прямо противоположного характера: есть постановление, которое гласит, что Политбюро вполне одобряет мое намерение посвятить в ближайший период свое внимание главным образом Южному фронту.

3) Поездной журнал свидетельствует, что я провел на Южном фронте не полчаса, а ряд недель и месяцев. Об этом же свидетельствует поездная газета "В пути".

4) Но если принять на минуту нелепую сталинскую версию насчет того, что я, ввиду чьего-то запрета, приезжал на Южный фронт крадучись, на полчаса, ночью, – то остается спросить: от кого же я скрывался? Маршрут моего поезда был известен в Москве с полной точностью, так как я получал постоянно донесения и о каждом передвижении поезда своевременно извещал Кремль. От кого же я скрывался, посетивши штаб Южного фронта, где находился, к тому же, Сталин? Ничего нельзя понять.

Только человек, насквозь отравленный злопыхательством, может договориться до таких бессмыслиц, которые в себе самих заключают свое опровержение.

На всякий случай сообщаю Вам это. Прошу сообщить, что именно Вы помните об этом моем посещении Южного фронта. Был ли какой-либо намек в разговорах Ваших со Сталиным на то, что я приехал тайно, крадучись и пр. и пр.? Верно ли, что получасовое посещение штаба Южного фронта было единственным моим посещением Южного фронта вообще?

С коммунистическим приветом

Л. Троцкий

12 сентября 1927 г.

ЗАПИСКА ЭЛЬЦИНУ О ЕНУКИДЗЕ

Тов. Эльцину.

Прошу показать тов. Федорову и другим и посоветоваться о собирании сведений.

Троцкий

Был ли Енукидзе с большевиками в 1917 г.?

Тов. Енукидзе утверждает, что был. Верно ли это? Никто не оспаривает того, что Енукидзе был большевиком в период, предшествовавший империалистической войне. Какова была его линия во время войны (выяснить).

В данном случае речь идет о линии тов. Енукидзе с Февральской революции, точнее с мая, когда я прибыл из канадского плена, до Октябрьской, и особенно за время с апреля до августа, т. е. до восстания Корнилова.

Енукидзе утверждает, что он и в это время был большевиком. Я ему напомнил, что он занимал не большевистскую, колеблющуюся, выжидательную позицию, вроде Элиавы или Сурица, и что я раза два говорил ему: "Идите к нам". На это Енукидзе несколько раз возражал: "Никогда я с вами не разговаривал". И далее: "Я с ним знаком лично никогда не был и никогда не говорил с ним".

Уже эти категорические утверждения вызывают недоумение. В тот период (апрель-август) большевики в составе руководящих советских органов: в ЦИК, в головке рабочей и солдатской секции Петроградского Совета были наперечет. Со всеми ими я связался в течение первых же недель по приезде из Америки. Каким же это образом вышло, что Енукидзе со мной ни разу не разговаривал и не был знаком? Бывал ли он на заседаниях большевистской фракции? Да или нет?

Кто принадлежал к большевикам и кто не принадлежал – обнаружилось особенно ярко в июльские дни. Президиум ЦИК созвал пленум ЦИК. Большевистская фракция обсуждала – в отсутствие Ленина, Зиновьева и Каменева – вопрос, какую линию вести на пленуме. Был ли Енукидзе в это время членом ЦИК, присутствовал ли он на заседании большевистской фракции?

Когда громили большевиков, выступал ли Енукидзе в их защиту? Где был Енукидзе, когда вызванный Керенским с фронта полк вступил в Таврический дворец, когда нас травили, как изменников, агентов Гогенцоллерна, революционных пораженцев и контрреволюционеров? Где был тогда Енукидзе? Участвовал ли он на совещаниях небольшой большевистской группы депутатов, выступал ли в защиту большевиков? Солидаризировался ли где-нибудь и как-нибудь с Лениным, когда его травили как агента Гогенцоллерна?

Когда Ленин и Зиновьев скрывались, когда Каменев был арестован, какие шаги предпринимал Енукидзе для опровержения низкопробной клеветы на них? Выступал ли по этому поводу в ЦИК? Или на страницах официальных "Известий"? Пусть разыщет и укажет стенограммы своих

речей или свои статьи, или свои заявления.

Приходил ли Енукидзе в большевистский штаб, в редакцию "Правды", сотрудничал ли в "Правде" и в других наших изданиях в критический период (май-август)?

Выступал ли на собраниях и митингах с большевистскими речами?

От какой организации прошел Енукидзе в состав ЦИК? По чьему списку? Перед кем отчитывался? Этот вопрос можно и должно проверить по протоколам Первого съезда Советов и ЦИК.

После корниловщины Енукидзе сдвинулся влево. Но каково было его поведение перед Октябрем и в Октябре? Насколько я помню, он не присутствовал ни на одном из многочисленных заседаний, где большевики готовились к захвату власти. Я не могу категорически утверждать, что в этот период Енукидзе не был с большевиками. Если и был, то оставался скорее в сторонке, выжидал. Во всяком случае, нужно выяснить, пришел ли (или вернулся ли) Енукидзе в партию до победы или после победы?

Кроме того, я оставляю за собою право назвать ряд свидетелей того, что в наиболее критический период (май-август) никто тов. Енукидзе в большевистской среде не видал.

Л. Троцкий

12 сентября 1927 г.

ТОВ. ЗИНОВЬЕВУ

Григорий Евсеевич.

Посылаю Вам набросок тезисов по вопросу о новом этапе китайской революции*. Дело представляется мне в высшей степени неотложным. Надо не позволить обвинять нас в том, что мы критикуем задним числом. В случае, если тезисы эти будут посланы за коллективной подписью, надо будет изменить тот пункт, который ссылается на "Вісти".

Как Вы увидете из текста, центром тяжести является вопрос о замене лозунга диктатуры пролетариата и крестьянства лозунгом диктатуры пролетариата.

Я сейчас в Нальчике, к 25 буду в Кисловодске. До 25 можно писать и телеграфировать в Нальчик.

Л. Троцкий

17 сентября 1927 г.

ТОВ. ЗИНОВЬЕВУ

Григорий Евсеевич.

Посылаю критические тезисы против статьи Лозовского.** Эта статья показала мне еще больше, в какой мере необходимо своевременное и твердое заявление наше по вопросу о характере новейшего этапа китайской революции. Думаю, что, независимо от общих тезисов, набросок которых я послал в прошлый раз, эта моя работа, представляющая,

* См. перечень неопубликованных документов, № 3089. – *Прим. сост.*

** См. перечень неопубликованных документов, № 3091. –*Прим. сост.*

в сущности, статью, могла бы быть отправлена в редакцию "Большевика" для напечатания или же послана в Политбюро. Главное – послать своевременно.

Л. Троцкий

22 сентября 1927 г.
Нальчик.

КАК ОНИ БОРЮТСЯ С ОППОЗИЦИЕЙ *

1) Самой характерной чертой сталинского партийного режима является его полнейшая беспринципность в борьбе за свое существование. Каждая партия, имеющая глубокие корни в своем классе, встречает предел для своих маневров, для своей демагогии и беспринципности как раз в интересах самого класса. Сталинский режим, ближайший оплот которого является верхушечно социальный строй зарывающейся рабочей бюрократии, советской и партийной, может позволить себе почти безграничную беспринципность именно вследствие отрыва от масс рабочего класса и беднейших слоев деревни. На протяжении двух лет он мог позволить себе прыжок от бухаринского лозунга "обогащайтесь", до призыва к борьбе с кулаком в манифесте, от нажима на интенсивность труда рабочих к посулам семичасового рабочего дня и т. д. Во внутрипартийной политике сталинская группа еще менее разборчива в приемах борьбы за власть. Вот некоторые из таких приемов:

2) Как известно интернационализм является важнейшим завоеванием мирового рабочего дня, начиная с коммунистического манифеста Маркса и Энгельса, интернационализм не мирится с национальной ограниченностью и провинциальной мелкобуржуазной тупостью при решении всех проблем рабочего движения. Он требует при этом широкого и постоянно возобновляемого изучения мировой ситуации, изучения современного капитализма не только по книгам, но и на основе личного знакомства руководящих элементов ВКП(б) с живым капитализмом наших дней. Руководящие товарищи из оппозиции знают капитализм и постоянно изучают все происходящие в нем процессы. Для авторов самобытной отсебятины насчет построения "полного социалистического общества в одной стране" это важное преимущество руководящих кадров оппозиции превратилось в недостаток. Отсюда реакционнейшие речи, вроде молотовской (в прошлом году) против эмигрантщины из оппозиции. К числу самых видных эмигрантов во времена царизма, как известно, принадлежал Ленин. Он был убежденнейшим коммунистическим западником в том смысле, что был интернационалистом, он ненавидел в нашей жизни все остатки азиатчины, византийства, мужицкого тупоумия, бюрократического и комбюрократического чванства, интриганства, хамства и вульгарщины, т. е. всех этих самобытных свойств молотовско-сталинского "руководства".

3) Отнюдь не случайно то обстоятельство, что возникновение "тео-

---

* Не знаю, кто писал. Не я. – *Л. Троцкий.*

рии" Сталина-Варейкиса о построении полного социалистического общества в одной стране совпало с неслыханно быстрым ростом антисемитизма в СССР. Антисемитизм захватил и известные партийные круги. Никакой серьезной борьбы с этим позорнейшим остатком средневековщины и национального шовинизма в партии не велось и не ведется. Мало того. В советской печати появлялись стишки и карикатуры антисемитского характера против некоторых лидеров оппозиции, встречая одобрительно-ехидные смешки со стороны "строителей социализма" из очень ответственных руководителей партии. Прошлогодняя карикатура в "Рабочей газете" "при пиковом интересе", направленная против тт. Троцкого и Зиновьева. Так как среди лидеров оппозиции есть евреи, то беспринципная сталинская группа не прочь черпануть в своей внутрипартийной борьбе кое-что из мутного и грязного антисемитского источника. Отсюда ее дружественный нейтралитет по отношению к растущему антисемитизму.

4) Сначала в борьбе с оппозицией сталинская группа пыталась осуществить такой план: лидеров оппозиции не трогать, оставляя их в партии, но зато тем сильнее обрушиться на оппозиционные низы и средние кадры. План состоял в том, чтобы "оставить вождей без армии". Этот план провалился, потому что несмотря на исключения десятков и сотен рядовых оппозиционеров, переброски, лишение куска хлеба и пр., к оппозиции приходят тысячи рабочих-коммунистов. Теперь по всем данным начинает проводиться обратный план: оставить оппозиционную армию без вождей. В Контрольной комиссии начинают "ласковей" говорить с рабочими-оппозиционерами. Им говорят: "Мы вас не хотим трогать. Вас втянули в дело ваши вожди. Им-то ничего, а вам приходится плохо. Теперь мы примемся за них". Это метание от одного приема к другому кончится полным провалом. Рядовые оппозиционеры не дадут вбить клин между ними и их вождями, которые лишь раньше и отчетливее формулируют то, что назревает в самой массе рабочих-коммунистов при виде банкротства сталинской политики. Переход к оппозиции всей рабочей части партии неизбежен. Чиновники останутся со Сталиным. Рабочий класс будет с оппозицией.

сентябрь 1927 г.

"ТЕЗИС О КЛЕМАНСО" И РЕЖИМ В ПАРТИИ

Кампания вокруг так называемого "тезиса о Клемансо" была проведена под большим нажимом. Но в конечном своем результате кампания эта доказала не то, что собиралась доказать. Пора подвести ей некоторые предварительные итоги.

Посмотрим для начала, как формулирует "вопрос о Клемансо" Агитпроп ЦК и МК ВКП(б) в своих "Материалах к докладу об итогах объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (29 июля – 9 августа 1927 г.)". Правда, Агитпроп МК имеет дурную славу. Тезисы его назывались представителями большинства – и на пленуме и в печати – неудачными,

плохимн н даже дурацкнми. Но здесь на помощь Агитпропу МК прншел Агитпроп ЦК. Мы нмеем, следовательно, нанболее авторнтетный пропагандистский документ. Что же мы в нем читаем по вопросу о Клемансо?

"В своих нападках на партню н Коминтерн оппозиция выдвинула следующне утверждения:

а) руководство ВКП(б) и Коминтерна пережнвает в настоящее время пернод термидорнанского перерождеиня;

б) нензбежна смена этого руководства по прнмеру переворота Клемансо во Францнн в 1914 г." (Подчеркнуто намн.)

Центральиое место этой цитаты составляют слова: "По примеру переворота Клемансо во Францнн в 1914 г." В этом утверждении верно, однако, только то, что Клемансо действовал во Францнн. Никакого переворота Клемансо ие совершал. Если же под "переворотом" понимать прншествие группы Клемансо к власти, то это произошло не в 14, а в 17 г. Но и в 17 г. не было ннкакого переворота. Буржуазный парламент вручнл власть группе Клемансо, счнтая ее более способной разрешить военные задачн империалнстской буржуазии. Парламснт есть тот мсханизм, прн помощн которого буржуазия в нормальном порядке разрешает свои государственные дела. Почему же объедииенный Агнтпроп ЦК н МК говорнт о перевороте Клемансо? Потому что если ие говорить о перевороте, то нельзя будет приписать оппозиции намерсния последовать на этом путн прнмеру Клемаисо. Тут установка строго целевая. Почему же переворот Клемансо отнесен на 1914 г.? А не все ли равио, – ответим мы, – на какой год отнестн событие, не существовавшее в истории? Придираться к таким пустякам могут только злокозненные оппозицноиеры.

Учеинк ие может быть выше учителя. Официальиейшим теоретнком иашей партнн является тов. Бухарин. В своем докладе Ленинградскому партактнву Бухарин говорнл, что оппозиция ставит своей задачей "произвести на свой лад клемансистский персворот в нашей стране, даже в том случае, еслн бы враг стоял на расстоянни 80 километров от центров нашей рсволюцни". В другом месте той же речи говорнтся о "клсмансистском переворотике", причем слова этн взяты в кавычкн, точно цитата – не из материалов лн Агитпропа ЦК? Только вместо переворота, сказано "переворотик". Это совсем по-бухарннскн: еслн прилгнуть, то в ласкательной форме, – выходнт почтн буферно. В этом и состоит суть "особой лнннн" Бухарина во виутрнпартийных спорах. Рыков сказал бы в этом случае: "Клемансистский переворотище", демонстрируя этим железиое расположенне духа. Бухарин говорит о "переворотнке". Объсктивный Агитпроп ограничнвается переворотом. В природе же, – по крайнему недоразумеиию, – не было нн того, ии другого, ин третьего. Но на то н существует шпаргалка против оппознцни, чтобы нсправлять прнроду вещей.

Чего жс, в таком случае, требовать от Ярославского? Основиой особенностью его, как оратора н писателя, является его неспособность передать без искажения ин одной сколько-ннбудь сложной мыслн, – даже ссли он в искаженин прямо н не заинтерссован. Это его способ-

ность (или неспособность) ужасающе растет, питаемая безнаказанностью. Из "тезиса о Клемансо" Ярославский делает негодующий вывод: "Оппозиция непрочь почерпнуть примеры для своей тактики у чуждого класса". Обвинение сразу получает форму гигантского исторического обобщения. Вступать за Ярославским на этот путь было бы потерей времени. Сей Саул, назначенный в пророки, и не подозревает, какую роль в формировании всей теории и политики марксизма послужили примеры "чуждых классов". Революционерам не раз доводилось учить массы даже на примерах реакции, разъясняя, что реакционеры, в отличие от либералов и соглашателей, "не краснобаи, а люди дела". С другой стороны, ниспровержение феодализма французской буржуазией сыграло, как известно, роль немаловажного "примера" для выработки учения о диктатуре пролетариата. Без примеров тактики чуждых классов вообще шагу ступить нельзя. Нужно только правильно этими примерами пользоваться. А это прежде всего исключает историческую фальсификацию.

Небезызвестный Н. Кузьмин*, пользуясь тем же "тезисом о Клемансо", как неисчерпаемым источником познания, развивает в "Комсомольской правде" следующую мысль: Клемансо-де домогался власти для того, чтобы мерами беспощадной расправы над рабочими и крестьянами заставить французскую армию довести войну до конца; оппозиция, не верящая в крестьянство, хочет получить власть, чтобы, "по примеру Клемансо", учинить расправу над крестьянами. Конечно, с Кузьмина взятки гладки – он может так, может и иначе. Но не случайно же, не от своего ума, – и при том именно в "Комсомольской правде"! – Кузьмин развивает эти свои гнусности, от которых на расстоянии километра воняет термидорианством.

Между тем, марксист отнюдь не откажется использовать и в этом вопросе "пример Клемансо" – только в соответствии с классовой линией пролетариата. Клемансо вел империалистскую войну, и вел ее по-настоящему. Империалистская война находилась в коренном противоречии с интересами пролетариата и крестьянских низов. Вести с успехом такую войну, особенно на четвертом ее году, можно было не иначе, как путем беспощадной расправы над передовыми рабочими и революционными крестьянами. Наша война будет социалистической войной. Ее можно вести, только опираясь на идеализм пролетариата и крестьянских низов, только держа в тисках буржуазно-кулацкие, термидорианские элементы страны. Клемансо опирался на шовинистический "идеализм" буржуазной и мелкобуржуазно-кулацкой молодежи, обманывая и отравляя рабочих и крестьян и подавляя всякую попытку критического

* Кузьмин небезызвестен, между прочим, тем, что умеет писать и так и иначе – в зависимости от конъюнктуры. По поводу моих книг "Как вооружалась революция" Кузьмин писал в свое время почти что вдохновенные дифирамбы (см., например, "Известия" № 115 от 22 мая 24 г.). Теперь пишет наоборот. Мое отношение – думаю, что далеко не только мое – к писаниям Кузьмина и к их автору было и остается одинаковым при всех "диалектических", чтобы не сказать хамелеонских, превращениях Кузьмина.

отношении к войне. Мы будем опираться на героизм и решимость пролетариата и деревенской бедноты, увлекающих за собой массу середняков. Поддерживать и укреплять их революционный идеализм мы можем, только говоря трудящимся всю правду и только правду о действительном положении, о действительных друзьях и о действительных врагах. Вот почему, в частности, термидорианское лганье в духе Кузьмина наносит величайший вред делу обороны, ибо внушает рабочим и крестьянам ложные представления о том, где друг и где враг.

Пройдем мимо писаний Варейкисов, Саратовских и иных. Возьмем орган Иваново-Вознесенского губкома "Рабочий край", газету, которая обслуживает пролетарскую массу одного из важнейших наших промышленных районов. Поясняя все тот же гибельный тезис о Клемансо, "Рабочий край" пишет в номере от 12 августа:

"В своем тезисе о Клемансо тов. Троцкий проводит мысль, аналогичную мысли Клемансо, который в 1871 г., когда германская армия наступала на Париж, заявил, что прежде чем бороться с внешним врагом – с германской армией, – надо покончить с внутренним врагом".

Вы этого не знали? Теперь будете знать! Эти замечательные слова представляют собою наиболее законченное, наиболее, так сказать, "принципиальное" и, во всяком случае, наиболее целесообразное истолкование тезиса о Клемансо. Беда только в том, что ничего похожего на историческую справку "Рабочего края" никогда не существовало. Но такая ли уж это беда? Если Агитпроп ЦК спутал 1917 год с 1914-м, то почему "Рабочему краю" не спутать 1917 год с 1871? Правда, в так называемом тезисе Троцкого о Клемансо совершенно ясно говорится об империалистской войне 1914–18 гг., называются министерства Пенлеве, Бриана и пр.; правда, клемансистского переворота не было ни в 1914, ни в 1917, ни в 1871 гг.; правда, ни в одном из этих годов Клемансо не говорил, что раньше нужно низвергнуть внутреннего врага, а потом оборонять Париж; правда, ничего вообще похожего на эти вымыслы не было и быть не могло, – но если уж подгонять историю под потребности шпаргалки, то приходится решительно предпочесть иваново-вознесенский вариант, как более отвечающий своему назначению, т. е. клевете на оппозицию.

Число таких и подобных образцов обработки оппозиции под Клемансо, с предварительной обработкой самого Клемансо под шпаргалку, можно было бы умножить почти без конца, причем не пришлось бы даже выходить за пределы речей и статей руководящих органов и работников в центре и на местах. Всякий без труда поймет, в каком виде эти откровения преподносятся в уезде, в волости, на иваново-вознесенской фабрике или саратовским крестьянам. Трудно вообще себе представить более систематическое отравление сознания! Все это не проходит бесследно, все это накопляется, все это подготовляет "отдачу", которая может прийтись не только по шпаргальщикам, по ученикам, подмастерьям и мастерам травли, но и по партии в целом.

Вслед за Сталиным и другими, Ярославский в цитированной нами статье "Партия и оппозиция" говорит о неудачной брошюре Агитпропа

МК "О войне и военной опасности". Эту неудачную брошюру другие называли дурацкой. Она полна невежественных утверждений с черносотенным оттенком. Каким образом Агитпроп пролетарской столицы, Москвы, мог издать такую брошюру – и не просто брошюру, а инструкцию для политической учебы – по такому основному вопросу, как война и военная опасность? Да, каким образом это могло случиться? На беду нельзя даже обманывать себя ссылкой на то, что это "случайность". Шпаргалка того же Агитпропа МК по вопросу об Англо-Русском комитете имеет – если возможно – еще более скандальный характер. В ней утверждалось, что АРК станет центром борьбы против военной опасности, главным орудием международной мобилизации революционных сил и пр. и пр. Когда оппозиция указала в июле 1926 г. на этот позорящий партию документ, то осудили не Агитпроп МК, а оппозицию. По вопросу о китайской революции тот же Агитпроп МК выпустил инструктивную брошюру, одновременно с брошюрой о войне и военной опасности, и совершенно того же качетсва и уровня. Наконец, после всех этих опытов и после их разоблачения издается брошюра Агитпропом ЦК и МК, в которой сообщается миру о намерении оппозиции последовать "примеру переворота Клемансо во Франции в 1914 г.".

Каким образом это стало возможно? Ответ бесспорен: **благодаря общему режиму в партии и связанному с режимом человеческому отбору.** Люди пишут не то, что знают, не то, что придумали и не то, что хотят сказать, а то, что с них требуется для данного момента. Всякий пишущий заранее знает, что с него снята всякая ответственность, если только он свое невежество или мещанское тупоумие направит против оппозиции. Всякий пишущий знает, что ему незачем утруждать себя справками или изучением вопроса, потому что оппозиция все равно не сможет опровергнуть лжи и еще потому, что всякий, кто пожелал бы опровергнуть или восстановить факты, будет немедленно зачислен в оппозицию. Режим удушения внутрипартийной критики, режим замкнутой аппаратной круговой поруки, господство шпаргалки и безответственности роковым образом снижают со ступеньки на ступеньку официальный теоретический уровень партии.

Между тем, вся кампания вокруг так называемого "тезиса о Клемансо" поднята была не потому, что враг стоит в 80 километрах от Москвы, и не потому, что оппозиция собирается совершить переворот по примеру Клемансо, который переворота не совершал, а для того, чтобы еще больше придушить внутрипартийную мысль и тем самым еще больше разнуздать аппаратную безответственность.

Пример с Клемансо, пример из политического опыта враждебного нам класса был приведен мною для иллюстрации одной-единственной и очень простой мысли: правящий класс, в лице своего руководящего авангарда, должен сохранять способность перестраивать в самых трудных условиях свои ряды – без внутренних потрясений, без катастрофического расщепления сил. Диктатура пролетариата в стране, окружённой капиталистическими государствами, не допускает ни существования двух партий, ни фракционного дробления единой партии. Но та же

диктатура требует такого режима единой и единственной партии пролетариата, который давал бы ей возможность – теми методами, которые ей свойственны, как революционной партии, методами демократического централизма – контролировать и в самых трудных условиях все свои органы, т. е. направлять их политику, проверять их на деле, назначать и смещать.

Диктатура есть очень острое орудие. Этим орудием надо правильно владеть, чтобы не притупить и не раздробить его. Обвинения оппозиции в том, будто она тянет в сторону демократии, вздорно. Обвинение это, поскольку оно добросовестно, выростает из непонимания того, что, рассуждая теоретически, режиму диктатуры – при неблагоприятных условиях и неправильной политике – угрожает не только сползание на демократию, но и перерождение в режим бонапартизма. Исторически этот второй вариант более реален, чем первый. Нарушение соответствия между демократией и централизмом, превращение демократического централизма в бюрократический, и есть партийная предпосылка бонапартистской опасности.

Называя эту опасность по имени, мы заранее предвидим возможную на этот счет свистопляску обвинений и травли. "О бонапартистском перерождении диктатуры говорил ведь меньшевизм!" Да, говорил. Меньшевизм исходит из неизбежности перерождения диктатуры в бонапартизм, если диктатуру не сменит своевременно демократия. Для нас же и демократия, и бонапартизм являются только разными путями возврата к капитализму. В нашей крестьянской стране, с традициями революций и гражданских войн, бонапартизм есть гораздо более реальный путь возврата к буржуазному обществу, чем демократия. Отрицать наличие исторической опасности только потому, что на эту опасность спекулируют меньшевики, значило бы идти ей навстречу с закрытыми глазами.

Устрялов мечтает о бонапартистско-фашистском сдвиге – в рассрочку – на буржуазные рельсы. В противовес Устрялову, соглашательскому (до поры до времени) представителю новой буржуазии, меньшевики боятся бонапартистского режима, предпочитая ему демократию, которая дает возможность мелкой буржуазии сохранять за собой некоторую видимость политической роли. На устряловский вопрос – тактика или революция? – Ленин отвечал в том смысле, что тактика может перейти в эволюцию. То же самое и с партийным режимом. Сталин думает, что удушение всякой критики, замена коллективной идейной жизни всемогущей шпаргалкой и непрерывные репрессии являются только временным злом, необходимым для поддержания равновесия партии. На самом же деле, эти меры все более и более нарушают необходимое соотношение между демократией и централизмом и питают вполне реальную историческую опасность бонапартистского перерождения диктатуры.

Разумеется, корни этих процессов лежат не во внутрипартийных отношениях, изолированно взятых, а во взаимоотношениях классов, в отношениях между классами и государством, в отношениях между партией и классами, в общей линии партийной политики. Отрицать

прогрессивное ухудшение внутрипартийного режима за время после смерти Ленина до настоящего дня может либо честный бюрократический тупица, либо бессовестный авантюрист, которому нет дела до завтрашнего дня. Красноречивые последствия этого ухудшения в области идейной жизни партии мы видели выше: первая организация в стране, московская, издает по важнейшим вопросам партийной политики – Англо-Русский комитет, китайская революция, военная опасность, внутрипартийные отношения – директивные брошюры совершенно низкопробного характера. И этот по существу дела ужасающий факт не только проходит безнаказанно, но покрывается усилением репрессий по адресу тех, кто указывает на в корне ложную линию руководства Московского Комитета.

И Сталин, и Молотов, и Угланов, и Каганович, и др. наиболее яркие представители бюрократического перерождения партийного руководства вовсе, разумеется, не стремятся к бюрократизму, наоборот, хотели бы проводить свою политику методами партийной демократии, т. е. хотели бы, чтобы партия одобряла их политику и переизбрала тех, кто ее готов проводить. Но они наталкиваются на какое-то глухое сопротивление партии и все более и более вынуждены навязывать свою политику сверху. Партийный съезд для них лишь неизбежное зло. В полном противоречии с уставом партии они оттягивают это зло на лишний год. Дискуссию они объявляют абсолютным злом, помехой практической работе, а между тем только и делают, что потрясают партию непрерывной дискуссией, маленький образчик которой мы видели выше, на примере с тезисом о Клемансо. Одностороннюю дискуссию они сочетают с непрерывными оргвыводами, жестоко бьющими по практической работе. Исключения из партии сыплются градом. За что? За распространение "секретных" документов. Между тем, действительное преступление состоит в том, что речи и статьи, которые должны быть достоянием всей партии, объявляются – да еще за два месяца до съезда! – секретными документами. Вместо осуществления провозглашаемой на всех последних съездах внутрипартийной демократии, приходится прибегать ко все более сильно действующим средствам внутрипартийного зажима.

Подготовка XV партсъезда была еще издалека поставлена под знак военной опасности. Дискуссия объявлена вдвойне недопустимой потому, что нас окружают враги. Чтобы запутать партию, создана была злокачественная легенда о том, будто оппозиция угрожает переворотом "по примеру Клемансо". По существу дела, все это направлено к тому, чтобы добить остатки внутрипартийной демократии, окончательно заменив ее всевластием аппарата. А это и есть – при соответственных классовых сдвигах в стране и при соответственном сдвиге политики партруководства – предпосылка бонапартистской опасности.

Угроза войны не есть какое-либо случайное, эпизодическое, кратковременное явление. Мировые противоречия сгущаются. Возможные смягчения отношений между нами и капиталистическими государствами будут иметь скорее кратковременный характер. Основная же линия развития идет на обострение антагонизмов, на усугубление военной

опасности. По логике нынешнего режима это значит, что с мыслями о внутрипартийной демократии надо распрощаться навсегда. Кампания по поводу "клемансистского переворота", как и ряд других подобных же кампаний, как и вся нынешняя непрерывная дискуссия, потрясающая партию сверху, должны окончательно выбить мысль о возможности возвращения партийной жизни на рельсы демократии.

В этом именно смысле остается бесспорным, что из всех опасностей наиболее грозной является внутрипартийный режим. По поводу этих слов также проведена была необузданная и безыдейная кампания – в печати и на собраниях. А между тем, они совершенно бесспорны. Если мне грозит враг, а у меня завязаны глаза или рука привязана к лопатке, то я скажу, что главная опасность – не враг, а связанность моих движений. Ложь, будто опасность войны, или даже война, исключают самодеятельность партии, обсуждающей и решающей все вопросы, направляющей и проверяющей все свои органы, снизу доверху. Если бы враг оказался в 80 километрах под Москвою, то самодеятельность партии нужна была бы в десять раз большая, чем в других условиях. Но ведь задача состоит в том, чтобы не допустить до такого состояния, чтобы предотвратить его. Осуществить это способна только самодеятельная, полной жизнью живущая партия. Значит, первым делом надо менять партийный режим.

Л. Троцкий

24 сентября 1927 г.

ПИСЬМО РАКОВСКОМУ

Дорогой друг!

Спешу сообщить тебе следующее. Третьего дня, на объединенном заседании Президиума Исполкома и ИКК (Интернациональная Контрольная Комиссия), когда нас с Вуйовичем исключали из Исполкома, всплыл в прениях вопрос о нашей международной политике, о французских долгах и пр. Сталин сказал приблизительно следующее: "Пускай оппозиция не говорит, что нам соглашение с Францией обходится или может обойтись слишком дорого. В Париже сидит оппозиционер Раковский. Правда, он из всех оппозиционеров наиболее честно выполняет директивы Политбюро. Но поскольку он проявляет инициативу, он всегда предлагает дать больше, заплатить дороже и пр., так что Политбюро всегда вынуждено его одергивать. Так было все время. И это можно доказать по документам. В частности, так было в последний момент в вопросе насчет 30 милл. франков. Раковский просто предлагал предоставить эти 30 милл. французскому правительству для раздачи держателям. Мы же согласились предоставить эти деньги лишь при условии урегулирования вопроса о кредитах..."

Я с места возразил примерно следующее: "Раковский только выполняет директивы Политбюро. А если бы вы приняли в свое время советы Раковского, то соглашение с Францией обошлось бы нам гораздо дешевле. Это и Рыков признал в одной реплике". Сталин ответил пример-

но: "Рыкова здесь нет и мы не знаем, что он сказал. Но остается фактом, что Раковский всегда предлагал давать больше и пр.".

Что Сталин нисколько не постеснялся излагать (т. е. извращать) переписку Политбюро с полпредом – это в порядке вещей. На заседании было человек 60–70. Сегодня уже вся Москва знает, несомненно, а завтра узнает и вся Европа, что Раковский склонен к большим уступкам, чем Политбюро. Это есть прямое приглашение по адресу французской буржуазии: нажимай дальше. Дело на этом, конечно, не остановится. Вопрос о французских долгах обрушился как камень на голову партии. Об этом много говорят в рабочих кругах. Можно не сомневаться, что сталинцы понесут завтра во все ячейки выдержки из переписки между Политбюро и Раковским, будут, разумеется, лгать, извращать, т. е. изображать дело так, будто Политбюро спасло СССР от Раковского, который вел дело к закабалению СССР Францией. Вопрос этот будет, по всем данным, играть огромную роль в предсъездовской дискуссии.

Нам, поэтому, всем кажется, что Раковский должен немедленно же реагировать на попытку Сталина трусливо спрятаться за спину Раковского. Как? В виде, например, письма в Политбюро с кратким, но категорическим изложением действительного хода вещей и с решительным протестом против сталинской инсинуации. Правда, данное выше изложение речи Сталина не дословно, так как под руками у меня нет стенограммы. Но смысл сталинских слов передан вполне точно. Я собирался Сталину тут же возразить примерно следующее:

а) Раковскому приходилось вести политику в той обстановке, которую создавало Политбюро.

б) Наиболее благоприятный момент для соглашения, указывавшийся Раковским, был упущен.

в) В условиях ухудшавшегося международного положения Политбюро требовало от Раковского соглашения с Францией во что бы то ни стало; именно этой директивой руководствовался Раковский.

г) Если в том или другом случае Раковский шел несколько дальше, чем Политбюро, то, во-первых, это вытекало из общей директивы, а во-вторых, каждый из нас знает, что по любому предложению, внесенному в Политбюро, Сталин внесет изменения хотя бы на 5 долларов, чтобы иметь возможность потом хвалиться, что он оградил интересы СССР. Отцеживание комаров и проглатывание верблюдов есть основное содержание сталинской политики во всех областях, равно как и стремление спрятаться за чужую спину от политической ответственности.

К сожалению, ничего этого мне сказать не удалось, так как второй раз я не получил слова.

В связи с этим нельзя не указать на то, что за последние годы большинство "ответственных" работников, внутри Союза и заграницей, по всем сколько-нибудь острым вопросам озабочены, прежде всего тем, чтобы не проявлять самим никакой инициативы, ибо все знают, что при малейшей надобности Сталин, с целью изобразить себя спасителем, скомпрометирует любого работника обвинением в том, что тот дал

слишком много, или, наоборот, дал недостаточно и потому упустил момент и пр. и пр. Это систематическое умерщвление Сталиным инициативы во всех областях советской работы, в том числе и дипломатической, обходится Советскому Союзу страшно дорого. Здесь, как и везде, Сталин все циничнее подменяет борьбу за интересы государства борьбой за самосохранение.

Во всяком случае, надо считаться с тем, что вопрос о линии Раковского в советско-французских переговорах будет в течение ближайших недель играть огромную роль во внутренней жизни партии. Раковский непременно должен был бы немедленно прислать краткое, но категорическое заявление в Политбюро, сообщив нам копию этого заявления. Затем, дополнительно Раковский мог бы прислать более подробные данные. Все это надо сделать как можно скорее.

Л. Троцкий

30 сентября 1927 г.

АНТИСЕМИТИЗМ

Кандидатская группа ВКП поселка Сохондо Читинского округа

Протокол № 16

Заседания двух членов ВКП(б) тт. Ив. Русак и Елены Русак, кандидата тов. Малкова в присутствии членов ВЛКСМ – 7 чел. и беспартийных – 16 чел. – сентябрь 1927 г.

Слушали: 3. Об оппозиции Троцкого и Зиновьева. Тов. Русак указал: "Троцкий давно начал вести раскольническую политику. Троцкий не может быть коммунистом, сама его национальность указывает, что ему нужна спекуляция. Зиновьев одно время, я помню, Троцкого осаживал на пленуме, но видно, Зиновьев с Троцким покумились. Они ошиблись в русском духе, за этими нэпачами русский рабочий и крестьянин не пойдет".

Постановили: Удалить из членов Коминтерна и Профинтерна как разлагающих единство, стальной ленинизм – исключить из состава ВКП(б). Да здравствует единство ленинизма, долой раскольников.

Подлин. подписали: Председатель *Русак Е.*
секретарь *Малков*

[сентябрь 1927 г.]

ПРИЛОЖЕНИЕ ИЗ ДОКУМЕНТОВ 1919 г.

Секретно

Выписка из протокола заседания Политического Бюро ЦК РКП (большевиков) 18 апреля [19]19 г.

Присутствовали: тт. Ленин, Крестинский, Сталин, Троцкий.

Слушали: 3. Заявление тов. Троцкого о том, что огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых Исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи, что процент их на самом фронте сравнительно невелик и что по этому поводу среди красноармейцев ведется и находит некоторый отклик сильная шовинистская агитация и что, по мнению тов. Троцкого, необходимо перераспределение партийных сил в смысле более равномерного распределения работников всех национальностей между фронтом и тылом.

Постановили: Предложить тов. Троцкому и Смилге составить соответствующий доклад и сообщить этот доклад, как директиву ЦК, комиссиям, распределяющим силы между центральными и местными организациями и фронтом.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б) И ПРЕЗИДИУМ ЦКК

I. Об оппозиционной типографии и "связи" с военным заговором

В ночь с 12 на 13 сентября у ряда членов партии были произведены обыски агентами ГПУ.

15 сентября Секретариат ЦКК заслушал доклад тов. Ярославского "Об участии членов ВКП (б) в деятельности нелегальной контрреволюционной организации вместе с беспартийными" и постановил "признать действия ОГПУ правильными".

22 сентября, от имени ПБ и Президиума ЦКК разослано было всем партийным организациям извещение о раскрытии типографии, в котором говорилось, что:

"Часть арестованных беспартийных действительно связана с искоторыми лицами из военной среды, помышляющими о военном перевороте в СССР по типу переворота Пилсудского".

Это утверждение, повторяющееся несколько раз в извещении, основывалось на сообщении ОГПУ от 13 сентября. Мы считаем необходимым привести здесь сообщение ОГПУ в главной его части.

"12 сентября 1927 г. ОГПУ узнало, что к одному из бывших офицеров врангелевской армии обратился некий гражданин Щербаков, сын бывшего фабриканта, беспартийный, с предложением достать шапирограф; почти в то же время были получены сведения, что к тому же лицу обращался и некий Тверской, служащий, беспартийный, оказавшийся

в ближайших связях с Щербаковым, с сообщениями об организации военного переворота в СССР в ближайшем будущем; ОГПУ, в соответствии с означенной информацией, произвело обыск того же 12 числа ночью на квартире Щербакова, причем, здесь была обнаружена нелегальная типография, печатавшая запрещенные партией антипартийные документы оппозиции. ОГПУ считало своим долгом эту литературу отобрать и, выяснив также связи Щербакова-Тверского, арестовать всех замешанных в этом деле беспартийных. Ввиду особого характера дела (организация военного переворота) и необходимости совершенно спешного расследования, ОГПУ вынуждено было без промедления произвести обыск и у тех партийных, которые, как это выяснилось при обыске, оказались в непосредственных связях с нелегальной организацией Щербакова-Тверского. Никто из партийных арестован, разумеется, не был.

Так как в деле нелегальной организации Щербакова-Тверского замешан ряд членов партии (Грюнштейн, Гердовский, Мрачковский, Охотников и др.), то ОГПУ считает своим долгом передать подробную информацию и весь материал по этому делу в ЦКК.

Ввиду того, что показания арестованных-беспартийных подтвердили наличие группы, ставящей своей целью организацию вышеупомянутого военного заговора, следствие по этому делу продолжается".

Из этого сообщения вытекает, что Щербаков, действительно участвовавший в работе оппозиционной типографии, обращался по делу о шапирографе к врангелевскому офицеру. К тому же врангелевскому офицеру обращался Тверской, не имеющий никакого отношения к оппозиционной печатне "с сообщениями об организации военного переворота в СССР в ближайшем будущем".

Таким образом, перед нами два дела: дело об оппозиционной печатне и дело о военном заговоре. Чем, или кем связаны эти два дела? Фигурой врангелевского офицера, к которому Щербаков обращается по поводу шапирографа и которому же Тверской сообщает о предстоящем заговоре.

23 сентября тт. Зиновьев, Смилга и Петерсон обращаются к партийным организациям с письмом, в котором ставят следующие вопросы:

"Кто этот врангелевский офицер? Как его фамилия? Почему она умалчивается?

Арестован ли он?

Почему именно к этому врангелевскому офицеру как раз одновременно обращаются и за шапирографом и с сообщениями о военном перевороте в СССР "в ближайшем будущем"? С какой целью делается ему это последнее сообщение?

Кто должен был делать этот военный переворот "в ближайшем будущем"? Какая группа? Организация? Лица?".

В ответ на письмо тт. Зиновьева, Смилги и Петерсона, заключающем в себе приведенные вопросы, ПБ и Президиум ЦКК ответили 27 сентября новым извещением по всем организациям, письмом председателя ОГПУ тов. Менжинского в Секретариат ЦК ВКП(б). Это письмо гласит:

"Врангелевский офицер", упоминаемый в сообщении ОГПУ в ЦКК от 27 сентября 27 г., не арестован ОГПУ, потому что этот гражданин, назвать фамилию которого я могу лишь по прямому требованию ЦК

ВКП(б), помог уже не раз ОГПУ раскрыть белогвардейские заговоры. Благодаря его указаниям были, например, раскрыты склады оружия контрреволюционной савинковской организации. Он же помог ОГПУ раскрыть лиц, причастных к последнему делу о военном заговоре.

Задачу раскрытия этого военного заговора преследовали обыски и аресты, связанные с этим делом.

Раскрытие подпольной типографии было побочным и неожиданным результатом арестов беспартийных лиц, имеющих отношение к группе военного заговора. ОГПУ не вело и не ведет следствия по делу о нелегальной оппозиционной типографии, с которой уже были связаны члены партии, а передала это дело в ЦКК".

Таким образом, сообщение ОГПУ от 14 сентября устанавливало, что между оппозиционной типографией и военными заговорщиками существовала связь в лице врангелевского офицера. Сообщение же председателя ОГПУ от 27 сентября признает, что врангелевский офицер есть не врангелевский офицер, а агент ГПУ. Таким образом, по новому истолкованию самого же председателя ОГПУ так называемая связь между оппозиционной печатней и военным заговором олицетворяется агентом ГПУ. Это единственная связь. Ни о какой другой связи ни в извещениях ОГПУ, ни в других документах не говорится ни единым словом.

Агент ГПУ не может, очевидно, считаться контрреволюционером. К этому агенту ГПУ Щербаков, по словам ОГПУ, обратился "с предложением достать шапирограф". Эти слова, очевидно, надо понять так, что Щербаков пытался достать шапирограф через гражданина, которого никак нельзя считать участником контрреволюционного военного заговора, ибо этот гражданин является агентом ГПУ. Никакого мостика от печатни к военному заговору не получается, если не превратить агента ГПУ во врангелевского офицера, как это и было сделано в первом извещении ОГПУ.

К тому же агенту ГПУ, как мы уже знаем, обращался и некий Тверской с сообщениями о подготовке "военного заговора в СССР в ближайшем будущем". Из первого текста ОГПУ, где агент ОГПУ рекомендовался только как врангелевский офицер, можно было сделать тот вывод, что некий Тверской, не имевший никакого отношения к оппозиционной печатне, сообщал врангелевскому офицеру о военном перевороте, — очевидно, для того, чтобы этого врангелевского офицера привлечь к делу переворота. Второе сообщение ОГПУ рисует дело прямо в противоположном смысле.

Тверской обращался к агенту ОГПУ "с сообщениями об организации военного переворота", очевидно, для того, чтобы своевременно этот переворот разоблачить. Где же связь между оппозиционной печатней и военной организацией? Надо полагать, что агент ОГПУ сообщил по принадлежности доставленные ему Тверским сведения о военном заговоре. Надо также думать, что этот агент сообщил по принадлежности о своих переговорах со Щербаковым по поводу шапирографа, независимо от того, кому принадлежала инициатива этих переговоров. Таким образом, единственной "связью" между оппозиционной печатней и военным заговором явился агент ГПУ, следивший за белогвардейцами и за оппозицией. Даже, если допустить, что агент ГПУ наткнулся на шапирограф

лишь случайно, – все же этот агент остается единственной "связью" между оппозиционной печатней и неизвестным нам военным заговором.

Правда, первое сообщение ОГПУ говорит вскользь о ближайших связях Тверского с Щербаковым, не поясняя, идет ли речь о родственных, об обывательских, политических или организационных связях. Правда, то же первое сообщение говорит о том, что члены партии "как это выяснилось при обыске, оказались в непосредственных связях с нелегальной организацией Щербакова-Тверского".

Но что это за нелегальная организация Щербакова-Тверского – мы ни из первого, ни из второго документа ОГПУ ничего не узнаем. В материалах по делу о печатне о "нелегальной организации Щербакова-Тверского" нигде не упоминается. Между тем, из того же сообщения ОГПУ мы знаем, что Щербаков имел разговор с агентом ОГПУ насчет шапирографа. Тверской же сообщил агенту ОГПУ о готовящемся военном перевороте. Что же называется "нелегальной организацией Щербакова-Тверского"? Печатная оппозиции? Но Тверской к этой печатне не имел никакого отношения. Военный заговор? Но о причастности Щербакова к военному заговору нигде не говорится ни слова. В чем же состояла "организация" Щербакова-Тверского? Из сообщения мы знаем только, что оба они обращались к одному и тому же агенту ОГПУ, хотя и по совершенно разным делам: один – по вопросу о шапирографе, а другой – с сообщением о заговоре.

Пока налицо только первое сообщение ОГПУ, слова о "нелегальной организации Щербакова-Тверского" могли косвенно опираться на тот факт, что оба они, хоть и по разным делам, обращались к одному и тому же врангелевскому офицеру; т. е. – белогвардейцу. Но это построение, разумеется, до основания разрушено вторым сообщением ОГПУ, свидетельствующим, что дело идет не о врангелевском офицере, а о сотруднике государственного учреждения, выполняющим секретные задачи в интересах советского государства. Следовательно, никакой нелегальной организации Щербакова-Тверского нет. Именно для того, чтобы поддержать видимость такой организации, первое сообщение ОГПУ оказалось вынуждено своего собственного агента выдать за врангелевского офицера. Таков непререкаемый язык фактов.

27–28 сентября дело коммунистов, причастных к оппозиционной печатне, рассматривала МКК, а 29 сентября – ЦКК. Никто решительно не поддерживал при этом обвинения коммунистов в "непосредственных связях с нелегальной организацией Щербакова-Тверского". На все настояния обвиняемых, а также присутствовавших на разбирательстве в ЦКК членов ЦК Евдокимова, Зиновьева, Смилги, Троцкого ясно и точно сказать, в чем состоит нелегальная организация Щербакова-Тверского и в чем состоят связи коммунистов с этой организацией, члены МКК и ЦКК с возмущением обвиняли вопрошающих в том, что стремятся будто бы перевести разбирательство на неделовые рельсы, что они, обвиняемые, стремятся запутать вопрос, чтобы избежать ответа по вопросу о печатне и пр. и пр. Самое постановление МКК и ЦКК по делу о так называемой типографии обвиняет членов партии "в создании, совместно с беспартийными буржуазными интеллигентами, подполной антипартийной организации, имеющей свою нелегальную типографию". Что

МКК и ЦКК именуют оппозицию "подпольной антипартийной организацией" — это мы слышали не раз. Это вопрос особый. По вопросу об оппозиционной печатне 14 членов партии держали ответ. 12 из них исключено. Но куда же девалась связь этих коммунистов с военным заговором? Куда девалась "контрреволюционная организация Щербакова-Тверского"?

Первое сообщение ОГПУ гласило:

"Так как в деле нелегальной организации Щербакова-Тверского замешан ряд членов партии (Грюнштейн, Гердовский, Мрачковский, Охотников и др.), то ОГПУ считает своим долгом передать подробную информацию и весь материал по этому делу в ЦКК".

Это, разумеется, вполне правильно. Но куда же девалась эта "подробная информация" и "весь материал"? Когда обвиняемые товарищи, Гердовский, Мрачковский, Охотников и др. требовали оглашения показаний Тверского, т. е. одного из двух основателей той самой "нелегальной организации" к которой принадлежали будто бы названные коммунисты, то Президиум ЦКК наотрез отказал им в этом, — на том основании, что Тверской и его показания не имеют никакого отношения к разбираемому делу об оппозиционной печатне. Этим самым Президиум ЦКК объявлял ложным первое сообщение ОГПУ, утверждающее, что Гердовский, Мрачковский, Охотников и др. замешаны в нелегальной организации Щербакова-Тверского. Никакой информации, ни подробной, ни краткой — и никакого материала вообще — по этому поводу в ЦКК не оказалось. Почему? Очевидно, потому, что ОГПУ таких материалов в ЦКК не пересылало, ибо само ими не располагало. Если бы такие материалы были, то незачем было выдавать агента ГПУ за врангелевского офицера и на этой маскировке строить "нелегальную организацию Щербакова-Тверского", в которую будто бы замешаны коммунисты.

Это не помешало, однако, председателю ОГПУ закончить свое второе сообщение, опровергающее полностью легенду насчет врангелевского офицера, следующими словами:

"Не вина ОГПУ, если союзники оппозиции из числа беспартийных интеллигентов оказались в тех (?) или иных (?) связях с военными, помышляющими о военном путче".

Что это значит? Что это за "те или иные связи"? Это значит, что председатель ОГПУ, вынужденный под напором письма тт. Зиновьева, Смилги, Петерсона, раскрыть, что белогвардейский врангелевский офицер не арестован по той причине, что он не белогвардеец, а агент ГПУ, делает, однако, попытку поддержать хоть видимость того обвинения против коммунистов, которое опиралось на этого самого мнимого белогвардейца.

Тем временем оба извещения ПБ и Президиума ЦКК (от 22 и 27 сентября) совершают свое шествие по всем организациям до самых низовых ячеек. Более того, второе извещение, написанное уже после того, как обман партии насчет врангелевского офицера был раскрыт, заканчивается следующими словами:

"ЦК и ЦКК заявляют, что они отсекут железной рукой всякую попытку втянуть во внутренние дела ВКП буржуазно-интеллигентский

сбор, вроде Щербаковых и Тверских и их охвостья из военных путчистов, стремящихся к свержению режима пролетарской диктатуры".

Эти слова не оставляют места никаким сомнениям: оппозиция обвиняется в том, что она делает попытку втянуть во внутренние дела ВКП не только буржуазных интеллигентов, но и их охвостье из военных заговорщиков. Оппозиция, стало быть, делает попытку втянуть военных заговорщиков во внутренние дела ВКП. Это написано 27 сентября по поводу раскрытия оппозиционной печатии. А 29 сентября тот же самый Президиум ЦКК, который подписал цитированные слова, заявил обвинявшимся коммунистам, что Тверской, его показания, как все вообще дело о перевороте, не имеют никакого отношения к делу об оппозиционной печатие. Что же в таком случае означала подпись Президиума ЦКК под извещениями, разосланными всем членам и кандидатам ЦК, ЦКК ВКП (б) и Президиума ИККИ, всем Обкомам, Губкомам, Окркомам и Контрольным комиссиям ВКП (б)?

Из изложенного до сих пор вытекают нижеследующие вопросы:

1) Когда тов. Ярославский докладывал (15 сентября) Секретариату ЦКК "об участии членов ВКП (б) в деятельности нелегальной контрреволюционной организации", знал или не знал тогда тов. Ярославский о том, что врангелевский офицер – эта единственная "связь" оппозиционной печатни с военным заговором, – есть агент ГПУ?

2) Если тов. Ярославский не знал этого, значит ОГПУ ввело его в заблуждение. Тогда надо установить виновных в составе ОГПУ для предания их суровой каре.

3) Если тов. Ярославский знал, то почему не сообщил Секретариату, который в своем постановлении признал "действия ОГПУ правильными"? Ввел ли тов. Ярославский в заблуждение Секретариат, или же, как уже сказано, тов. Ярославский сам был введен в заблуждение ОГПУ?

4) В какой момент правду о "врангелевском офицере" узнали Политбюро ЦК и Президиум ЦКК: тогда ли, когда публиковали первое извещение, или же тогда, когда получили второе извещение ОГПУ, в ответ на прямой запрос тт. Зиновьева, Смилги и Петерсона?

Значение этих вопросов ясно само собой: извещение ЦК и ЦКК обмануло партию по вопросу о мнимой связи оппозиции с военным заговором. Из этого обмана партия не вышла еще и сейчас. Наоборот, круги этого обмана все дальше расходятся по стране, приобретая все более и более грубый характер. Кто же в этом обмане играл сознательную и активную роль? Кто оказался в нем замешан в силу фракционного ослепления, кто попустительствовал по невниманию или нерящливости, наконец, кто является действительным организатором и вдохновителем обмана? В этих вопросах необходима полная и безусловная ясность. Без внесения этой ясности немыслима и честная подготовка XV съезда партии.

II. Вопрос о военном заговоре

По партии и далеко за ее пределами пущена, таким образом, в двух

изданиях — в первом и втором — гнусная легенда, будто оппозиция делает "попытки втянуть во внутренние дела ВКП военных путчистов, стремящихся к свержению режима пролетарской диктатуры".

Что это за путчисты? Что это за военный заговор? На заседании Президиума ЦКК мы слышали, что этот военный заговор не имеет никакого отношения к оппозиционной печатне. Из ОГПУ мы слышали, что дело о военном заговоре продолжается. Остается надеяться, что заговор будет раскрыт и виновные понесут надлежащую кару.

Но мы и на данной стадии не можем, однако, пройти мимо вопроса о военном заговоре — и не только потому, что сделана была попытка втянуть в это дело коммунистов через посредство мнимой "нелегальной организации Щербакова-Тверского", которая держалась только на одном врангелевском офицере, оказавшемся агентом ГПУ. Эту сторону мы с возможной краткостью рассмотрели выше, оставляя в стороне многие детали, каждая из которых заслуживала бы самостоятельного рассмотрения. Но у "дела" есть и другая сторона, не менее поучительная и открывающая некоторый просвет в будущее.

Мы уже слышали от ОГПУ, что помимо Щербакова, участником нелегальной контрреволюционной организации являлся некий Тверской, тот самый, который сообщил агенту ОГПУ об "организации военного переворота в СССР в ближайшем будущем". Серьезность этого сообщения не нуждается в комментариях. В том же извещении ОГПУ от 13 сентября говорится:

"Показания арестованных-беспартийных подтвердили наличие группы, ставящей своей целью организацию вышеупомянутого военного заговора".

Таким образом, показания Тверского подтвердились. В чем же это показание состояло? Оно имеется в материалах, которые ОГПУ передало ЦКК. Правда, Президиум ЦКК отказался огласить эти показания, как совершенно не относящиеся к делу. Но, с другой стороны, мы ведь от того же Президиума слышали, что те самые заговорщики, о которых показывает Тверской, втягивались оппозицией в разрешение внутрипартийных вопросов. От ОГПУ мы знаем, что в организации Щербакова-Тверского замешаны Грюнштейн, Гердовский, Мрачковский, Охотников и др. Все это достаточно оправдывает наш интерес к показанию Тверского. Мы приводим это показание в основной его части, заменив лишь собственные имена инициалами, дабы ограничиться теми лишь именами, которые уже названы в извещениях ЦК и ЦКК. Вот показание Тверского:

"Гражданка Н. мне рассказывала под большим секретом о своем разговоре с М. М. ей говорил о том, что в военных кругах существует движение во главе которого стоят тт. Троцкий и Каменев, очевидно, военный, что эта организация активна. О том, что организация предполагает совершить переворот, не говорилось, но это само собой подразумевалось. По разговору с Н. я заключил, что речь идет об оппозиции, но когда я спросил у нее об этом, она сказала, что не совсем так, хотя там и состоят Троцкий и Каменев. Из этого я заключил, что организация

имеет свое индивидуальное лицо. О том, что сам М. состоит в организации, не говорилось, но это тоже ясно было из всего разговора".

Таково показание Тверского по вопросу об "организации военного переворота в СССР в ближайшем будущем". Мы не будем здесь приводить показания гражданки Н. и гражданина М., так как эти показания ничего не прибавляют, кроме ссылки гражданина М. на то, что сведения о заговоре ему сообщило лицо, находящееся весьма далеко от Москвы. Ни Тверской, ни Н., ни М. ничего о заговоре непосредственно не знали. Тверской знает от Н., Н. от М., а М. от упомянутого выше отсутствующего свидетеля. Наиболее конкретную картину заговора дает Тверской, поскольку он говорит, по крайней мере, что во главе этого заговора стоят Троцкий и Каменев. По категорическому утверждению председателя ОГПУ Менжинского, с которым тт. Евдокимов, Зиновьев, Смилга, Троцкий имели по этому вопросу беседу, никаких других материалов по делу о военном заговоре пока нет. Именно эти показания и только эти показания подтвердили, по мнению ОГПУ, не только наличие группы, ставящей своей целью организацию вышеупомянутого "военного заговора", но и причастность к этой группе "ряда членов партии" (Грюнштейна, Гердовского, Мрачковского, Охотникова и др.).

И Щербаков и Тверской были арестованы в ночь с 12 на 13 сентября. В тот же день, 13 сентября, ОГПУ уже писало в ЦКК о подготовке "военного переворота в СССР в ближайшем будущем", о "нелегальной организации Щербакова-Тверского" и о членах партии, которые "как это выяснилось при обыске, оказались в непосредственной связи с нелегальной организацией Щербакова-Тверского". Как явствует, однако, из материалов, в качестве единственного партийца, замешанного в "организации военного переворота в СССР в ближайшем будущем" – назван тов. Троцкий.

На наш вопрос, обращенный к тов. Менжинскому, почему он, придавая столь исключительное значение показаниям Тверского, не известил о них тов. Троцкого, Менжинский ответил, что он "не помнит", называется ли в этих показаниях имя Троцкого. Напоминаем, что первое извещение ОГПУ было 13 сентября, второе – от 27 сентября, а беседа происходила 28 сентября. Присутствовавший при беседе тов. Ягода пояснил, что в тех случаях, когда следствие указывает на причастность к делу партийцев, соответственные материалы пересылаются в ЦКК. Так было и на этот раз. Действительно, как мы уже знаем, показания Тверского, гр. Н. и гр. М. о военном заговоре приобщены в ЦКК к тому же тому материалов, который относится к оппозиционной печатие. ЦКК, в свою очередь, также ни о чем не извещала тов. Троцкого. Тов. Евдокимов случайно ознакомился с этими материалами и затем обратил на них внимание тов. Троцкого и других оппозиционных членов ЦК.

Что все это означает? Мы пока воздерживаемся от политических комментариев.

III. Необходимы выводы

Мы предлагаем немедленно созвать объединенное заседание Полит-

бюро и Президиума ЦКК для выработки нового, третьего обращения к партии, которое должно опровергнуть ложное утверждение, заключающееся в двух первых сообщениях. Другими словами: мы предлагаем довести до сведения партии и со всей ясностью, точностью и категоричностью разъяснить ей то постановление, которое вынес Президиум ЦКК, когда отказал в оглашении показания Тверского, именно, что дело об оппозиционной печатне и дело о так называемом военном заговоре не имеют решительно ничего общего друг с другом.

Мы предлагаем сообщить всей партии, что она введена в заблуждение первыми двумя сообщениями Политбюро и Президиума ЦКК.

Мы предлагаем через особую комиссию ЦК и ЦКК, с участием в ней также и оппозиционных членов этих учреждений, расследовать все это дело с начала до конца для выяснения виновных и для скорейшего привлечения их к ответственности.

Только надежда на то, что Политбюро ЦК и Президиум ЦКК удовлетворят наши законнейшие и элементарнейшие требования позволяет нам не давать здесь же соответственную политическую оценку, изложенным выше фактам и обстоятельствам.

Мы настойчиво просим условиться по телефону о созыве такого заседания в течение сегодняшнего дня.

И. Смилга, Ив. Бакаев, Г. Евдокимов, Г. Зиновьев, Л. Троцкий

1 октября 1927 г.

ЦК, ЦКК, ИККИ
КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ

Только для членов ВКП (б)

По партии ходят пускаемые сверху слухи о связи оппозиционеров с врангелевским офицером и белогвардейским заговором. Кто и для чего их пускает?

Партийный съезд не собирался два года. Около двухсот старых большевиков, в том числе 13 членов ЦК и ЦКК, выработали к XV съезду платформу, в которой подвергли критике политику Центрального Комитета в рабочем вопросе, крестьянском, промышленном, национальном, в вопросах международной политики, Коминтерна и внутрипартийного режима. Но Политбюро, по предложению Сталина, запретило платформу большевиков-ленинцев (оппозиции), тогда как его прямая обязанность была напечатать платформу к сведению всей партии. Почти по всему СССР в конце октября назначены уже губернские конференции для выборов делегатов на XV съезд. Между тем, т. н. "дискуссию" обещают допустить лишь с 1 ноября – т. е. после выборов делегатов на съезд. Это ли не обман? Это ли не подделка съезда? Такой образ действий есть попрание партийного устава, неслыханный удар по съезду и по партии. Нашу платформу мы, оппозиционеры, т. е.

большевики-ленинцы, будем всеми силами и средствами распространять. Так мы и заявили на Политбюро и Президиуму ЦКК.

14 безупречных партийцев занялись перепечаткой платформы на машинках, на шапирографах и пр. Они подверглись обыскам со стороны ГПУ. 12 из них ЦКК исключила из партии. Исключения идут повсеместно.

Но одних исключений, высылок, снятий с работы и т. п. на этот раз оказалось руководителям всей механики мало. Ни клевета об "агентах Чемберлена", ни клевета о "второй партии" не помогли. Они с тревогой говорили сами себе: "Партия, пожалуй, спросит: а что это за платформа, ради которой жертвуют собою старые хорошие партийцы, обстрелянные в боях? Верно ли, что эта платформа антипартийная? Ленин сказал: "Кто в партийных спорах не требует документов, а верит на слово, тот безнадежный идиот". Не хотим быть идиотами. Давайте сюда платформу!" Если партия потребует платформы, то она ее добьется. А если добьется, то увидит из платформы, что оппозиция в борьбе со сталинским руководством отстаивает до конца подлинно пролетарские интересы и дело Ленина. Ленин на X съезде сказал прямо, что, если есть в партии серьезные разногласия, то "придется выбирать по платформам", что "запретить этого мы не в силах" (прот. X съезда, стр. 202).

Наиболее злостные аппаратчики решили: перекрыть платформу таким обвинением, чтоб испугать партию, заставить ее шарахнуться в сторону, не дать ей выслушать ни доводов, ни убеждений и провести "выборы" на XV съезд под указку аппаратной верхушки.

С этой целью выдвинуто было бесчестное обвинение в связи оппозиционной "типографии" с белогвардейским военным заговором. В этом вопросе каждый член партии обязан разобраться.

ОГПУ прислало 13 сентября в ЦКК извещение о том, что работавшие в оппозиционной "типографии" большевики оказались через беспартийного связаны с врангелевским офицером, который, в свою очередь, оказался связан с военным заговором, имеющим задачей произвести переворот в СССР "в ближайшем будущем". Секретариат ЦК одобрил действия ГПУ, производившего обыски у коммунистов, входящих будто бы в "контрреволюционную организацию". Политбюро ЦК и Президиум ЦКК разослали 22 сентября по всей партии особое извещение о том, будто бы работники оппозиции, печатавшие нашу предсъездовскую платформу, находились в связи с контрреволюционным заговорщиком. Это извещение читалось и читается на всех ячейках, вплоть до самых глухих углов. Слух о "связи" оппозиции с военным заговором все шире проникает в среду беспартийных. На чем построено это неслыханное обвинение? На том, что один из работников оппозиционной "типографии" разговаривал будто бы о шапирографе с каким-то врангелевским офицером. Так изображает дело ГПУ.

23 сентября тт. Зиновьев, Смилга и Петерсон (оппозиционеры) обратились в ЦК и ко всем партийным организациям с письмом, в котором спрашивают:

"Кто этот врангелевский офицер? Как его фамилия? Почему она

умалчивается? Арестован ли он?"

Только под кнутом этих вопросов председатель ГПУ сообщил письменно, что так называемый врангелевский офицер – просто агент ОГПУ, не раз помогавший раскрывать белогвардейские заговоры. Таким образом, все сообщение о врангелевском офицере и о связи "типографии" с военным заговором оказалось ложью и обманом – ложью на оппозицию, обманом – партии. Единственный вывод, вытекающий из фактов, сообщенных самим ОГПУ, таков: один и тот же агент ОГПУ вел наблюдение над военными заговорщиками и над коммунистами, готовящими к XV съезду платформу большевиков-ленинцев (оппозиции). Партийные ячейки были злостно введены в заблуждение. Не зная того, не подозревая того, они выносили резолюции на основании обмана и подлога. Дело о военном заговоре никакого отношения к перепечатке оппозиционной платформы беольшевиков-ленинцев не имеет. Это было полностью установлено во время суда над участниками так называемой оппозиционной типографии. Никто из обвинителей из состава ЦКК ни одним словом не упомянул о связях с военным заговором. Это ложь, основанная на том, что агент ОГПУ был выдан партии за заговорщика.

Но на этом дело не кончается. По извещению ГПУ выходило, что врангелевский офицер, т. е. на деле агент ГПУ, связывал типографию оппозиции с каким-то военным заговором. В письме в ЦК тт. Зиновьев, Смилга, Петерсон (оппозиционеры) спрашивали:

"Кто должен был делать этот военный переворот" в ближайшем будущем"? Какая группа? Организация? Лица?"

На эти вопросы нам сообщили лишь, что расследование по делу продолжается.

Но если расследование только происходит, то, казалось бы, надо подождать конца. Наше предложение создать комиссию для расследования с участием членов ЦК и ЦКК (оппозиционеров) отклоняется. Клевета забегает вперед, не дожидаясь никаких расследований.

Кто сообщил о военной организации? Некий Тверской, беспартийный, не имеющий никакого отношения ни к оппозиции, ни к печатанию платформы. Кому Тверской сообщил о военном заговоре? Агенту ГПУ. До сих пор все как будто в порядке. Выходит, что Тверской, узнавши о военном заговоре контрреволюционеров, сделал то, что должен сделать каждый честный советский гражданин, т. е. сообщил в ГПУ. Но что сделало ГПУ? Переслало показания Тверского в ЦКК, как доказательство связи большевиков-оппозиционеров с контрреволюционными заговорщиками. Секретариат ЦКК приобщил показания Тверского к бумагам, относящимся к перепечатке платформы.

Какова же суть показания Тверского о подготовке "военного переворота в СССР в ближайшем будущем"?

Ссылаясь на некую обывательницу, которая ссылается на другого обывателя и т. д., Тверской говорит:

"В военных кругах существует движение, во главе которого стоят тт. Троцкий и Каменев, очевидно, военный... Эта организация активна. О том, что организация предполагает совершить переворот, не говорилось, но это само собой подразумевалось".

Как вытекает из сообщения самого ОГПУ, Тверской, по собственной инициативе, сообщил агенту ОГПУ о том, что он из третьих или четвертых рук слышал о существовании военного "движения", во главе которого стоят, как оказывается, Троцкий и Каменев. Какие же коммунисты входят в контрреволюционную организацию? Те, что перепечатывали платформу? Нет, сам Президиум ЦКК категорически отверг это обвинение. О каких же коммунистах идет речь? Не о Троцком ли? Тверской называет Троцкого и только его. Но заправилы грязного дела пока еще не решаются, очевидно, пустить в ход это второе, более острое блюдо – насчет военного заговора, возглавляемого Троцким! Они считают, очевидно, что час еще не пробил.

ОГПУ выдало своего агента за контрреволюционера, чтобы оправдать обыски у коммунистов. Секретариат ЦКК одобрил поведение ОГПУ на основании доклада Ярославского о мнимом участии коммунистов в контрреволюционной организации. Политбюро выпустило на эту тему извещение. Кто в этом деле обманывает? Кто обманут? Кто и для чего создал этот подлог? Кто пустил в партию отравленное обвинение?

Все нити ведут к Сталину. Без его согласия, одобрения, поощрения никогда бы никто не осмелился бросить в партийные ряды основанные на подлоге обвинения оппозиционных коммунистов в участии в контрреволюционной организации.

То, что Сталин делает в большом масштабе, на местах делается в малом. Тупые чиновники, или негодяи-карьеристы ставят на партийных и беспартийных собраниях отравленный вопрос: а где оппозиция берет деньги для своей работы? Эти презренные клеветники не знают, очевидно, что наша партия выросла на самоотвержении и героизме своих членов, а не на полученных со стороны деньгах.

В Сталинграде бывший секретарь губкома Путнин обвинял рабочих-оппозиционеров в том, что они продают государственные секреты и с револьвером в руках заставляют коммунистов молчать о работе оппозиции. Такие и подобные гнусности распространяются по собраниям и публикуются в печати. Они расходятся по все более широким кругам партии и беспартийных.

Все наши попытки удержать грязный поток клеветы и добиться честной принципиальной и деловой дискуссии не привели до сих пор ни к чему. Наше требование опровергнуть клевету насчет связи оппозиции с военным заговором было отклонено. Легенда о "врангелевском офицере" гуляет по стране, отравляя сознание миллиона членов партии и десятки миллионов беспартийных. Цель одна: перекрыть политическое банкротство Сталина, очернить оппозицию, застращать партию, сорвать дискуссию, подтасовать XV съезд. Таково положение в настоящий момент.

Вывести партию на широкую дорогу из сталинской трясины может только сама партия. Она должна судить, она должна решать. Все документы на стол партии! Кто в партийных разногласиях не требует документов, а верит на слово, тот безнадежный идиот. Важнейшим документом настоящего момента является платформа большевиков-ленинцев (оппозиции).

Позор тем, кто свое политическое банкротство прячет за спиной мнимого врангелевского офицера!

Платформу оппозиции – на стол партии!

Да здравствует свободное и честное внутрипартийное обсуждение спорных вопросов!

Долой подтасовки, подделки, клевету, травлю, застращивания, исключения, отсечения!

Да здравствует честно созванный XV съезд!

Да здравствует ВКП (б) как единая и единственная партия пролетарской диктатуры!

Подписи: *Троцкий*
Зиновьев
Евдокимов
Бакаев
Петерсон
И. Смилга

4 октября 1927 г.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ "ПРАВДА"

По поручению тов. Троцкого посылаю при сем для помещения в газете его статью "Худой мир лучше доброй ссоры".

Приложение: упомянутое.

5 октября 1927 г. Секретарь: *Познанский* *

"ХУДОЙ МИР ЛУЧШЕ ДОБРОЙ ССОРЫ" **

Почему французское правительство настаивает ныне на отозвании тов. Раковского? Потому что по поводу Раковского велась острая полемика. По какому случаю велась в реакционной французской печати полемика и против Раковского? По тому случаю, что Раковский подписал политическое заявление, которое объявляет долгом каждого сознательного и честного солдата империалистских армий переход в случае войны на сторону СССР. Поистине трудно представить себе более бессмысленный повод. Еще труднее представить себе более глупое положение, чем то, в которое попала почтеннейшая французская дипломатия под кнутом империалистской реакции.

Требование отозвать Раковского за подписание упомянутого выше

* Копия статьи у Зиновьева. 2 экз. находятся временно в "папке статей". – *Познанский.*

** Пометка рукой Зиновьева [приписка Л. Троцкого]: "У меня одно сомнение: если поместят (что, конечно, весьма сомнительно), то рабочие могут понять, что и мы за уплату 60 мил. умн. на 62 года. Стоит ли этим рисковать?" [Приписка Г. Зиновьева.]

заявления имело бы смысл лишь в том случае, если бы преступные взгляды Раковского на войну составляли его личную особенность, т. е. если бы, в отличие от Раковского, все остальные советские дипломаты и все вообще руководящие политические деятели Советского Союза считают, что во время войны против СССР обязанностью рабочих и крестьян в империалистских армиях является защита своих капиталистических правительств. Только в этом случае имело бы подобие политического смысла требование французского правительства заменить тов. Раковского другим, более благонадежным лицом. Но ведь это же не так. Та простая мысль, которая вменяется в особую вину тов. Раковскому, является общим достоянием каждого революционера, каждого коммуниста, каждого большевика.

Программа нашей партии беспощадно осуждает "прикрытие защиты грабительских интересов своей национальной буржуазии лживым лозунгом защиты отечества". Вся нынешняя мировая обстановка "с неизбежностью приводит, – по словам нашей программы, – к сочетанию гражданской войны внутри отдельных государств с революционными войнами как обороняющихся пролетарских стран, так и угнетаемых народов против ига империалистских держав". Те же основные мысли проходят через все без исключения постановления Коминтерна, касающиеся империалистских войн и войны против СССР в частности и в особенности. Таким образом, преступная мысль тов. Раковского, поднявшая на дыбы империалистскую печать Франции, есть только простое разъяснение, вернее сказать, простое повторение мысли, вытекающей из самого существа коммунистической программы и потому обязательной для каждого коммуниста без исключения. Более того, признание или непризнание этой мысли является одним из важнейших признаков для отличения коммуниста от некоммуниста. Следовательно, приведшая французскую буржуазию в ярость мысль тов. Раковского, характеризует его не как Раковского, а как коммуниста.

Чего же в таком случае хочет французское правительство? Господин Эрбет должен был бы дать на этот счет необходимое разъяснение. Чего хотят господа Мильеран, Нуланс и К^{о} – известно, ибо эти господа своих желаний не скрывают: они хотели бы иметь послом в Париже Сазонова или, в крайнем случае, Милюкова. Но для этого нужно предварительно переменить правительство в Москве. В свое время Мильеран, Клемансо проделали такой опыт. Намерены ли они его повторить?

Чего хотят радикалы, составляющие левую часть правительства? Незачем говорить, что мы не делаем себе насчет радикалов никаких иллюзий. Сами радикалы не однородны. В общем они делятся на две группы: на таких, которые обманывают, и на таких, которые желают быть обманутыми. С некоторым запозданием и с жестами сопротивления они в конце концов всегда выполняют то, чего захочет империалистская буржуазия, если только она этого крепко захочет.

Хотят ли радикалы, чтоб советское правительство назначило своим послом Керенского? Это не выйдет. Послом советского правительства может быть только член правящей партии, т. е. большевик. А в качестве

такового посол связан программой своей партии.

Не думают ли господа радикалы, что партия изменит свою программу? Но ведь во имя этой программы мы и совершали ту самую Октябрьскую революцию, которая привела к аннулированию царских долгов и к экспроприации фабрик и заводов. Мы каждый раз возвращаемся, таким образом, к исходному пункту. Раковский тут ие при чем. Виновата программа компартии. Виновата Октябрьская революция.

Вот почему все преимущества на стороне империалистской реакции. Она прекрасно понимает, что советский посол меньше, чем какой бы то ни было другой, ведет самостоятельную политику. Каждый советский посол стоит и будет стоять на той точке зрения, что в случае нападения капиталистических государств на СССР – из-за долгов ли или по другим причинам, – буржуазное правительство натолкнется на сопротивление передовых рабочих у себя, сопротивление это будет расти, захватывая все более широкие круги и раньше или позже перекинется на империалистскую армию. Война империалистов против Советского Союза мыслима только как очень серьезная, очень упорная, очень длительная война, а это и значит, что на известном своем этапе она, как говорит наша программа, неизбежно превратилась бы в гражданскую войну внутри капиталистических стран. Каждый коммунист русский, как и иностранный, оказал бы такому превращению всемерное содействие.

Ну, а когда капиталистические государства воюют друг с другом, разве они не стремятся поднять восстание в тылу друг у друга: немцы – в Ирландии, французы – в Галиции и Чехословакии и т. д. Разве военное дезертирство не пользуется "взаимным" покровительством капиталистических государств? Разве в мирное время Франция не делала все, что могла, чтобы создать свои опорные базы в Эльзас-Лотарингии. Разве есть теперь одно государство в Европе, которое мерило бы работы "разложения" в границах своего ближайшего соседа? А торговля и дипломатические отношения идут своим чередом.

Конечно, капиталистические государства играют во время войны, главным образом, на национальных моментах. Советское же правительство рассчитывает на классовые свои связи с международным пролетариатом. Наши расчеты неизмеримо серьезнее, глубже, грознее для наших возможных врагов. Но разве это вытекает из тех или других слов Раковского? Нет, это вытекает из классовой природы нашего государства, которое создано Октябрьской революцией. Мы опять возвращаемся к исходному пункту.

Радикалы или их ближайшие соседи справа, вроде Бриана, говорят: "Придется потребовать замены Раковского". А дальше что? Допустим, что новый посол имел бы все личные плюсы Раковского; но уж он, во всяком случае, имел бы все его большевистские "минусы". Что же дальше?

Империалистская реакция последовательнее. Она говорит: мы требуем удаления Раковского не как Раковского, а как большевика. Но ведь это значит, – возражают им робко радикалы, – что вы потребуете отозвания и всякого другого советского посла? – Конечно, отвечают импе-

8*

риалисты – но ведь это значит разрыв дипломатических отношений с СССР? Вот именно, – отвечают реакционеры. – А что дальше?

На этом месте последовательность реакционеров обрывается. О дальнейших шагах они не говорят. Одни из них хотят нас шантажировать, чтобы выжать большие уступки. Другие хотят постепенно, через ряд ступенек, втянуть Францию в войну против СССР.

Война есть дело серьезное. Французская пословица говорит: на войне действуй по-военному. Мы так и собираемся действовать, если бы на нас напали. Но русская пословица говорит: худой мир лучше доброй ссоры. Ссора между государствами – есть война. "Худшего мира", т. е. дружбы между Советским Союзом и буржуазными государствами не может быть. Но серьезные деловые связи и, правильнее, дипломатические отношения, как свидетельствует опыт, вполне возможны. На войне – по-военному. Эту меткую французскую пословицу мы усвоили себе до конца. Остается пожелать, чтобы нашу русскую пословицу – худой мир лучше доброй ссоры – господин Эрбет перевел на французский язык.

5 октября 1927 г. *Л. Троцкий*

В РЕДАКЦИЮ "ПРАВДЫ"

Вчера мною послана в редакцию статья "Худой мир лучше доброй ссоры". Цель статьи ясна: показать французской буржуазии, что в вопросах обороны СССР и вообще охраны его интересов она не может рассчитывать на разногласия внутри ВКП. Если, однако, редакция "Правды" собирается поступить с этой статьей так же, как с моей беседой с американской делегацией, то есть снабдить статью примечаниями, которые должны подорвать политическую цель статьи, тогда самое публикование статьи становится бессмысленным.

Вот почему я заранее заявляю, что, если редакция собирается политическую манифестацию в интересах СССР подменить одной из своих фракционных выходок, то я заранее отказываюсь от напечатания статьи и требую возвращения мне рукописи.

Если же у редакции имеются предложения каких-либо деловых изменений, поправок или дополнений, то я, разумеется, охотно пойду навстречу в рамках той задачи, которую ставит себе моя статья.

С коммунистическим приветом

Л. Троцкий

6 октября 1927 г.

ПРЕЗИДИУМУ ЦКК

К сведению: тт. Сталину, Рыкову, Зиновьеву, Смилге

Выписка из протокола № 143 заседания Президиума ЦКК от 3 октября 1927 г. гласит:

"Ввиду того, что тов. Троцкий с 6 июля 1927 г. по настоящее время

не представил доказательств в подтверждение своего заявления против тов. Шкирятова, считать, что их у него нет и дело прекратить".

Я думаю, что Президиум ЦКК только компрометирует себя такого рода постановлением. Я говорил в свое время, что тов. Шкирятов, как и тов. Ярославский и др. подготовляют постепенно и систематически сталинский план раскола партии путем последовательных исключений, отсечений и отколов, — т. е. аппаратно-замаскированный раскол в рассрочку. Я утверждал, что всякий, кто послушает сегодняшние речи Ярославского, Шкирятова и других, получит тем самым представление о том, что Сталин затевает и подготовляет сделать через несколько месяцев, через полгода, через год. То, что Шкирятов нашептывал на уши отдельным коммунистам, теперь уже совершается на деле. Каких еще нужно доказательств?

Называть имена тех товарищей, которым Ярославский, Шкирятов и др. полгода тому назад говорили с глазу на глаз о необходимости отсечь головку оппозиции, значило бы без всякого смысла подводить теперь этих товарищей под репрессии тех же Ярославских и Шкирятовых.

Кому нужны доказательства моих слов, тому достаточно прочитать протоколы Президиума и Секретариата ЦКК, в частности, протокол Секретариата от 13 сентября, одобряющий обыски у коммунистов, "входящих в контрреволюционную организацию".

Л. Троцкий

6 октября 1927 г.

СЕМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

1. За несколько недель до десятилетнего юбилея партия узнает, что в заготовленный уже манифест Политбюро решило включить пункт "о сокращении рабочего дня в инструкции до семи часов".

Ожидал кто-нибудь такой реформы? Была ли она партией обдумана? Слышала ли партия хоть намек на такой шаг две недели тому назад?

Нет, и на этот раз политика ведется в порядке сюрпризов, неожиданностей, застижения партии врасплох.

Несколько недель тому назад партия внезапно узнала, что Политбюро собирается платить Франции ежегодно 22 миллиона золотых рублей в счет старых долгов. Сегодня партия столь же внезапно узнает, что Политбюро собирается ввести в промышленности семичасовой рабочий день.

Политика сюрпризов и зигзагов становится все более резкой и нетерпимой.

2. Что означает, по существу, провозглашаемая Политбюро мера? Если это временное сокращение рабочего дня в целях борьбы с острой безработицей, если понимать эту реформу так, тогда это не улучшение положения рабочих а распределение тяжести безработицы на весь рабочий класс. К таким мерам прибегали не раз капиталистические государства, вводя неполную рабочую неделю и пр. Необходимость прибегнуть к такого рода серьезной и тяжелой реорганизации производственного

процесса могла бы диктоваться только таким положением, когда рост безработицы становится неизбежным на неопределенно долгий период. Ясно, что такого рода "реформа" не заключала бы в себе ничего юбилейного. Постановление Политбюро говорит не об этом. Оно имеет в виду не временное сокращение рабочего дня, а планомерный переход с 8 часов на 7 часов работы во всей промышленности.

3. Действительное введение семичасового рабочего дня – "без уменьшения вознаграждения за труд", как гласит постановление Политбюро, – означает повышение расценок при сдельной оплате труда и вообще очень значительное, исчисляющееся в сотни миллионов, повышение зарплаты. Еще до вчерашнего дня указания оппозиции на необходимость более систематического повышения зарплаты назывались демагогией и наталкивались на одно и то же возражение: "А где взять средств?" Все протоколы ЦК, все шпаргалки, все писания бухаринско-слепковской школы вертятся вокруг этого довода: "демагогия? – где взять средств".

Теперь оказывается, что средства имеются для перехода на семичасовой рабочий день "без уменьшения вознаграждения за труд". Этот поразительный факт является беспощадным осуждением той травли, которая велась против оппозиции в рабочем вопросе. Всякий член партии, всякий рабочий вообще скажет себе, что никогда, ни в каком случае в манифесте не появилось бы столь неожиданное обещание семичасового рабочего дня, если бы оппозиция в течение всего предшествующего периода не боролась так упорно и настойчиво против небрежного, невнимательного и "нехозяйственного" отношения к потребностям и нуждам рабочего класса.

4. Кто же является демагогами? Те ли, которые отстаивают ту мысль, что социалистическое строительство предполагает систематическое улучшение положения рабочих во всех областях, исходя из того, что расходы в этой области окупятся не только политически, но и производственно? Или же демагоги являются те, кто в "будни" считает возможным осуществлять режим экономии, рационализацию, индустриализацию – за счет рабочих, а под праздничек, под юбилей, внезапно объявляют – без малейшей подготовки – введние семичасового рабочего дня?

5. Платформа большевиков-ленинцев (оппозиции) требует:

"Пресечь в корне всякие поползновения к удлинению восьмичасового рабочего дня; не допускать применения сверхурочных работ, кроме случаев безусловной необходимости. Не допускать злоупотреблений наймом временной рабочей силы и подведения постоянных рабочих под "сезонных". Отменить все удлинения рабочего дня во вредных цехах, допущенные в отступление от ранее изданных положений".

Это звучит на первый взгляд куда более скромно, чем праздничный прыжок от восьмичасового рабочего дня к семичасовому. Но всякий член партии неизбежно спросит себя: "Каким это образом случилось, что за последние годы Кодекс Труда все более ухудшался, в частности, и в отношении длительности рабочего дня, – а теперь вдруг, без малейшей подготовки, делается скачок через все ухудшения Кодекса, через

все удлинения рабочего дня, через злоупотребления сверхурочными работами и пр. и пр. непосредственно к семичасовому рабочему дню? Серьезна ли эта реформа? Можно ли ей сколько-нибудь доверять?

6. На этот основной вопрос ответ заключается в следующих строках постановления Политбюро:

"В отношении производственных заводских рабочих... необходимо обеспечить на протяжении ближайших лет переход от восьмичасового рабочего дня к семичасовому рабочему дню, без уменьшения вознаграждения за труд".

Для этого необходимо:

"Приступить не позже чем через год к постепенному осуществлению этого постановления по отношению к отдельным категориям рабочих в соответствии с ресурсами страны, ходом переоборудования и рационализации фабрично-заводских предприятий, ростом производительности труда и изнурительности работы".

В такой постановке провозглашенная реформа есть лишь неопределенное обещание к празднику – и ничего более. Азбука социализма говорит, что рабочее государство может от восьмичасового рабочего дня переходить не к девятичасовому, а к семи, к шестичасовому рабочему дню, в зависимости от роста техники и производительности труда. Юбилейное обещание гласит, что такой переход (от 8 часов к 7-ми) должен совершиться "на протяжении ближайших лет". Что это значит? В течение ближайших 5-ти лет? Или 3-х? Или 10-ти?

Пятилетка Госплана, как и пятилетка ВСНХ, как и все другие перспективные промышленные планы до сих пор совершенно не включали в свои расчеты переход с восьмичасового рабочего дня на семичасовой. Пятилетки свидетельствуют, что о таком переходе нигде не было до сих пор и речи. Это означает, что руководящие хозяйством органы до сих пор ни разу даже не задумывались, в течение какого именно количества лет возможен переход от восьмичасового рабочего дня к семичасовому. Наоборот, мысль руководящих хозяйственных органов до сих пор направлялась на ухудшение Кодекса Труда, а не на улучшение.

7. Таким образом, под именем "сокращения рабочего дня до 7-ми часов", мы имеем на деле ничего не говорящее общее место, по существу дела чисто авантюристское обещание, которое со страниц манифеста поразит в одинаковой мере и рабочих, и профессионалистов, и хозяйственников, и крестьян, и потребителей вообще. У потребителей эта юбилейная реформа вызовет чрезвычайные опасения насчет цен, – тем более, что до сих пор вся печать в один тон кричала, что зарплата занимает слишком большое место в издержках производства. У рабочих внезапная реформа вызовет большие ожидания, которые ходом вещей окажутся обманутыми. Политический результат юбилейного сюрприза окажется прямо противоположным тому, на какой рассчитывают авторы "реформы". У них дело идет не о хозяйственном и культурном вопросе громадной важности, а о том, чтобы "перекрыть" оппозицию за полтора месяца до партийного съезда. Провозглашаемая реформа дает, таким образом, убийственную оценку всей линии нынешнего руководства.

8. Значит ли это, что переход от 8-ми часов к 7-ми немыслим в течение ближайших лет? Нет, не значит. Общий курс должен вести именно в этом направлении. Но это должен быть именно курс, а не политика зигзагов и авантюр. Вопрос о возможности перехода к семичасовому рабочему дню и о сроках такого перехода есть вопрос обо всей нашей хозяйственной политике и, прежде всего, о темпе индустриализации страны. Дело идет не о юбилейном выкрике, а об изменении всего курса хозяйственного руководства, прежде всего и в особенности в вопросах материального положения рабочих. Для того чтобы дать в этих вопросах правильное направление мысли партии и советского государства нужно твердой рукою провести те меры, которые указаны в платформе оппозиции и, прежде всего, нужно к десятилетию Октябрьской революции восстановить в силе октябрьский Кодекс Законов о Труде, начиная с действительного обеспечения действительного восьмичасового рабочего дня.

* * *

Манифест намечает страхование на случай старости не только батраков, но и беднейших крестьян и деревенской бедноты на 40%. Думать сейчас о страховке чуть не половины крестьянства явная бессмыслица. Особенно ясной становится несостоятельность такого рода плана, вернее сказать, обещаний, если сопоставить их с тем фактом, что всего несколько недель тому назад строительные рабочие фактически сняты со страхования и переведены на положение, скажем, лесорубов. В этом постановлении выражается политика будней. А страхование беднейших крестьян — это широковещательное праздничное обещание, которое и называется в политике демагогией.

Л. Троцкий

10–12 октября 1927 г.

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК ВКП (б) *

8 сентября происходило объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК, где рассматривался вопрос о внесенной нами платформе большевиков-ленинцев (оппозиции). Согласно решению заседания велась стенограмма, предназначенная для сведения партии. Присланные нам стенограммы речей были нами своевременно выправлены. Между тем, до сих пор не опубликована стенограмма заседания, на котором решался исключительной важности вопрос о доведении до сведения партии платформы 13 членов ЦК и ЦКК, в выработке которой принимало участие до 200 старых партийцев-большевиков.

Задержка в выпуске этой стенограммы (как, наприм., и стенограммы апрельского пленума этого года) может объясняться только тем, что имевшие место на указанном заседании прения освещают вопрос о платформе оппозиции в крайне невыгодном для Политбюро свете. Другими

* Написано одним из подписавшихся. [Приписка Троцкого.]

словами, стенографические отчеты ЦК, которые должны играть роль суррогата партийной демократии, все более являются, по существу, орудием односторонней и ложной информации партии.

12 октября 1927 г.

Г. Зиновьев
Л. Троцкий.

РЕЧЬ ТРОЦКОГО НА ФРАКЦИИ ЦИК ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЙНОГО МАНИФЕСТА

Товарищи, здесь тов. Киров, в качестве гостеприимного хозяина, прочел нам краткую лекцию о пользе семичасового рабочего дня. Он доказывал, что семь часов работы для рабочего гораздо привлекательнее и в культурном смысле гораздо выгоднее, чем восемь часов (шум). Мы здесь находимся не в школе политграмоты (к сожалению, у тов. Кирова, как и других, школа политграмоты часто превращается в школу политнеграмоты), мы находимся в законодательном учреждении Советского Союза (шум). Речь у нас идет не об общей пользе семичасового рабочего дня, а о том, вводить ли его, когда и как (голос: мы находимся на фракции). Да, покуда во фракции, но во фракции той партии, которая решает в высшем органе Союза. Я уже слышал здесь, со скамей, дешевое замечание, что тов. Зиновьев "противник" семичасового рабочего дня (голос: это демагогия). Не достает того, чтобы мы с вами маленечко поменялись ролями: вы начнете нас, кажись, скоро упрекать, что наши требования в отношении рабочих недостаточны. Это все очень дешево. Видите ли, в той самой платформе, упоминание о которой вызвало преждевременные смешки... Да, товарищи, не торопитесь смеяться (смех), не торопитесь смеяться. Так в этой платформе сказано: "Пресечь в корне всякие поползновения к удлинению восьмичасового рабочего дня, не допускать применения сверхурочных работ, кроме случаев безусловной необходимости, не допускать злоупотреблений наймом временной рабочей силы и подведением постоянных рабочих под сезонные, не допускать удлинения рабочего дня во всех вредных цехах, допущенного в отступление от ранее сделанных постановлений". Давайте-ка для начала осуществим это. Вопрос стоит так: было ли у нас за последние годы изменение Кодекса и нашей практики в сторону сокращения или удлинения рабочего дня? До вчерашнего дня шло удлинение, ухудшение, — до того момента, когда внезапным постановлением Политбюро тов. Бухарину вменено было в обязанность в уже готовый, в уже написанный манифест вставить малюсенький пункт о переходе с восьми на семичасовой рабочий день. Что ж это значит? Если, товарищи, вопрос решается соображениями международными, которым мы отдаем полную дань, если вопрос решается культурными преимуществами семичасового рабочего дня для пролетариата, то ведь надо надеяться, что эти не новые соображения были у авторов манифеста в тот момент, когда они макали перо в чернильницу. Почему же этот

пункт вставлялся в манифест вдогонку? Откуда такая внезапность? Откуда поспешность? Если мы хотим издать акт, который должен иметь непосредственно практическое значение, то здесь требовалась бы хоть минимальная подготовка. Ее нет и в помине. Я надеюсь, что каждый из вас знаком с основными чертами наших хозяйственных пятилеток: первая пятилетка ВСНХ, вторая пятилетка ВСНХ, пятилетка комиссии Госплана. Ни в одной из этих пятилеток, которые вырабатывались в основных руководящих хозяйственных органах государства, я не находил, – думаю, что и вы не найдете, – ни одного намека на вопрос о переходе с восьмичасового на семичасовой рабочий день. Между тем, для хозяйственных перспектив этот вопрос имеет немалое значение. Я гораздо менее имел возможности следить за протоколами всех профессиональных съездов и совещаний. Не знаю, может быть, я ошибаюсь, – тов. Томский, который является, кажись, одним из инициаторов сокращения восьмичасового рабочего дня, меня, может быть, поправит, – я не знаю ни одного профессионального съезда или совещания, где бы этот вопрос обсуждался в качестве практического предложения. Как же обстоит дело, товарищи? Идет ли речь о законодательном мероприятии или об общей декларации в стиле речи тов. Кирова, который, извиняюсь, неправильно поставил вопрос и с точки зрения простой политграмоты. Потому что, если таким образом ставится вопрос о сокращении безработицы, то это не есть шаг вперед, это не реформа, вызванная возросшим богатством, большим хозяйственным могуществом, – нет, это такая мера, которая стремится безработицу распределить на спинах всех рабочих. Только так и можно поставить вопрос о борьбе с безработицей путем временного сокращения рабочего дня. Когда сокращают рабочий день или рабочую неделю в целях борьбы с безработицей, то этим самым распределяют безработицу на весь рабочий класс, снижая, а не повышая его жизненный уровень. Тогда сокращают и заработную плату на соответственную долю. Но манифест, очевидно, не имеет этого в виду. Там сказано: "без сокращения вознаграждения за труд". Тогда это есть не временная мера борьбы с безработицей, а основная, коренная, принципиальная мера. Но она может получить практический смысл лишь в том случае, если она введена в перспективный план нашего хозяйства, если она рассчитана, по крайней мере, в рамках пятилетнего перспективного плана. Иначе это есть простая декларация, которая должна вызвать у каждого серьезного хозяйственника, профессионалиста, рабочего недоверие, как мера непроработанная, как обещание, данное наобум. Почему эту реформу преподнесли в таком неожиданном порядке? Ведь это же бьет в глаза: реформа преподнесена не в порядке хозяйственного плана и расчета, а в порядке юбилейного политического сюрприза. Куда же это годится – преподносить такую меру через поправку к манифесту в порядке откровения, в порядке неожиданности.

И вообще, товарищи, проводимая ныне политика сюрпризов и политика неожиданностей не может быть политикой революционной пролетарской партии. Наш рабочий класс несколько недель тому назад, в порядке неприятного сюрприза, узнал о том, что мы собираемся платить

Францни 60 миллионов франков в год; не касаюсь сейчас того, правильно это или неправильно; но факт таков, что французские лавочники и французские консьержки узнали о наших намерениях и планах в этой области на несколько месяцев раньше, чем наш рабочий класс. Те интервью, которые давал тов. Раковский, по указанию Политбюро, французским газетам, не были допущены к перепечатке в наших газетах. Почему? Что это за политика? Наш рабочий класс узнал о намерении правительства платить 60 мил. франков в год – в порядке сюрприза, а теперь, спустя 2–3 недели, он, опять-таки, в порядке сюрприза, узнает, что мы собираемся переходить на семичасовой рабочий день после того, как в течение последних лет систематически ухудшали Кодекс Законов о Труде, не сокращая, а удлиняя рабочий день. Что это за порядок? Когда мы, оппозиционеры, называли любую скромную меру в области социального законодательства, улучшения материального положения рабочего класса и т. д., то что нам говорили многие сидящие здесь, на этих скамьях? Единственное слово, которое мы встречали, это – демагогия, а в лучшем случаев, натыкались на вопрос: где взять средств?

Товарищи, если вы теперь открыли тот рецепт, в незнании которого вы обвиняли нас, – т. е. где взять средств? – то вы обязаны записать его в манифест. Вы обязаны открыто сказать: оппозиционеры, которые критиковали нас за то, что мы удлиняем рабочий день, эти оппозиционеры – демагоги, ибо не знают, где взять средств, а вот наши тт. Томский и Куйбышев (ближайшие контрагенты в этом вопросе) этот секрет открыли и подготовили это дело в виде сюрприза к 10-й годовщине Октября. Объясните же начистоту, почему вы до сегодняшнего дня удлиняли рабочий день и почему сегодня внезапно считаете необходимым провозгласить переход к семичасовому рабочему дню. Конечно, в деле улучшения положения рабочих мы всеми силами поможем вам... (шум, голоса: какими силами?) – нашими силами, – но только надо поставить этот вопрос деловым порядком, как вопрос серьезного хозяйственного расчета, а не как вопрос сомнительного юбилейного подарка, не как красное яичко ко Христову дню, – как это преподносится сегодня. Вся эта "реформа" есть мера политическая для данного острого момента, в целях политического эффекта и только. Позвольте вам указать источник происхождения этой меры. Вот вы здесь, товарищи, отвечали смешком на упоминание тов. Зиновьева о платформе, а позвольте вам сказать, что если бы не было этой самой платформы... (шум), то не было бы и этого самого семичасового рабочего дня (смех, шум). (Председатель: ваше время истекло.) Оказывается, что как раз на упоминании о платформе время у меня истекло. Я поэтому вынужден ограничиться в ответ на ваш смех только несколькими короткими замечаниями. В этом самом манифесте, помимо неожиданного пункта о семичасовом рабочем дне, есть еще неожиданный пункт о дополнительном освобождении 10% крестьян от сельскохозяйственного налога. Когда мы предлагали освобождение 40–50%, то это называлось демагогией, покровительством иждивенчеству и пр. А когда к 25% освобожденных прибавляется неожиданно еще 10%, приходится спросить: откуда

это? Ведь дифференциация в деревне "слаба", ведь мы ее преувеличиваем, ведь ее выдумали Голенда и Каменев, ведь вопрос о кулацкой опасности нами раздувается, ведь бедняк это лодырь, ведь у нас бедняцкий перегиб или уклон. Почему же вы в манифесте преподносите сюрприз: освободить дополнительно 10% бедняков от сельскохозяйственного налога? (звонок председателя). Михаилу Ивановичу Калинину, известному бедняцкому представителю, не терпится. Еще одну минуточку, Михаил Иванович.

Калинин: Я человек очень пунктуальный, а тов. Троцкий сама пунктуальность.

Троцкий: К сожалению, ваша пунктуальность захватывает вас тогда, когда касаются вопроса о бедняке и кулаке (смех). Очевидно, что у кого болит, тот... не любит, чтоб об этом говорили, — вопреки русской пословице.

Наконец, товарищи, третий момент — о страховании бедняков и батраков.

Калинин: ...Демократия.

Троцкий: Тов. Калинин, придется и вам, может быть, укрываться под сенью этой демократии. Не плюйте в колодец из которого придется напиться. Товарищи с Северного Кавказа могут вам кое-что по этому поводу рассказать, вы у них поинформируйтесь насчет "демократии". Но я говорю сейчас не насчет демократии, а насчет страхования бедняков и батраков. Великолепная мера! Но ведь только вчера, товарищи, сняли с общего социального страхования строителей, значительную часть пищевиков, значительную часть водников и перевели их на положение лесорубов и пр., — и в этом вопросе все колеса машины вертелись слева направо, а к праздничку — справа налево. Но ведь если машина имеет движение слева направо, а затем дается один резкий поворот зубчатого колеса справа налево — как бы не обломались тут какие-нибудь зубья. И почему такой внезапный и быстрый поворот? Конечно, надо надеяться, что тов. Куйбышев этот секрет знает. Знает вероятно, и тов. Томский (шум). Да и секрет этот слишком уж прост: весь он в той самой платформе, которую пытались сперва перекрыть врангелевским офицером и военным заговором, которую пытались задушить гнусной бонапартистской клеветой (шум, голоса: довольно). А когда справа, по-бонапартистски, перекрыть не удалось, — партия не повернула, — тогда сказали: попробуем перекрыть слева (голоса: довольно, хватит, шум)... И отсюда возникли, в порядке внезапного сюрприза, неожиданные дополнения манифеста, все эти очень громко и широко провозглашенные социальные реформы. Принципиально такие меры можно только всемерно приветствовать, но их нужно не провозгласить только, а провести на деле, в порядке хозяйственного плана, — тогда и только тогда мы им поверим и поможем их проводить.

15 октября 1927 г.

РЕЧЬ ЗИНОВЬЕВА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ ВТОРОЙ СЕКЦИИ ЦИК СССР, ОГЛАШЕННЫЕ ЗИНОВЬЕВЫМ

Товарищи, я не успел сколько-нибудь подробно ознакомиться с проектом манифеста, который должен получить довольно существенное значение, как и большинство членов фракции, вероятно, не имели еще возможности ознакомиться с ним подробнее. Поэтому я, может быть, проглядел какие-нибудь части, но думаю, что основное впечатление от него я получил правильное. Прежде всего бросается в глаза громадный пробел в этом документе: в высшей степени слабая разработка международной части, почти полное отсутствие международной части. Если я не ошибаюсь, в этом документе нет даже слова "Коминтерн": в этом документе нет ни одного слова о китайской революции; в этом документе нет ни одного звука об англо-русском разрыве, как и о наступлении французских капиталистов. Я думаю, что это существеннейший пробел в документе, который должен подвести итоги десятилетию первой пролетарской революции. Мы в таких наших советских документах при Ленине всегда подобные темы затрагивали. Международные вопросы в данный момент касаются нас не только как членов Интернационала, не только как международных пролетарских революционеров, но и как революционеров, действующих непосредственно в СССР. Это теперь ни в коем случае не вопросы только для митингов, для десерта; это вопросы, самым острым образом стоящие перед нами в данной стадии нашей революции. И если мы в этом манифесте ставим себе задачу объяснить народу, объяснить прежде всего рабочему классу путь, который мы прошли, и перспективы, которые перед нами стоят, то нельзя обойти сейчас международное положение советской страны. Нельзя ничего не сказать о разрыве Англии с нами, о наступлении французских капиталистов, о китайских событиях, о борьбе Коминтерна. Нельзя обойти все это, потому что вопросы международной политики выдвинулись сейчас, примерно, так же, как в первые годы революции. Они становятся самыми насущными вопросами, от которых вновь зависит все наше строительство.

Мы можем расходиться по вопросу о том, как именно по существу осветить нынешнее международное положение; тут есть существенные разногласия в партии. Но что нужно осветить эти вопросы, по этому поводу не должно было бы быть расхождений. Осветить эти вопросы необходимо, ибо каждый рабочий и передовой крестьянин спросят, как смотрим мы на международное положение сейчас. А в этом проекте манифеста просто обходится такой — повторяю, важный — факт, как английский разрыв с нами, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это громадный пробел в документе. Нельзя дать документ, который должен получить до известной степени международное значение, не осветивши международных проблем.

Теперь перехожу к фактической части манифеста. Гвоздем этого документа является пункт первый, относительно семичасового рабочего

дня. Я думаю, я не ошибусь, если скажу, что для громадного большинства из вас пункт этот является сюрпризом. Вероятно, вы впервые услышали о нем не далее, как вчера или позавчера, по приезде в Москву и Ленинград. Этот вопрос не шуточный, громадной важности вопрос. Если говорить о семичасовом рабочем дне с точки зрения дальнейшего социалистического строительства, то вопрос о семичасовом рабочем дне есть бесспорный вопрос. Конечно, советская страна должна идти от восьмичасового рабочего дня не к девятичасовому, а к семи, и в дальнейшем – к шестичасовому рабочему дню. Это бесспорно, это азбука. Чтобы высказать эту общую истину, для этого не надо было ждать десятилетия революции, нечего объявлять об этом в манифесте. Если этот вопрос ставится как актуальный вопрос, как практический вопрос, то он, прежде всего, абсолютно не подготовлен. Никто здесь не сказал, сколько это должно стоить. Мы не слышали даже самых приблизительных расчетов. Ни на одной профессиональной конференции этот вопрос не обсуждался. В партии этот вопрос также не обсуждался. Мнения сколько-нибудь широких кругов рабочих мы не спросили.

Я имел возможность узнать, что этот вопрос ставится в первый раз из протокола Политбюро, где было сказано, что голосованием членов Политбюро, путем опроса по телефону, решено внести в этот манифест пункт о семичасовом рабочем дне. Разве так подготовляют серьезные мероприятия, если действительно берут их всерьез? Сама подготовка никуда не годится.

Что касается существа дела, то мне кажется: это неправильное предложение. Я уже сказал, что принципиальных споров по отношению к семичасовому дню быть не может среди коммунистов. В перспективе мы должны, конечно, вести к дальнейшему сокращению рабочего дня. Если же мы берем наше государство в данный момент, с его ресурсами, как мы их имеем сейчас, с положением рабочего класса, как мы его видим сейчас, то мы вправе поставить вопрос: что же, в самом деле, более всего болит у рабочего класса нашей страны сейчас? И я думаю, что всякий, кто пожелает быть сколько-нибудь объективным, должен будет сказать, что у рабочего класса нашей страны 1927 г. более всего болит не вопрос о рабочем дне. Восьмичасовой рабочий день наш рабочий класс может принять и принимает. Если есть со стороны кулака поползновение к увеличению восьмичасового рабочего дня, мы должны дать ему беспощадный отпор. Такие поползновения были. Но мы должны считаться с нынешним положением рабочих, с нынешними ресурсами, мы должны посмотреть, что же более всего болит у рабочего класса в данный момент.

Если мы хотим сказать, что мы собираемся ввести семичасовой рабочий день, как меру борьбы с безработицей, то, во-первых, надо это сказать ясно и тогда нельзя это ставить как отдаленную перспективу годов и пятилетия. Тогда нужно ставить это более или менее практически сейчас. Тогда надо прямо говорить, что дело идет о борьбе с безработицей. Тогда надо обсудить все практические меры, которые в этом отношении могут быть приняты. И в буржуазных государствах, мы знаем,

в борьбе с безработицей применялась иногда пятидневная неделя, другие формы сокращения рабочего дня и т. д. Но тут не было никакого социалистического строительства.

Как рабочее правительство, мы должны говорить с рабочим классом прямо и ясно. О чем идет дело? Если дело идет о мерах борьбы с безработицей, тогда так и надо поставить вопрос. Тогда надо дать ряд практических предложений, вычислений и т. д. Если же этот вопрос хотят обсуждать "отвлекаясь от вопросов безработицы" (а мы знаем, что в последнее время у нас развилась привычка "отвлекаться" от самых насущных вопросов, в том числе от международной обстановки), если попытаться обсуждать, повторяю, этот вопрос "отвлекаясь" от безработицы и всего нынешнего положения рабочих, тогда получается сплошная фальшь. Что же, будем предлагать через год-два провести семичасовой рабочий день, тогда как, если взять наши пятилетки, то они говорят о том, что в ближайшие годы безработица будет расти и весьма сильно. Об этом говорят все планы хозорганов, все пятилетки. Если же дело идет не о борьбе с безработицей, а о социалистическом мероприятии, которое назрело де в силу того, что мы уже хозяйственно встали на ноги, тогда это абсолютная фальшь. Наш рабочий класс болеет сейчас вот какими злобами дня. Прежде всего, – недостаточная заработная плата, которая у нас еще до сих пор очень низка, мы все это знаем прекрасно. Далее, – безработица, которой болеет наш рабочий класс и которая действительно давит на него, в том числе на его активность, самодеятельность. Далее, – жилищное строительство. Вот те главные вопросы, которыми больше всего болеет наш рабочий класс сейчас.

Мы знаем, что в последнее время Кодекс Законов о Труде менялся из месяца в месяц к худшему. У меня есть таблица, которую я, к сожалению, не принес с собой, о том, как Кодекс Законов о Труде был изменен за последнее время к худшему; этих изменений в Кодексе больше, чем пунктов. Мы сделали целый ряд ухудшений в жизни рабочего класса, в жизни работниц. Еще совсем недавно сделана была попытка проведения бесплатного ученичества, сокращены отпуска рабочим, отняты так называемые "мелочи", вроде яслей, трамвайных билетов и т. д. Подробно об этом вы можете прочитать в нашей (13 членов ЦК и ЦКК) платформе (смех, шум). Да, да, товарищи, я думаю, что вы сможете в этом документе найти самое лучшее изложение рабочего вопроса – совершенно точное и ясное изложение. Как вы знаете, было много попыток упрекать нас в демагогии. Я утверждаю, что более демагогического и авантюристического предложения, чем это предложение о семичасовом рабочем дне, в истории нашей партии еще не было (шум). Самый способ подготовки его говорит об этом.

Быть может, вы припомните, товарищи, как примерно год тому назад, в сентябре 1926 г., такая же игра шла вокруг заработной платы. Был объявлен специальный декрет Совнаркома – обещали осчастливить рабочих; выпустили законодательный акт, подняли шум на всю страну, а потом, как вы знаете, чижика съели; только вызвали недовольство рабочего класса. Теперь то же самое хотят проделать с семичасовым рабочим днем.

Товарищи, иаше положение часто бывало и при Ленине очень туго, но мы рабочим говорили всю правду – вот это мы можем, а этого ие можем. Мы иикогда не играли с рабочим классом. В этом и было главиое отличие иашего правительства, нашей партии от других партий, от других правительств.

Вот здесь сидит довольно много профессиоиалистов; советую им подумать над этим вопросом, в частности, тов. Томскому, которому придется потом за это более других отвечать перед рабочими. Коиечно, бросать слова иа ветер у иас много развелось мастеров. Вот Бухарии иа днях бросил (смех) лозуиг: "форсированиое иаступление иа кулака". Это Бухарин теперь поведет "форсированное наступление иа кулака", как раз ои, автор лозунга "обогащайтесь" (шум). Ои поведет форсированное наступленис иа кулака. Этакие посулы и слова, товарищи, стали дешевы. Им иикто не поверит (шум).

Председатель: Ваше время истекло.

Зиновьев: Я предлагаю, во-первых, этот проект манифеста пополнить **междуиародной частью,** потому что нельзя иам, пролетарской партии, в первое десятилетие революции выпустить манифест в той междуиародной обстановке, которую мы сейчас имеем, без освещения таких кардинальных событий, которые произошли в это время, особеино в текущий год.

В манифесте правильно сказано, что страна пролетарской диктатуры имеет все иеобходимое и достаточное для построения социализма, как это учил руководитель его – Ленин. Но Ленин учил ие только этому. Тут-то и начинается у вас фальшь. Леиин учил также тому, что все это было бы так, если бы у иас ие было **международного буржуазиого окружения, если бы у иас ие было иеобходимости борьбы с буржуазией в международном масштабе.** В нынешней же форме это место в манифесте и есть выражение иеправильной "теории" победы социализма в одной стране. От этого страдает весь манифест. И, во-вторых, я предлагаю вопрос о семичасовом рабочем дне, в той демагогической форме, безответственной форме игры с рабочими, – снять, для того, чтобы ие компрометировать иашу партию, заменив это место предложениями, которые я внесу письменно.

* * *

Я прошу слова для предложений.

Я предлагаю два пункта. Во-первых, поручить комиссии подработать международную часть манифеста (опасиость войны, китайская революция, англо-советский разрыв, иаступлеиие французских империалистов, борьба Коминтерна) и пополнить манифест этой частью.

Во-вторых:

1. В рабочем вопросе, вместо п. 1, выдвинуть в манифесте следующие пункты:

а) пресечь в корне всякие поползиовеиия к удлинению восьмичасового рабочего дня;

б) отменить все удлинения рабочего дня во вредных цехах, допущен-

ные в отступление от ранее изданных положений;

в) ближайшей задачей является повышение зарплаты, по крайней мере в соответствии с достигнутым повышением производительности труда. Держать курс на систематическое повышение реальной заработной платы параллельно с ростом производительности труда. Необходимо провести большее сближение в зарплате разных групп рабочих путем систематического поднятия низкооплачиваемых слоев, отнюдь не за счет снижения высокооплачиваемых групп.

2. Необходимо пресечь бюрократические безобразия в области рационализации.

3. Для смягчения последствий безработицы: а) пособия для рабочих исчислять по зарплате, действительно соответствующей средней зарплате данной местности; б) ввиду затяжной безработицы удлинить сроки выдачи пособий безработным от одного до полутора лет; в) не допускать дальнейшего снижения взносов на социальное страхование и вести решительную борьбу с фактической невыплатой его; г) отменить расходование средств касс страхования на нужды общегражданского здравоохранения; д) повести энергичную борьбу против "экономии на застрахованных"; е) отменить все решения, дающие возможность под различными предлогами снимать действительных безработных с пособий и учета на биржах труда; ж) взять курс на увеличение пособий безработным – в первую очередь, индустриальным.

Необходимы широкозадуманные и тщательно проработанные планы многолетних общественных работ, на которых безработные могли бы быть использованы с наибольшей выгодой для хозяйственного и культурного развития страны.

4. Систематическое улучшение жилищных условий для рабочих. Твердое проведение классовой политики в вопросах квартирной платы. Не допускать улучшения за счет рабочих квартирного положения непролетарских элементов. Не выселять сокращаемых и увольняемых рабочих из занимаемых ими жилищ.

5. Коллективные договора должны проходить через действительное, а не показное обсуждение на собраниях рабочих.

6. Кодекс Законов о Труде должен рассматриваться как минимальный уровень условий труда, а не максимальный. Колдоговор должен включать в себя гарантию от сокращений по отношению к данному составу рабочих и служащих на время действия договора (допустимые изъятия должны оговариваться особо). Признать, во всяком случае, недопустимыми такие изменения коллективных договоров, которые ухудшают положение рабочих, по сравнению с прошлыми колдоговорами.

7. Усиление ассигнований на технику безопасности и улучшение условий труда. Усиление карательной политики за невыполнение требований охраны труда.

8. Произвести пересмотр всех разъяснений Кодекса Труда и отменить те из них, которые дали ухудшение условий труда.

9. В отношении работниц: "за равный труд – равная заработная пла-

та". Повышение квалификации женского труда.

10. Недопустимо введение бесплатного ученичества. Недопустимо фактически проводящееся снижение зарплаты подростков. Принятие мер к оздоровлению условий труда.

11. Режим экономии не должен ни в коем случае проводиться за счет жизненных интересов рабочих. Необходимо вернуть рабочим отнятые у них "мелочи" (ясли, трамвайные билеты, более длительные отпуска и т. д.).

12. Профсоюзы должны усилить свое внимание к сезонным рабочим.

13. Усилить лечебную помощь рабочим на предприятиях (амбулатории, больницы и т. д.). В рабочих районах увеличить число школ для детей рабочих.

14. Укрепить рядом государственных мероприятий положение рабочей кооперации.

В-третьих. После этого поставить на очередь практическое проведение реформы рабочего дня с целью дальнейшего сокращения рабочего дня до 7-ми часов.

Если фракция приняла бы это за основу, на что я имею мало надежд, то той же комиссии можно было бы поручить редакционную переработку этих предложений. Я думаю, что эти наши конкретные предложения встретили бы большую поддержку со стороны рабочих, чем журавль в небе, которого не раз сулили и в которого рабочий класс больше не верит.

В конце я предлагаю после этого поставить на очередь практическое проведение реформ рабочего дня с целью дальнейшего сокращения рабочего дня до 7-ми часов.

15 октября 1927 г.

РЕЧЬ ТРОЦКОГО ПО ВОПРОСУ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ЗИНОВЬЕВА И ТРОЦКОГО ИЗ ЦК ВКП (б)

Мое предложение – обсудить самостоятельно вопрос о врангелевском офицере и военном заговоре – было отклонено. Я ставил, по существу, вопрос о том, почему, кем и как была обманута партия, которой было сказано, что коммунисты, связанные с оппозицией, участвуют в контрреволюционной организации? Чтоб лишний раз показать, что вы понимаете под дискуссией, вы постановили мою короткую речь о подложном врангелевском офицере изъять из стенограммы, т. е. спрятать от партии. Бухарин преподносил нам здесь философию термидорианской амальгамы на основе документов Менжинского, не имеющих никакого отношения ни к типографии, ни к оппозиции. Но нам нужна не дешевая бухаринская философия, а факты. Фактов нет. Поэтому весь вопрос вдвинут фуксом в дискуссию об оппозиции. Грубость и нелояльность выросли до размеров преступного вероломства. Все документы, оглашенные Менжинским, целиком говорят против проводимой ныне политики, – нужно только эти документы осветить марксистским

анализом. Но у меня для этого времени нет. Мне остается поставить основной вопрос: каким образом и почему руководящая ныне фракция оказалась вынужденной обманывать партию, выдавая агента ГПУ за врангелевского офицера, и выдергивать осколочки незаконченного следствия для того, чтобы пугать партию ложным сообщением об участии оппозиционеров в контрреволюционной организации? Откуда это идет? Куда это ведет? Только этот вопрос имеет политическое значение. Все остальное отступает на второй и десятый планы.

Прежде, впрочем, два слова о так называемом "троцкизме". Каждый оппортунист пытается этим словом прикрыть свою наготу. Чтоб построить "троцкизм", фабрика фальсификаций работает полным ходом и в три смены. Я написал по этому поводу недавно с Истпарт письмо, заключающее в себе около 50-ти цитат и документов, уличающих господствующую ныне теоретическую и историческую школу в подтасовках, в искажениях, в скрывании документов и фактов, в извращении Ленина – все с целью борьбы с так называемым "троцкизмом". Я требовал рассылки этого письма членам Объединенного пленума. Это не сделано. Между тем, письмо заключает почти только документы и цитаты. Я пошлю это письмо в "Дискуссионный листок". Думаю, что и его спрячут от партии, ибо приведенные мною факты и документы слишком убийственны для сталинской школы.

В нашей июльской декларации прошлого года мы с полной точностью предсказали все этапы, через которые пройдет разрушение ленинского руководства партии и временная замена его сталинским. Я говорю о временной замене, ибо чем больше руководящая группа одерживает "побед", тем больше она слабеет. Июльское предвидение прошлого года мы теперь можем дополнить следующим заключительным выводом: нынешняя организационная победа Сталина предшествует его политическому крушению. Оно совершенно неизбежно и – в соответствии со сталинским режимом – наступит сразу. Основная задача оппозиции в том, чтобы последствия гибельной политики нынешнего руководства нанесли как можно меньший урон партии и ее связи с массами.

Вы хотите нас исключить из Центрального Комитета. Мы согласны, что эта мера полностью вытекает из нынешнего курса на данной стадии его развития, вернее, – его крушения. Правящая фракция, которая исключает из партии сотни и сотни лучших партийцев, непоколебимых рабочих-большевиков; аппаратная клика, которая осмеливается исключать таких большевиков, как Мрачковский, Серебряков, Преображенский, Шаров и Саркис, т. е. товарищей, которые одни могли бы создать Секретариат партии, неизмеримо более авторитетный, более подготовленный, неизмеримо более ленинский, чем нынешний наш Секретариат; фракция Сталина-Бухарина, которая сажает во внутреннюю тюрьму ГПУ прекрасных партийцев, как Нечаев, Штыкгольд, Васильев, Шмидт, Фишелев и многие другие; аппаратная фракция, которая держится насилием над партией, удушением партийной мысли, дезорганизацией пролетарского авангарда не только в СССР, но и во всем мире, насквозь оппортунистическая фракция, в хвосте которой за последний год шли и идут

Чан Кайши, Фын Юйсяны, Ван Тинвеи, Перселн, Хиксы, Бен-Тилетты; Куусинены, Шмералн, Пепперы, Гейнц-Нейманы, Рафесы, Мартыновы, Кондратьевы и Устряловы, – эта фракция не может нас терпеть в Центральном Комитете даже за месяц до съезда. Мы это понимаем.

Грубость и нелояльность идут рука об руку с трусостью. Нашу платформу спрятали. Вернее, попытались спрятать. Что означает страх перед платформой? Ясно. **Страх перед платформой есть страх перед массой.**

Мы заявили вам 8 сентября, что платформу мы, наперекор всем запрещениям, доведем до сведения партии. Мы это сделали. Мы эту работу доведем до конца. Тт. Мрачковский, Фишелев и все другие, кто печатал и распространяет нашу платформу, действовали и действуют в полной солидарности с нами, оппозиционными членами ЦК и ЦКК, за полной нашей ответственностью – как политической, так и организационной.

Грубость и нелояльность, о которых писал Ленин, уже не просто личные качества; они стали качествами правящей фракции, ее политики, ее режима. Дело идет не о внешних приемах. Основная черта нынешнего курса в том, что он верит во всемогущество насилия – даже по отношению к собственной партии. Через Октябрьскую революцию наша партия получила в свои руки могущественный аппарат принуждения, без которого немыслима пролетарская диктатура. Средоточием диктатуры является Центральный Комитет нашей партии. При Ленине, при ленинском Центральном Комитета организационный аппарат партии был подчинен революционной классовой политике мирового масштаба. Правда, Сталин, в качестве генерального секретаря, внушал Ленину опасения с самого начала. "Сей повар будет готовить только острые блюда'', – так говорил Ленин в тесном кругу в момент XI съезда. Но при ленинском руководстве, при ленинском составе Политбюро генеральный секретариат играл совершенно подчиненную роль. Положение стало меняться со времени болезни Ленина. Подбор людей через Секретариат, аппаратная группировка сталинцев получили самостоятельный, независимый от политической линии характер. Вот почему Ленин, взвешивая перспективу своего отхода от работы, подал партии последний совет: снимите Сталина, который может довести партию до раскола и гибели. Партия не узнала своевременно об этом совете. Подобранный аппарат спрятал его. Последствия встали перед нами во весь рост. Руководящая фракция думает, что при помощи насилия можно достигнуть всего. Это коренная ошибка. Насилие может играть огромную революционную роль. Но при одном условии: если оно подчинено правильной классовой политике. Насилие большевиков над буржуазией, над меньшевиками, над эсерами дало – при определенных исторических условиях – гигантские результаты. Насилия Керенского и Церетели над большевиками только ускорили поражение соглашательского режима. Изгоняя, лишая работы, арестовывая, правящая фракция действует дубьем и рублем против собственной партии. Рабочий-партиец боится в собственной ячейке говорить, что думает, боится голосовать по совести. Аппаратная диктатура застращивает партию, которая должна быть высшим выражением диктатуры пролетариата. Запугивая партию, правящая фракция понижает ее способ-

ность держать в страхе классовых врагов.

Но партийный режим живет не сам по себе. В партийном режиме находит свое выражение вся политика партийного руководства. Эта политика сдвинула за последние годы свой классовый стержень слева направо: от пролетариата – к мелкой буржуазии, от рабочего – к спецу, от рядового партийца – к аппаратчику, от батрака и бедняка – к кулаку, от шанхайского рабочего – к Чан Кайши, от китайского крестьянина – к буржуазному офицерству, от английского пролетария – к Перселю, Хиксу, генсоветчикам и т. д. без конца. В этом самая суть сталинизма.

На первый взгляд кажется, будто сталинский курс совершенно победоносен. Сталинская фракция наносит удары налево (Москва, Ленинград) и направо (Сев. Кавказ). На самом деле, вся политика центристской фракции совершается под ударами двух кнутов: справа и слева. Классово-беспочвенная, бюрократически-центристская фракция качается между двумя классовыми линиями, систематически сползая при этом с пролетарской линии на мелкобуржуазную. Это сползание происходит не по прямой линии, а в форме резких зигзагов.

Таких зигзагов мы имели в прошлом не мало. Особенно ярким и памятным явилось расширение избирательной инструкции под нажимом кулака (кнут справа). Затем отмена ее под нажимом оппозиции (кнут слева). Не мало было зигзагов в области рабочего законодательства заработной платы, налоговой политики, отношения к частнику и пр. и пр. Общий курс при этом передвигался направо. Последний манифест представляет собою несомненно зигзаг влево. Но мы ни на минуту не закрываем глаз на то, что это только зигзаг, который сам по себе не изменяет общего направления политики и даже должен – уже в ближайшем будущем – ускорить дальнейшее сползание руководящего центра вправо.

Сегодняшние выкрики о форсированном наступлении на кулака, которому еще вчера кричали "обогащайся", не могут изменить этой линии, как не изменят ее юбилейные сюрпризы вроде семичасового рабочего дня. Политическая линия нынешнего руководства определяется не отдельными авантюристическими зигзагами, а той социальной опорой, которую эта линия собрала вокруг себя в борьбе против оппозиции. Через сталинский аппарат, через сталинский режим нажимают на пролетарский авангард укрепившиеся бюрократы, в том числе и бюрократы-рабочие, администраторы, хозяйчики, новые собственники, привилегированные интеллигенты города и деревни, – все те элементы, которые начинают показывать кулак пролетариату, приговаривая: "это тебе не 18-й год".

Решает не левый зигзаг, а основная политическая линия. Решает подбор единомышленников. Решают кадры. Решает социальная опора. Нельзя душить рабочие ячейки и заигрывать с кулаком. Одно с другим несовместимо. Левый юбилейный зигзаг, как только дойдет до его осуществления, натолкнется на жесточайшее сопротивление в рядах самого большинства. Сегодня "обогащайся", а завтра "раскулачивайся" – Бухарину это легко. Ковырнул пером – и готово. С него взятки

гладки. Но кулак, но администратор, но крепкий бюрократ, но устряловец глядят на это иначе. Они не склонны к таким юбилейным поворотам. Они свое слово скажут.

Тов. Томский, который запутался, пожалуй, больше других, выступал, как известно, против юбилейного зигзага. Томский предчувствует, что рабочие спросят с профсоюзов. Отвечать придется ему. Завтра рабочие потребуют от Томского, чтобы он на деле хоть приостановил, по крайней мере, курс направо, поелику в манифесте объявлен курс налево. Отсюда неизбежна борьба внутри правящего блока. В нашем правом крыле есть линия хозяйчика и есть линия тред-юниониста. Они идут в блоке, как это не раз бывало в истории международного рабочего движения. Юбилейный зигзаг вгонит клин между хозяйчиком и тред-юнионистом. Аппаратчик, который балансирует между ними, потеряет опору. Юбилейный зигзаг является, с одной стороны, самым неоспоримым и самым торжественным признанием правоты оппозиции во всех основных вопросах внутренней жизни города и деревни. С другой стороны, это политическое самоотречение правящей фракции, ее свидетельство о собственной бедности. Самоотречение на словах при неспособности осуществить на деле. Юбилейный зигзаг не замедлит, а ускорит политическое банкротство нынешнего курса.

Партийный режим вытекает из всей политики руководства. За спиной крайних аппаратчиков стоит оживающая внутренняя буржуазия. За ее спиной – мировая буржуазия. Все эти силы давят на пролетарский авангард, не давая ему поднять голову или раскрыть рот. Чем больше политика ЦК сдвигается с классового русла, тем больше приходится эту политику навязывать пролетарскому авангарду сверху – методами принуждения. В этом – корень нынешнего возмутительного партийного режима.

Когда Мартыновы, Шмерали, Рафесы и Пепперы руководят китайской революцией, а Мрачковского, Серебрякова, Преображенского, Шарова и Саркиса исключают за печатание и распространение большевистской платформы к съезду, то эти факты не только внутрипартийного характера; нет, в этих фактах находят уже свое выражение изменяющееся политическое влияние классов. Внутренняя буржуазия напирает, разумеется, не так смело, не так открыто, не так нагло, как напирает мировая буржуазия на диктатуру пролетариата и на его пролетарский авангард. Но эти два напора связаны друг с другом и совершаются одновременно. Те элементы рабочего класса и нашей партии, которые первые почувствовали надвигающуюся опасность, первые сказали о ней, т. е. наиболее революционные, наиболее стойкие, наиболее зоркие, наиболее непримиримые представители класса, они и составляют сейчас кадры оппозиции. Эти кадры растут и внутри нашей партии и в международном масштабе. Величайшие события и факты подтверждают нашу правоту. Репрессии укрепляют наши кадры, собирают лучших "стариков" партии в наши ряды, закаляют молодых партийцев, группируя вокруг оппозиции подлинных большевиков нового призыва. Исключаемые из партии оппозиционеры представляют собою **лучших партийцев партии**. Те,

которые их исключают и арестуют, являются — еще не сознавая и не понимая того — орудием давления других классов на пролетариат. Пытаясь втоптать в землю нашу платформу, правящая фракция выполняет социальный заказ Устрялова, т. е. поднимающейся мелкой и средней буржуазии. В отличие от политиков вымирающей старой эмигрантской буржуазии, Устрялов, умный, дальновидный политик новой буржуазии, не стремится к переворотам и потрясениям, не хочет "перепрыгивать через ступени". Нынешняя устряловская ступень — это сталинский курс. На Сталина ставит Устрялов открыто свою ставку. От Сталина Устрялов требует расправы с оппозицией. Исключая и арестуя оппозиционеров, выдвигая против нас чисто термидорианские обвинения насчет врангелевского офицера и военного заговора, Сталин выполняет устряловский социальный заказ.

Непосредственной задачей Сталина является: расколоть партию, отколоть оппозицию, приучить партию к методам физического разгрома. Фашистские свистуны, работа кулаками, швыряние книгами или камнями, тюремная решетка — вот пока на чем временно остановился сталинский курс, прежде, чем двинуться далее. Этот путь предопределен. Зачем Ярославским, Шверникам, Голощекиным и другим спорить по поводу контрольных цифр, если они могут толстым томом контрольных цифр запустить оппозиционеру в голову? Сталинщина находит в этом свое наиболее разнузданное выражение, доходя до открытого хулиганства. И мы повторяем: эти фашистские методы представляют собою слепое, бессознательное выполнение социального заказа других классов. Цель: отсечь оппозицию и физически разгромить ее. Уже раздаются голоса: "тысячу исключим, сотню расстреляем — и в партии станет тихо". Так говорят несчастные, перепуганные и в то же время осатаневшие слепцы. Это и есть голос Термидора. Худшие, развращенные властью, ослепшие от злобы бюрократы подготовляют его изо всех сил. Им нужны для этого две партии. Но насилие разобьется о правильную политическую линию, на службе которой стоит революционное мужество оппозиционных кадров. Двух партий Сталин не создаст. Мы открыто говорим партии: диктатура пролетариата в опасности! И мы твердо верим, что партия — ее пролетарское ядро — услышит, поймет и исправит. Партия уже глубоко всколыхнулась: завтра она всколыхнется до дна. За несколькими тысячами кадровых оппозиционеров идет двойной или тройной слой примыкающих к оппозиции, а затем еще более широкий слой рабочих-партийцев, которые уже начали внимательно прислушиваться к оппозиции и сдвигаться в ее сторону. Этот процесс неотвратим. Беспартийный рабочий не поверил травле и клевете против нас. Свое законное недовольство — ростом бюрократизма и зажима — рабочий класс Ленинграда выразил в форме яркой демонстрации 17 октября. Пролетариат за советскую власть незыблемо, но он хочет другой политики. Все эти процессы неотвратимы. Против них аппарат бессилен. Чем грубее будут репрессии, тем больше они укрепят авторитет оппозиционных кадров в глазах рядового партийца и рабочего класса в целом. Исключение из партии каждой сотни оппозиционеров означает новую тысячу

оппозиционеров в партии. Исключенный оппозиционер чувствует себя партийцем и остается им. У настоящего большевика-ленинца можно вырвать насильственно партийный билет, можно у него отнять временно его партийные права, но он никогда не откажется от своих партийных обязанностей. Когда Янсон спросил тов. Мрачковского на заседании ЦКК, что Мрачковский будет делать, когда его исключат из партии, тов. Мрачковский ответил: "Буду вертеть рукоятку и дальше". То же самое скажет каждый оппозиционер, откуда бы его не исключали: из Исполкома Коминтерна, из Центрального Комитета ВКП или из партии. Каждый из нас говорит вместе с Мрачковским: буду вертеть эту рукоятку и дальше. Мы стоим у рукоятки большевизма. Вы нас от нее не оторвете. Мы ее будем вертеть. Вы нас не отсечете от партии. Вы нас не отрежете от рабочего класса. Репрессии мы знаем. К ударам мы привыкли. Октябрьскую революцию не сдадим сталинской политике, сущность которой выражается в немногих словах: **нажим на пролетарское ядро, братание с соглашателями всех стран, капитулянство перед мировой буржуазией.**

Исключайте же нас из ЦК за месяц до съезда, который вы уже превратили в узкий актив сталинской фракции! XV съезд явится внешним образом как бы высшим торжеством аппаратной механики. По существу же он будет знаменовать ее полное политическое крушение. Победы сталинской фракции являются победами чуждых классовых сил над пролетарским авангардом. Поражения же руководимой Сталиным партии являются поражениями диктатуры пролетариата. Партия уже это чувствует. Мы ей в этом помогаем. Платформу оппозиции на стол партии! После XV съезда оппозиция станет внутри партии неизмеримо сильнее, чем сейчас. Календарь рабочего класса и календарь партии не совпадает со сталинским календарем. Пролетариат размышляет медленно, но крепко. Наша платформа ускорит этот процесс. Решает в последнем счете политическая линия, а не бюрократический кулак. Оппозиция непобедима. Исключайте нас сегодня из ЦК, как вы вчера исключили Серебрякова и Преображенского из партии, как вы арестовали Фишелева и других. Наша платформа проложит себе дорогу. Рабочие всего мира спросят себя с глубочайшей тревогой: за что, к десятилетию Октября, исключают и арестуют лучших бойцов Октябрьской революции? Чья здесь рука? Какого класса? Того ли, который победил в Октябре, или того, который напирает, подкапываясь под октябрьскую победу? Даже отсталые рабочие во всех странах, пробужденные вашими репрессиями, возьмут в руки нашу платформу, чтобы проверить гнусную клевету насчет врангелевского офицера и военного заговора. Травля, исключения, аресты сделают нашу платформу самым популярным, самым близким, самым дорогим документом международного рабочего движения. Исключайте, — вы не остановите победы оппозиции, т. е. победы революционного единства нашей партии и Коминтерна!

23 октября 1927 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ *

№ 1

Объединенный пленум ЦК и ЦКК постановил исключить из состава ЦК тт. Зиновьева и Троцкого. Этот акт является еще одним шагом по пути устранения от руководства партией и революцией той группы товарищей, которая совместно с Лениным стояла у руля революции.

Этот акт приобретает огромное значение, так как исключение тт. Зиновьева и Троцкого есть не просто исключение двух членов ЦК, а исключение вождей определенного политического направления в партии, борющегося за ленинскую политику партии, за ленинское руководство партией и революцией. Это исключение является ответом на ту критику политики ЦК, которой тт. Зиновьев и Троцкий подвергли оппортунистическую линию Сталина-Бухарина.

Исключение тт. Зиновьева и Троцкого формально мотивируется их "фракционной" работой. "Фракционная" работа исключенных товарищей состояла в том, что они боролись за права, предоставленные уставом партии каждому ее члену, и которые при Ленине были чем-то само собою разумеющимся. "Фракционная" работа исключенных товарищей выражалась в том, что они энергично и бесстрашно, как подобает ленинцам, боролись против нынешнего сталинского партийного режима, за восстановление ленинского режима в партии.

Оппозиция критиковала и будет критиковать фальшивую, мелкобуржуазную теорию социализма в одной стране и ревизию ленинизма в вопросе о диктатуре коммунистической партии. Оппозиция будет беспощадно разоблачать оппортунистические ошибки Сталина-Бухарина в вопросе о китайской революции, Англо-Русском комитете и т. д. Оппозиция будет всеми средствами бороться против ставки на "мощного середняка" (т. е. кулака) деревни. Союз рабочих и крестьян, "правильные отношения с крестьянством на 10–20 лет" оппозиция понимает и отстаивает по Ленину. Она против тех, кто старается открыто или в скрытой форме взять под свою защиту кулака, кто смычку рабочего, батрака, бедняка и широких слоев среднего крестьянства разбавляет смычкой с кулаком. Она против невнимательного чиновничьего отношения к рабочим. Оппозиция будет всемерно бороться за такое перераспределение народного дохода, при котором средства от кулака и нэпмана шли бы на дело социалистического строительства. Оппозиция будет бороться против проедания средств бюрократическим аппаратом, за улучшение положения рабочих.

Идейно и политически разбитая сталинская группа прибегла в своей

* № 1. Написано, возможно, мною сейчас же после исключения из ЦК. № 2. Переработанный текст, под которым подписались оппозиционеры, члены ЦК и ЦКК, 1927 г. – *Л. Троцкий.*

При более внимательном чтении, прихожу к выводу, что написано не мною. – *Л. Троцкий.*

борьбе с оппозицией к неслыханному злоупотреблеиию политической клеветой. Она грубо нарушает ленинские обычаи и традиции партии, она искажает ленинскую теорию и практику революции, ленинские способы и условия внутрипартийной борьбы она заменяет сталинской "нелояльностью", "грубостью" (Ленин). Используя известные в истории революции приемы борьбы правых с левыми, спекулируя на опасностях надвигающейся войны, сталинское большинство выдвинуло против оппозиции неслыханные клеветнические обвинения в "условном оборончестве", "пораженчестве" и "повстанчестве" и т. д. Оппозиция опровергла на объединенном пленуме ЦК и ЦКК всю эту клевету. Подняв искусственный, фальшивый шум вокруг указания тов. Троцкого на то, что последовательный империалист Клемансо заменил во Франции в начале империалистской войны мелкобуржуазных политиков Вивиани и др., Сталин в своей речи заявил, что сменить нынешнее руководство партии можно только в результате гражданской войны. Это неслыханное заявление полностью подтверждает опасения Ленина, высказанные им в "завещании" о возможной раскольнической роли Сталина.

Мы клеймим недостойную ложь, будто оппозиция лишь условно за оборону СССР. Этот вопрос вне спора. Но мы против сталинской политики, ослабляющей позиции пролетарской диктатуры внутри СССР и вне его и, тем самым, и оборону.

На запрос тов. Орджоникидзе (три вопроса), оппозиция заявила, что она против фракций, против двух партий, за безусловную оборону СССР, за единство Коминтерна. Ход пленума показал, что вопросы тов. Орджоникидзе были лишь игрой, что исключение тт. Зиновьева и Троцкого было предрешено фракцией Сталина. В партии никогда еще не было примера такого падения, как маневр Сталина, объявляющего оппозицию "пораженцами" и контрреволюционерами и в то же время предлагающего ей мир. И в том и в другом случае маневр заключался в том, чтобы обмануть партию и рабочий класс.

Целью этой клеветнической кампании является отвлечение внимания партии от действительных разногласий. Партия "оглушается" лживыми криками о том, как будто Троцкий и Зиновьев против обороны СССР. Отравленное оружие клеветы вносит разложение в ряды партии. Под шум этой травли в стране происходит мобилизация антисоветских элементов (кулак, нэпман, устряловский бюрократ), а за пределами СССР растут надежды империалистов и белой эмиграции.

Исключение тт. Зиновьева и Троцкого из ЦК является частью выполняемого тесной фракцией Сталина плана. План этот начал выполняться с Июльского пленума ЦК прошлого года. Его конечной целью является исключение оппозиции из партии. Маневрируя, не стесняясь средствами, Сталин упорно идет к этой цели. Он стремится заполнить время от пленума до XV съезда травлей оппозиции, исключениями, заушениями. Бессовестно играя на здоровом инстинкте партии к единству, он пытается разгромить левое, пролетарское, ленинское крыло нашей партии, являющееся основной помехой, основным препятствием для дальнейшего сползания партии вправо от ленинского пути.

Мы против двух партий и за единство Коминтерна. Лозунг двух партий – не наш лозунг. Нам его навязывают его авторы – группа Сталина. Мы боремся за исправление линии партии, внутри партии, в пределах ее устава. Вся политика Сталина состоит в том, чтобы столкнуть нас с этого пути.

Мы требуем изменить направление огня слева направо. Оппортунистическое сползание с ленинских рельс в болото мелкобуржуазной политики есть основное препятствие для действительного ленинского единства в ВКП и Коминтерне.

При диктатуре пролетариата ЦК и ЦКК являются верховным органом нашей революции. Отсечение тт. Троцкого и Зиновьева есть серьезный удар по диктатуре пролетариата. Вожди и деятели партии и Октябрьской революции устраняются от руководства партией, усиливая и укрепляя тем самым ее правое крыло.

Особо зловещее значение приобретает исключение Троцкого и Зиновьева накануне XV съезда. Этот факт в полной мере разоблачает раскольническую политику Сталина. Этот факт имеет целью запугать партию. Лишение оппозиции возможности влиять на политику партии через печать, лишение вождей оппозиции возможности изложить свои взгляды перед съездом, – вот внутрипартийная "демократия" по Сталину.

Мы протестуем против исключения из ЦК тт. Зиновьева и Троцкого. Мы заявляем о полной солидарности с ними. Мы обязуемся перед лицом партии защищать общие нам взгляды. Мы призываем членов партии, верных заветам Ленина, помешать группе Сталина расколоть ленинскую партию – стража пролетарской революции. Мы призываем членов партии требовать предоставления партии всех основных документов оппозиции. Мы призываем членов партии, не боясь репрессий со стороны партийной бюрократии, смело, по-ленински, защищать свои взгляды в партии. Дело идет не о замене одних вождей партии другими, дело идет о судьбе партии.

Мы призываем всех членов партии бороться за честный созыв XV съезда. Только при том условии, если он будет созван с соблюдением необходимой внутрипартийной демократии, только при том условии, если перед партией будут освещены полностью взгляды оппозиции, только при этом условии сумеет разобрать и разрешить действительные разногласия внутри партии XV съезд.

Мы глубоко убеждены в том, что лучшие пролетарские элементы нашей партии и мирового коммунистического движения поддержат нас в нашей борьбе за ленинизм!

За единство партии!

За честный созыв XV съезда!

№ 2

Пленум ЦК ВКП и Контрольной Комиссии решил исключить из состава Центрального Комитета тт. Зиновьева и Троцкого. Этот акт является еще одним шагом на пути устранения от руководства партией и револю-

цией той группы товарищей, которая, совместно с Владимиром Ильичем, стояла у руля революции. Этот акт является еще одним шагом к уничтожению старого ленинского Центрального Комитета и замены его новым, сталинским. За этим актом последуют дальнейшие: устранение из Центрального Комитета оставшихся там еще товарищей борющихся против сползания партии на рельсы мелкобуржуазной политики.

Исключая тт. Зиновьева и Троцкого, сталинский Центральный Комитет ссылается на их фракционную работу, осужденную якобы партийными организациями. Фракционная работа исключенных товарищей состояла в том, что они пытались завоевать себе право, предоставленное им статусом партии и отнятым у них и у партии произволом сталинского режима: право сообщать партии свою оценку ошибок Центрального Комитета, совершенных в вопросах, касающихся жизни и смерти русской революции. Сталинское Политбюро, погубившее китайскую революцию на этом этапе, сталинское Политбюро получившее пинок от английских социал-предателей, в которых оно видело главный центр организующий европейский пролетариат для борьбы с опасностью войны, сталинское Политбюро, которое не предвидело англо-русского разрыва и не приняло против него мер защиты, пытается криком о фракционной работе тт. Троцкого и Зиновьева скрыть перед партией факт, что исключенные и мы с ними предостерегали партию перед опасностями и указывали путь защиты. Все ссылки на волю партии, якобы осудившей фракционную работу Троцкого и Зиновьева, являются надругательством и насмешкой над партией, ибо ей не сообщены документы, ибо она не знает, за что ей приходится осуждать тт. Троцкого и Зиновьева.

Исключение из Центрального Комитета тт. Троцкого и Зиновьева является, таким образом, шагом не только к ликвидации ленинского руководства партии, но и самой партии. Зиновьев и Троцкий исключаются из Центрального Комитета для того, чтобы время, отделяющее нас от XV съезда партии, заполнить травлей оппозиции, клеветой на оппозицию, чтобы даже съезд, выбранный в этой атмосфере, не мог выслушать из уст тт. Зиновьева и Троцкого правды об опасностях угрожающих революции. Партия должна быть организацией объединяющей в одно целое миллион своих членов, она может их объединить только предоставляя им свободу обсуждения всех событий, свободу поделиться своим опытом, свободу подвергать критике ошибки Центрального Комитета и намечать путь борьбы. Партия, разбитая на ячейки, которым запрещено общаться друг с другом, которым запрещено знакомиться с основными документами партийной политики, которым запрещено выслушать мнение даже членов Центрального Комитета, перестает быть живым организмом, способным вырабатывать партийное мнение и единодушно проводить принятые партией решения, она становится организацией людей обязанных исполнять, под угрозой исключения, волю партийной бюрократии, она становится организмом, не способным самочинно действовать в случае опасности.

Исключение тт. Зиновьева и Троцкого является, таким образом, не только ударом по Центральному Комитету и по партии, но и ударом по

пролетарской революции, главным рычагом которой является партия. Этот удар наносится революцией в тот момент, когда с каждым днем больше растут угрожающие ей опасности. Все сведения Центрального Комитета и государственных органов говорят об усиливающемся кулацком движении, деревня выбрасывает в город миллионы обездоленных, которые, не получая работы и помощи со стороны пролетарского государства, с легкостью могут сделаться жертвой антисоветской агитации. Даже без внешней опасности это создает серьезное положение внутри страны. Медленный темп индустриализации. Рост безработицы среди индустриальных рабочих, ухудшающий положение пролетариата, требует экстренных мер. Но, кроме этих опасностей, грозно возрастает опасность войны. Разгром китайской революции означает на деле проигранную войну СССР с английским империализмом. На продолжительное время английский империализм освободил себе руки на Востоке, он лихорадочно работает над созданием объединенного фронта капиталистической Европы против Советской Республики. Создавая затруднения нашему экспорту и импорту, борясь против предоставления нам заграничных кредитов, английский империализм работает над разрыхлением неустойчивого равновесия классов в СССР, работает над тем, чтобы при помощи дороговизны, отсутствия товаров противопоставить крестьянство рабочему классу и советскому государству, чтобы растущей безработицей ослабить силу рабочего класса и его способность к обороне Республики труда. Добившись этого, английский империализм поставит Советской республике ультиматум: или отказ от национализации промышленности, признание долгов и возмещений капиталистам, отказ от революционного движения на Востоке и Западе, т. е. – капитуляция, или война на жизнь или смерть. Эту войну мы можем вести только очистив рабочее государство от бюрократизма восстанавливающего против нас трудовое население, мобилизовав рабочий класс во имя защиты Октябрьских завоеваний, развернув его самодеятельность, опираясь на батрака и деревенскую бедноту и низший середняцкий слой. В такой момент отрезать от руководства тех, которые боролись в партии против бюрократического зажима, душащего самостоятельность партийной рабочей массы, которые требовали поддержки бедноты, которые требовали усиленной заботы о благосостоянии рабочего класса, является или актом бюрократической слепоты, безумия, или же – подготовкой сделки с английским империализмом за счет Октябрьских завоеваний, за счет рабочего класса и бедноты.

Поэтому, мы не только протестуем против исключения из Центрального Комитета тт. Зиновьева и Троцкого, не только заявляем о полной солидарности с ними, не только обязуемся перед лицом партии продолжать их работу, но обращаемся ко всем членам партии с кличем: Большевистская партия в опасности! Пролетарская диктатура в опасности! Сталинское большинство Центрального Комитета доказало в короткое время, что оно не способно предвидеть угрожающей республике опасностей и бороться с ними. Сталин доказал в Китае, что оставлен сам себе, сумел только погубить китайскую революцию. Мы призываем всех

рабочих, всех членов партии, верных заветам Ленина помешать ему погубить русскую революцию, расколоть ленинскую партию — страж пролетарской революции. Мы призываем членов партии, чтобы они во всех ячейках требовали предоставления им всех основных документов оппозиции, в первую очередь, заявление 84-х, чтобы они, разобравшись в наших обвинениях, выступили единым фронтом против политики раскола, против политики сползания на мелкобуржуазные рельсы, против политики сделки с Чемберленом путем выдачи голов ленинской оппозиции в партии.

Мы призываем членов партии не бояться репрессий со стороны партийной бюрократии. Смело, по-ленински, защищать свои взгляды, распространяя их среди членов партии всеми доступными мерами. Дело идет не о смене одних вождей другими, дело идет о том, быть или не быть диктатуре пролетариата в СССР, быть или не быть СССР крепостью мирового пролетариата и восстающих колониальных народов. Мы глубоко убеждены, что не для того работал Ленин, чтобы из-за отсутствия решительности, из-за неспособности к жертвам на десятом году революции подводить ее под удар, оставлять ее беззащитной на произвол вождей, забывающих с каждым днем больше основы ленинского учения, способных с каждым днем больше укорачивать завоевания революции и спускаться со ступеньки на ступеньку от пролетарской к мелкобуржуазной политике. Мы глубоко убеждены, что лучшие люди международного коммунизма поддержат нас в нашей борьбе за то, чему учил их Ленин.

Да здравствует диктатура пролетариата.

Да здравствует коммунистическая партия.

Да здравствует международная революция.

Члены Центрального Комитета ВКП (б)
Члены Центральной Контрольной Комиссии ВКП (б)

[октябрь, 1927 г.]

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК

1. Так как я речь свою читал по рукописи с очень небольшими дополнениями, то, вместо исправления стенограммы, препровождаю ту рукопись, по которой я читал.

2. Работа стенографисток протекала в очень трудных условиях. Целый ряд реплик отмечен, но отмечены далеко не все. Возможно, что стенографистки избегали записи некоторых реплик из чувства брезгливости. Я ни в каком случае не могу им поставить это в вину. В стенограмме не указано также, что с трибуны Президиума мне систематически мешали говорить. Не указано, что с этой трибуны брошен был в меня стакан (говорят, что тов. Кубяком). В стенограмме не указано, что один из участников Объединенного пленума пытался за руку стащить меня с трибуны, и пр. и пр.

3. Первая моя речь в защиту предложения о постановке в порядок

дня особым пунктом вопроса о врангелевском офицере и военном заговоре изъята из стенограммы особым постановлением пленума. Вследствие этого в стенограммах пленума окажется незаписанным тот факт, что член Президиума ЦКК, тов. Ярославский, во время моей речи бросил в меня томом контрольных цифр. Морально-политический смысл этого факта особенно подчеркивается тем обстоятельством, что рабочего-партийца за резкое слово в ячейке во время прений исключают из партии, тогда как один из организаторов и руководителей этих исключений считает возможным в высшем органе партии, на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК, прибегать к методам, которые иначе никак нельзя назвать, как фашистски-хулиганскими.

4. Во время речи тов. Бухарина, в ответ на реплику с моей стороны, тов. Шверник также бросил в меня книгу. Тов. Шверник – бывший секретарь ЦК, ныне руководитель Уральской организации партии. Надеюсь, что его подвиг будет закреплен в стенограмме.

5. Ни один из указанных выше хулиганских поступков (Ярославского, Шверника, Кубяка и многих других) не встретил даже и тени осуждения со стороны Президиума.

Вот почему нельзя рассматривать разыгравшиеся на Объединенном пленуме сцены иначе, как директивные указания наиболее ответственного органа всем партийным организациям относительно того, какими методами надлежит проводить предсъездовскую дискуссию.

Л. Троцкий

24 октября 1927 г.

КАК РАЗЛАГАЮТ КОМСОМОЛ
(письмо к партийцу-комсомольцу)

Вы принадлежите к официальному направлению, хотя, по-видимому, заколебались в некоторых вопросах. Вы мне пишете: "Оппозиция, по-видимому, в некоторых вопросах права, но зачем она прибегает к антипартийным способам борьбы, вроде нелегальных типографий и пр."...

Первое, что обращает на себя внимание, это Ваши слова о том, что оппозиция, "по-видимому", в ряде вопросов права. Как Вы могли узнать об этом? Не из статей же Бухарина, Слепкова, Марецкого, которые систематически извращают до полной неузнаваемости взгляды оппозиции? Вы читали кое-какие документы, опубликованные самой оппозицией. Только таким путем Вы и смогли узнать о правоте оппозиции в ряде вопросов. Но имеете ли Вы право обвинять нас в "нелегальном" печатании, если только это печатание дало Вам возможность узнать взгляды оппозиции и признать, что эти взгляды правильны?

Случайно я слышал по трансляции речи на юбилейном собрании московского комсомола несколько дней тому назад. Не буду останавливаться на казенных приветствиях и благодарственных ответах. Ни одной живой мысли! Тов. Тер-Ваганян попытался сделать в своей речи

несколько крайне скромных и осторожных замечаний. Указав на гигантскую историческую работу, выполненную комсомолом, тов. Тер подчеркнул недостаточность интернационального момента в воспитании пролетарской молодежи. Он указал, в частности, на то, что "Комсомольская правда" посвящает интернациональным темам слишком мало места. На этих словах его стали злобно прерывать. Попытки тов. Тера продолжать встретили ожесточенную обструкцию. Даже по громкоговорителю можно было разобрать, что в саботаже участвует небольшое меньшинство. Большинство же собрания просто запугано горланами и свистунами. Председательствовавший, кажется, тов. Косырев, заявил после этого, что тов. Тер попал со своей речью не туда, куда надо: "Ему бы следовало отправиться на конспиративное собрание оппозиции".

Речь тов. Тера была, как уже сказано, в высшей степени мирной, товарищеской, спокойной. Его критические замечания были проникнуты духом глубокой привязанности к комсомолу. Тем не менее, аппарат не выдержал. Тов. Косырев заявил, что только на конспиративном собрании можно говорить о недостатках "Комсомольской правды", в частности, о недостатке в ней статей на интернациональные темы. Этот подход молодого аппаратчика заключает в себе исчерпывающее объяснение того, почему оппозиционеры вынуждены собираться на так называемых "конспиративных" собраниях, т. е. на таких собраниях, где свистуны и вообще хулиганы не срывают речей стуком, шумом, свистом и грохотом.

На собрании Московского актива 26 октября свистуны были организованы в строго военном порядке под командой Спуиде. Последний дирижировал ими, сидя спиной к трибуне. Во время речей тт. Каменева и Раковского саботажники поднимали бешеный и непристойный шум. Что это такое? Это и есть тот режим, который, согласно резолюции 5 декабря 1923 г., толкает даже самых добросовестных и выдержанных партийцев на путь замкнутости и фракционности.

Если Вы серьезно говорите о дискуссии, то надо обеспечить минимальнейшие права ее участников. Надо призвать к порядку хулиганье, которое швыряется книгами, стаканами, свистит, громыхает и вообще отнимает у членов партии возможность обмениться мнениями по основным вопросам резолюции. Как передают участники, две тысячи партийцев в Колонном Зале делали напряженные усилия, чтобы услышать, что говорят тт. Каменев и Раковский: приподымались, прикладывали руку трубкой к уху и пр. Но свистуны твердо решили не дать собранию выслушать речи представителей оппозиции. Это, в сущности, то же, что сделано с платформой. Запрещать платформу или поднимать грохот во время речей тт. Каменева и Раковского могут те, кто боится партии, т. е. боится, что она услышит и поймет. Если нет аргументов, – надо швыряться книгами и поднимать необузданный шум. Вот самая основная причина замкнутости и фракционности.

Каждый честный партиец должен содействовать изоляции фашистов, свистунов и хулиганов. Это чуждое пролетарской партии явление. С ним надо покончить во что бы то ни стало. Если Вы этому поможете, то Вы

тем самым поможете оппозиции отказаться от фракционных методов борьбы.

С коммунистическим приветом

Л. Троцкий

P.S. Речь свою на Объединенном пленуме при сем прилагаю с просьбой напечатать ее в "Дискуссионном листке".

Л. Троцкий

31 октября 1927 г.

КОНТРТЕЗИСЫ

VIII. Корни наших затруднений

Первый выход – это предлагаемый оппозицией обязательный хлебный заем у 10 процентов зажиточно-кулацких дворов деревни в размере 150–200 миллионов пудов.

6) Вопрос о подборе людей – снизу доверху – и о неправильных между ними взаимоотношениях является не в последнем счете финансовым вопросом. Чем хуже подбор, тем больше нужно средств. Правильному подбору и правильным отношениям противодействует бюрократический режим.

7) Хвостизм хозяйственного руководства означает на практике потерю многих десятков миллионов как пеню за непредусмотрительность, несогласованность, крохоборчество, отставание. Так, одна только текучесть рабочего состава наших промышленных, торговых и проч. предприятий, вызываемая в огромной степени непредусмотрительностью и бесплановостью, обходится государственному хозяйству, по некоторым исчислениям, около полмиллиарда рублей ("Торгово-промышленная газета" от 2 августа 1927 г., № 173).

XI. Ревизия ленинизма в крестьянском вопросе

Далее создается усыпляющая теория о том, что кулак очень хорошо врастает в социализм. "Кулаку и кулацкой организации все равно некуда будет податься, ибо общие рамки развития в нашей стране заранее даны строем пролетарской диктатуры" (Н. Бухарин. "Путь к социализму", стр. 49).

"Практически говоря, хороший урожай, при отсутствии промтоваров, может означать перегонку зерна в увеличенном количестве на самогон и возросшие городские хвосты. Политически это будет означать борьбу крестьянина против монополии внешней торговли, т. е. против социалистической промышленности" (Стенограмма заседания апрельского 1926 г. пленума ЦК, поправки тов. Троцкого к проекту резолюции тов. Рыкова, стр. 164).

Жизнь целиком оправдала опасения оппозиции. Тов. Сталин пытался извратить смысл сделанных предупреждений и отделаться дешевым зубоскальством.

"Тов. Троцкий, – говорил тов. Сталин, – видимо, исходит из того, что индустриализация должна осуществляться у нас через некоторый, так сказать, "нехороший урожай" (Стенографический отчет XV конференции ВКП (б), стр. 459).

Но есть и другой критерий, столь же убедительный и еще более важный: это материальное положение рабочего класса. Если верно, что народное хозяйство растет, – а это верно; если верно, что социалистическое накопление растет быстрее частного, – так, наперекор фактам, утверждает ЦК, – тогда совершенно непонятно, почему положение рабочего класса за последнее время ухудшилось, почему последние коллективные договора стали предметом жестоких трений и острой борьбы. Ни один рабочий не поймет такого "перевеса" социалистических элементов над растущими капиталистическими, при котором уровень жизни непролетарских элементов повышается, а пролетарских – снижается. Этот практический, жизненный критерий рабочего вполне совпадает с теоретическим критерием и опровергает поверхностный и формальный оптимизм Центрального Комитета.

Л. Троцкий

[октябрь 1927 г.]

СПИСКИ РАБОЧИХ, ЖЕЛАЮЩИХ ВЫСЛУШАТЬ МНЕНИЕ ОППОЗИЦИИ

Рабочие (беспартийные) слесарного цеха завода "Манометр" желают слушать лидеров оппозиции тт. Троцкого, Зиновьева или Радека.

[Следуют 23 подписи.]

Подписной лист беспартийных товарищей, желающих выслушать оппозицию (Троцкий, Радек, Зиновьев).

[Следуют 55 подписей.]

Список рабочих, желающих выслушать мнение от стороны оппозиции.

[Следуют 29 подписей.]

Тов. Л. Д. Троцкому.

Тов. Троцкий. Мы, рабочие фабрики "Красная оборона" № 2 Москвошвей просим Вас присутствовать в клубе на вечере, посвященном 10-й годовщине Октября и сделать личное воспоминание об Октябрьском перевороте*.

Адрес: Сущевская ул., д. 27, клуб им "Октябрьской революции".

Подписи: [следует 427 подписей.].

октябрь-ноябрь 1927 г.

---

* В верхнем левом углу документа написано рукою Троцкого: "8 вечера". – *Прим. сост.*

ОБЩЕМУ СОБРАНИЮ РАБОЧИХ ЗАВОДА ИМЕНИ ИЛЬИЧА

Уважаемые товарищи!

Я получил, за подписью 250 товарищей-рабочих вашего завода, предложение выступить у вас на общем собрании в связи с приближением десятилетия Октябрьской революции. Незачем говорить, что я с полной готовностью сделаю доклад перед рабочими вашего завода. К сожалению, в письме не был назначен срок. О сегодняшнем вашем общем собрании я случайно узнал за час до собрания. Выступить сегодня, к величайшему огорчению, я не могу, так как день мой уже занят заранее. Я готов выступить во всякое другое время, если только буду заранее извещен о часе собрания.

С искренним товарищеским приветом

Л. Троцкий

1 ноября 1927 г.

В РЕДАКЦИЮ "ДИСКУССИОННОГО ЛИСТКА"

Прошу в "Дискуссионном листке" опубликовать нижеследующие строки:

1. Под видом моей речи на Объединенном пленуме, в "Дискуссионном листке" № 2 напечатан обширный каталог ругательств и выкриков по моему адресу. Между тем, та речь, которую я читал по рукописи — во избежание искажений в печати — имеется целиком в руках редакции "Дискуссионного листка". Таким образом, "Дискуссионный листок", как и следовало ожидать, служит не для того, чтобы сообщить партии — хоть раз в два года — некоторые взгляды оппозиции, а для того, чтобы ругательства двух лет по адресу оппозиции дополнить еще более крепкими ругательствами.

2. Многие товарищи удивляются, почему это и как это даже на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК члены этих учреждений, в ответ на политические доводы оппозиции, не находят ничего, кроме неистовых ругательств, швыряния книгами и стаканами (Ярославский, Шверник, Кубяк и другие).

Объясняется это психологией потревоженного или испуганного аппаратчика. Он рассматривает съезд партии, как помеху, — поэтому и откладывает его как можно дальше. Выборы на съезд аппаратчик застраховал от критики и дискуссии. Основные выборы уже прошли, дискуссия идет холостым ходом. Тем не менее, каждое слово критики вызывает у аппаратчика лихорадочную тревогу и бешеное неистовство, которое разражается градом ругательств. Отсюда-то и выходят свистуны, крикуны и сторонники кулачной расправы, вместо идейной борьбы в партии. Из этого же самого духа вырос и "Дискуссионный листок", который, вместо речей и статей оппозиции, печатает каталог ругательств по адресу оппозиции.

3. В "Дискуссионном листке" было первоначально объявлено, что

в нем могут-де печататься только короткие статьи газетного типа. Таким образом, после двух лет молчания, оппозиции предоставлено было по основным вопросам мировой и внутренней политики, а значит и по основным неправильностям политики Центрального Комитета, высказываться в небольших газетных статьях.

Между тем, на деле мы видим, что "Дискуссионный листок" (см., например, № 2) почти целиком занят речами Бухарина, Сталина, Ярославского, Янсона и обширным каталогом ругательств по адресу оппозиции. Но ведь для такого рода "дискуссии" столбцы "Правды" открыты полностью в течение последних лет. Чем же "Дискуссионный листок" отличается от обычной "Правды"? Разве только тем, что ругательства по адресу оппозиции имеют теперь более разнузданный характер.

4. Когда Ленин в своем завещании настаивал на снятии Сталина с поста генерального секретаря, Ленин ссылался при этом на грубость и нелояльность Сталина и его склонность к злоупотреблению властью. Нелояльность – по-русски значит: недобросовестность, нарушение чужих прав, нечестность. "Дискуссионный листок" является одним из наиболее красноречивых подтверждений той характеристики, какую Ленин дал Сталину. Не мудрено, что завещание Ленина так же скрывается от партии, как и статьи, речи и тезисы оппозиции. При обысках у коммунистов завещание Ленина отбирается наравне с платформой оппозиции.

5. Иной товарищ скажет: можно еще понять тот факт, что перепуганный аппаратчик, которого не тревожили два года, – сгоряча, во время заседания – неистово бранится и швыряется всем, что попадет под руку; но зачем же это задним числом печатается в "Правде"?

Дело объясняется просто: **это есть форма инструктирования партии о том, как вести дискуссию.** На узких собраниях активов, т. е. на секретных собраниях аппаратной фракции, секретари поучают, как шуметь во время заседания, как свистать, как выталкивать и пр. и пр. Но редакция "Правды" считает, очевидно, что гораздо лучше показать, как это делается на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК. Это есть высшая форма инструктирования. Тем не менее, аппаратчики будут и дальше повторять: "Помилуйте, оппозиция имеет полную возможность высказаться".

Надо ли после всего этого объяснять, почему рабочие-партийцы во все большем числе устремляются на небольшие частные квартиры, чтобы там обменяться мнениями о положении в партии?

6. На эти частные беседы партийцев, где нередко выступают и противники, являются все чаще представители контрольных комиссий – иногда со стуком и угрозами. Товарищи из контрольных комиссий обычно говорят: "Зачем вы собираетесь на "нелегальных" собраниях? Почему не участвуете в общей дискуссии? Почему Зиновьев и Троцкий не посылают статей в "Дискуссионный листок"?" И т. д. и т. п.

№ 2 "Дискуссионного листка" является лучшим объяснением всех этих ненормальных явлений. Партийцы будут во все возрастающем числе уходить для партийных бесед на частные квартиры – до тех пор, пока дискуссия не будет поставлена в нормальные условия. № 2 "Дискуссионного листка" показывает, что до этого еще очень далеко.

7. В редакции "Дискуссионного листка" имеются следующие мои

статьи: "О нашей зависимости от мирового рынка", "Верный путь", "Китайская революция и тезисы тов. Сталина", "Речь Чен Дусю о задачах кит. компартии", "Неужели же не пора понять?", "Ханькоу и Москва", "Пора понять, пора пересмотреть", "О резолюции ВСРМ", "Худой мир лучше доброй ссоры", "Тезис о Клемансо", "Чего ждали и что получили (баланс Англо-Русского комитета)", "Новый этап китайской революции", "Куда это ведет?", "Как проводится дискуссия", "К вопросу о нашей политике в Китае", "О подделке истории Октябрьского переворота, истории революции и истории партии".

Кроме того, в распоряжении редакции имеются мои речи на пленумах Центрального Комитета, на Исполкоме и на Президиуме ИККИ.

8. Я считаю необходимым напечатание в первую очередь моего письма в Истпарт*. Это письмо посвящено разоблачению искусственно фабрикуемой легенды о так называемом "троцкизме" (чтобы тем легче было вести подкоп под революционные основы ленинизма). Мое письмо в Истпарт состоит почти исключительно из документов, т. е. из писем и цитат. Я привожу цитаты из Сталина, Ярославского, Гусева, Раскольникова и других, которые по вопросу о Троцком и троцкизме говорили совсем недавно противоположное тому, что говорят теперь. Я привожу в этом письме многочисленные цитаты из статей Ленина и восемь его писем ко мне за последний период его жизни. Все эти документы опровергают ту клевету, какую распространяют про отношение мое к Владимиру Ильичу и про отношение Владимира Ильича ко мне. В моем письме имеются прямые и точные цитаты из важнейших партийных документов, которые прячутся от партии только для того, чтобы можно было вводить ее в заблуждение. Я требую напечатания этого письма в первую голову.

9. Хотел бы надеяться, что хоть настоящие мои строки найдут место в № 3 "Дискуссионного листка". Уверенности в этом у меня, однако, нет. Вот почему, в случае отказа "Дискуссионного листка" в напечатании этих строк, я буду просить товарищей распространять это письмо как можно шире, оглашать его, где можно, на партийных собраниях, переписывать его и передавать из рук в руки.

Л. Троцкий

2 ноября 1927 г.

О ВЫСТУПЛЕНИЯХ В ДИСКУССИИ

1. Гигантское значение платформы в том, что она сводит разногласия к их классовым основам и рассматривает партийный режим, как последствие классового сдвига политики, т. е. как результат сползания партийного руководства с пролетарской линии на мелкобуржуазную. Борьба идет, следовательно, за классовый характер партии, за классовый характер государства.

2. Только такая открытая, ясная, отчетливая постановка основных вопросов способна объяснить рядовому рабочему-партийцу остроту

* Опубл. в кн. Сталинская школа фальсификации. Берлин, 1932. – *Прим. сост.*

борьбы и оправдать эту борьбу в его глазах. Чисто формальная постановка вопросов "внутрипартийного режима", "дисциплины" и пр., вне связи с революционной линией, в корне противоречит большевизму. Аппарат, нарушающий устав партии на каждом шагу, стремится в то же время перевести все вопросы в плоскость формальной дисциплины, вернее сказать, чинопочитания. Аппарату это удается тем больше, чем меньше партийная масса понимает смысл разногласий и их глубину.

3. Вот почему всякое смазанное выступление, обходящее наиболее острые разногласия, способно принести оппозиции не пользу, а вред. "Стоит ли тревожить партию из-за второстепенных разногласий?" – спросит себя партиец, прослушав такую речь, которая по тону своему и по характеру похожа скорее на самооправдание, чем на обвинение.

4. Опасение, высказываемое некоторыми отдельными товарищами в том смысле, что резкая постановка вопросов способна оттолкнуть от нас буферно настроенные элементы, является в своем роде "классической" ошибкой, возникающей во всякой серьезной борьбе внутри партии. Ошибка эта в данном случае тем более непростительна, что она уже проверена опытом. Мы имеем несколько случаев буферного выступления со стороны пользующихся заслуженным уважением членов партии. Эти буферные выступления собирали минимальное количество голосов. Наоборот, оппозиция собирает тем большее количество голосов, чем открытее, решительнее, отчетливее она выступает. Всякое снижение тона, всякое приближение к буферу неминуемо ослабили бы нас и толкнули бы противника на то, чтобы удвоить свой натиск.

5. Фракция Сталина-Молотова пытается "запугать" оппозицию XV съездом, который де должен будет объявить несовместимым признание оппозиционной платформы с принадлежностью к партии.

Такое решение означало бы попытку организационным нажимом подтасованного съезда вызвать политическое самоотречение, т. е. ренегатство. Незачем говорить, что ни один серьезный и честный партиец на это не пойдет. Если даже допустить, что сталинский актив, под именем XV съезда, вынесет такого рода убийственное для партии решение, то не трудно предвидеть, что проведение этого решения встретит огромные и все возрастающие затруднения, которые – при правильной политике с нашей стороны – могут и должны укрепить оппозицию в партии.

6. До конца съезда остается, примерно, полтора месяца. Ряды оппозиции, хоть и медленно, но верно растут и крепнут. При твердой, решительной, наступательной политической линии с нашей стороны, мы за эти полтора месяца значительно окрепнем. Каждая группа оппозиционеров в ячейке обрастет сочувствием и полусочувствием значительной части партийцев. В таких условиях попытка исключения оппозиционеров пачками из партии, прежде всего рабочих ячеек, неизбежно вызовет сопротивление и протест со стороны значительной части каждой ячейки. Партийцы захотят узнать, за что исключают. Вопрос о платформе встанет с новой остротой перед партией после XV съезда, если XV съезд решится встать на путь исключения оппозиции. Дискуссия, придушенная до XV съезда, может разгореться после XV съезда. Надо сделать все, чтобы эту возможность превратить в действительность.

7. Исключенные из партии товарищи, как: Мрачковский, Серебряков, Преображенский, Шаров, Саркис, Грюнштейн и прочие не дадут оторвать себя от партии. Попытка исключить несколько тысяч оппозиционеров была бы бессильна разорвать наши связи с партией, прежде всего, с ее пролетарской частью.

8. Аресты партийцев не могут опять-таки помешать партийцам, исключенным из партии, выполнять свой партийный долг. Исключение оппозиционеров тысячами означало бы необходимость арестов тысячами. Политика Сталина, Молотова толкает партию по этому пути. Партия инстинктивно чувствует, что это путь гибели диктатуры. Сталин и Молотов успокаивают партийцев: до этого, мол, не дойдет; оппозиция "испугается" и подчинится самоуправству аппаратной фракции, поставившей себя над партией (именно самоуправство аппарата над партией и именуется теперь партийной дисциплиной).

Совершенно ясно, что каждое случайное снижение тона истолковывается аппаратчиками, как отступление оппозиции и как подтверждение правильности сталинской политики организованного натиска.

Таким образом, линия политического наступления является не только вернейшим орудием организационного самосохранения и роста оппозиции, но и единственным средством оградить единство партии от сознательно раскольнической линии Сталина.

Л. Троцкий

2 ноября 1927 г.

СЕКРЕТАРЮ ЯЧЕЙКИ ВКП (б) ПРИ ГЛАВКОНЦЕССКОМЕ

Уважаемый товарищ!

Как я узнал, ячейка не нашла возможным засчитать мой голос при голосовании резолюции о тов. Андейчине. Возможно, что ячейка в этом вопросе права. Во всяком случае, я не оспариваю ее права не засчитывать голоса отсутствующего товарища. Позвольте мне, однако, этим письменным заявлением присоединиться к большинству, поддержавшему ходатайство тов. Андрейчина о пересмотре его дела в высшей контрольной инстанции.

Л. Троцкий

3 ноября 1927 г.

В РЕДАКЦИЮ "ДИСКУССИОННОГО ЛИСТКА"

По поручению тов. Зиновьева при сем препровождаю для "Дискуссионного листка" статью: "Наши разногласия и беспартийные рабочие".

Л. Троцкий

3 ноября 1927 г.

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ И БЕСПАРТИЙНЫЕ РАБОЧИЕ

Группа Сталина уже давно вынесла наши внутрипартийные споры на улицу. Нэповско-буржуазная улица смакует приемы Сталина и поддерживает его.

Масса беспартийных рабочих все внимательнее прислушивается к нашим разногласиям, все с большей жаждой старается узнать подлинную правду — прежде всего: чего требует оппозиция.

Это — здоровый интерес класса к тому, что делается в его рабочей партии.

Сталин, Угланов, Марецкий и К° стараются спор о классовой линии утопить в сенсациях, в подлой лжи о "связи" оппозиции с "врангелевцами".

Между тем, коренные интересы и рабочего класса и его партии требуют, чтобы рабочая масса узнала правду, выслушала обе стороны, познакомилась бы с важнейшими документами, например, о завещании Ленина.

На заводе им. Баскакова в Москве имел место следующий случай. На заседании общезаводской комиссии по подготовке празднества 7 ноября, директор завода (член партии) предложил, чтобы подготовлен был специальный плакат: долой оппозицию.

Тогда встал один член этой комиссии, беспартийный рабочий-старик, и сурово протестовал против этого, заявивши, что рабочие против этого, что они не пойдут за таким плакатом. Предложение директора было отвергнуто.

В то же время аппарат Московского Комитета собирает "узкие активы" (т. е. фракционные собрания сталинцев), где говорят прямо о том, что аппарат должен вступить в соглашение с беспартийными, чтобы демонстрацию 7 ноября превратить в демонстрацию против оппозиции. Такое совещание устраивал, например, 31 октября Полонский (секретарь Рогожско-Симоновского райкома).

В "лозунгах", опубликованных ЦК, также есть "подход" к тому же.

Нет никакого сомнения: в ход будут пущены "свистуны". Сталин, Угланов и К° сделают все возможное, чтобы и десятилетие великой пролетарской революции превратить в скандал.

Свист, улюлюкание, швыряние стаканами в ораторов оппозиции, сотни исключаемых из партии, вышвыривание с заводов и, наконец, обыски и аресты коммунистов — вот, при помощи каких методов "руководят" сейчас Сталин, Угланов и К°.

На всех перекрестках они обвиняют нас, большевиков-ленинцев (оппозицию) в том, что мы общаемся с беспартийными рабочими. Это объявляется преступлением против партии.

Сталин и К° каждый день во всех газетах льют помои на оппозиционеров, — а ведь газеты читают все, в том числе и беспартийные. На всех собраниях, в городе и деревне, аппаратчики пытаются оклеветать оппозицию. И в то же время рабочего-оппозиционера исключают из партии, если он пробует объяснить своему товарищу по станку, беспартийному

рабочему, что оппозиция отстаивает дело Ленина, что гнусная ложь о "связи" с врангелевскими офицерами и пр. пущена в ход политическими банкротами.

Мы, оппозиционеры, согласны на то, чтобы внутрипартийные споры разрешались только внутри партии – конечно, без свистунов, без зажимания рта. Но *ведь этого то и не допускает сталинская фракция**.

При Ленине мы к чистке партии привлекали беспартийных рабочих, – хотя чистка партии дело внутрипартийное. Прятаться от беспартийных рабочих нам нечего. Мы зовем их в нашу партию. Завтра они будут членами ее. Завтра они вместе с нами будут бороться за ленинизм, за исправление линии партии.

О чем спорим мы сейчас: о *своевременном повышении зарплаты; о зажиме на заводах;* о продовольственных хвостах; о росте кулака и частника; о том, как бороться против бюрократов; о мерах борьбы с безработицей; о признании долгов; о причинах, приведших к поражению китайской революции; о том, как лучше подготовлять оборону СССР против империалистов. Все это вопросы, касающиеся каждого рабочего, всех беспартийных рабочих, всего рабочего класса.

Мы имеем много доказательств того, что основная масса беспартийных рабочих начала интересоваться нашими спорами и начала понимать правоту оппозиции.

Демонстрация ленинградских рабочих 17 октября 1927 г. показала огромное сочувствие рабочей массы к оппозиции.

Это главный итог двух лет: рабочий класс в целом начинает интересоваться спорами аппаратчиков с оппозицией и, видя правоту оппозиции, начинает поддерживать последнюю. В этом залог того, что большевизм победит, что поражения и ошибки сталинской фракции не погубят революции, что единство партии, созданной Лениным, будет сохранено.

Мы уверены, что рабочие дадут по рукам аппаратчикам и свистунам, пытающимся извратить смысл рабочего праздника; они пойдут по тому же пути, по которому 17 октября 1927 г. уже пошли ленинградские рабочие; они поддержат лозунг единства ВКП (б); они будут протестовать против раскола, обысков, арестов, зажимания рта, свиста, улюлюкания; они поддержат наше требование, чтобы завещание Ленина, которое спрятал Сталин, было напечатано.

Г. Зиновьев

3 ноября 1927 г.

В РЕДАКЦИЮ "ДИСКУССИОННОГО ЛИСТКА"

Прошу напечатать в "Дискуссионном листке" прилагаемую при сем статью-речь.

С товарищеским приветом *Х. Раковский*

3 ноября 1927 г.

---

* Курсивом даны поправки Л. Троцкого. – *Прим. сост.*

ОППОЗИЦИЯ И ТРЕТЬЯ СИЛА
Не сказанная речь Раковского на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК*

Товарищи, я готов следовать совету тов. Бухарина, звавшего пленум к хладнокровию, хотя, к сожалению, большинство не послушалось этого совета и продолжало срывать с трибуны ораторов оппозиции, продолжало прибегать к малоубедительным аргументам – к бросанию стаканов, после того, как были использованы переплетенные тома. Я намерен в обсуждение вопроса об исключении тт. Троцкого и Зиновьева внести максимум хладнокровия и спокойствия.

То обстоятельство, что к десятому году Октябрьской революции пред нами стоит предложение Президиума ЦКК об исключении из нашего состава двух виднейших деятелей нашей партии, двух ближайших сотрудников Ленина, не может сойти, как обыкновенное событие. Сколько бы вы ни прорабатывали партию, сколько бы вы ни подготовляли ее к такому исходу, но если это предложение будет принято, оно явится громадным ударом по всей партии.

Я с нетерпением ожидал речей ответственных товарищей, руководителей большинства, я с величайшим вниманием слушал эти речи, не прерывая их ни одним словом, не желая упускать ни одной мысли. Я ждал услышать их аргументы. Для меня важно было выяснить, спрашивают ли себя руководители партии, члены Политбюро, члены пленума, принадлежащие к большинству, о том, как массовые исключения из партии, аресты подлинных и преданнейших ленинцев-партийцев, наконец, исключение тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК, – как все это отразится на соотношении классов внутри страны и за рубежом, будет ли это способствовать укреплению партии, укреплению пролетарской диктатуры, усилению советской власти, расширению и углублению влияния Коминтерна?

Вот тот вопрос, который должен был стоять перед каждым членом Центрального Комитета. Я думал, что этот вопрос будет поставлен, и я с напряженным вниманием ждал ответа на этот вопрос.

Что же случилось? Если бы кто-нибудь извне присутствовал здесь на наших дебатах, его поразила бы бедность, скажу прямо, убогость аргументов, которые приводились в пользу исключения. Был ли в них хотя бы малейший анализ нашего внутреннего и международного положения? Был ли в них учет борьбы классов? Нет, ничего подобного. Все аргументы сводились к одному и тому же: все ораторы – и те, которые говорили по 10 минут, и те, которые говорили часами, – приводили в различных вариантах одно и то же обоснование: Троцкий и Зиновьев нарушили партийную дисциплину; они это совершили, несмотря на мно-

* Настоящая рукопись представляет собой подробный конспект речи, которую я собирался произнести на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК по вопросу об исключении тт. Троцкого и Зиновьева из ЦК. Так как прения были прекращены как раз в момент, когда очередь дошла до меня, то мне остается лишь опубликовать конспект моей речи в "Дискуссионном листке" для сведения партии.

гократные предупреждения, которые делались пленумами. Поэтому они должны быть исключены. Это требуют будто бы интересы сохранения единства партии.

Признайтесь, товарищи, что это есть суть того, что говорилось в течение одного дня ораторами большинства. Из ораторов меньшинства выступали тт. Зиновьев и Троцкий, но они находились в положении обвиняемых, а тов. Муралову, так же, как и первым двум, не дали закончить свою речь. Говорили только ораторы большинства.

Нельзя же считать аргументами за исключение то, что приводил здесь тов. Сталин, например, указание на изданную тов. Троцким в 1904 г. брошюру, которую он посвящал ''дорогому учителю П. Б. Аксельроду''. Я не знаю, забыл ли тов. Сталин или он не знает, что Ленин несколько раньше тов. Троцкого также называл Аксельрода ''дорогим учителем''? Нельзя также считать аргументами всю эту дребедень, все эти антибиографические и биографические сведения, которые в обилии приводились здесь, но которые с излишком покрываются обоснованной теоретической критикой, которую мы слышали со стороны оппозиции. Я понимаю, конечно, почему аргументы о дисциплине приводились так часто. Эти аргументы ближе и понятнее широким партийным массам, а также и беспартийным массам, сочувствующим партии. Приводя эти аргументы, легче всего возбудить ненависть и озлобление против оппозиции. Партия не знает, кто является первым, систематическим и самым ответственным нарушителем партийного устава, партийной дисциплины и партийного единства. Значительная часть молодых членов партии еще склонна принимать существующий режим в партии за нормальный режим, а всякое уклонение – не от партийного устава, а от искаженного партийного режима – она принимает за нарушение устава, за нарушение дисциплины и единства партии.

Между тем, что должно иметь перевес в такой критический момент в нашей дискуссии, это – интерес партии, интерес диктатуры пролетариата, интерес революции. Тот подход к вопросу, который слышали здесь, является сухим, формалистическим, бюрократическим. Не партия, не пролетариат, не советская власть, не Коминтерн существуют для устава, а устав существует для того, чтобы революционный авангард пролетариата мог осуществить свои классовые задачи. Ленин не раз указывал на то, что разговоры о революционной дисциплине вне связи с политической линией, с революционной практикой это – ''выкрики'', ''пустышки''.

Когда перед нами вскрывается с определенной очевидностью, что революционной ленинской партии грозит опасность, вследствие неправильного партийного режима; когда нам становится ясно, что диктатуре пролетариата грозит опасность, вследствие неправильной внешней и внутренней политики, – устав, даже подлинный, а не такой, каким его представляет наш аппарат, разумеется, не теряет своей силы, но отходит на второй план.

Тов. Бухарин говорил о ''третьей силе''. Он как бы хотел перешагнуть за этот заколдованный круг бюрократического формализма, в который был втиснут спор об исключении тт. Зиновьева и Троцкого

из ЦК. Однако, эта "третья сила" для тов. Бухарина свелась к нескольким авантюристам, к бывшим колчаковцам и эсерам, игравшим с безумной мыслью подражать Пилсудскому. Имеем ли мы дело лишь с болтовней за стаканом чая или же имеется налицо начало какой-нибудь организации — об этом скажет дальнейшее следствие. Но не в этом суть вопроса. Если я останавливаюсь на докладе тов. Менжинского, то, во-первых, для того, чтобы обвинить тов. Бухарина в том, что он не протестовал ни одним словом против недопустимого и недостойного приема, заключающегося в том, чтобы стараться запутывать оппозицию в дело, к которому она не имеет и не может иметь ни прямого ни косвенного отношения; во-вторых, я обвиняю тов. Бухарина в том, что он такой громадный, решающий для дальнейшего развития всей нашей революции вопрос — вопрос о "третьей силе", о нашем отношении к этой "третьей силе" свел к тому, что называется судебной смесью, которая может занимать с достоинством только последнюю страницу наших печатных органов.

Здесь уже указывалось и тов. Троцким и тов. Зиновьевым на странность появления доклада тов. Менжинского в тот момент, когда обсуждался вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева, между тем, как предложение оппозиции о том, чтобы вопросу о "врангелевском офицере" было посвящено специальное суждение, было отвергнуто, и еще как, с каким скандалом!

Почему понадобилось в течение часа именно сегодня, при обсуждении вопроса о Зиновьеве и Троцком, читать показания лиц, причастных к "делу о заговоре", когда там, в этих показаниях, нет ни малейшего, ни прямого, ни косвенного намека на какое бы то ни было отношение этого дела к борьбе оппозиции.

Я невольно вспомнил о вышедшей в прошлом году книге на французском языке, которой собственно интересовался тов. Раскольников, и рекомендовал эту книгу для общего чтения. Автором этой книги является некий француз Ленотр. Она озаглавлена "Робеспьер и матерь божия". Книга составлена на основании архивных данных. Суть этой книги следующая: когда правая часть Конвента начала подготовлять низвержение Робеспьера, то "Комитет общественной безопасности", во главе которого находились враги Робеспьера, стал усердно собирать всякие сведения о какой-то полусумасшедшей старушке, мнившей себя "матерью божией". Эта старушка принимала у себя теософов и спиритов. Когда-то она имела какое-то совершенно случайное и отдаленное отношение к Робеспьеру — если не ошибаюсь, Робеспьер спас ее от гильотины по просьбе кого-то. Кажется, Робеспьер никогда не видал этой старушки. Тем не менее на этой дребедени враги Робеспьера построили обвинительный акт против него, как против контрреволюционера. Материал был использован, чтобы обвинить левого вождя Конвента в участии в заговоре против Конституции.

Разве история должна повторяться в самых мельчайших подробностях? Я уверен, что интрига с "врангелевским офицером" будет иметь действие, совершенно обратное тому, которое ожидалось.

Вернемся к "третьей силе".

Что представляет собою "третья сила", которая старается использовать и наши партийные разногласия, и наши внутренние и внешние трудности, и обострения классовой борьбы в деревне, и усиление безработицы в городе, – мы знаем. Для этого не нужно было читать пред нами в течение часа показаний о наличии заговора или помышлении о заговоре, каких немало было в начале существования советской власти и, вероятно, не мало еще будет до того момента, когда мы избавимся от буржуазного окружения и внутренней контрреволюции. Не борьба с этими искателями приключений будет для нас трудна. Не такие факты могут вызвать в нас тревогу за будущее партии и диктатуры пролетариата.

Есть другие факты, которые говорят о подлинной третьей силе, которые говорят о кулачестве, о бюрократии, о нэповской буржуазии, о международном капитализме, о попытках последнего ворваться в щель наших разногласий, чтобы раздвинуть эту щель, чтобы произвести раскол сверху донизу между коммунистами и рабочими, между рабочими и крестьянами. На кого ставит ставку эта третья сила? Об этом нужно было говорить, а тов. Бухарин об этой третьей силе – реакционной и грозной – ничего не сказал. На этой силе и желаю остановиться подробнее.

Но предварительно я должен сделать оговорку. Я не только не беру ответственности за то, что говорится и пишется о тех или иных группировках в нашей партии, но я говорю определенно, что толкование намерений этих группировок является субъективной оценкой наших классовых врагов. Но и как субъективная – такая оценка для нас чрезвычайно опасна. Даже когда приписываемые большинству намерения не соответствуют действительности, все же то обстоятельство, что борьба, происходящая в партии, представляется заграницей почти без исключения борьбой между революционным крылом (оппозицией) и умеренной частью партии (большинством), – это обстоятельство дает нашим врагам большую решимость в их наступлении на нас.

Предо мною оценка внутрипартийных отношений, сделанная известным американцем Айви Ли, тесно связанным с самой верхушкой правящих кругов США Сев. А. Вот, что он пишет: "Имеется умеренная группа, возглавляемая Сталиным, Рыковым и Чичериным, считающая, что Россия должна раньше всего развить свою общественно-политическую экономию, что этого можно успешно достигнуть развитием нормальных отношений с капиталистическими странами, обладающими главными финансовыми источниками мира... Эта умеренная группа верит в необходимость отказаться, по крайней мере для нынешнего момента, от теории мировой революции... Группа людей, возглавляемая Троцким, Зиновьевым, Радеком, Каменевым и другими, была лишена власти... Основной взгляд этой группы левого крыла коммунистов сводится к тому, что мировую революцию нужно подталкивать со всей энергией и что Третий Интернационал со всеми его насилиями и нелегальной работой должен получить поддержку в своих усилиях разрушить капиталистический мир".

"Я сомневаюсь, чтобы какое-ибудь ответствеииое лицо в России пожелало бы подтвердить, что вышеуказаниая теория революции действительно представляет взгляды кого-либо из вождей коммунистической партнн. Конечно, коммунистическая партия и Третий Иитериационал все еще выкрикивают "долой капитализм, долой империализм, да здравствует Красная армия"... Хотя иекоторые вожди русского правительства все еще повторяют старые фразы, в действительности же, в своих повседневиых делах они приспособляют свою деятельность к существующим условиям".

Вот что пишет Айви Ли, и с иим вместе десятки и сотни влиятельиейших политиков мировой буржуазии.

Какне практические выводы делаются отсюда? Что говорят себе наши враги? Прежде всего по вопросу о долгах. Не иужио спешить с ликвидацией вопроса о долгах, – говорят капиталнсты. Время работает на иас. Большевики постепенно, под давлением неумолимой экономической действительности и освободнвшись от критики "левых", сделают иам те уступки, которые оии еще вчера и сегодня отказывались сделать. Оин будут вынуждены призиать долги и в будущем заплатить нам больше, чем это готовы были бы сделать теперь.

Я не думаю, чтобы кто-либо в Политбюро был иамерен призиать долги, но то представление о нашей слабости, которое укрепляется благодаря нашим собственным промахам и ошибкам, придает иашим противиикам смелость быть более требовательными и более иахальными.

Я хочу ограничиться фактами из иашей междуиародной политики. Лучшей иллюстрацией того, каким образом, ставя ставку иа умеренность большинства ЦК, мировой империалнзм дает иам бои и, самое главиое, выигрывает их, – служит иаш последний коифликт с Францией.

Заранее я заявляю, что я ие собираюсь здесь рассказывать историю этого конфликта. Хочу указать только иа одну стороиу этого дела. Кампания против полпреда Союза ССР в Париже исходила из предпосылки, что Раковский ие иайдет защиты в своем собствениом правительстве, так как он принадлежит к оппозиции. Это убеждеиие придало французской печатн, требовавшей отзыва полпреда, беспримериую иаглость и иастойчивость, вынудившую в коице коицов советское правительство снять своего полпреда, иесмотря иа то, что еще 4 сентября французское правительство объявило исчерпаниым инцидент с Раковским.

В доказательство этого я вам приведу факты.

Предварительно интересио для характеристики психологии иаших классовых врагов привести здесь иекоторые из лозуигов газеты "Матен", которая стояла во главе кампании против меня, и которая печатала этн лозуиги крупным шрифтом в своих заголовках. Например: "Против Советов есть только одно оружие – твердость, и только одна линия поведения – репрессии". К иесчастью, со стороиы врага твердость была проявлена в полиой мере, а с иашей оиа отсутствовала.

Телерь я перехожу к фактам.

6 сентября Бриан заявил корреспонденту газеты "Эвр", Барду, следующее: "Раковский прииадлежит к меньшинству Российской коммуии-

стической партии, поэтому, возможно, что большинство будет очень счастливо использовать этот случай, чтобы его отозвать".

Нужно напомнить, что в этой стадии конфликта Бриан объявлял, что само французское правительство удовлетворено заявлением Чичерина, которое было представлено во французской печати, как осуждение Раковского, и что вопрос о дальнейшем оставлении последнего в Париже теперь предоставляется решить самой Москве.

Вся буржуазная печать, за исключением части левой, вторила Бриану: "Посол, дезавуированный (осужденный) своим собственным правительством, не может дальше оставаться послом".

Само французское правительство в своей самой последней ноте, кажется, от 4 октября, писало: "Отозвание Раковского являлось логическим последствием его дезавуирования".

17 сентября газета "Л'ом Либр" печатает статью за подписью своего главного редактора, депутата Еужен Лотье, в которой говорит: "Случай с Раковским очень напоминает случай с германским послом в Париже князем Радолиным. Точно так же, как князь Бюлов, германский канцлер бросил своего посла на произвол судьбы, потому что не любил его, и князь Радолин должен был уйти из Парижа, так и теперь Чичерин бросил Раковского на произвол судьбы".

Я бы мог привести здесь ряд других заявлений из французской печати, как например, заявление "Матен": "Раковский так же нежелателен в Париже, как нежелателен в Москве", но не хочу отнимать вашего времени.

Я ограничусь здесь только цитатами французской печати, которые каждый может проверить. При этом я привожу одну сотую или, может быть, тысячную долю того, что было сказано во французской печати. Но, наряду с этим, я могу вам сообщить еще более яркие и политически авторитетные заявления самих французских министров и руководящих политиков. Все они могут быть сведены к одному и тому же: мы не настаивали бы на отозвании Раковского, если бы само советское правительство своим поведением не заставило нас понять, что оно не относится враждебно к мысли об отозвании Раковского из Франции. "Нельзя отстаивать Раковского, так как сам Чичерин его не поддерживает".

Прибавлю еще заявление социалистического депутата Мутэ. Он дал в эсеровскую газету "Дни" от 14 октября интервью, в котором сказано: "По отношению к инциденту с Раковским, мой ответ, вероятно, удивит вас. Я лично убежден, что вся история подписи Раковским пресловутой декларации является одним из эпизодов борьбы Сталина с оппозицией... Сталину выгодно было отделаться от всех послов-оппозиционеров. Нашли тот или иной способ заставить их подписать. Заварилась каша. Остальное – известно"*.

* Моя речь была уже написана, когда во "Франкфуртер Цейтунг" от 21 октября была напечатана корреспонденция из Парижа, в которой утверждается, что если бы Чичерин не был удерживаем соображениями внутрипартийного характера и оказал бы Раковскому содействие, то последнего не пришлось бы отзывать из Парижа.

Аргумент, пожалуй, неверный. Во всяком случае, он противоречит нашей обычной партийной практике; известно, что именно оппозиционеров посылают полпредами заграницу.

Но я вам привел все эти факты для того, чтобы показать вам, с какой абсолютной уверенностью в победе действовали наши враги. А эту уверенность им давало убеждение, что так как Раковский принадлежит к меньшинству, большинство его защищать не будет. Эта уверенность нашла видимость подтверждения в пассивности Наркоминдела и Политбюро по отношению к своему представителю в Париже.

Возвращаясь к вопросу об исключении тт. Троцкого и Зиновьева, я вам заявляю: товарищи, вы, беря на себя ответственность за это исключение, должны знать, что вы сегодня подписываете вексель, по которому завтра вам придется платить империалистам.

Исторический смысл последнего франко-советского конфликта заключается в том, что переговоры на тех основах, которые Политбюро считало единственно совместимыми с нашими политическими и экономическими интересами, сорвались. Французское правительство будет теперь выдвигать иные требования. Завершился четырехлетний период, начавшийся с признания нас английским и итальянским правительствами – четырехлетний период, во время которого мы считали, что можем сговориться с капиталистическими государствами (конечно, временно, так как никто не думал о возможности прочного соглашения с ними), конечно, как "равный с равным". Теперь мы входим в новую полосу, когда соглашение будет возможно лишь при условии капитуляции с нашей стороны.

Изменить создавшееся положение к выгоде для нас можно только решительным изменением всего партийного курса. Сейчас беспощадность проявляется только по отношению к оппозиции, соглашательство – по отношению к мнимым друзьям, а по отношению к империалистам – шаткость и неуверенность. Что нам необходимо? Восстановить подлинное единство партии на революционной основе и единым фронтом, вместе с оппозицией, дать решительный отпор наглейшим врагам.

Вы видите, товарищи, как наивно, как нецелесообрано, ка не побольшевистски сводить вопрос о разногласиях, существующих в партии, к вопросу о нарушении партийной дисциплины. Я знаю, есть такие сторонники аппаратной власти, которые утверждают, и, несомненно, верят в свое утверждение, что если партия избавится от своего лéвого крыла, если она заткнет рот Троцкому, Зиновьеву и другим членам ЦК, если она вычистит из партии оппозиционеров, посадит часть из них в тюрьму, то в результате этого получится укрепление партии. Это есть жесточайшее самообольщение. Момент, когда аппарат будет торжествовать над партией, когда он будет убежден, что находится в зените своей мощи, этот самый момент будет расцениваться нашими классовыми врагами, как момент наиболее выгодный для удара по Советскому Союзу. Коммунистическая партия, которая перестает свободно обсуждать, – конечно, в рамках подлинного партийного устава, – крупные вопросы внутренней и внешней политики, – такая партия не смогла бы удержать свою

роль руководителя пролетарской диктатуры и международного рабочего движения.

Я жалею руководителей партии и Политбюро, если они и дальше будут считать, что можно руководить великим революционным государством, в тягчайшей международной и внутренней обстановке, опираясь не на сознательного партийца, а на своего аппаратчика. Я жалею этих товарищей, когда они ищут опоры в тех людях, которые, являясь только тенью самих руководителей, будут вторить тому, что им предписывается из агитпропов, что им преподносится по шпаргалкам. Таким образом руководить страной нельзя!

Вы говорите об единстве. Конечно, без единства мы потеряем власть. В стране, где промышленный пролетариат составляет незначительный процент по отношению ко всему населению – в такой отсталой крестьянской стране говорить о двух партиях, значит заранее обрекать на гибель революцию.

Кто виноват в создавшейся обстановке? Вы взваливаете всю вину на оппозицию. Я же вам скажу, что если бы в вашем руководстве не было никакой другой ошибки, кроме той, что вы поставили сначала вне Политбюро, а потом вне Центрального Комитета ближайших сотрудников Ленина, что вы поставили вне партии лучших и самых преданных товарищей из старых большевиков, – этого было бы достаточно для того, чтобы вас осудили, как плохих руководителей.

Сможете ли вы вернуться с того гибельного пути, по которому идете? Вы слишком увлеклись своими антипатиями, своими предубеждениями, своими теоретическими и практическими промахами. Исправление руководства может быть сделано только самой партией.

Х. Раковский

ЛЬВУ БОРИСОВИЧУ КАМЕНЕВУ

Тов. Троцкий предлагает следующую вставку в контртезисы: (В последний раздел "Где взять средств", в пункт о том, что хозяйство платит большой штраф за непредусмотрительность и пр.):

"Так, одна только текучесть рабочего состава наших промышленных, торговых и пр. предприятий, вызываемая в огромной степени непредусмотрительностью и бесплановостью, обходится государственному хозяйству, по некоторым исчислениям, около полмиллиарда рублей". ("Торг.-пром. газета" от 2 августа 1927 г., № 173, статья Чскатило.)

4 ноября 1927 г.

Л.Б. КАМЕНЕВУ, Л.Д. ТРОЦКОМУ, И.Т. СМИЛГЕ *

Дорогие друзья!

* Написано рукою секретаря Зиновьева – Гринберга. Зиновьев, однако, пишет "Вы" с большой буквы. – *Прим. сост.*

Прилагаемый документ мы вчера передали здешнему начальству, копию в ЦК пошлите Вы сами. И вообще сделайте с ним все, что найдете нужным.

Описание – фотографически точное. Все сведения говорят о том, что все это безобразие принесет нашему делу большую пользу.

Беспокоимся, что было у Вас.

Смычка идет у нас очень хорошо. Перелом большой в нашу пользу. Ехать отсюда пока не собираемся. Сообщите Ваше мнение об этом.

Необходимо, чтобы Вы поскорее подали тезисы о хозяйстве.

Вполне допускаю, что Сталин завтра пустит "версию" самую отравленную. Принимаем меры для осведомления публики. Примите и Вы.

Горячий привет, Ваш, *Г. Зиновьев*

4 ноября 1927 г.

Гр[игорий.] Евс[еевич] просит добавить:

1. Экземпляр не окончательный.
2. Если будут поправки, последние будут переданы по телефону.

Гринберг

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б)
В ПРЕЗИДИУМ ЦКК ВКП (б)

Прежде, чем постыдные действия бюрократических групп, прикрытых безнаказанностью, станут известны всему мировому пролетариату, считаем нужным в немногих словах закрепить происшедшее сейчас же.

Во время нашей поездки с тов. Троцким по городу и наших приветствий по адресу рабочих колонн, небольшие, вернее сказать, ничтожные кучки специально для того подготовленных и вооруженных свистками дезорганизаторов пытались внести в шествие озлобление и довести дело до физических столкновений. Им помешал в этом только отпор рабочих, настроение которых было прямо противоположно настроению этих групп, поведение которых было совершенно достойно фашистов.

На Семеновской улице милиционеры и военные, на глазах у Буденного, Цихона и других, стреляли нам вслед (по-видимому, в воздух). Мы остановили автомобиль. Группа фашистов – человек пять – набросилась на автомобиль с площадными ругательствами, сломала рожок и разбила стекло фонаря. Милиционеры даже не подошли к автомобилю. Так и осталось невыясненным, зачем нам стреляли вслед.

После поездки мы прибыли на квартиру члена ЦК ВКП (б) тов. Смилги. Над окнами квартиры вывешены были с утра плакат "Выполним завещание Ленина" и красное полотнище с портретами Ленина, Зиновьева и Троцкого. Жена тов. Смилги, член партии, отказалась впустить в квартиру посторонних лиц, пытавшихся сорвать "преступные" полотнища с призывом выполнить завещание Ленина и с портретами Ленина, Зиновьева и Троцкого. Специально для того отряженные лица пытались

с крыши крючками сорвать плакаты. Находившиеся в квартире женщины препятствовали этим героическим усилиям при помощи половой щетки. После нашего появления в квартире попытки сорвать плакаты продолжались еще более ожесточенно, собирая этим огромную массу демонстрантов на площади между Кремлем, гаражом и зданием Коминтерна. Точно так же, как и в уличных колоннах, подавляющее большинство демонстрантов было возмущено глупыми и наглыми попытками сорвать плакаты.

Настроение собравшихся демонстрантов ярче всего выражалось в бурных рукоплесканиях и приветственных криках по адресу товарищей, отбивавших покушение на ленинские плакаты. Это не останавливало обезумевших аппаратчиков, которых поддерживало ничтожное меньшинство свистунов. Дело закончилось тем, что человек 15—20 командиров школы ЦК и слушателей военной академии разбили дверь квартиры тов. Смилги, обратив ее в щепы и насильно ворвались в комнаты. Совершенно ясно, что их негодование имело строго организованный характер и что их бесчинства были рассчитаны не только на попустительство, но и на прямое поощрение властей. К этому моменту заброшенный сверху крючок захватил портрет Ленина и разорвал его на несколько частей. Сорван был также "преступный" плакат с упоминанием завещания Ленина. Ворвавшиеся военные унесли в качестве "трофея" полотнище с порванным портретом Ленина. На полу остались доски, щепы, крючья, битые стекла, разрушенный телефон и пр., в качестве свидетельства героических действий в честь Октябрьской революции. Огромная толпа на площади с затаенным дыханием следила за происходящим вокруг окон квартиры тов. Смилги. Появление когolибо из нас у окна встречалось десятками или, в иные минуты, сотнями свистков и тысячами приветственных криков и аплодисментов. Трудно придумать действия более постыдные для руководителей и организаторов борьбы с оппозицией, более безобразные под углом зрения юбилейного праздника, более глупые с точки зрения интересов господствующей фракции.

Мы сообщаем здесь одну сотую часть того, что происходило в разных районах, в частности, вокруг гостиницы "Париж", с одного из балконов которой тт. Смилга, Преображенский и др. обменивались приветствиями с колоннами демонстрантов, после чего подверглись организованной фашистской атаке. Все эти эпизоды записаны. Все они будут установлены во всей подробности. Мировой пролетариат узнает о них, как знают уже сегодня рабочие всей Москвы, как узнают завтра трудящиеся всего Союза.

Каждый честный рабочий спросит себя: "Откуда" эта бешеная, неистовая, слепая и постыдная злоба против нас со стороны ничтожного меньшинства, которое своими налетами и погромами только ярче противопоставило себя подавляющему большинству трудящихся в день десятилетия Октябрьской революции?

Рабочие нашего Союза и всего мира захотят с удесятеренной силой узнать те взгляды оппозиции, из-за которых она подвергается такой

травле со стороны аппаратно-бюрократических верхушек.

Каждый спросит себя, почему является недопустимым в десятилетие Октября плакат с упоминанием о завещании Ленина и портреты его ближайших соратников – Зиновьева и Троцкого?!

Наша политическая платформа только выиграет от этого злобного натиска, в котором ярче всего выражается идейное бессилие. Число наших сторонников будет расти неудержимо.

Мы пишем вам об этом в немногих строках, находясь в разгромленной квартире члена ЦК тов. Смилги. Мы ставим своей задачей немедленно закрепить ответственность за происшедшее каждого из вас в отдельности, как и Политбюро и Президиума ЦКК вместе. Каждый московский партиец знает, что фашистские группы получили инструкции от секретарей райкомов и что центром всей этой омерзительной кампании является секретариат ЦК ВКП(б), пользующийся Президиумом ЦКК, как послушным и на все готовым орудием. Всякому ясно, а вам яснее, чем кому бы то ни было, что, не будь прямых приказов сверху, все происшедшее не имело бы места.

Дело идет о судьбе партии, о судьбе революции, о судьбе рабочего государства. Судить будет партия. Судить будет рабочий класс. Мы не сомневаемся в приговоре.

Муралов
Смилга
Каменев

7 ноября 1927 г.

ПОСЛЕ СЛОВЕСНОГО ЗИГЗАГА ВЛЕВО – ГЛУБОКИЙ СДВИГ ВПРАВО
(К итогам юбилейного праздника)

1. Сталинская фракция всю "дискуссию", т. е. всю травлю оппозиции, вела до сих пор под лозунгом "единства партии". Этот лозунг вырывается теперь у сталинцев из рук. Все более многочисленные ряды партийцев единство партии толкуют так: "Не трави оппозицию, не мобилизуй свистунов, не исключай, не арестуй коммунистов".

Аппаратчики отклоняли плакаты "за единство ВКП (б)". Этот лозунг стал лозунгом оппозиции.

2. Оппозиция выдвинула 7 ноября лозунг: "Против оппортунизма, против раскола – за единство ленинской партии". Плакаты оппозиции с этим лозунгом уничтожались под руководством сталинского аппарата. Рабочих, несших этот плакат, избивали с остервенением. Да и как же иначе? "Против оппортунизма" – это значит против Сталина. "Против раскола" – против кого это, как не против Сталина? "За единство ленинской партии" – явный удар по Сталину.

3. "За ленинский ЦК ВКП (б)". И этот лозунг был отвергнут московскими аппаратчиками для демонстрации. "За ленинский ЦК ВКП (б)" – говорили они – "это поймут так: за тот ЦК, который был при Ленине". Правильно! Сталинцам нужен сталинский, а не ленинский ЦК.

4. Оппозиция вынесла на демонстрацию плакаты с лозунгами: "Повернем огонь направо – против кулака, нэпмана, бюрократа". Этот плакат срывался и уничтожался. Несшие его рабочие избивались. Один этот факт обнажает подлинную линию нынешнего партийного руководства до конца. Нас, оппозиционеров, часто спрашивают: в чем вы видете опасность Термидора? Наш ответ ясен и прост. Когда большевиков избивают за то, что они требуют повернуть огонь направо – против кулака, нэпмана и бюрократа, то опасность Термидора налицо. Те, которые избивают, те, которые организуют избиение, те, которые потакают избиению являются термидорианцами или попустителями.

5. В юбилейном манифесте и в речах официальных ораторов говорилось о необходимости усиленного нажима на кулака и нэпмана. Два года тому назад это было – по толкованию Бухарина – несвоевременно. А теперь, к десятилетнему юбилею, – как раз впору. Но в таком случае, почему же 7 ноября 1927 года рвут на части плакаты с требованием повернуть огонь против кулака, нэпмана и бюрократа? Сопоставлением этих фактов раскрывают политику нынешнего руководства до конца. Сталин и Бухарин провозглашают нажим на буржуазные элементы на словах. Оппозиция хочет провести этот нажим на деле. Поэтому Сталины и Бухарины нажимают на оппозицию.

6. "Выполним завещание Ленина". Таков один из ненавистных оппозиционных плакатов, которые вырывали из рук, срывали клочьями со стен и подвергали уничтожению на глазах у толпы. Ненависть к ленинскому завещанию становится у аппаратчиков тем неистовее, чем больше обнаруживается на деле глубокая прозорливость той оценки, которая дана в завещании Сталину. На собраниях, и особенно в частных беседах, злобствующие сталинцы прямо говорят, что Ленин писал свое завещание в состоянии болезни. Это последний довод в борьбе аппаратчиков с Лениным. Они забывают только, что завещание написано в тот же, примерно, период (25 декабря 22 г. – 4 января 23 г.), как и ленинские статьи: "Лучше меньше, да лучше" (2 марта 1923 г.), "О кооперации" (26 марта 1923 г.), "Как нам реорганизовать Рабкрин" (23 января 1923 г.) и пр. Вся партия знает, что эти статьи заключают в себе замечательнейшие проявления мощи ленинской мысли. Сталин и Бухарин пытаются на одной произвольно выдернутой фразе из статьи "О кооперации" построить свою мелкобуржуазную теорию социализма в одной стране. Это не мешает им травить ленинское завещание, как плод больной мысли и чуть ли не контрреволюционный документ.

7. Портреты руководителей оппозиции давно находятся под строжайшим запрещением. Достать их в магазинах почти невозможно. Вывешивание их приравнивается к преступлению. Тем не менее, оппозиционеры во многих местах сознательно шли на риск и вывешивали или развертывали на улицах портреты руководителей оппозиции. Смельчаков беспощадно избивали, а портреты рвали на куски или втаптывали в грязь. Это, однако, не останавливало других оппозиционеров.

Портреты Сталина никем не запрещены. Наоборот, вывешивание их есть один из путей к карьере. Тем не менее, портретов Сталина совер-

шенио ие видно было ии в окиах, ии иа плакатах демоистрантов. Факт этот сам по себе красноречивее всяких слов. Бессмертный Бройдо, бывший заведующий Госиздатом, пытался принуждением и вымогательством внедрить сталинские портреты в обиход страны. Есть, однако, вещи, которых иельзя достигнуть голой репрессией.

* * *

Политика сталинского руководства состоит из коротких зигзагов влево и глубоких – вправо. Так гласит платформа большевиков-ленинцев (оппозиции). Еще только иа днях сталииское руководство – под кнутом оппозиции – проделало зигзаг влево. Были провозглашены: семичасовой рабочий день, нажим иа кулака, страхование бедняка и пр. и пр. Прошло иемного дней, и за словесиым зигзагом влево, последовал иовый, решительный сдвиг вправо. Бешеный натиск иа оппозиционные плакаты прямо продиктован классовыми интересами кулака, нэпмана и бюрократа, которые торопятся взять реванш за левый перепуг, виушенный им юбилейным манифестом. Натиск на леиинские лозунги оппозиции произвели худшие элементы сталинского аппарата, в союзе с прямыми отбросами мещанской улицы. В этом один из крупнейших уроков 7 ноября 1927 года.

Л. Троцкий.

8 ноября 1927 г.

В ПОЛИТБЮРО
В ПРЕЗИДИУМ ЦКК*

Мы формально требуем немедлениого и точного расследования и привлечения виновных к ответственности – по целому ряду бесчинств, насилий и погромного характера действий во время юбилейной демонстрации 7 ноября 1927 года.

1. Мы писали уже вам о том, как группа, состоящая преимущественно из военных, – отнюдь ие рядовых красноармейцев, – ворвалась в квартиру члена ЦК ВКП(б) тов. Смилги, взломав дверь, и насильственно отобрала красное полотнище с портретами Ленина, Зиновьева и Троцкого.

Одновременно делались попытки с крыши сорвать крючком, доской и пр. плакат с лозунгом: "Выполним завещание Ленина". При этом было разбито стекло в окне.

До взлома дверей, в квартиру неоднократно стучались агенты ГПУ и другие лица, требовавшие, чтобы их допустили ко снятию плакатов. Хозяйка квартиры, жена тов. Смилги, вынуждена была отвести детей на другую квартиру. Взломщики заняли все двери и лестницы, проверяли и контролировали всех входящих и выходящих. Установить всех виновных в разгроме квартиры тов. Смилги не представляет никакого

* Написано мною. Подпись, очевидно, была коллективная. – *Л. Троцкий.*

труда. Одим из организаторов иалета является, по имеющимся у иас даниым, иачальник воеииой школы ЦИК Лашук. Мы можем указать иа целый ряд свидетелей, которые видели взломщиков и без труда опозиают их. Фамилни ряда взломщиков известны уже и сейчас.

2. Второй иалет был организован иа балкои гостиницы "Париж". На этом балкоие помещались тт. Смилга, Преображенский, Грюиштейи, Альский и др. Организатором фашистской группы явился здесь небезызвестный Борис Волии, нравствеииая фнзиоиомия которого не иуждается в оценке. Налетчики, после бомбардировкн балкоиа картофелем, льдинами н пр., ворвались в комиату, путем побоев н толчков вытесиили изваниых товарищей с балкона и затем подвергли их задержанию, т. е. фактически арестовали в одной из комиат гостиницы "Париж" иа иесколько часов. Ряд оппозициоиеров был избит. Тов. Троцкая была сбита с иог. Побои сопровождались тем более гнусными ругательствами, что среди иалетчиков были пьяиые.

3. При проезде автомобиля с тт. Каменевым, Мураловым и Троцким по Семеновской улице, произошел загадочный инцидент, выясить который – при желании – ие составило бы большого труда. Автомобиль проезжал мимо рядов демоистрантов, приветствуемый криками и аплодисмеитами большинства и сопровождаемый свистками иичтожиого меньшинства. Навстречу этому автомобилю ехал по той же линии, вдоль демоистрантов, автомобиль с тт. Будениым, Цихоном и др. Совершенио очевидно, что движение обоих зтих автомобилей было одииаково закоиио. Когда автомобиль с тт. Каменевым, Мураловым н Троцким уже оставил позади себя колонну демоистрантов, раздалось вдогоику четыре выстрела – один за другим. Выстрелы во время юбилейной демоистрации были иастолько иеожиданы, что сидевшие в автомобиле предположили сперва, что зти звуки имеют другое происхождение (лопнувшие шины, хлопушки и пр.). Но вдогонку за автомобилем мчалось иесколько фигур. Шофер замедлил ход автомобиля. На подножку вскочили с одной стороны пожариый (из командиров), с другой стороиы – две подозрительные фигуры, сразу схватнвшиеся за руль. Пожариый разразился площадными ругательствами. К нему иа подмогу подбежало еще иесколько человек, пытавшихся довести дело до физнческой расправы. Только подоспевшая часть демистрантов удержала нх от этого. В зубах у пожариого-командира был роговой свисток – из числа тех, какими пользуются свистуиы-фашисты. Свисток был вырван у пожариого одиим из сидевших в автомобиле и может быть предъявлен при расследовании дела. В толпе говорилн, что стреляли милициоиеры. Никто из милициоиеров, однако, к автомобилю ие подошел и никаких требований иам предъявлено ие было. Установить личность стрелявших, а также преследовавших автомобиль (иа глазах у Будениого н Цихоиа) ие представляло бы никакого труда.

4. В разиых частях шествия на оппозицноиеров набрасывались, подвергая их избиению. Чаще всего такого рода налеты сопровождались разиузданными выкрнками чериосотениого, в частности, антисемитского характера, – совершенно иезависимо от того, к какой национal-

ности принадлежал избиваемый. Здесь повторилось точка в точку то, что наблюдалось при избиении большевиков на улицах Ленинграда в июле 1927 г., когда наибулышую активность и решительность проявляли наиболее черносотенные элементы. Целый ряд потерпевших коммунистов нам известен. На основании их показаний, как и показаний свидетелей, можно без труда установить виновных. Все действия такого рода ни в малейшей степени не походили на расправу толпы. Наоборот, все они совершались за спиной толпы, при небольшом количестве зрителей, силами небольших групп, при руководящем участии официальных или полуофициальных лиц, которых, как уже сказано, не трудно найти.

Мы спрашиваем вас: намерены ли вы произвести формальное, открытое и беспристрастное расследование по названным нами и многим не названным хулиганским бесчинствам против оппозиционеров или подозреваемых в оппозиционности. Значение этого вопроса для дальнейшего внутреннего развития нашей страны не требует пояснений. В случае неполучения от вас ответа, мы примем для освещения всего этого дела те меры, которые вытекают из интересов нашей партии, нашей революции и международного рабочего движения.

[Л. Троцкий]

9 ноября 1927 г.

В ЦК И ЦКК ВКП (б)
Копия: тт. Зиновьеву и Троцкому

Двинолес, парт. ст. с 1913 г.
чл. бил. № 0030392 *А. Николаев*

ЗАЯВЛЕНИЕ

В день десятой годовщины Октябрьской революции, в 10 час. утра, 7 ноября 1927 г. – моя квартира, находящаяся во 2-м этаже на углу Бауманской и Бакунинской – подверглась налету со стороны местных партийных и советских властей. В числе налетчиков оказались секретарь райкома Цихон, меньшевик Ходоров (преподав. академии) и председатель райсовета Сафронов, в присутствии милиции, пользуясь своим привилегированным положением и перевесом в физическом отношении, налетчики учинили следующие бесчинства:

Ругаясь площадной бранью, ворвались в квартиру и сорвали с балкона вывешенные мною изданные ленинско-большевистские плакаты с нижеследующими лозунгами:

1) "Выполним завещание Ленина" (2 пл.).

2) "Повернем огонь направо против нэпмана, кулака и бюрократа". (1 пл.).

3) "За подлинную рабочую демократию" (1 пл.).

4) "Да здравствуют вожди мировой революции Троцкий и Зиновьев".

Кроме того, были сорваны вывешенные впоследствии портреты Ленина, Зиновьева и Троцкого в рамке красноармейской звезды.

На мой вопрос к секретарю райкома Цихону, какое право имеет он

и пред. Совета Сафронов врываться в квартиру к коммунисту и, вместе с фашистом Ходоровым, попирать советские законы, кто ответственен будет за самоуправство?

Цихон закричал: "Молчи, сволочь, ты не делал революцию!"

На мой второй вопрос – за кого он, за кулака, нэпмана и бюрократа, или против? За выполнение завещания Ленина или против завещания?

Цихон ответил, что он за партию.

На мой вопрос: с каких пор наша партия стала защищать кулака, нэпмана и бюрократа, с каких пор партия Ленина стала кулацкой партией?

Цихон, махая кулаками около моего лица, кричал: "Молчи, сволочь, не то арестую!" На угрозы Цихона я ответил, что угрозы ареста не страшны, сидел при царском режиме и при Керенском, революционера арестом не запугаешь.

После сего инцидента, Цихон, Сафронов и меньшевик Ходоров ушли, дав распоряжение милиции всех присутствующих переписать, а меня не выпускать из квартиры.

Просидев под домашним арестом часа полтора, я потребовал своего освобождения.

Начальник отделения милиции (фамилию не знаю) дал согласие на мое освобождение при условии, если я ему отдам в качестве "трофея" вещественное доказательство (сорванные плакаты), я согласился на передачу таковых, при условии выдачи мне соответствующей расписки и по получении таковой, одновременно с милицией, покинул квартиру.

Минут через двадцать, после моего ухода, ко мне пришел один из товарищей, увидев портреты вождей (Ленина, Зиновьева и Троцкого) сделал попытку выставить их в окно, но не успели они показаться в окне, как были сорваны стоявшей на углу милицией.

Ворвавшийся в комнату начальник милиции угрожал арестом жене.

Так прошел день 10-й годовщины Октября.

Возмущенный до глубины души неслыханной наглостью разгулявшихся "партийцев"-налетчиков, которые, будучи ответственными руководителями партии и советской власти, под охраной местной милиции, позволили себе, в присутствии тысячной толпы, издеваться и надругаться над ленинскими лозунгами, портретами Ленина и его ближайших учеников и соратников Зиновьева и Троцкого. Доводя вышеизложенное до вашего сведения, прошу ЦК и ЦКК привлечь к ответственности "не взирая на лица" (Ленин), всех членов партии, принимавших участие в столь гнусном деле.

А. Николаев

10 ноября 1927 г.

РАСПИСКА НИКОЛАЕВА

По распоряжению тов. Цихона, мною были сняты лозунги:

1) Выполним завещание Ленина (2).

2) За подлинную рабочую демократию (1).

3) Здесь помещался Совет (1).

Остальные два лозунга были взяты тов. Цихоном.

7 ноября [19]27 г. (подпись)

ЧТО БЫЛО У ГОСТИНИЦЫ "ПАРИЖ" 7 НОЯБРЯ 1927 г.

Около 11 час. утра 7 ноября, во время прохождения колонн демонстрантов Хамовнического района, на открытый балкон конторы 27-го Дома Советов (быв. гостиница "Париж"), выходящий на угол Охотного ряда и Тверской ул., вышли член ЦК ВКП(б) и член ЦИК тов. Смилга, быв. секретарь ЦК при Ленине, тов. Преображенский и еще несколько других товарищей. Вышедшие на балкон товарищи приветствовали проходившие колонны демонстрантов и, провозглашая приветствия по адресу вождей Октябрьской революции, вывесили на балконе под портретом тов. Ленина красное полотнище с лозунгом "Назад к Ленину!". Проходившие колонны демонстрантов дружно, всей массой отвечали на приветствия с балкона, за исключением одиночек, идущих у знамен во главе каждого предприятия и вооруженных свистками и пищалками. Эти одиночные свистуны свистели, пищали, кричали "Долой!". Но эти одиночные свистки и крики тонули в мощных раскатах "Ура!" всей массы демонстрантов, переплетаясь с приветствиями из рядов демонстрантов по адресу оппозиции, большевиков-ленинцев и ее вождей.

Растерявшиеся в первое время распорядители демонстрации, получив, по-видимому, соответствующие инструкции, стали отделять из проходивших колонн небольшие отряды вооруженных свистками, пищалками, огурцами, помидорами, камнями, палками и пр. и оставлять их на углу Тверской и Охотного под балконом 27-го Дома Советов. Одновременно сюда же стали подъезжать на автомобилях: секретарь Краснопресненского райкома Рютин, председатель Краснопресненского райсовета Минайчев, секретарь МКК Мороз и др. члены МК и МКК. Сюда же прибыл с группой командиров Начпуокр Булин.

Скопившиеся под балконом, под руководством съехавшихся властей, стали свистать, кричать "Долой!", "Бей оппозицию!" и бросать в стоявших на балконе товарищей Смилгу, Преображенского и др. камнями, палками, щепками, огурцами, помидорами и пр. В то же время с противоположного балкона, из квартиры тов. Подвойского, находившейся напротив, в 1-м Доме Советов, стали кидать в тт. Смилгу и Преображенского льдинами, картофелем и дровами.

Проходившие колонны демонстрантов продолжали отвечать на приветствия тт. Смилги и Преображенского и выражали свое возмущение против действий свистунов и хулиганов криками: "Долой свистунов и хулиганов!", "Долой фашистов, раскалывающих партию!"

По распоряжению начпуокра Булина, был отряжен красноармеец железнодорожных войск, который взобрался снаружи по стене на балкон и выполнил распоряжение стоявших внизу распорядителей о срыве плаката с именем тов. Ленина. Тогда стоявшие на балконе товарищи вывесили другое красное полотнище с лозунгом: "Выполним завещание Ленина". Появление этого плаката вызвало бурю восторга и приветствий в колоннах демонстрантов и усилило в то же время свистки, крики и бросание камней со стороны накапливавшейся под балконом толпы

свистунов и хулиганов. В этой толпе хулиганствующих появился бывший редактор "Рабочей Москвы" Фрадкин (Борис Волин), снятый с редакторской работы за целый ряд уголовных деяний, Вознесенский Виктор, работающий в приемной тов. Калинина, которые стали призывать толпу ворваться в гостиницу и расправиться с находившимися на балконе оппозиционерами. К этому времени из толпы, наряду с криками "Долой!" и "Бей оппозицию!", стали доноситься крики: "Бей жидов-оппозиционеров!", "Бей жидов!".

Первыми ворвались в подъезд 27-го Дома Советов Рютин, Вознесенский и Минайчев. Вознесенский, крича, что он "за крестьян" и что он "сын крестьянина", требовал от милиционеров и швейцара подъезда пропуска толпы для расправы с оппозиционерами. Стоявшие тут же жильцы дома настаивали на недопущении толпы в дом, опасаясь разгрома дома и расправы. В это время Рютин, снесшийся с кем-то из подъезда по телефону, подозвал к телефону милиционера и сообщил стоявшим в подъезде, что он получил разрешение пропустить в дом двадцать человек из толпы. Жильцы дома стали протестовать и требовать от милиции, чтобы она воспрепятствовала этому. Но возвратившийся от телефона пом. начальника милиции сообщил, что он ничего поделать не может, т. к. получил приказание не препятствовать ни той, ни другой стороне. Тогда Вознесенский выхватил у швейцара ключ от входной двери, отпер дверь подъезда, в которую ворвалась толпа в несколько десятков человек во главе с Фрадкиным, Булиным и др. В ворвавшейся в дом толпе были пьяные.

Ворвавшиеся набросились на стоявших в комнате у балкона товарищей Грюнштейна (член партии с 1904 г. и бывший каторжанин), Енукидзе, Карпели и др. и стали их избивать. Булин, схватив стул, разбил стекла в двери балкона и ворвавшиеся стали вытаскивать с балкона через разбитые двери находившихся там товарищей – членов ЦК ВКП (б) Смилгу, Преображенского и др. и избивать их. Булин с группой военных набросились на начдива тов. Мальцева, находившегося также на балконе, повалили его на стол и стали избивать. Такому же избиению подверглись члены партии Альский, Гинзбург, Мдивани, Малюта, Юшкин и др.

Во время этого избиения присутствовали секретарь МКК Мороз и член бюро МК Цифринович. На обращение к ним с требованием прекратить избиение и установить фамилии избивающих, секретарь МКК Мороз кричал: "Молчите, а то хуже будет!" А член бюро МК Цифринович ответил: "Так вам и надо". Присутствовавший при избиении помощник начальника отделения милиции тов. Волков заявил: "Хотя я и беспартийный, но не видал такого безобразия, чтобы попустительствовали хулиганам в избиении и запрещали милиции вмешиваться". Указания со стороны жильцов дома, что в толпе избивающих находятся пьяные, были оставлены Морозом без внимания. По распоряжению Мороза, и избитые, в том числе тт. Смилга и Преображенский, были оттеснены в одну из комнат гостиницы и заперты в ней. К дверям был приставлен военный караул. Караульные посты были расставлены также в коридоре. Из комнаты не разрешали выходить. В уборную водили под конвоем.

В комнату для наблюдения за задержанными были посажены член МК Шумяцкий и Минайчев.

Когда задержанные потребовали пропуска их во Второй Дом Советов, то Шумяцкий и Минайчев им в этом категорически отказали под тем предлогом, что на улице якобы ждет толпа, которая хочет расправиться с задержанными. Когда, несмотря на это предупреждение, задержанные во главе с тт. Смилгой и Преображенским прорвались через караул и вышли на улицу, то там никого не оказалось, и все задержанные, в сопровождении вышедшего вслед за ними караула во главе с членом МКК (фамилию его установить не удалось), пришли во Второй Дом Советов в квартиру тов. Дробниса. В квартиру эту сопровождавшие в качестве караула хотели ворваться силой, но не были пропущены и остались у дверей. Получив от жильцов одной из соседних квартир сообщение о том, что находившийся у двери караул вызвал по телефону отряд для проникновения в квартиру тов. Дробниса, задержанные вышли из квартиры черным ходом.

[И. Смилга]

[10 ноября 1927 г.]

ЗАЯВЛЕНИЕ

В ячейку ВКП(б) 2-го Грузового гаража МКХ от члена ВКП(б), партийный билет Н 0027537 Архипова И.М. *

Дорогие товарищи, к глубокому сожалению, мне приходится писать к вам эти строки, так как неслыханные действия в истории нашей ячейки не вызывали тех обстоятельств до настоящего времени. В настоящее время, с глубоким сожалением приходится констатировать факт выявления групп чистого антипартийного и антирабочего характера, выражающемся в следующем: 7 ноября с. г., в момент сбора демонстрации у Александровского вокзала, к нам приехали вожди пролетариата всего мира: тт. Троцкий, Каменев и Муралов, которые были встречены рабочими Краснопресненского района приветствиями "Ура!". В этот момент заранее сорганизовавшаяся группа свистунов чисто фашистского характера, в которой участвовали представители нашей ячейки Эйденов, Королев и целый ряд других, набросились на машину наших вождей, имевших цель стащить их с машины. Я, как преданный член партии, всегда стоя на страже интересов рабочих, принял участие в борьбе с этими явлениями и, когда Эйденов лез на машину к тов. Троцкому с кулаками и намерением причинить ему побои, я оттащил за воротник этого отъявленного фашиста нашей ячейки. При отъезде машины с вождями всемирной революции, эти фашисты забрасывали их яблоками, булками, грязью и всем, что у них было. Фашисты нашей ячейки, както: Эйденов, Королев и другие приняли в этом непосредственное участие. Когда мы возвращались в ряды своей колонны, я Эйденову сделал замечание, сказав: "Так делают только фашисты". В это время Королев

* Публикуется с сохранением всех стилистических и орфографических особенностей оригинала. – *Прим. сост.*

ударяет размахом кулака меня по голове только за то, что я сделал долг честного рабочего, партийца, защищая вождей мирового пролетариата, и долг всякого честного рабочего, хотя бы и не коммуниста, защищая вождей.

Возвратившись в свои колонны, где открылся горячий спор по поводу совершившихся событий. Не смотря на мою лояльность в разговоре, я еще неоднократно слышал угрозы Королева съездить мне по "Европе".

Посему считаю такой факт недопустимый в ячейке нашей партии и прошу обсудить этот вопрос и сделать надлежащий вывод, т. к. по моим соображениям вожди рабочего класса отрезаны от масс, не хотят порывать связи и появляются в рабочей массе, не считаясь ни с какими для них опасностями. Отсюда можно сделать вывод из настоящей демонстрации, что рабочий класс, который неправильно информировался и вводился в заблуждения, желал встретить своих подлинных вождей на демонстрации: Троцкого, Каменева и других, но организованные свистуны и фашисты помешали им это сделать. Со своей стороны, считаю долгом заявить, что подобные явления должны быть прекращены, ибо они мешают правильно войти в курс современной политики рабочему классу, и опора на этих свистунов может послужить крахом для всех октябрьских завоеваний. В отношении своей ячейки и организовавшейся группы свистунов, я перекладаю всю вину на секретаря ячейки, который потворствует этим явлениям, и все последствия таких явлений будут возложены на секретаря и аппаратчиков свыше, даваемых свистунам такие задания, т. к. рабочий класс никогда не терпел и терпеть не может подобных явлений и железным мечом всегда отсекало руку мешающим им строить свое рабочее дело.

Никакой свист не помешает оппозиции, как единой защитнице ленинских идей, внедрить [в] сознание рабочего класса его собственные к[л]ассовые интересы и формы борьбы, так как это говорил тов. Ленин.

11 ноября 1927 г. Член партии ВКП (б) партстаж 1917 год: *Архипов*

Копии в ЦКК, МКК, РКК, Троцкому и Муралову

Примечаниае: Секретарь ячейки не считал нужным ставить это заявление для разбора. Уже месяц не могу добиться постановления для разбора.

Архипов

В ЦК И ЦКК ВКП (б) *

Ув. тов., события внутри партийной жизни развиваются с такой быстротой и остротой, которые грозят в ближайшие же дни нанести оконча-

* Написано после исключения Троцкого и Зиновьева из партии (конец 1928 г.). Автор не я. Кто именно, затрудняюсь сказать. Могли написать Каменев, Преображенский... [Приписка Л. Троцкого.]

тельный удар единству партии и поставить XV съезд перед непоправимыми фактами.

Такой неслыханно обостряющий всю обстановку факт, как исключение тт. Троцкого и Зиновьева из партии мотивируется мнимым перерастанием оппозиционной деятельности в антисоветскую. Эта мотивировка обозначает, конечно, решение перейти к массовым арестам оппозиции. Незачем говорить, что это не внесет ни малейшего успокоения ни в партию ни в рабочий класс. Это не испугает оппозицию, ибо бессмысленно думать, что подобные меры могут заставить нас, большевиков-ленинцев, отказаться от взглядов, в правильности которых мы глубочайше убеждены. Но это нанесет партии и сов. власти рану, залечить которую будет уж невозможно.

Обвинение в антисоветском характере нашей деятельности находится в чудовищном противоречии со всем смыслом, целями и задачами нашей работы.

Утвердив для демонстрации 7 ноября ряд лозунгов прямо направленных против оппозиции (плакаты с лозунгами "долой оппозицию" и т. д. были пронесены по Красной площади несколько раз), ЦК и МК тем самым вынесли внутрипартийные споры на улицу и вынудили нас выдвинуть ряд самостоятельных лозунгов ("повернем огонь направо – против кулака, нэпмана и бюрократа", "назад к Ленину" и т. д.). Выступление с неутвержденными лозунгами, конечно, было известным нарушением партдисциплины, но решительно ничего антисоветского ни в этих лозунгах, ни в наших действиях 7 ноября никто усмотреть не может.

Оппозиция в данное время представляет собой небольшое меньшинство в партии. Она ставит себе задачи, соответствующие этому ее положению, – именно: разъяснение и защиту своих взглядов в целях воздействия на общественное мнение партии. При нормальном партийном режиме, из этого ни в коем случае не вытекали бы те острые конфликты, которые ныне потрясают партию. Попытки истолковать эти конфликты, как результат стремлений оппозиции перейти на путь "антипартийной" и даже "антисоветской" борьбы, находятся в вопиющем противоречии с основной и единственной нашей задачей, которая и теперь – под градом неслыханных репрессий – остается все та же: разъяснение, защита и пропаганда наших принципиальных взглядов в партии. Только бредом могут быть вызваны, поэтому, заподазривания оппозиции в стремлении стать на путь "повстанчества", "переворотов" и т. п.

С той же категоричностью и решительностью отвергаем мы обвинение в организации "второй партии". Мы заявляли всегда, заявляем и сейчас, что мы боремся за свои взгляды внутри нашей партии. В какое бы положение оппозиция ни была поставлена, как бы ни затруднена была для нее борьба за свои взгляды внутри партии, несмотря на все господствующее ныне обострение борьбы против оппозиции, – мы останемся на почве единой ленинской партии. Наши взгляды на недопустимость второй партии при диктатуре пролетариата входят составной и неотделимой частью во всю систему наших взглядов. Никакие репрессии,

никакая травля, никакое искажение наших взглядов не могут заставить нас отступить от этой нашей принципиальной позиции, как и исключения не могут заставить нас перестать себя чувствовать членами партии со всеми вытекающими отсюда обязанностями.

Непосредственным поводом исключения тт. Троцкого и Зиновьева выдвинуто то, что будто бы эти товарищи "отвергли" предложение ПБ и ЦКК отказаться от устройства частных собраний партийцев и от перенесения внутрипартийной дискуссии за пределы партии. Это неверно. Ни тт. Троцкий и Зиновьев, ни мы все не отвергали и не отвергаем это предложение. Прибегнуть к этим методам общения с партийными рабочими мы были вынуждены, так как на партийных собраниях в начале дискуссии ни одному оппозиционеру кучки организованных свистунов не давали говорить (актив Моск. орг., Кр.-Пресн. актив, Ленингр. актив, Прохоровка и т. д.). Никогда, однако, мы не считали эти неуставные действия — нормальными. В нынешней обстановке продолжение подобного рода собраний явно грозило бы создать такие факты, которые надолго затруднили бы восстановление нормальной жизни в партии. Мы, поэтому, открыто заявляем, что от практики подобных собраний мы решили отказаться немедленно после постановления ЦК о роспуске подобных собраний силой.

С той же решительностью мы заявляем, что не собирались и не собираемся делать судьями наших внутрипартийных споров — беспартийных, будучи в то же время твердо убеждены, что в основных политических вопросах партии нечего скрывать от беспартийной рабочей массы — этой классовой базы партии — и что осведомление беспартийных о внутрипартийных делах должно вестись не так, как до сих пор, а субъективным изложением существующих в партии точек зрения, как было при Ленине.

Мы не знаем, сочтете ли вы эти наши заявления по поводу двух предложенных тт. Троцкому и Зиновьеву вопросов — достаточными для того, чтобы со своей стороны принять меры против дальнейшего обострения положения в партии, но мы их делаем в сознании громадной ответственности, лежащей сейчас на каждом коммунисте, и с прямой целью предотвратить такой ход событий, который способен разрушить всякую надежду на восстановление нормальной жизни в партии.

XV съезд должен будет принимать свои решения в неслыханно тяжелой и опасной внутрипартийной обстановке. Ни перед одним из наших съездов не стояло еще столь ответственной и трудной задачи. Это — первый из съездов партии, который застает партию с тысячей исключенных, преданных партии большевиков, с неслыханным обострением борьбы, с обвинениями части партии в антисоветской деятельности.

Опубликование тезисов оппозиции и некоторых статей и речей ее представителей дало возможность партии — хотя и поздно — ознакомиться с частью наших взглядов. Мы со всей энергией будем продолжать защиту этих наших взглядов перед партией. Мы уверены, что классовая правота этих ленинских взглядов является лучшей защитой против обрушивающихся на нас репрессий, и мы готовы оказать XV съезду все-

мерную поддержку в каждом шаге, направленном к восстановлению единства и нормальных условий в жизни партии.

[Л. Каменев]

[ноябрь 1927 г.]

ТЕЗИСЫ

1. Вопрос об единстве или расколе партии вступил в новую стадию. Граница партии справа все больше стирается. На заседаниях Наркомзема Свидерский в секретном порядке совещается с эсеровскими и кадетскими профессорами о лучших способах борьбы с оппозицией. Те же профессора участвуют на секретных заседаниях с Молотовым по выработке тезисов в деревне и т. д. и т. п. без конца.

На левом фланге граница партии стерлась вследствие того, что многие сотни лучших партийцев исключены из партии.

Говорить об единстве партии, игнорируя эти два основных процесса, значит витать в абстракции.

2. Оба эти процесса имеют глубокие классовые причины. Внедрение в партию справа чисто буржуазных элементов и вытеснение из партии слева чисто пролетарских элементов отражает наступление непролетарских классов на пролетариат и означает зарождение режима двоевластия в стране.

3. Сталинский аппарат политически целиком служит нажиму справа, хотя организационно отстаивает свою самостоятельность.

Л. Троцкий

13 ноября 1927 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦИК СССР

Сим извещаю, что, в связи с состоявшимся обо мне решением, я вчера, 14 ноября, выселился из занимавшейся мною до сих пор квартиры в Кремле. Впредь до того, как найду себе постоянную квартиру, я временно поселился в квартире тов. Белобородова (улица Грановского, 3, кв. 62). Ввиду того, что мой сын заболел, жена и сын останутся в Кремле еще в течение нескольких ближайших дней. Надеюсь, что квартира будет освобождена окончательно не позже 20 ноября.

Л. Троцкий

15 ноября 1927 г.

"ЗАЯВЛЕНИЕ" ОППОЗИЦИИ И ПОЛОЖЕНИЕ В ПАРТИИ

1. Что такое оппозиция? Левое, ленинское, пролетарское крыло партии. Характер оппозиции выражен в ее платформе. Оппозиция есть меньшинство в партии. Этим определяются методы ее работы. Оппозиция борется за влияние в партии, прежде всего, за влияние на пролетарское ядро партии.

Основным методом борьбы оппозиции является пропаганда, т. е. разъяснение своих взглядов, применение их к конкретным вопросам, защита их.

2. При нормальных условиях партийного режима, партия гораздо легче и скорее усвоила бы основное содержание взглядов оппозиции, и последняя не была бы вынуждена прибегать к внеуставным формам пропаганды своих взглядов. Бюрократический режим в партии, отражающий напор непролетарских классов на пролетарский авангард, искажает все отношения внутри партии, и в особенности формы борьбы меньшинства за влияние на общественное мнение партии.

3. Когда оппозиция, путем частных бесед или путем переписанных на папиросной бумаге статей или речей, передавала свои взгляды, то она в этой суженной, урезанной и будто бы "нелегальной" форме осуществляла элементарное право партийцев участвовать в выработке коллективных решений партии.

В этот период аппаратчики говорили: "Почему оппозиционеры не выступают открыто в ячейках?" Но для того, чтобы внутри ячеек, отделенных друг от друга, узнали о взглядах оппозиции, необходимо было эти взгляды напечатать. В этом, однако, отказывали. Отсюда неизбежная "фракционность" приемов оппозиции. Когда же взгляды оппозиции распространились настолько, что обнаружились внутри ячеек, аппарат стал исключать из партии за открытые выступления, придираясь к посторонним и случайным поводам. Таким образом, и на этой стадии на путь фракционности толкал бюрократический режим.

4. Предсъездовский период поднял и оживил идейно-политические интересы партии, зажатые аппаратом. Искусственная изолированность ячеек друг от друга и невозможность в них высказаться, толкнули широкие слои партийцев на путь частных бесед, на которые собирались 20–30, а затем 50–100 и даже до 200 человек. В Ленинграде и Москве через такие беседы прошли многие тысячи рабочих-партийцев, в том числе не только колеблющихся, но и сторонников линии большинства. Все они знали, что участие в беседах связано с риском репрессий. Ни один из них не пошел бы на такие беседы, если бы существовала возможность нормального обмена мнений в партии. Таким образом, и внеуставные беседы ("смычки") порождены бюрократическим режимом и только им.

5. Собрание в Техническом училище выросло из так называемых "смычек" вследствие напора большого числа партийцев, невмещавшихся в частных квартирах. Ясно, что и здесь дело шло только о пропаганде взглядов оппозиции. "Захватные" формы этой пропаганды, явно ненормальные сами по себе, порождаются вопиющими ненормальностями партийного режима.

6. Участие оппозиции в демонстрации 7 ноября с несколькими плакатами вызывалось необходимостью противопоставить правду об оппозиции той систематической лжи и клевете, при помощи которых отравляются как партийцы, так и беспартийные. Что говорили плакаты оппозиции? Неправда, будто мы – за ограбление крестьянства, – мы за

нажим на кулака. Неправда, будто мы за буржуазную демократию, — мы за выполнение ленинского завещания. Защиту свою от низкопробной клеветы оппозиция выразила в плакатах в самой простой, неполемической и подлинно партийной форме, т. е. сделала все для необострения борьбы. Разумеется, самый факт вынесения особых плакатов есть ненормальность. Но эта ненормальность вынуждена была неизмеримо более острыми, болезненными и опасными ненормальностями партийной линии и партийного режима.

7. Аппарат организовал свои боевые отряды, которые занимались физической расправой над оппозиционерами. Что дело было не в особых плакатах, об этом достаточно свидетельствует пример Ленинграда, где оппозиция никаких плакатов не выносила, но подверглась таким же насилиям, как и в Москве.

8. Центральный Комитет объявил 11 ноября, что дальнейшие собрания партийцев на частных квартирах будут разгоняться силой. Самая необходимость для ЦК прибегнуть к таким мерам, когда одна часть партии выполняет милицейские обязанности по отношению к другой, свидетельствует о глубочайшем извращении партийного режима. Аппарат заявил этим, что он не может терпеть даже во время предсъездовской дискуссии пропаганды взглядов оппозиции ни на открытых партийных собраниях (свист, шум, трещетки, побои, не говоря уже об ухищрениях с регламентом), ни на частных беседах ("смычки").

9. Постановление ЦК создало новую обстановку. "Смычка" была для оппозиции только формой пропаганды. Аппарат решил превратить "смычку" в форму физических столкновений двух частей партии. Совершенно ясно, что оппозиция ни в каком случае не хотела и не могла вступить на такой путь.

Все усилия аппарата за последний период были направлены на то, чтобы придать пропаганде оппозиции форму физических столкновений и на этой основе создать отравленную ложь об антисоветской работе, о мобилизации улицы против советской власти, о подготовке гражданской войны и пр. Цель этих махинаций в том, чтобы испугать партию и помешать ей разобраться в тезисах, статьях оппозиции, т. е. воспрепятствовать пропагандистской работе меньшинства в партии.

10. Именно эта обстановка определила цель и содержание Заявления оппозиции от 14 ноября.

Оппозиция заявила, что прекращает так называемые "смычки", не желая содействовать Сталину в деле организации потасовок, которые в Харькове уже сопровождались револьверными выстрелами.

Оппозиция снова повторила и напомнила партии, что она, оппозиция, ни на минуту не забывает, что является лишь меньшинством в партии, и что основной ее задачей является пропаганда своих взглядов в целях завоевания общественного мнения партии, по крайней мере, ее пролетарского ядра.

Приписывание оппозиции всяких других целей — путчистского, авантюристского, повстанческого характера — является ложью, наподобие истории с врангелевским офицером, и находится в вопиющем противо-

речи с марксистским, ленинским, большевистским характером оппозиции.

11. С этим тесно связан вопрос об единстве партии. Аппарат стремится пропаганде взглядов оппозиции придать формы гражданской войны, хотя бы зачаточные. С этим связан неизбежно раскол партии. С такими методами оппозиция не имеет ничего общего. Ее путь реформистский. Она твердо рассчитывает выпрямить линию партию и рабочего государства внутренними средствами партии и рабочего класса – без революционных потрясений.

12. Этой же основной точкой зрения оппозиции определяется отношение ее к беспартийным рабочим. Попытка приписать оппозиции намерение противопоставить беспартийных партии, или опереться на беспартийных против партии, ложна в самом своем основании, причем ложь эта сознательная. Оппозиция не может, однако, пассивно глядеть на то явное отчуждение, которое политика аппарата вызывает между партией и беспартийными рабочими, т. е. классом. В этом возрастающем отчуждении таятся грозные опасности для диктатуры. Оппозиция требует, чтобы партийные разногласия разрешались обычными партийными путями, и в то же время – чтобы беспартийные не отравлялись ложью об оппозиции. Наша партия руководит рабочим классом. Рабочий класс не может пассивно идти за партией, независимо от тех внутренних процессов, какие в ней происходят. Он хочет знать о разногласиях и имеет право их знать. Беспартийные рабочие всегда знали в прежние годы о существе разногласий в партии из печатных дискуссий, в которых высказывались обе стороны. Сейчас говорит только одна сторона и говорит неправду о другой стороне. Это делается годами. Рабочий класс все больше воспринимает это, как недопустимое насилие над ним со стороны аппарата правящего большинства. Такое положение не может держаться. Партия в первую голову должна знать правду, чтобы выровнять линию. Беспартийные рабочие должны получить правильное представление о разногласиях, чтобы помочь партии выровнять линию.

13. В отношении к заявлению оппозиции, у правящей фракции есть два готовых варианта: а) заявление есть капитуляция оппозиции; б) заявление есть попытка обмануть партию. Обе эти оценки достаточно известны по прошлому. Обе они одинаково ложны. Обе они не могут помешать заявлению достигнуть своей цели, т. е. сообщить партии правду о действительных намерениях и методах борьбы оппозиции.

14. Верно ли, что оппозиция капитулировала? Если под капитуляцией понимать отказ оппозиции от "смычек" перед угрозой физической расправы над коммунистами, собирающимися на частных квартирах для беседы, то надо сказать, что оппозиция действительно отступила перед этой угрозой насилия. Задачей оппозиции является пропаганда в партии, а не потасовки с подобранными отрядами. Если же под капитуляцией понимать отказ от своей платформы, от своих воззрений, или отказ от их пропаганды и защиты в партии, то оппозиция может только презрительно пожать плечами. Никогда еще идейная правота оппозиции не была так очевидна, как теперь. Никогда политическое банкротство

ЦК не обнаруживалось так бесспорно, как в нынешний предсъездовский период. Не было в истории случая, когда бы организационные махинации и репрессии могли помешать правильной линии завоевать сознание пролетарского авангарда.

15. Верно ли, что оппозиция хочет обмануть партию? У оппозиции нет и не может быть интереса обмануть партию, которую все время обманывают – против оппозиции. Оппозиции нет надобности казаться ни лучше, ни хуже, чем она есть. Оппозиция есть меньшинство в партии. Она хочет бороться и будет бороться за свою платформу, как подлинно большевистскую, ленинскую платформу. Оппозиция кровно заинтересована в том, чтобы партия поняла и отвергла аппаратную ложь об антисоветских, повстанческих и пр. замыслах оппозиции. Оппозиция прибегала к внеуставным формам борьбы за свои взгляды, поскольку ЦК попирал и попирает устав, лишая членов партии их элементарнейших прав. Оппозиция готова все сделать, чтобы ввести свою пропаганду в русло нормальных методов внутрипартийной жизни. Но для этого нужно эти нормальные методы восстановить. Оппозиция готова в этом оказать всяческое содействие. Несмотря на вопиющие ненормальности при подготовке и созыве XV съезда, оппозиция готова поддержать каждый шаг XV съезда, действительно направленный к восстановлению нормальной жизни партии.

16. Незачем говорить, что репрессии не испугают оппозицию. Эти репрессии представляют собою выражение того грубого и нелояльного злоупотребления властью, в котором Ленин обвинял Сталина (см. завещание), и которое стало ныне методом правящей сталинской фракции. Оппозиция сейчас более, чем когда бы то ни было, уверена в своей правоте. Вне платформы оппозиции нет пути для ВКП и Коминтерна. Сознание своей правоты дает силы не только для продолжения борьбы, но и для самодисциплинирования в этой борьбе. Респрессии не испугают оппозицию, но и не толкнут ее на путь двух партий и других авантюр, которые подсовывают оппозиции худшие элементы аппарата. Партия все больше хочет слушать оппозицию и понять ее. Оппозиция сделает все, чтобы партия узнала и поняла. Линия будет выправлена и единство партии будет сохранено.

17. Основная цель заявления оппозиции была – информировать вводимую в заблуждение партию о действительных намерениях оппозиции и тем самым содействовать смягчению и улучшению внутрипартийных отношений. Если допустить на минуту, что ЦК действительно верил в повстанчество и иные подобные намерения оппозиции, то Заявление 30-ти оппозиционеров должно было бы показать ему, что это не так. Задачей ЦК в этом случае было бы констатировать, что оппозиция – под угрозой физических столкновений – отказалась от так называемых "смычек", и обязанностью ЦК было как можно скорее довести Заявление до сведения партии. ЦК поступил наоборот, он скрыл Заявление от партии. По аппарату тем временем пускаются глупенькие слухи о "капитуляции" оппозиции. Партия сознательно и преднамеренно держится в состоянии недоумения и тревоги: капитулировала ли оппозиция или же – мобилизуется для "второй партии", для гражданской войны и

пр.? На самом же деле, нет и не может быть ни того ни другого. Оппозиция продолжает со всей энергией борьбу за свои взгляды, отказываясь от тех форм борьбы, которые могли бы облегчить Сталину его политику форсированного раскола.

18. Сокрытия Заявления оппозиции – хотя бы на время – необходимо ЦК для того, чтобы иметь возможность как можно шире провести кампанию предсъездовских репрессий. Что другое остается делать сталинской фракции? Контртезисы оппозиции слишком ярко и убедительно обнаруживают идейное убожество тезисов ЦК. Платформа оппозиции также продолжает оказывать свое действие. Маневр с семичасовым рабочим днем и пр. слишком ярко обнаружил свой политиканский характер. Вся мировая буржуазная печать видит в походе на оппозицию свой поход. При этих условиях, важнейшим – если не единственным – орудием сталинской фракции являются репрессии. Для оправдания репрессий нужна отравленная ложь о повстанческих намерениях оппозиции. Заявление 30-ти оппозиционеров разбивает эту ложь. Именно поэтому оно скрывается от партии. А так как надолго скрыть его нельзя, то репрессиям придается спешный, массовый, грубо произвольный характер. Сейчас уже не ищут даже формальных поводов для исключения: совершенно достаточным является одно сочувствие оппозиции.

19. "Подчинитесь ли вы XV съезду?" – спрашивают те, которые организуют XV съезд с вопиющими нарушениями устава партии и сопровождают подготовку съезда непрерывными репрессиями. По замыслу сталинской фракции, исключение многих сотен лучших партийцев, завершившееся исключением тт. Зиновьева и Троцкого, является не чем иным, как попыткой вынудить оппозицию перейти на положение второй партии. Нет ли опасности, что искусственно подготовленный XV съезд одобрит эту политику сталинской фракции или, по крайней мере, подкрепит ее уже одним тем, что не отменит ее? Отрицать наличие такой опасности невозможно. Подчинится ли оппозиция такому решению, которое будет означать дальнейший шаг в направлении раскола и двух партий? Нет, такому решению оппозиция не подчинится. Оторвать себя от ВКП оппозиция не позволит и к организации второй партии не приступит. Она не позволит столкнуть себя на этот путь, даже если бы такой толчок исходил от искусственно подобранного XV съезда. Каковы бы ни были решения этого последнего, оппозиция будет себя рассматривать как составную часть ВКП и сообразно с этим действовать. Путем массовых исключений из партии сталинская фракция могла бы достигнуть раскола, если бы оппозиция была изолированной в партии. Но этого уже нет. За оппозицией уже идет полуоппозиция. За полуоппозицией – сочувствующие, т. е. те, которые не решаются голосовать за оппозицию, но несогласие свое с партийным режимом выражают тем, что не участвуют в голосованиях. Таких много и число их растет. Они развиваются в сторону оппозиции. Репрессии против оппозиции толкают этот растущий слой к нам. Исключения сотен и даже тысяч оппозиционеров из партии не нарушит их связей с партией. Партия не даст себя расколоть. Оппозиция не даст себя отколоть.

17–20 ноября 1927 г. *Л. Троцкий*

К ПЯТНАДЦАТОМУ СЪЕЗДУ ВКП (б)

XV съезд будет подводить итоги той ожесточенной внутрипартийной борьбе, в ходе которой ЦК, не дожидаясь съезда, уже начал раскол сотнями исключений из партии тех, кто несогласен с его оппортунистической политикой.

В ряде наших документов – в платформе 15-ти, обращении к Октябрьскому пленуму ЦК и ко всем членам партии, в контртезисах о перспективном плане промышленности и о работе в деревне – мы дали критику политики ЦК и выдвинули, в противоположность ей, свою линию и свои конкретные предложения. Все последующие события целиком подтвердили правильность нашей критики.

Мы говорили, что темп развертывания промышленности недостаточен, что он отстает от потребностей народного хозяйства. ЦК оспаривал это. А на деле оказалось, что промышленность не только не поглощает нового притока рабочей силы, но даже по ряду отраслей производит теперь сокращение рабочих. Безработица угрожающе растет. Товарный голод все обостряется. Дошло дело до того, что "недостаток, а местами полное отсутствие встречного предложения промтоваров", как констатирует Госплан в конъюнктурном обзоре за октябрь 1927 г. ("Экономическая жизнь" № 274), привел прямо-таки к катастрофическому падению хлебозаготовок: за октябрь они составили только 2/3 заготовок соответствующего месяца прошлого года, а за первую половину ноября – меньше половины прошлогодних.

Мы указывали на нелепость той политики цен, которую ведет ЦК и которую он, неизвестно на каком основании, называет политикой снижения цен. Мы говорим, что на деле эта политика есть политика повышения цен и ведет только к уменьшению промышленного накопления и обострению товарного голода, к разбуханию торгового аппарата и наживе спекулянтов. Теперь действительно оказывается, что цены не падают, а растут, и что даже в Москве, при снижении отпускных цен за один октябрь "на частном рынке цены мануфактуры повысились на 5,7%, обуви – на 10,6% и металлов – на 4,8%" (см. тот же конъюнктурный обзор).

Мы указывали на ухудшение условий труда рабочего, на то, что заработная плата уже два года стоит почти на одном уровне в то время, как нагрузка на рабочего (интенсивность труда) все увеличивается. Теперь рабочих текстильной промышленности переводят с трех станков на четыре, а реальная заработная плата, после некоторого повышения в период апрель-сентябрь, в октябре, согласно тому же конъюнктурному обзору Госплана, вновь падает на 2%. В то же время в письме по перезаключению колдоговоров ВЦСПС дает директиву об "освобождении хозорганов от несвойственных им расходов без значительного ухудшения в бытовых условиях рабочего", т. е. прямо соглашается на ухудшение, лишь бы оно не было "значительным".

Мы говорили, что политика задержки роста заработной платы рабочего и неправильная жилищная политика неизбежно ведет к ухудшению

и без того невозможно плохих условий рабочего. Теперь, по пятилетнему плану жилищного стоительства, составленному Госпланом, выходит, что жилплощадь на одного человека в течение пяти лет уменьшается с 11,31 кв. арш. в 1925/26 г. до 10,71 кв. арш. в 1930/31 г., в то время, как минимальной санитарной нормой считается 16 кв. арш.

Мы говорили, что введение водки всего больше бьет по рабочему. Мы требовали "немедленно начать сокращать выпуск водки, особенно в городе, с таким расчетом, чтобы в течение двух лет прекратить его совершенно". ЦК утверждал, что водка только "вытесняет самогон". А на деле оказывается, что со времени выпуска 40° водки, с 1924–26 гг., число алкоголиков в Москве (среди которых 85–90% составляют рабочие и члены их семейств) выросло вчетверо, вчетверо же увеличилось и число смертных случаев от алкоголизма, а число задержанных в Ленинграде в пьяном виде увеличилось в 9 раз (см. статью Дейчмана в "Большевике", №№ 19–20). Несмотря на это, в перспективном плане наиболее быстрый рост предусмотрен для производства водки – почти в три раза за пять лет.

Мы требовали немедленного повышения заработной платы сравнительно с довоенной на столько же, на сколько интенсивность труда рабочего сейчас превышает довоенную интенсивность. Мы требовали усиления участия рабочих масс в управлении производством, мы требовали, чтобы был уничтожен знаменитый треугольник – единый фронт директора фабрики, председателя фабзавкома и секретаря ячейки против рабочих, чтобы профсоюзы стали действительными органами защиты рабочих в соответствии с решениями XI съезда партии, чтобы они на деле стали школой коммунизма. Мы требовали проведения семичасового рабочего дня на деле соответствующим повышением сдельных расценок.

Мы настаивали на прекращении той растраты государственных средств в пользу спекулянта, которая получается в результате проводимой ЦК политики цен, требовали сокращения расходов на бюрократический аппарат, усиления налогов на нэпмана и кулака. Мы требовали увеличения за счет этих средств заработной платы, усиления жилищного строительства для рабочих, усиления помощи бедняцким хозяйствам на основе перехода их к коллективному хозяйству, такой политики кооперирования середняцкого хозяйства, которое так же вело бы его по пути коллективизации.

Мы требовали проведения внутрипартийной демократии на основе решений X съезда партии, т. к. только при этом условии может быть укреплена связь между партией и рабочим классом, только при этом условии пролетарская часть партии может дать отпор враждебным классовым влияниям на партию, в частности, очистить ее от "бывших" меньшевиков, эсеров, бундовцев, петлюровцев, дашнаков и пр., прочно закрепившихся сейчас в партийном аппарате и в партийной печати. Мы требовали возвращения в партию и Коминтерн тех, кто был исключен из них за борьбу против оппортунизма. Мы требовали, наконец, прекращения вмешательства государственного аппарата и ГПУ во внутрипартийные дела и освобождения арестованных коммунистов.

За эти наши требования, проведение которых только и может направить СССР по пути укрепления диктатуры пролетариата, вместо того пути сползания и перерождения, по которому все более быстро ведет его ЦК, нам брошено обвинение в "неоменьшевизме" и просто в меньшевизме, во фракционной работе и в нарушении устава партии. Эти обвинения особенно усердно поддерживали те бывшие меньшевики и эсеры, а порой и кадеты, против которых и были направлены наши требования. Их руками защищался ЦК против пролетарской части партии.

Мы считаем ниже своего достоинства отвечать на нелепые обвинения в меньшевизме или "неоменьшевизме". Что же касается обвинений в нарушении партийного устава и фракционной работе, то, если уж говорить об этом, не мы, а ЦК является здесь виновной стороной. Не оппозиция, а ЦК отложил съезд вопреки уставу партии на год. Не оппозиция, а ЦК применял во внутрипартийной борьбе силу государственного аппарата. Не оппозиция, а ЦК положил под сукно резолюции X и XIII съездов о внутрипартийной демократии. Наконец, не оппозиция, а ЦК узурпировали волю съезда, производя во время предсъездовской дискуссии массовое исключение оппозиционеров и арестовывая их. Если начатый раскол партии станет совершившимся фактом, то вся ответственность за это перед партией и рабочим классом ложится на ЦК.

Последние тезисы ЦК – о работе в деревне, о перспективном плане промышленности, об основных началах землевладения и землеустройства являются попыткой показать, что ЦК делает поворот налево, загладить впечатление от откровенно правых шагов, которые он сделал в последние годы. Поэтому они неизбежно страдают половинчатостью и внутренней противоречивостью.

ЦК обещает пересмотр плана развертывания промышленности в сторону его увеличения. Но, наряду с этим, он целиком сохраняет всю ту политику, благодаря которой у него не хватает средств даже на проведение того плана, который намечен теперь. При этих условиях его директива об усилении развертывания промышленности, в которой он тщательно обходит вопрос о том, за счет каких средств может быть произведено это усиление, остается беспредметным пожеланием.

Обещание семичасового рабочего дня, которым ЦК пытался "перекрыть" требования оппозиции об улучшении положения рабочих, уже явно для всех превратился только в новый предлог для увеличения интенсивности труда при восьмичасовом рабочем дне. А все последние решения по вопросам труда и заработной платы открыто объявляют, что отставание зарплаты от производительности труда является незыблемой основой рабочей политики советского государства. Директива же ВЦСПС о перезаключении коллективных договоров прямо предполагает, как указано выше, ухудшение условий труда и жизни рабочих.

ЦК обещает "форсированное наступление на кулака", и вместе с тем, издеваясь над марксизмом, ленинизмом и просто здравым смыслом, утверждает в своих тезисах, что экономический рост кулака идет одновременно с его политическим ослаблением, что кулак растет, а беднота уменьшается. Тем самым он протягивает руку откровенным

сторонникам лозунга "обогащайтесь", которые давно утверждают, что хозяйственный рост кулака благодетелен для всех слоев деревни и никакой политической опасности не представляет.

Списывая у оппозиции некоторые лозунги, делая, главным образом на словах, кое-какие левые мероприятия, ЦК в то же время с тем большим ожесточением преследует тех, кто отстаивает левую линию и которые одни только на деле могли бы эти мероприятия провести. Это лучше всего показывает, что "уступки" налево – лишь маневр для того, чтобы обеспечить закрепление правого курса. Когда сторонники ЦК, провозгласившего "форсированное наступление на кулака", в день десятой годовщины Октября, по директиве ЦК рвали на глазах всей рабочей массы плакаты с лозунгами "против кулака, нэпмана и бюрократа", – это лицемерие было разоблачено до конца.

Мы говорили, что внутрипартийная политика ЦК есть на деле политика раскола партии и ее ликвидации. История последней предсъездовской "дискуссии" целиком подтверждает это. Выборы на XV съезд, созываемый вопреки уставу после двухлетнего промежутка, на тот съезд, который будет решать судьбу партии, были произведены до начала дискуссии и даже до опубликования тезисов ЦК к съезду. Дискуссионный листок был превращен в листок против оппозиции. Ни единой статьи и даже тезисов оппозиции, стоящей на платформе 15-ти, не было напечатано. Платформа 15-ти заранее, до съезда, которому она была адресована, была признана ЦК антипартийной и сделана, таким образом, недоступной широким массам партии. Подписавших платформу 15-ти, тт. Дашковского и Сапронова исключили из партии, за распространение и пропаганду платформы рабочих исключали из партии и арестовывали. Взгляды оппозиции были скрыты от партии, а всяким клеветническим выпадам против нее был дан полный простор. Эти исключения и аресты стали будничным явлением, составной частью "партийной дискуссии".

Только путем скрывания от партии взглядов оппозиции, путем организованной кампании клеветы против нее, организованной обструкции, организованного насилия над партией со стороны партийного и государственного аппарата, ЦК удалось получить "подавляющее большинство голосов". Но эта "победа" куплена дорогой ценой, ценой дальнейшего подрыва авторитета партии в глазах рабочего класса. Всем известно, что настроение рабочих совсем не соответствует результатам дискуссии.

На фабриках Орехово-Зуевского района, на заводах "Манометр", "Дукс", фабрике "Красный Октябрь", на подольском заводе "Госшвеймашина", в Харькове на заводе ВЭК, типографии им. Петровского, открытых собраниях ячеек и заводских собраниях рабочие, при постановке вопроса об оппозиции, требовали докладчиков от оппозиции и покидали собрания, когда аппаратчики в этом отказывали. Перечисленные факты не единичны, они носят массовый характер. Попытки ЦК привлечь на свою сторону в борьбе против оппозиции беспартийных рабочих потерпели крах. Разрыв между партией и рабочим классом – к этому результату ведет неизбежно его политика.

Одержав "победу", ЦК хочет использовать ее до конца. Он не доволь-

ствуется тем, чтобы навязать партии свою оппортунистическую линию. Он хочет выбросить за пределы партии всех тех, что против этой линии борется, хочет лишить оппозицию и в будущем всякой возможности отстаивать в партии пролетарскую линию. Более того, всех, кто борется против оппортунизма, он объявляет государственными преступниками. ГПУ пущено в ход против оппозиции уже без всякого стеснения. "Кто попытается бороться с партией (оппортунисты считают себя теперь партией), будет сидеть в тюрьме", — цинично заявляет Томский. "Если оппозиция попробует вызвать "катастрофу", партия и мокрого места от нее не оставит", — грозит и хвастается Бухарин. А со стороны Угланова сыплются такие же угрозы, — но уже не по адресу оппозиции, а по адресу рабочих: "Дух сапроновщины мы оттуда в ближайшее время вышибем и научим их работать по Ленину" (т. е. по Угланову, — Ленин здесь ни при чем), — грозит он рабочим Дедовской мануфактуры, которые единогласно отказались проводить углановскую "рационализацию", т. е. переходить с 12 станков на 15 без повышения зарплаты и выбросить на улицу своих товарищей. Борьба против оппозиции и борьба против рабочих идет рука об руку.

Политика ЦК вплотную подводит партию к формальному расколу и ликвидации с одной стороны, и разрыву с рабочим классом — с другой. Будучи вынуждены, в угоду мелкой буржуазии, все больше давить на рабочих, лишая пролетарскую часть партии, путем исключения ее из партии, всякой возможности влиять на политику советского государства, ЦК вплотную подводит к перерождению и диктатуру пролетариата, хотя объективное соотношение классовых сил в стране дает полную возможность ее сохранения и укрепления. Недаром линию ЦК одобряют Устрялов и Отто Бауэр, недаром они приветствуют исключение оппозиции из партии, недаром буржуазная пресса расхваливает руководителей ЦК, как "реальных политиков".

Мы отдаем себе ясный отчет в том, что на оппозицию в ближайшем будущем могут обрушиться жесточайшие репрессии. Мы не закрываем глаз на то, что под ударами этих репрессий наименее выдержанные, наиболее связанные в прошлом с бюрократией элементы оппозиции и даже целые группы могут отказаться от своей линии или от активной борьбы за нее. Оппозиционное движение не является результатом злой воли отдельных лиц или групп. Оно имеет глубокие корни в рабочей части партии и в рабочем классе. Оппортунистическая политика ЦК будет только усиливать протест против нее со стороны всех революционных рабочих. Никакие репрессии, никакие шатания в рядах самой оппозиции не смогут уничтожить идущего из самых низов, из масс пролетариата протеста против политики сдачи завоеваний Октябрьской революции, не может остановить того движения, которое ставит своей задачей торжество пролетарской диктатуры, торжество коммунизма.

В. Оборин	*М. Миньков*	*В. Смирнов*
Ф. Пилипенко	*М. Мино*	*Л. Тихонов*
Т. Харченко	*И. Дашковский*	*В. Емельянов (Калин)*
Т. Сапронов	*Н. Заварьян*	*А. Слидовкер*
Э. Дунэ	*М. Смирнов*	*С. Шрайберг*

ДВА ЗАЯВЛЕНИЯ ЛИДЕРОВ ОППОЗИЦИИ ПЯТНАДЦАТОМУ ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ*

1

Резолюция съезда по докладу ЦК объявляет несовместимым принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов с пребыванием в рядах большевистской партии. Пятнадцатый съезд, таким образом, не только отвергает наши взгляды, но и запретил их пропаганду. Защищая перед лицом съезда свои принципиальные взгляды, в правильности которых мы убеждены, мы в то же время в своих заявлениях съезду подчеркивали, что считаем для себя обязательным подчинение решениям съезда, как бы тяжелы они для нас ни были.

Всей обстановкой поставлен вопрос о второй партии. Путь второй партии в условиях пролетарской диктатуры мы отвергаем для себя принципиально. Ввиду этого и подчиняясь постановлениям съезда мы заявляем:

1) что оппозиционная фракция должна прекратить свое существование и 2) что решение съезда о запрещении пропаганды ее взглядов принимается всеми нами к исполнению.

Мы призываем всех наших единомышленников сделать для себя те же выводы из решений съезда.

Каждый из нас должен стать на то место, которое укажет ему партия, и проводить ее решения со всей энергией на повседневной практической работе, помогая партии идти к целям, поставленным Лениным.

Товарищи, исключенные из партии за оппозиционную деятельность, обратились уже к съезду с просьбой восстановления в партии. Мы повторяем и поддерживаем их просьбу, считая само собой разумеющимся, что освобождение товарищей, арестованных в связи с их оппозиционной деятельностью, абсолютно необходимо.

(без Зиновьева) **

2

Постановление Пятнадцатого съезда партии о несовместимости принадлежности к оппозиции с пребыванием в партии, побуждает нас сделать следующее заявление:

Подчиняясь решениям съезда, мы прекращаем всякую фракционную работу, распускаем все фракционные организации и привлекаем к этому же наших единомышленников.

Пути второй партии мы отвергаем категорически, всякую попытку в этом направлении считаем решительно противоречащей существованию диктатуры пролетариата и потому обреченной на гибель.

Из этого явно вытекает, что в соответствии с решениями съезда, мы берем на себя обязательство не вести фракционными методами пропаганды наших взглядов.

---

* Опубл. в "Правде" 20 декабря 1927 г. – *Прим. сост.*

** "Без Троцкого", "без Зиновьева", указывает, видимо, кто не подписал. *Л. Троцкий.*

В то же время мы считаем, что наши взгляды, изложенные в платформе и в тезисах, каждый из нас в рамках устава может защищать перед партией. Отказ от защиты своих взглядов в партии политически равносилен отказу от самих взглядов. Такой отказ был бы для нас обязателен, если бы мы убедились в их неправильности, т. е. в их несоответствии программе ВКП (б) или в их маловажности с точки зрения судеб партии и диктатуры пролетариата. В противном случае отказ от защиты своих взглядов явился бы на деле отказом от выполнения своего элементарного долга по отношению к партии и к рабочему классу.

Мы не сомневаемся, что наши единомышленники, в том числе и исключенные из партии, докажут свою верность партии Ленина и не колебнутся в деле ограждения ее единства как необходимого условия диктатуры пролетариата.

Мы твердо верим, что партия найдет пути снова вернуть в свои ряды исключенных и освободить арестованных за оппозиционную деятельность.

(без Троцкого) [**]

10 декабря 1927 г.

ЗАПИСКА ТРОЦКОМУ

В связи с последними сообщениями о восстании в Кантоне, а затем – о подавлении этого восстания, о разрыве с СССР и пр., мне чрезвычайно ярко припомнился один, имеющий ко всему этому отношение разговор, который я имел еще 15 ноября сего года с замредактора "Известий ЦИК СССР и ВЦИК" тов. Гронским. Уговаривая меня отказаться от оппозиционных выступлений, тов. Гронский коснулся, между прочим, и китайского вопроса, утверждая, что сейчас он самим ходом вещей снят с обсуждения, так как там назревают совершенно новые события, которые отодвинут все прошлые неудачи на задний план.

В частности, тов. Гронский сообщил мне, что "в Кантоне готовится и скоро вспыхнет новое восстание, которое приведет к установлению советской власти".

В то время я, зная довольно хорошо тов. Гронского, не придал особого значения его словам, но сейчас точность, с которой оправдались его предсказания, а также та странная связь, которая, таким образом, через тов. Гронского установилась между "обработкой оппозиции" и событиями в Китае, не может не навести на некоторые размышления.

[*Муралов*]

18 декабря 1927 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Замеченные опечатки в именных указателях 1 и 2 томов:

Беленький Г., Лиздин Г., Лобанов Г.

6 р. 90 к.